

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Университет правоохранительной службы Монголии	БОКНЧУЛУУНЫ В.-Е., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed
scientific journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 21.09.2015. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 23,8. Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 1000 экз. Заказ N 114. Цена свободная.
© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие к N 3 (33) 2015	7	Foreword to Volume 33 (2015), Issue 3
Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности		Section 1. Methodology of law enforcement activities
ЛИПИНСКИЙ Д.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания	8	LIPINSKY D.A. The principle of unavoidability of legal liability from the position of its two-aspects understanding
ШКЛЯРУК М.С., РАБОВСКИ Ю.В. Возможности эмпирического метода изучения правоохранительной практики (на примере расследования типичных уголовных дел)	15	SHKLYARUK M.S., RABOVSKI Yu.V. Opportunities of empirical method of studying the law enforcement practice (by the example of investigating typical criminal cases)
Раздел 2. Охрана и защита прав человека		Section 2. Human rights protection
МЕЩЕРЯКОВ А.Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения	30	MESHCHERYAKOV A.N. Powers of senior officials of the Russian Federation regions in the sphere of ensuring martial law regime
САБИТОВА А.А. Перспективы развития административного судопроизводства как гарантии защиты прав граждан Республики Казахстан	36	SABITOVA A.A. Prospects of developing administrative proceedings as a guarantee of protecting rights of citizens of Kazakhstan
САЛЬНИКОВ Е.В. Требования к общению сотрудников ГИБДД с водителями транспортных средств с учетом их этнической принадлежности и религиозной ориентации	42	SALNIKOV E.V. Requirements for communication of traffic officers with drivers in view of their ethnicity and religious orientation
Раздел 3. Уголовный закон		Section 3. Criminal Law
БОРОВСКИХ Р.Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации	50	BOROVSKIKH R.N. Payments fraud and insurance fraud: problem issues of classification
БУГЕРА Н.Н. Уголовно-правовая оценка применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия	55	BUGERA N.N. Criminal legal assessment of the employment of weapons or items used as weapons
ЗАБАВКО Р.А. Понятие и система преступлений против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования	63	ZABAVKO R.A. The concept and system of crimes against environmental components and established rules for their use
Раздел 4. Криминологическая наука		Section 4. Criminology
САЧЕК А.Г. Основы криминологического моделирования (на примере обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь)	69	SACHEK A.G. Principles of criminological modeling (by the example of ensuring economic security in Belarus)

<p style="text-align: center;">Раздел 5. Пенитенциарная система</p> <p>ПЕРЕМОЛОТОВА Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия</p>	<p>Section 5. Penitentiary system</p> <p>PEREMOLOTOVA L.Yu. Importance of personality characteristics of convicts when exerting preventive influence</p>
<p style="text-align: center;">Раздел 6. Правоохранительная политика</p> <p style="text-align: center;">ЛЕЩИНА Э.Л., ШМИДТ А.А. Административно-правовая политика обеспечения Правил оборота гражданского оружия и патронов к нему</p> <p style="text-align: center;">ПАВЛИЧЕНКО Н.В., САМОДЕЛКИН А.С. Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации»)</p>	<p>Section 6. Law enforcement policy</p> <p>LESHCHINA E.L., SCHMIDT A.A. Administrative legal policy of ensuring observance of the regulations on circulation of civilian weapons and ammunition</p> <p>PAVLICHENKO N.V., SAMODELKIN A.S. Prospects of developing the Crime detection legislation (analysis of the draft of the Federal law "Crime detection code of the Russian Federation")</p>
<p style="text-align: center;">Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение</p> <p style="text-align: center;">БЕЛКИН А.Р. Процессуальные проблемы очной ставки</p> <p style="text-align: center;">ПАСТУХОВ П.С. О выравнивании прав сторон в собирании доказательств по уголовному делу</p> <p style="text-align: center;">БУТАЕВ М.Я. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности</p> <p style="text-align: center;">КАРИМОВА С.С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено дознавателю и следователю</p>	<p>Section 7. Criminal procedural review</p> <p>BELKIN A.R. Procedural problems of confrontation</p> <p>PASTUKHOV P.S. On the issue of giving equal rights to the parties in collecting evidence for a criminal case</p> <p>BUTAEV M.Ya. Use of the detective activities' results in proving when investigating cases of terrorist crimes</p> <p>KARIMOVA S.S. Inquiry officer and investigator should be empowered to impose monetary penalty</p>
<p style="text-align: center;">Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики</p> <p style="text-align: center;">МИТЬКОВ В.Н. Оперативно-розыскное противодействие преступности иностранных граждан в условиях международного сотрудничества</p> <p style="text-align: center;">ХИСАМОВА З.И. Квалификация посягательств, совершенных с использованием электронных средств платежа</p>	<p>Section 8. Improving law enforcement practice</p> <p>MITKOV V.N. Detective counteraction to crimes committed by foreign citizens under the conditions of international cooperation</p> <p>KHISAMOVA Z.I. Classification of infringements committed through the use of electronic means of payment</p>
<p style="text-align: center;">Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности</p> <p style="text-align: center;">МАЛЫХИНА Н.И. Криминалистическая характеристика преступления и информационная модель преступления: соотношение понятий</p>	<p>Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities</p> <p>MALYKHINA N.I. Criminalistic characteristic of crime and information model of crime: correlation of the concepts</p>

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

КОЛОСОВИЧ М.С. Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии **139**

ЮЛДОШЕВ Р.Р. Реализация судами Таджикистана полномочий по возбуждению уголовных дел: статистика и факты **147**

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

РАВНЮШКИН А.В. Судебная практика по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел **156**

ИГОШИН Н.А. Научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников полиции: постановка проблемы **163**

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

БОТВИН И.В. Проблемы отграничения причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием от мошенничества и его видов **170**

ТУТИКОВА И.А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовно-процессуальных отношений: пути повышения эффективности **177**

САМИЕВ Н.М. Работа следователя по приостановленному уголовному делу о нераскрытом преступлении: планирование, особенности, эффективность **183**

ДИДРИХ М.П. Практика защиты несовершеннолетних от насилия в семье: достаточны ли возможности полиции? **191**

Раздел 13. Обзоры, рецензии, критика

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: обзор диссертационного исследования **200**

Section 10. Comparative studies and foreign experience

KOLOSOVICH M.S. Conducting of undercover investigative actions according to the Criminal Procedure Codes of Russia, Ukraine, Kazakhstan and Kyrgyzstan

YULDOSHEV R.R. Exercising of the Tajik courts' powers to initiate criminal proceedings: statistics and facts

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

RAVNYUSHKIN A.V. Judicial practice concerning disputes over dismissal from service for committing misconduct, tarnishing reputation of law enforcement officer (commission of crime)

IGOSHIN N.A. On the issue of scientific and methodological support of professional law enforcement training

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

BOTVIN I.V. Problems of distinguishing infliction of property damage through false pretence or abuse of confidence from fraud and its types

TUTIKOVA I.A. Extrajudicial order to resolve complaints of the participants of criminal procedural relations: ways of efficiency improving

SAMIEV N.M. Conducting of investigations for suspended cases of unsolved crimes: planning, features, efficiency

DIDRIKH M.P. On the issue of sufficiency of police powers in the field of protecting minors from domestic violence

Section 13. Reviews, critiques

GERASIMENKO Yu.V. Organizational and legal mechanism to ensure constitutional rights and freedoms of man and citizen under conditions of cooperation between police and civil society institutions in the Russian Federation: dissertation review

ПРЕДИСЛОВИЕ К № 3 (33) 2015

Вниманию читателя предлагается очередной – тридцать третий номер международного рецензируемого журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика». Чем же этот номер отличается от других?

Например, новым прочтением классического принципа неотвратимости юридической ответственности. Оригинальность авторского подхода состоит в том, что неотвратимость начинается не с кары, а с установления обязанностей, запретов и санкций правовых норм, а реализуется данный аспект неотвратимости в законопослушном поведении субъектов юридической ответственности. Развитию исследовательской компетентности способствует материал о возможностях эмпирического метода изучения правоохранительной практики. Применение представленного инструментария позволяет взглянуть на предмет с другой стороны, неожиданной для специалистов-отраслевиков.

Сходство и общность целей правового развития России и Казахстана подчеркивает формирование института административного правосудия как актуального направления казахстанской судебной реформы.

В рубрике «Уголовный закон» читателя заинтересуют материалы об уголовно-правовом регулировании применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Проведена серьезная ревизия экологических преступлений, в результате чего обобщена новая классификация преступлений против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования, которым предлагается посвятить самостоятельный раздел уголовного закона. Коллега из Республики Беларусь представляет результаты исследования основ криминологического моделирования на примере обеспечения экономической безопасности.

Интересный ответ на вызовы практики читатель найдет в разделе «Правоохранительная политика». Авторы исследуют вопросы административно-правовой политики обеспечения Правил оборота гражданского оружия и патронов к нему, предлагают ответы на них, вносят ясность в спорные вопросы толкования и применения закона.

В сфере уголовного судопроизводства презентуется новая редакция статьи «Очная ставка», а также иные научные решения по выравниванию прав сторон в собирании доказательств, процессуальной легализации результатов оперативно-розыскной деятельности, наложению следователем денежного взыскания. Экспертно-криминалистическое направление правоохранительной практики в этом выпуске представляет фундаментальный материал о соотношении криминалистической характеристики преступления и информационной модели преступления.

В дискурсе сравнительно-правовых исследований сохраняется проблема соотношения гласных и негласных начал уголовного судопроизводства, сопоставляется процессуальное законодательство России, Украины, Казахстана и Киргизии. Актуальная проблема – коллизия между «обвинительными» полномочиями суда и декларируемой состязательностью национальной модели уголовного процесса – поднимается автором из Республики Таджикистан.

В кадровой рубрике редакция выделяет статью о судебной практике по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

В научном поиске молодых исследователей выделяется актуальный материал о возможностях полиции в сфере практики защиты несовершеннолетних от насилия в семье.

Редакция журнала выражает признательность авторам, направившим актуальные и интересные материалы для опубликования, а также благодарит рецензентов (внешних экспертов), внесших вклад в улучшение качества представленных статей. Механизмы экспертной оценки поступающих статей, а также выполнение ряда других требований позволило нашему изданию укрепить свой международный статус и вступить в Open Access Scholarly Publishers Association – крупную международную организацию, объединяющую издателей контента открытого доступа.

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Dmitri8@yandex.ru Институт права; Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, Белорусская, 14</p>	<p>LIPINSKY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Dmitri8@yandex.ru Law Institute; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445667, Russian Federation</p>
--	--

ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ ЕЕ ДВУХАСПЕКТНОГО ПОНИМАНИЯ

Реферат. Исследуются проявления принципа неотвратимости юридической ответственности. Традиционно в юридической литературе значительное внимание уделялось устоявшимся аспектам неотвратимости как реакции уполномоченных органов на правонарушение. Между тем такое понимание неотвратимости юридической ответственности соответствует только ее ретроспективному (негативному) пониманию и не согласуется с концепцией позитивной юридической ответственности и юридической ответственности как целостного правового явления. Восполнить этот пробел попытался автор данной статьи, по мнению которого, неотвратимость начинается не с кары, а с установления обязанностей, запретов и санкций правовых норм. Реализуется данный аспект неотвратимости в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, и только в случае нарушения обязанностей, несоблюдения запретов, злоупотребления правом начинает действовать другой аспект неотвратимости юридической ответственности. Автор polemизирует с учеными, которые отрицают существование принципа неотвратимости юридической ответственности, ссылаясь на необеспеченность, наличие института освобождения от юридической ответственности. Суть не в отсутствии принципа неотвратимости юридической ответственности, а в особенностях его проявления в общественных отношениях. Специфика исследования побуждает автора обращаться к проблеме функций юридической ответственности и их взаимосвязи с принципами юридической ответственности. В контексте исследования анализируется действующее законодательство и практика его применения, даются рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства. В работе формулируется авторское определение принципа неотвратимости юридической ответственности. В контексте традиционных аспектов неотвратимости обосновывается, что любое правонарушение должно влечь реакцию уполномоченных органов, а наказание или применение мер юридической ответственности уже носит факультативный характер.

Ключевые слова: принципы юридической ответственности, неотвратимость юридической ответственности, позитивная юридическая ответственность, ответственность за правонарушение, функции юридической ответственности, реакция на правонарушение.

THE PRINCIPLE OF UNAVOIDABILITY OF LEGAL LIABILITY FROM THE POSITION OF ITS TWO-ASPECTS UNDERSTANDING

Abstract. The manifestations of the principle of unavailability of legal liability are studied. It's stated that great attention in legal literature is paid to traditional aspects of unavailability as a reaction of authorized bodies to an offence. But such understanding of unavailability of legal liability corresponds to its retrospective (negative) understanding and does not agree with the concept of positive legal liability and legal liability as a holistic legal phenomenon. The author considers that unavailability begins with establishing obligations, imposing prohibitions and sanctions of legal norms. This aspect of unavailability is realized in lawful behaviour of the subjects of legal liability. Other aspect of unavailability of legal liability becomes effective only in the case of breaking the obligations, inobservance of the prohibitions and misuse of right. The author disputes with the scientists who deny the existence of the principle of unavailability of legal liability referring to the existence of the institute of releasing from legal liability. The essence is not in the absence of this aspect, but in the features of its manifestation in social relations. The problem of legal liability functions and their correlation with the legal liability principles is analyzed. The effective legislation and practice of its application is examined; some proposals aimed at improving the effective legislation are given. The author's definition of the principle of unavailability of legal liability is provided. It's argued that any offence should entail the reaction of authorized bodies, and punishment or application of legal liability measures has optional character.

Keywords: principles of legal liability, unavoidability of legal liability, positive legal liability, liability for an offence, functions of legal liability, reaction to an offense.

Действенность юридической ответственности выражается не в ее жестокости или жесткости, а в неотвратимости. Разногласия мнений ученых в отношении принципа неотвратимости варьируются от его абсолютизации до полного отрицания [1, с. 384; 2, с. 6], а среди ученых, признающих принцип неотвратимости, нет единства мнений о его содержании. Под неотвратимостью ответственности понимают: обязательное применение уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия [3, с. 61]; неизбежность, необходимость наступления ответственности, реальность ее действия, осуществления [4, с. 61]; обязательное воздействие на правонарушителя компетентных органов [5, с. 36]; обязательное раскрытие правонарушения, осуждение виновного, назначение и исполнение наказания [6, с. 149]; обязательную реакцию на правонарушение [7, с. 149]; негативную оценку правонарушения государством и обществом [8, с. 15]; обязательную реакцию на правонарушение (выявление, раскрытие и пресечение) и привлечение к ответственности при отсутствии оснований освобождения от нее [9, с. 15]; неизбежность, необходимость наступления ответственности, реальность ее действия и осуществления [10, с. 139]; неизбежное применение ответственности за каждое правонарушение [11, с. 139]

Обязательное применение наказания невозможно в связи с наличием института освобождения от ответственности и наказания. Определение неотвратимости как обязательной реакции, обязательного воздействия или негативной оценки на правонарушение очень расплывчато. Выделение такого аспекта неотвратимости, как обязательное раскрытие правонарушения, отождествляет неотвратимость с процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью. Неотвратимость ответственности рассматривается нами как принцип материального, а не процессуального права. Хотя принцип неотвратимости для юридической ответственности нельзя понимать как обязательное раскрытие правонарушения, но он в таком понимании вполне реален как принцип юридического процесса. Неотвратимость ответственности и неотвратимость как обязательное раскры-

тие правонарушения находятся в разных плоскостях, хотя и тесно связаны между собой и зачастую второй является средством обеспечения первого.

Попытка раскрыть принцип неотвратимости юридической ответственности не только с позиции негативной, но и позитивной ответственности предпринята М.Б. Мироненко, который включает в его содержание обязанность субъекта ответственности соблюдать предписания правовых норм [9, с. 7].

Принцип неотвратимости юридической ответственности необходимо рассматривать не только как реакцию на совершенное правонарушение. Этот аспект неотвратимости раскрывает только государственно-принудительную форму реализации ответственности, а принцип неотвратимости должен характеризовать всю ответственность в целом, во всех аспектах ее проявления, только тогда его можно считать принципом юридической ответственности. За общественно опасные деяния законодателем должна быть установлена юридическая ответственность. Общественная опасность деяния — это одно из оснований установления юридической ответственности за его совершение, а неизбежное установление юридической ответственности является предпосылкой для реализации других аспектов неотвратимости юридической ответственности. М.Б. Мироненко верно указывает, что неотвратимость необходимо понимать и как неотвратимое выполнение субъектами возложенных на них обязанностей [9, с. 193]. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что без категории обязанностей нельзя понять сущность юридической ответственности [12, с. 286]. Возложение и несение обязанностей должно быть неотвратимым и обеспеченным государством и только тогда можно утверждать об обеспечении правомерного поведения, выражающего ответственность субъекта. Неотвратимость ответственности предполагает сочетание убеждения и принуждения, которые направлены на обеспечение исполнения обязанностей, а следовательно, и ответственности. «Реализация принципа неотвратимости юридической ответственности обеспечивает предупре-

длительное воздействие законов, т.к. порождает сознание надежной защиты прав и интересов человека, его безопасности... На неустойчивых членов общества неотвратимость действует предупредительно от совершения новых правонарушений, ибо заставляет задумываться относительно запрещенных законом действий» [4, с. 11]. Неотвратимость ответственности воплощает неразрывное, целостное единство регулирующих и охраняющих функций юридической ответственности, единство ответственности как за соблюдение нормы, так и за каждое ее нарушение. Неотвратимость ответственности предполагает единство этого принципа как за соблюдение предписаний правовых норм, так и за их нарушение.

Принцип неотвратимости раскрывается и через поощрительные меры юридической ответственности. За социально полезный поступок, связанный с заслугой, со сверхнормативным выполнением возложенных на субъекта обязанностей, несомненно, должно следовать применение мер поощрения. Более того, действующее законодательство предусматривает случаи, когда применение мер поощрения выступает в качестве обязанности правоприменителя. Анализ примечаний к статьям Особенной части уголовного закона, в которых устанавливаются основания освобождения от уголовной ответственности (уголовно-правовое поощрение), показывает, что освобождение от уголовной ответственности выступает в качестве обязанности правоприменителя. Как на правонарушение должна следовать негативная реакция государства в лице уполномоченных органов, так и за социально полезный поступок должна следовать позитивная реакция со стороны уполномоченных органов.

Принцип неотвратимости невозможно понять без взаимной ответственности субъектов общественных отношений, которая проявляется между гражданами, между государством и гражданами, между юридическими лицами, между гражданами и юридическими лицами. «Само государство находится в рамках правоотношений и в качестве их участника несет перед своими контрагентами (обществом, гражданами) соответствующие обязанности и ответственность» [13, с. 43]. «Взаимная связанность и ответственность су-

ществует не только между государством и гражданами, но и граждан между собой, т.е. по вертикали и по горизонтали» [13, с. 45]. В регулятивном правоотношении правам, обязанностям и ответственности одного субъекта должны корреспондировать права, обязанности и ответственность другого субъекта. В правовом государстве субъекты правовых отношений должны быть связаны взаимной ответственностью. Правомерное поведение должно быть неотвратимо обеспечено как для граждан, так и для государства. Само правомерное поведение выступает как следствие действия принципа неотвратимости.

Регулятивное, превентивное, воспитательное воздействие юридической ответственности вытекает из принципа неотвратимости и обеспечивается принципом неотвратимости юридической ответственности. Превентивная и воспитательная функции юридической ответственности, с одной стороны, сами обусловлены неотвратимостью юридической ответственности, а с другой стороны, они направлены на обеспечение неотвратимости реализации юридических обязанностей. В этих функциях сочетаются способы убеждения и принуждения, которые направлены на обеспечение исполнения обязанностей, а следовательно, и ответственности.

Что касается традиционных аспектов неотвратимости юридической ответственности, то они могут заключаться в обязанности государства реагировать на правонарушение; обязанности государства привлекать правонарушителя к ответственности; обязанности правонарушителя претерпеть неблагоприятное воздействие в виде осуждения, лишения личного и имущественного характера. Эти аспекты принципа неотвратимости помогают лучше раскрыть его взаимосвязь с карательной, воспитательной и восстановительной функциями юридической ответственности. Взаимосвязь между принципами и функциями юридической ответственности носит не односторонний характер, как это представляет М.Б. Мироненко (принцип — функция) [9, с. 12], а двусторонний характер. Группа законодательно закрепленных принципов есть не что иное, как результат воздействия функций юридической ответственности. Регулятивная функция юридической ответственности и регулятивная функция

права в правовых нормах закрепляют научно обоснованные идеи-принципы, которые становятся обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя.

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений. Кара как неотвратимая реакция осуществляется не сама ради себя, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей. Этому способствуют также осуществляемые одновременно с карательной и восстановительной функциями воспитательная и частнопредупредительная функции, т.к. одна кара не может обеспечить неотвратимость юридической ответственности.

Многие виды карательного воздействия неизбежно соединены с воспитательным воздействием на правонарушителя. Конечно, в широком смысле любое карательное воздействие сочетается с воспитательным воздействием на правонарушителя, но при реализации некоторых мер юридической ответственности на правоприменителя возлагается обязанность по специальному воспитательному воздействию на правонарушителя. Так, одним из принципов уголовно-исполнительного права является соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ). Сотрудники исправительных колоний, уголовно-исполнительных инспекций обязаны осуществлять моральное, правовое, спортивное, культурное, общее воспитание осужденных. Неотвратимость должна проявляться не только в негативной реакции государства, но и в воспитательном воздействии на правонарушителя. При осуществлении карательной функции юридической ответственности неизбежно происходит ограничение разнообразных прав и интересов правонарушителя, соответственно, и возможностей для совершения новых правонарушений. Следовательно, происходит обеспечение неотвратимости осуществления частнопредупредительного воздействия на правонарушителя.

К сожалению, реалии современной действительности свидетельствуют о частом нарушении принципа неотвратимости, и соответственно, о проявлениях дисфункций юридической ответственности. В

Российской Федерации остается высоким уровень правонарушаемости. При этом нам видна лишь «надводная часть айсберга» – зарегистрированная преступность без учета латентной преступности. По свидетельству криминологов, высокий уровень раскрываемости преступлений свидетельствует как раз о высоком уровне латентной преступности. В действующем законодательстве существуют декларации ответственности. Государственная Дума Российской Федерации (далее – ГД) принимает акты амнистии, продиктованные конъюнктурными интересами, а депутаты себя обезопасили иммунитетом от уголовного и административного преследования. К тому же действующее законодательство содержит многочисленные пробелы, позволяющие правонарушителю «избегать» юридической ответственности. В настоящее время из-за нехватки средств отсутствуют надлежащие социально-экономические гарантии обеспечения принципа неотвратимости.

Содержание принципа неотвратимости необходимо раскрывать в его взаимосвязи с другими принципами юридической ответственности, т.к. нарушение одного принципа ведет к нарушению другого принципа юридической ответственности. Так, можно ли назвать ответственность соответствующей принципу неотвратимости, если она декларативна и не снабжена механизмами реализации или если за правонарушение назначается мера ответственности, не соответствующая его характеру и степени тяжести? Декларативную, несправедливую, неиндивидуализированную ответственность нельзя назвать соответствующей принципу неотвратимости.

Современное законодательство изобилует декларациями ответственности, а за явное неисполнение возложенных обязанностей ответственность не предусмотрена. Позитивная ответственность без одного из своих средств обеспечения – негативной ответственности становится беззащитной. Так, явка на заседания для депутатов ГД является их должностной обязанностью: «Депутат Государственной Думы обязан присутствовать на ее заседаниях». Между тем какая-либо ответственность за отсутствие на заседаниях депутатов без уважительных причин действующим законодательством не предусмотрена.

Правовой статус депутатов ГД характеризуется минимумом ответственности и максимальным количеством льгот и привилегий. Думается, что за нарушение трудовой дисциплины Регламентом ГД должны быть предусмотрены меры дисциплинарного воздействия, применяемые к депутатам ГД. Мы не видим в этом ущемления депутатской неприкосновенности, если решение о применении дисциплинарного взыскания будут принимать коллеги по депутатскому корпусу. Единственной мерой, которая может быть применена к депутату ГД, является лишение права выступления на время одного заседания или на срок до одного месяца (ст. 45 Регламента)*. Основанием применения данной меры юридической ответственности выступает нарушение правил депутатской этики, которой, судя по выступлениям некоторых депутатов, для них вообще не существует. Назрела острая необходимость установить ответственность депутатского корпуса за нарушения процедуры принятия законов, допускаемую волокиту, неисполнение постановлений Конституционного Суда РФ о приведении в соответствие с Конституцией РФ нормативных правовых актов. Указания Конституционного Суда РФ о необходимости приведения нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией не выполняются годами. «Очевидно, что в Федеральном конституционном законе "О Конституционном Суде РФ" либо в ином федеральном законе целесообразно установить дополнительные гарантии по реализации обращенных к законодателю решений Конституционного Суда РФ, касающихся социальных, экономических и культурных прав граждан» [14, с. 468]. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ» предусмотрена статья, устанавливающая последствия неисполнения решений Конституционного Суда РФ: «Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ влечет ответственность, установленную федеральным законом». Это могла бы быть конституционно-правовая, административная и уголовная ответственность. До сих пор такого вида юридической от-

ветственности не предусмотрено федеральным законом [14, с. 493].

Статьи 49 и 53 УПК РФ, закрепляющие процессуальный статус защитника, нельзя назвать совершенными, т.к. в них преобладают права и отсутствуют корреспондирующие им обязанности, а право без обязанностей и ответственности превращается в произвол. Практически отсутствуют какие-либо меры процессуального воздействия на адвоката в случаях, если по его вине срывается производство следственных действий. Дело в том, что в ст. 53 УПК РФ прямо закреплено, что защитник имеет право «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты». Умышленная волокита, которую может использовать адвокат в качестве средства защиты, непосредственно законом не запрещена. Общеправовой принцип равенства предполагает равную ответственность лиц, решающих схожие правовые задачи. Этот принцип грубо попоран в новом УПК. Так, следователь или прокурор за допущенную волокиту по уголовному делу может нести ответственность вплоть до уголовной, а адвокат — практически никакой. А ведь основной идеей разработчиков нового УПК являлась цель поставить в равное положение стороны обвинения и защиты. Равенство прав предполагает и равенство обязанностей с ответственностью, а этот постулат разработчиками УПК нарушен. Подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, адвокату предоставлен широкий спектр прав и свобод, но юридическая свобода без ответственности — нонсенс. Свобода, отрицающая ответственность субъекта, антисоциальна и несправедлива так же, как антигуманна ответственность, отрицающая свободу выбора.

Должностные лица, используя право законодательной инициативы, оградили себя от юридической ответственности иммунитетом и привилегиями, а если они и привлекаются к юридической ответственности, то некоторые судебные решения достойны помещения в юмористический журнал. Например, за многомиллионные хищения и взяточничество бывшему министру юстиции назначили наказание — 9 лет лишения свободы условно, а красноярскому промышленнику-убийце Быкову за организацию покушения на убийство

* Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 7. Ст. 801.

назначили наказание — 6 лет лишения свободы условно. Получается, что все равны, а кто-то «чуть ровнее», для одних ответственность неотвратима, а для других нет. Неотвратимость предполагает индивидуализацию ответственности и наличие реальных механизмов ее реализации. Без этих механизмов принцип неотвратимости превращается в фикцию.

Принцип неотвратимости — это основополагающая идея, закрепленная в законодательстве, заключающаяся в обязательном установлении юридической ответственности за общественно опасные деяния, обязательном соблюдении предписаний правовых норм и обязательной реакции уполномоченных государством органов на правонарушение в виде осуждения и применения справедливых, гуманных, индивидуализированных мер юридической ответственности при отсутствии законных оснований освобождения от юридической ответственности.

Доводы противников существования принципа неотвратимости сводятся к необеспеченности этого принципа или наличию института освобождения от ответственности. Наличие института освобождения обусловлено принципами справедливости, гуманизма, индивидуализации, а сам принцип неотвратимости необходимо рассматривать не изолированно, а во взаимосвязи с другими принципами юридической ответственности. Отсутствие обеспеченности — это проблема государственная, не дающая основания отрицать этот принцип. Наоборот, существование принципа неотвратимости должно ориентировать социально-экономические и правовые усилия государства в соответствующей области. Либо иногда в качестве довода указывают на идеологический характер принципа и его появление в советский период.

Принцип неотвратимости может выводиться из совокупности норм. Он вполне ясно вытекает из задач уголовного права, целей наказания и уголовной ответс-

твенности. «Посчитав наказуемость одним из признаков преступления, по меньшей мере, нелогично не признавать неотвратимость ответственности принципом Уголовного кодекса, поскольку в основании наказуемости преступления находится не что иное, как неотвратимость ответственности» [15, с. 101]. Что касается его якобы «идеологического» характера, то в последние годы стало «модно» порочить научные идеи и концепции, обосновываясь на их «идеологизации» и советском периоде происхождения. Возможно, поставить вопрос наоборот: а может, обоснование в науке отсутствия этого принципа является стремлением создать научную основу для безответственности некоторых субъектов общественных отношений?

Принцип неотвратимости должен быть обеспечен системой норм, предусматривающих юридическую ответственность. Сами нормы, предусматривающие юридическую ответственность, содержат императивную программу действий как для субъектов юридической ответственности, реализующих ее в своем правомерном поведении, которое обеспечивается убеждением, принуждением или поощрением, так и для правоприменителя, который обязан привести в действие механизм воздействия юридической ответственности уже в случае нарушения нормы, предусматривающей юридическую ответственность. Неотвратимость ответственности заложена в самой властной, государственной природе правовых норм и вполне реально обеспечивается не только карательной функцией, но и превентивной с регулятивной.

В связи с этим сразу может возникнуть вопрос: а как же быть с гражданско-правовой ответственностью, реализация которой зависит от волеизъявления потерпевшей стороны? Однако если такое волеизъявление последует, то компетентные органы обязаны реализовать право потерпевшей стороны.

Список литературы

1. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: Изд-во РОСИ, 2000.
2. Чураков А.Н. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
3. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
4. Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

5. Молодцов А.С., Благов Е.В. О норме уголовного права и принципе неотвратимости реализации ответственности за совершенное преступление // Проблемы неотвратимости ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. тр. Калининградского ун-та. Калининград, 1984.
6. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1970.
7. Петелин А.И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976.
8. Романов В.М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
9. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права. Тольятти, 2000.
10. Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
11. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Манускрипт, 1990.
12. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986.
13. Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. 1996. N 3.
14. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2000 гг.). М.: Городец, 2000.
15. Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. N 2.

References

1. Duyunov V.K. *Problemy ugovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoy praktike* [Problems of criminal punishment in theory, law and jurisprudence]. Kursk, Publishing house of the ROS, 2000.
2. Churakov A.N. *Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti. Avtoref. Kand. Diss.* [Principles of legal responsibility. Autoabstract Cand. Diss.]. Volgograd, 2000.
3. Bazylev B.T. *Yuridicheskaya otvetstvennost'* [Legal liability]. Krasnoyarsk, Publishing house of the University of Krasnoyarsk, 1986.
4. Malash T.A. *Printsip neotvratimosti yuridicheskoy otvetstvennosti. Kand. Diss.* [The Principle of inevitability of legal liability. Cand. Diss.]. Moscow, 1996.
5. Molodtsov A.S., Blagov E.V. *O norme ugovnogo prava i printsipe neotvratimosti realizatsii otvetstvennosti za sovershennoe prestuplenie* [A norm of criminal law and the principle of inevitability of responsibility for the crime]. *Problemy neotvratimosti otvetstvennosti v ugovnom prave i protsesse* [Problems of inevitability of responsibility in criminal law and process]. Kaliningrad, 1984.
6. Galagan I.A. *Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR* [Administrative responsibility in the USSR]. Voronezh, Publishing house of Voronezh University, 1970.
7. Petelin A.I. *Problemy pravovoy otvetstvennosti v sotsialisticheskom obshchestve* [Problems of legal responsibility in a socialist society]. Omsk, 1976.
8. Romanov V.M. *Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti i ikh realizatsiya v deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Avtoref. Kand. Diss.* [Principles of legal responsibility and their implementation in the activities of internal Affairs bodies. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2000.
9. Mironenko M.B. *Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme printsipov prava* [Principles of legal responsibility in the system of the principles of law]. Togliatti, 2000.
10. Malash T.A. *Printsip neotvratimosti yuridicheskoy otvetstvennosti. Kand. Diss.* [The Principle of inevitability of legal liability. Cand. Diss.]. Moscow, 1996.
11. Malein N.S. *Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'* [Offence: concept, causes, responsibility]. Moscow, Manuscript Publ., 1990.
12. Kudryavtsev V.N. *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, thing, liability]. Moscow, Nauka Publ., 1986.
13. Matuzov N.I. *Prava cheloveka i obshcheregulyativnye pravootnosheniya* [Human rights and obseravation relationship]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1996, no. 3.
14. Vitruk N.V. *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii (1991-2000 gg.)* [Constitutional justice in Russia (1991-2000)]. Moscow, Gorodets Publ., 2000.
15. Mal'tsev V.V. *Printsipy ugovnogo zakonodatel'stva i obshchestvenno opasnoe povedenie* [Principles of criminal law and public unsafe behavior]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 1997, no. 2.

ШКЛЯРУК М.С., SHKLYARUK M.S.,
кандидат экономических наук, L.L.M., Candidate of Economic Sciences, L.L.M.,
mshklyaruk@eu.spb.ru mshklyaruk@eu.spb.ru
Институт проблем правоприменения; Research Institute for the Rule of Law;
Европейский университет European University at St. Petersburg,
в Санкт-Петербурге, Gagarinskaya St. 3A, St. Petersburg,
191187, г. Санкт-Петербург, 191187, Russian Federation
Гагаринская, 3А

РАБОВСКИ Ю.В., RABOVSKI Yu.V.,
julirabovski@gmail.com julirabovski@gmail.com
Институт проблем правоприменения; Research Institute for the Rule of Law;
Европейский университет European University at St. Petersburg,
в Санкт-Петербурге, Gagarinskaya St. 3A, St. Petersburg,
191187, г. Санкт-Петербург, 191187, Russian Federation
Гагаринская, 3А

ВОЗМОЖНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО МЕТОДА ИЗУЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТИПИЧНЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ)

Реферат. Показаны исследовательские возможности эмпирического метода в приложении к правоохранительной практике, когда изучается не применение отдельных норм уголовного и уголовно-процессуального закона, а статистическое измерение материалов, собранных при расследовании уголовных дел. Выявлялись закономерности расследования уголовных дел, обусловленные функционированием самой правоохранительной системы, и проводилось количественное описание сведений о расследовании, обычно не фиксируемых юридической наукой. Презентуются итоги проведенного авторами и группой студентов юридического факультета социолого-правового исследования 104 уголовных дел, рассмотренных в период с 2008 по 2012 годы районными судами г. Санкт-Петербурга. В уголовных делах фиксировались доказательства, сроки совершения процессуальных действий, особенности проведения предварительной проверки, органы расследования. Предлагаются результаты статистического анализа собранного массива данных. Констатируется, что доля лиц, признающих свою вину, преобладает в делах, расследованных МВД России; при допросе в качестве обвиняемых люди, как правило, отказываются давать показания; вопреки распространенному мнению о роли оперативных работников в проведении следственных действий, большую часть обысков и выемок проводят следователи. Рассмотрено формирование доказательственной базы, проанализированы сроки расследования и сроки совершения отдельных процессуальных действий. Установлено, что в среднем смена статуса «подозреваемого» на «обвиняемого» происходит за двенадцать дней. Эмпирически подтвердился тезис о преимущественном поступлении в суд «легких» («светлых», очевидных) дел, основная доказательственная информация по которым к моменту возбуждения уже собрана. Исключаются случаи формирования обвинения только на признании обвиняемым своей вины (собираются иные доказательства, преимущественно — показания свидетелей).

Ключевые слова: социология права, уголовный процесс, практика расследования уголовных дел.

OPPORTUNITIES OF EMPIRICAL METHOD OF STUDYING THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE (BY THE EXAMPLE OF INVESTIGATING TYPICAL CRIMINAL CASES)

Abstract. The research opportunities of empirical method in the supplement to law enforcement practice when studying statistical measurement of the materials, collected while investigating criminal cases, are shown. There gularities of criminal cases investigation, conditioned by functioning of the law enforcement system itself, were explored. The quantitative description of investigation facts, usually not fixed by the legal science, was carried out. The results of sociological and legal study of 104 criminal cases, tried in the regional courts of St. Petersburg during 2008-2012, are provided. The study was conducted by the authors and group of students of the law faculty. The proofs, terms of legal proceedings, features of conducting preliminary inspection and investigative bodies were recorded in criminal cases. The results of statistical analy-

sis of collected data are provided. It's stated that a number of persons admitting their guilt is prevalent in cases investigated by the Russian Ministry of the Interior. During the interrogation of people as accused they refuse to testify. Most of searches and seizures are conducted by investigators. Forming of evidential base is considered. The terms of investigating and exercising separate proceedings are analyzed. It's proved that on average the status of "suspect" changes into "accused" during 12 days. It's confirmed that "easy" (obvious) cases (when main evidential base is already collected by the time of proceedings institution) are mainly brought before the court. The cases of forming charges basing only on the confession of guilt by the accused person are excluded (other proofs, chiefly testimonial evidence, are collected).

Keywords: sociology of law, criminal procedure, practice of criminal cases investigation.

Введение

В 2013 году коллектив исследователей и студентов-юристов* провел мини-исследование «типичных» уголовных дел, направленных в суд. Были поставлены две цели исследования.

Первая заключалась в том, чтобы на материалах уголовных дел выявить обусловленные системой показатели в правоохранительных органах закономерности расследования дел. В социо-правовом эмпирическом исследовании 2012 г. Институт проблем правоприменения (далее – ИПП) описал один из эффектов существующей организационной системы предварительного расследования – отбор «легких» уголовных дел [1, с. 83, 106-110, 113]. «Легкие» уголовные дела – это типичные для региона дела, по которым подозреваемый установлен на этапе «до возбуждения уголовного дела». Такое дело может быть расследовано в срок, не превышающий два месяца. Данное исследование направлено на тестирование результатов исследования 2012 г. посредством выявления неких закономерностей или алгоритмов расследования типичных уголовных дел.

Вторая цель мини-исследования – получить количественное описание некоторых, обычно не фиксируемых сведений о расследовании. В центре внимания ученых-юристов обычно находится конкретное уголовное дело (или – при изучении правоприменительной практики – группа

уголовных дел, рассмотренных судом или расследуемых правоохранительными органами, возбужденных по одной и той же статье УК РФ) или агрегированная статистика о состоянии преступности (в большей степени работа с ней характерна для криминологов). В нашем исследовании дела по разным категориям преступлений были отобраны на другом основании. Критерии отбора подробно описаны ниже. При работе с уголовными делами мы сконцентрировали внимание на нескольких параметрах:

- доказательства в типичных уголовных делах;
- сроки совершения процессуальных действий;
- особенности проведения проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ.

Существует множество учебных пособий и научных трудов, связанных с методикой расследования уголовных дел. Но как эти методики применяются на практике? Нашей целью было проверить, из чего в итоге состоят уголовные дела, как быстро сменяются процессуальные статусы лица, заподозренного в преступлении, появляется ли новая информация после возбуждения уголовного дела. Результаты представлены в настоящей статье.

Эмпирическая база исследования

В выборку мини-исследования попали уголовные дела, возбужденные в период с июня 2008 г. до августа 2012 г. в двух районах города Санкт-Петербурга**. Таким образом, данное ниже описание дел, рассмотренных судами районного уровня крупного города, не может описывать ситуацию в стране в целом, но представляет интерес как образец следственной работы в одном из ее регионов.

С целью описания «шаблонов» ведения уголовных дел, дошедших до судебной

* В исследовании приняли участие студенты, специализирующиеся на уголовном процессе (юридический факультет РГПУ им. А.И. Герцена (<http://www.herzen.spb.ru/main/structure/fukultets/ur/1209989266/1286981229/>). Авторы статьи благодарят студентов, изучавших уголовные дела, заведующего кафедрой уголовного процесса доктора юридических наук, профессора А.В. Смирнова, оказавшего существенную поддержку в организации исследования, а также доцента кафедры Е.Г. Шадрину – за организацию и методологическое сопровождение участия студентов в исследовании.

** Авторы благодарят судебный департамент Санкт-Петербургского городского суда за помощь в проведении исследования.

стадии, мы обратились к материалам уже завершённых дел в судебном архиве. (Под шаблоном в данном случае предполагается набор процессуальных действий и их исполнителей, регулярно повторяющийся в типичных делах). Критериями отбора дел послужили следующие их характеристики: состав преступления, количество эпизодов и количество подсудимых в деле. На основе общероссийской статистики, приведенной в работе ИПП «Уголовная юстиция России в 2009 году» [2, с. 55], и экспертного мнения авторов статьи были отобраны дела по самым частым статьям в приговорах судов. Предпочтение отдавалось делам, состоящим из одного эпизода и имевшим одного обвиняемого. В архиве было обнаружено большое количество дел по ст.ст. 318 и 319 УК РФ, которые не являются частотными в общероссийской выборке. Это, вероятно, отражает специфику работы правоохранительных органов в Санкт-Петербурге в рассматриваемый временной период, поэтому дела по этим статьям также включены в дальнейший анализ.

Небольшое количество дел по ст. 105 УК РФ «Убийство» в архиве районных судов Санкт-Петербурга и, как следствие, в анализируемом массиве, вероятно, связано с тем, что дела об убийствах рассматриваются преимущественно в областных судах. В архиве часто встречались уголовные дела, возбужденные по статьям частного обвинения, — 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и 116 УК РФ «Побои». Но поскольку основной фокус данного исследования — процессуальные действия, то дела по статьям, не подразумевающим участие следователя или дознавателя, не попали в анализируемый массив.

Небольшое число анализируемых случаев не дает нам возможности однозначно интерпретировать полученные данные, однако результаты этого пилотного исследования могут помочь в выдвижении гипотез для дальнейшего изучения шаблонов ведения типичных уголовных дел.

Описание базы уголовных дел, анализируемой в исследовании

Коллектив исследователей и студентов-юристов переработал в общей сложности 104 уголовных дела, три из которых состояли из двух эпизодов, а в шести на момент судебного разбирательства было более одного обвиняемого. Основной эпизод по одному подсудимому по каждому уголовному делу записывался в подробную анкету с вопросами о материальной и процессуальной составляющей дела. В итоговую базу были внесены только 104 основных статьи обвинения по 104 подсудимым. Именно эти 104 «эпизода» мы в дальнейшем будем именовать «делами», т.к. в большинстве случаев один эпизод действительно составлял одно дело. Большую часть полученной базы данных составили дела об имущественных преступлениях, несколько меньше оказалось дел о преступлениях насильственного характера, и самую меньшую, но довольно крупную долю составили дела о преступлениях, связанных с наркотиками.

Чтобы определить, к какой категории принадлежит дело, были использованы данные о статьях обвинения, т.к. данные о статьях, по которым были вынесены решения по делу, в случаях постановлений о прекращении уголовных дел могут быть неполными.

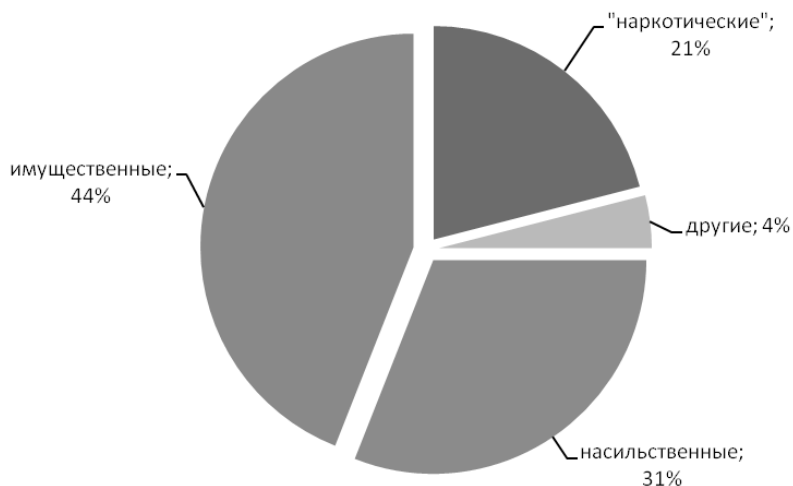

Рисунок 1. Категория преступления согласно первой статье обвинения

Некоторые статьи Уголовного кодекса РФ встречаются в текстах обвинительных заключений и приговоров чаще других. Для обвинительных заключений особо частыми в массиве оказались ч. 1 ст. 111, ч. 2

ст. 158, ч. 2 ст. 161 УК РФ, для приговоров – ч. 2 ст. 111 и ч. 1 ст. 161. «Наркотические» преступления более равномерно распределены между разными частями ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ.

Таблица 1

Статья и часть обвинения и приговора

Количество и доля подсудимых по статьям обвинения			Количество и доля подсудимых по статьям приговора или судебным исходам		
Статья УК	Количество	%	Статья УК	Количество	%
ч. 1 ст. 105	8	7.7	ч. 1 ст. 105	4	3.8
ч. 1 ст. 111	15	14.4	ч. 1 ст. 111	1	1.0
ч. 2 ст. 111	1	1.0	ч. 2 ст. 111	13	12.5
ч. 2 ст. 152	1	1.0	ч. 2 ст. 152	1	1.0
ч. 1 ст. 158	1	1.0	ч. 1 ст. 158	1	1.0
ч. 2 ст. 158	19	18.3	ч. 2 ст. 158	2	1.9
ч. 3 ст. 158	1	1.0	ч. 3 ст. 158	1	1.0
ч. 2 ст. 159	1	1.0	ч. 2 ст. 159	1	1.0
ч. 1 ст. 161	10	9.6	ч. 1 ст. 161	17	16.3
ч. 2 ст. 161	13	12.5	ч. 2 ст. 161	10	9.6
ч. 2 ст. 162	1	1.0	ч. 2 ст. 162	9	8.7
ч. 1 ст. 228	5	4.8	ч. 1 ст. 228	1	1.0
ч. 2 ст. 228	6	5.8	ч. 2 ст. 228	6	5.8
ч. 3 ст. 228	1	1.0	ч. 3 ст. 228	7	6.7
ч. 1 ст. 228.1	7	6.7	ч. 1 ст. 228.1	6	5.8
ч. 2 ст. 228.1	1	1.0	ч. 2 ст. 228.1	2	1.9
ч. 3 ст. 228.1	2	1.9	ч. 3 ст. 228.1	1	1.0
ч. 1 ст. 281	1	1.0	ч. 1 ст. 281	6	5.8
ч. 1 ст. 318	7	6.7	ч. 1 ст. 318	1	1.0
ч. 2 ст. 318	1	1.0	ч. 2 ст. 318	1	1.0
319	2	1.9	319	1	1.0
			прекращение за примирением сторон	7	6.7
			освобожден от угол. отв-сти, помещен в психиатр. стационар	2	1.9
			освобожден от угол. отв-сти в связи с деятельным раскаянием	1	1.0
Нет данных	0	0.0	Нет данных	3	2.9
Всего	104	100	Всего	104	100

Среди общего числа выдвинутых обвинений не мала доля дел по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителей власти», однако в приговорах судов только двое подсудимых были признаны виновными в совершении пре-

дусмотренных этой статьей преступлений. И напротив, число «диверсий» – ст. 281 УК РФ – в массиве рассматриваемых дел возросло на судебном этапе по сравнению с этапом возбуждения уголовного дела. Динамика обвинений и приговоров по

ст.ст. 111 и 228 УК говорит о тенденции переквалификации деяний в правоохранительной или судебной системе в сторону увеличения тяжести в рамках одной статьи. А различия в количестве обвиняемых и подсудимых по ч. 2 ст. 158 и ч. 1 ст. 161 – о распространенности случаев переквалификации на более «тяжкую» статью.

Из 104 дел в массиве только два были возбуждены по обвинению в приготовлении преступления и двадцать четыре – по обвинению в покушении на совершение преступления. По ст. 33 за соучастие в преступлении не было выдвинуто ни одного обвинения, но был вынесен один приговор (см. табл. 3).

Таблица 2

Распределение обвинения в приготовлении и покушении по статьям

Статья и часть обвинения	ч. 1 ст. 105	ч. 1 ст. 158	ч. 2 ст. 158	ч. 1 ст. 161	ч. 2 ст. 161	ч. 1 ст. 228	ч. 2 ст. 228	ч. 1 ст. 228.1	ч. 2 ст. 228.1	ч. 3 ст. 228.1	ч. 1 ст. 281	Всего
Обвинение в приготовлении	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	2
Обвинение в покушении	2	1	6	4	3	1	1	3	1	1	1	24
Всего (сумма)	2	1	6	4	4	1	1	3	1	2	1	26
Всего обвинений по статье	8	1	19	10	13	5	6	7	1	2	1	73

За исключением некоторых случаев, обвинение в покушении на преступление и приготовлении к преступлению выдвигается по самым частым статьям обвинительных заключений анализируемого массива дел.

Сравним количество фактов совершения преступлений, покушения на совершение преступления, приготовления к нему или соучастия в нем в обвинительных заключениях и в решениях суда.

Таблица 3

Анализ уголовных дел по стадии совершения преступления и соучастие*

В обвинительном заключении	В приговоре				Всего в обвинительных заключениях
	Оконченное преступление	Приготовление	Покушение	Соучастие	
Оконченное преступление	77	0	1	0	78
Приготовление	1	1	0	0	2
Покушение	4	1	18	1	24
Соучастие	0	0	0	0	0
Всего в приговорах	82	2	19	1	104

* В таблице приведены данные о том, сколько обвинений выдвинуто по статьям (приготовление, покушение, соучастие) и сколько приговоров вынесено по данным статьям. Например, из первой строчки таблицы видно, что в 77 случаях обвинение в совершении оконченого преступления стало приговором по законченному преступлению; в 1 случае – «соучастием»; нет случаев, когда обвинение в законченном преступлении в приговоре стало «покушением» или «приготовлением».

Чаще всего оценка следствия – было ли преступление оконченным – подтверждается судом. Из табл. 3 видно, что из 104 рассматриваемых случаев обвинение в совершении оконченного преступления было выдвинуто 78 обвиняемым, судебное решение с признанием виновным в совершении оконченного преступления вынесено в отношении 82 подсудимых. Это ухудшение положения обвиняемого, в случае если в деле не было переквалификации. Среди четырех дел о покушении мы нашли один случай переквалификации на менее тяжкое преступление, два факта прекращения уголовных дел (в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием)*. В обвинительных заключениях не было ни одного обвинения в «соучастии», но приговор по одному делу был вынесен именно за соучастие. 24 обвинения в покушении превратились в 19 приговоров. Из двух случаев «приготовления» по обвинению только одна такая квалификация «устояла» в приговоре, но общая статистика «приготовлений» не изменилась, поскольку одно из обвинений в покушении в приговоре стало «приготовлением». Итого в таблице 96 случаев, когда

квалификация деяния по обвинительному заключению в части оконченного/неоконченного преступления была затем подтверждена судом (77 обвинений в совершении оконченного преступления, 1 обвинение в приготовлении и 18 обвинений в покушении были подтверждены судом), в 8 случаях была та или иная переквалификация.

В результате всех переквалификаций количество приговоров за покушение на совершение преступления на пять меньше, чем количество выдвинутых за это деяние обвинений. Соответственно, в процессе следственной проверки или судебного рассмотрения дела вменение покушения сменяется вменением совершения преступления. Можно предположить, что обвиняемым в покушении или приготовлении чаще удастся примириться с потерпевшим и прекратить уголовное дело, поскольку преступление еще не было совершено. Чтобы проверить это предположение, рассмотрим количество обвинений в совершении преступления, в приготовлении к нему или покушении на него в зависимости от судебного исхода.

Таблица 4

Количество обвиняемых в совершении, приготовлении, покушении, соучастии по судебным исходам

	Прекращение за примирением	Освобождение от УО в связи с деятельным раскаянием	Освобождение от УО, с помещением в психиатр. стационар	Обвинительный приговор	Всего
Оконченное преступление	6	0	2	68	76
Приготовление	0	0	0	2	2
Покушение	1	1	0	21	23
Всего	7	1	2	91	101

При том, что всего в 23 делах обвинение выдвигалось в покушении на совершение преступления, только одно дело с обвинением в покушении было прекращено за примирением сторон. Единственное дело, прекращенное в связи с деятельным

раскаянием, было также заведено с обвинением в покушении.

Специфика работы разных органов следствия по типичным делам

Около 40 % из изученных нами уголовных дел были рассмотрены судом в особом порядке. Доля таких дел различна в делах, которые вели представители разных ведомств, и в делах, которые вели следователи и дознаватели.

* Один не объясненный случай ухудшения положения подсудимого может быть истолкован как техническая ошибка при заполнении анкеты, когда статус неоконченного преступления в приговоре не был отмечен.

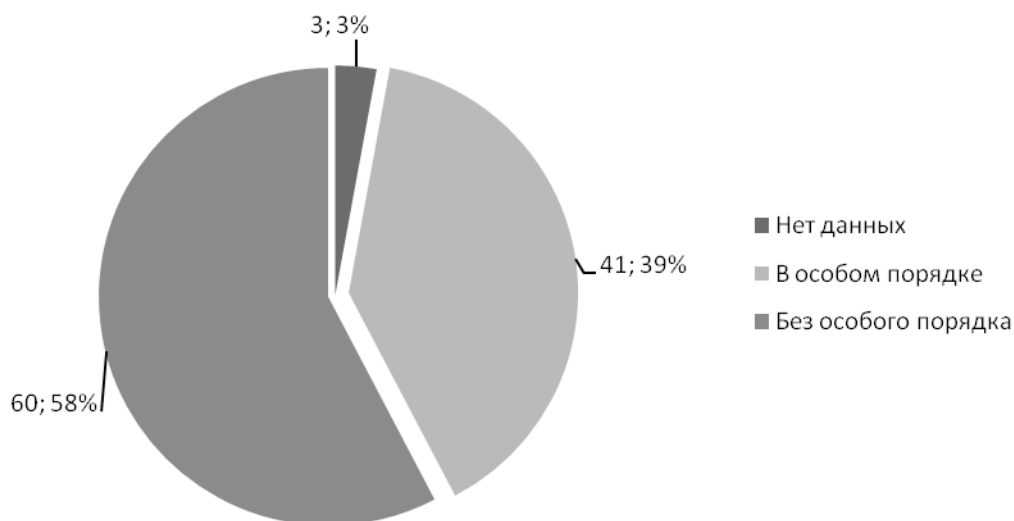

Рисунок 2. Рассмотрение дел в особом порядке

Таблица 5

**Количество и доли дел, рассмотренных в особом порядке,
по представителям ведомств**

Из какого ведомства следователь (дознаватель)	Дело рассматривалось в особом порядке				Всего (100 %)
	да	нет	да, %	нет, %	
Следователь СК	5	17	23	77	22
Следователь ОВД	24	37	39	61	61
Дознаватель ОВД	10	4	71	29	14
Следователь ФСКН	0	1	0	100	1
Дознаватель ФСКН	1	0	100	0	1
Всего	40	59	40	60	99

В табл. 5 рассматривалось всего 99 дел, т.к. по некоторым делам не удалось установить, сотрудник какого ведомства занимался расследованием. В тех делах, где были установлены органы, передавшие материалы дела в прокуратуру, доля дел, рассмотренных в суде в особом порядке больше в дознании и меньше на следствии. Самая высокая доля дел, где подсудимый заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, наблюдалась в ОВД.

По 104 делам известно, что в 67 из них обвиняемый признал вину. В большинстве случаев признание вины — это заслуга работников правоохранительных органов. До возбуждения уголовного дела (ВУД) было сделано только 13 явок с повинной. Однако, как мы увидим дальше, это не означает, что дело было возбуждено в ситуации, когда подозреваемый не известен.

Таблица 6
Была ли сделана явка с повинной

	Количество	%
Нет	84	81
Сделана, до ВУД	13	13
Сделана, после ВУД	4	4
Нет данных	3	3
Всего	104	100

Даже по небольшому количеству дел, по которым имеется информация, видно, что подозреваемые и обвиняемые в типичных преступлениях часто признают вину и соглашаются с обвинением. Интересно, что шестеро из 54 человек, признавших вину в статусе подозреваемых, в дальнейшем отказались давать признательные показания в статусе обвиняемых. Интересно также, почему те, у кого согласно ст. 314 УПК РФ была возможность заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, этого не сделали?

Таблица 7
Изменение показаний подозреваемых после выдвижения обвинения

Показания подозреваемого	Показания обвиняемого			Всего
	Дал признательные показания	Отказывается давать показания, согласно ст. 51 Конституции РФ	Не признает вину, излагает свою версию событий	
Дал признательные показания	48	3	3	54
Отказывается давать показания, согласно ст. 51 Конституции РФ	13	3	2	18
Не признает вину, излагает свою версию событий	6	4	6	16
Всего	67	10	11	88

Из табл. 7 видно, что 8 из 18 лиц, отказавшихся давать показания, и 5 из 16 излагавших свою версию, позже в статусе обвиняемых признали вину. Возможно, подозреваемые по делам, расследуе-

мым разными ведомствами, по-разному меняют свои показания на допросах. Это предположение можно проверить на самой большой группе подозреваемых – на признавших вину.

Таблица 8
Изменение показаний после выдвижения обвинений по ведомствам

Количество лиц, давших признательные показания	Ведомство, к которому относится следователь/дознатель					Всего
	Следователь СК	Следователь МВД	Дознатель МВД	Следователь ФСКН	Дознатель ФСКН	
В статусе подозреваемого (%)	12 (20 %)	38 (62 %)	10 (16 %)	0 (0 %)	1 (2 %)	61 (100 %)
В статусе обвиняемого (%)	16 (24 %)	45 (67 %)	4 (6 %)	1 (1 %)	1 (1 %)	67 (100 %)

Изменение количества признавших вину после выдвижения обвинения следователями СК и ОВД не противоречит табл. 7 и не вызывает вопросов. Любопытным оказывается тот факт, что шестеро подозреваемых, проходивших по расследуемым дознавателями ОВД делам, признали вину, а позже от признательных показаний отказались. Поскольку в собранной базе только 14 дел, расследованных этим правоохранительным органом, сложно судить о причине таких отличий дел «дознавателей», но в дальнейшем стоит обратить внимание на эти и другие особенности переданных ими в суд дел.

Доказательственная база типичных уголовных дел

Данный раздел демонстрирует частоту сбора тех или иных доказательств ра-

ботниками правоохранительных органов, расследующих уголовные дела. Из 45 дел, в материалах которых есть информация о проведенных обысках и выемках, 35 были результативны — с изъятием.

Таблица 9

Количество и доля обысков

	Количество	%
Не было	48	46
Один обыск	45	43
Два и более	7	7
Нет данных	4	4
Всего	104	100

Таблица 10

Количество обысков, проведенных сотрудниками правоохранительных органов

Кто проводил обыск	Количество обысков				Всего
	1	2	3	4	
Следователь	33	2	2	2	40
Оперуполномоченный	6	1	0	0	8
Дознаватель	2	0	0	0	2
Всего	41	3	2	2	50

Обычно обыски проводятся следователями и однократно: из 50 дел, в материалах которых встречаются результаты обыска и известен его исполнитель, в 40 случаях обыск проводился следователем, в 8 случаях — оперуполномоченным и в 2 случаях — дознавателем. Эти данные противоречат обычным рассказам оператив-

ных сотрудников о том, что они выполняют следственные действия по поручениям следователей*.

В делах разных категорий требуются разные виды доказательств. Ниже приведены данные с опорой на первую статью обвинения.

Таблица 11

Доказательства: осмотр места происшествия

Осмотр места происшествия	Категория преступления				Всего
	насильственные	имущественные	«наркотические»	другие	
нет	8	24	17	2	51
есть	23	19	4	2	48
Всего (100%)	31	43	21	4	99
нет (%)	26 %	56 %	81 %	50 %	52 %
есть (%)	74 %	44 %	19 %	50 %	48 %

* На основе интервью, собранных ИПП.

Таблица 12

Доказательства: обыски

Обыск	Категория преступления				Всего
	насильственные	имущественные	наркотические	другие	
Один	12	19	11	2	44
Два и более	3	3	1	0	7
Всего	15	22	12	2	51

Осмотр места происшествия проводится чаще всего при расследовании преступлений насильственного характера, обыски характерны для трех основных категорий дел: насильственных, имуществен-

ных и «наркотических», однако по имущественным проводятся чаще.

По тем же категориям разделены дела, в материалах которых имеются заключения экспертов.

Таблица 13

Количество экспертиз в делах разных категорий

Сколько экспертиз было в деле	Категория преступления – первая статья обвинения				Всего
	насильственные	имущественные	«наркотические»	другие	
Не было	3	31	1	1	36
Одна	11	8	14	1	34
Две и более	18	6	7	2	33
Всего (100 %)	32	45	22	4	103
Не было	9 %	69 %	5 %	25 %	35 %
Одна	34 %	18 %	64 %	25 %	33 %
Две и более	56 %	13 %	32 %	50 %	32 %

Насильственные преступления расследуются с самым большим количеством экспертиз. Доля дел, в материалах которых имеется одно заключение эксперта, выше всего по «наркотическим» преступлениям. Количество экспертиз в данной таблице указано без учета дактилоскопической

экспертизы, поскольку она не требует от следователя и дознавателя обращения в лабораторию и не влияет на сроки расследования. Данные о частоте проведения дактилоскопической и других экспертиз представлены в таблице ниже.

Таблица 14

Количество экспертиз по категориям преступлений

Категория преступления – первая статья обвинения	Химическая	Дактилоскопич.	Криминалистич.	(Судебно-) мед.	Освид-е лица	Биологич.	Эксп-за док-тов	Психиатрич.	Другие эксп-зы	Всего
Насильственные		12	4	26	3	12	2	4	8	71
Имущественные		3		8	1			2	1	15
«Наркотические»	21	3	1	2				1		28
Другие	1			2	1					4
Всего	22	18	5	38	5	12	2	7	9	118

По 104 уголовным делам проведено 118 экспертиз, что, вероятно, определяет высокую загруженность экспертных лабораторий.

Более половины из 22 дел по «наркотическим» преступлениям содержат данные о таком оперативно-розыскном мероприятии, как проверочная закупка.

Таблица 15

Было ли проведено оперативно-розыскное мероприятие «Проверочная закупка»

	Количество дел	%
Да	13	12,5
Нет данных	91	87,5
Всего	104	100,0

Таблица 16

Количество и доля дел по числу свидетелей

	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	12	17	Пропущено	Всего
Количество	12	22	16	19	14	7	2	2	1	1	1	1	6	104
%	12	21	15	18	13	7	2	2	1	1	1	1	6	100

Сроки совершения процессуальных действий

Данные уголовных дел, собранные в анализируемую базу, позволяют узнать, как быстро подозреваемый по делу стано-

вится обвиняемым, как далеко по времени отстоит обыск от момента возбуждения уголовного дела и сколько времени в среднем занимает процесс расследования возбужденного уголовного дела.

Таблица 17

Длительность интервалов времени между процессуальными действиями

	Показатели времени		
	От допроса в качестве подозреваемого до допроса в качестве обвиняемого (в днях) ²	От возбуждения уголовного дела до обыска (в днях)	От возбуждения уголовного дела до обвинительного заключения, утвержденного прокурором (в днях)
Среднее ¹	59,9	0,74	97,9
Медиана ²	12	0	61,0
Мода ³	1	0	256
Стандартное отклонение	105,3	10,4	124,2
Минимальное значение	0	-12	1
Максимальное значение	612	61	760
До 25%	1	-1,0	33,5
Более 75%	71	0	111,5
Всего	87	41	91
Нет данных	17	63	13

¹ Среднее – сумма показателя времени по каждому из 104 дел, разделенная на количество дел (т.е. 104).

² Медиана – середина: если всех осужденных упорядочить по величине показателя времени, то значение показателя для тех, кто окажется в середине будет медианным.

³ Мода – самое часто встречаемое значение показателя. Если из 104 подсудимых у всех разные значения показателя, а значение, например, 1, встречается дважды, то значение 1 будет модой данного показателя.

В табл. 17 средние значения трех исследуемых показателей меньше их стандартных отклонений. Это значит, что «разброс» каждого из трех значений велик и

данные о среднем не могут быть содержательно интерпретированы, т.е. говорят о том, что большинство дел не рассматривается в сроки, близкие к среднему.

В первом столбце видно, что в половине дел «превращение» из подозреваемого в обвиняемого занимает 12 дней и меньше. Иными словами, половина подозреваемых вызываются на допрос в качестве обвиняемого в течение двенадцати календарных дней после допроса в качестве подозреваемого или быстрее, а половина – в течение 12 дней и дольше. Средний показатель времени (59,9) такой большой, потому что есть очень «долгие» дела, которые «портят статистику». Показатель «До 25 %» в первом столбце говорит о том, что четверть подозреваемых «стали» обвиняемыми в день допроса в качестве подозреваемых или в течение одного дня после него. Согласно показателю «Более 75 %», три четверти подозреваемых меняют статус за 71 день и быстрее. А поскольку «максимальное значение» в первом столбце – самый долгий интервал от допроса в качестве подозреваемого до допроса в качестве обвиняемого – 612 дней, значит, последняя четверть подозреваемых стала обвиняемыми за срок от 71 до 612 дней.

Статистика во втором столбце табл. 17 основана на данных о дате обыска и дате возбуждения уголовного дела (дата ВУД известна в 41 деле из 104 в анализируемом массиве). Значение -12 во втором столбце таблицы говорит о том, что самый большой интервал от обыска до ВУД составил двенадцать дней, причем обыск состоялся до возбуждения дела. Не менее чем в четверти дел, согласно показателю «До 25 %», обыски были проведены до момента возбуждения уголовного дела*. Модальное значение во втором столбце говорит о том, что чаще, чем все остальные значения временных интервалов от обыска до постановления о возбуждении уголовного дела, встречается интервал в 0 дней, то есть эти события происходят в один день. Самый долгий интервал между моментом возбуждения дела и обыском составил 61 день.

Третий столбец таблицы, представленной выше, свидетельствует о том, что из 91 дела, по которому известна дата утверждения обвинительного заключения прокурором, четверть была расследована в срок, немного превышающий один ка-

лендарный месяц, и быстрее. Согласно значению медианы половина дел проводятся от возбуждения до утверждения обвинительно заключения за два месяца и быстрее. Показатель «Более 75 %» свидетельствует о том, что последняя четверть – самые «долгие» дела – были расследованы в срок от 112 до 760 дней.

Материалы уголовного дела

Студентам, составившим анкеты по материалам уголовных дел, было предложено также оценить логичность расположения доказательств в материалах каждого дела, найти в них отметки руководителя следственного органа, оценить источники и момент получения доказательств, определить, кто проводил проверку до ВУД. Полученные оценки представлены ниже. Вопросы, которые были заданы студентам в анкете, дословно отражены в заголовках таблиц и диаграмм.

Таблица 18

Логика расположения доказательств

	Количество	%
Не логично	5	4,8
Логически расположены	58	55,8
Хронологически расположены	24	23,1
По персонам	8	7,7
Нет данных	9	8,7
Всего	104	100

Из таблицы мы видим, что есть два основных способа формирования материалов уголовного дела. Первый – это расположение доказательств по логике их появления в деле, например: осмотр места происшествия, затем назначение экспертиз по изъятым там предметам, затем их осмотр и приобщение к уголовному делу. Такое расположение позволяет проследить судьбу вещественных доказательств, историю их появления в уголовном деле. Хронологический способ выражался в расположении всех документов по мере их появления в уголовном деле: в этом случае между обыском и экспертизой мог находиться протокол допроса свидетеля, не имеющий отношения к обыску. Такой способ позволяет видеть повседневную работу следователя (дознателя) по уголовному делу. Встречается и формирование уголовных

* Это может быть результатом ошибки при заполнении анкет из-за использования копий протоколов обысков по другим делам или практикой, которую предстоит изучить отдельно.

дел «по персонам». В этом случае перед протоколом допроса каждого свидетеля было его объяснение, так же с потерпевшим и подозреваемым. Назначенные экспертизы или запросы также располагались

вместе с протоколом допроса лица. Стержневым документом, определяющим место нахождения блока материалов «по лицу», был протокол его первого допроса.

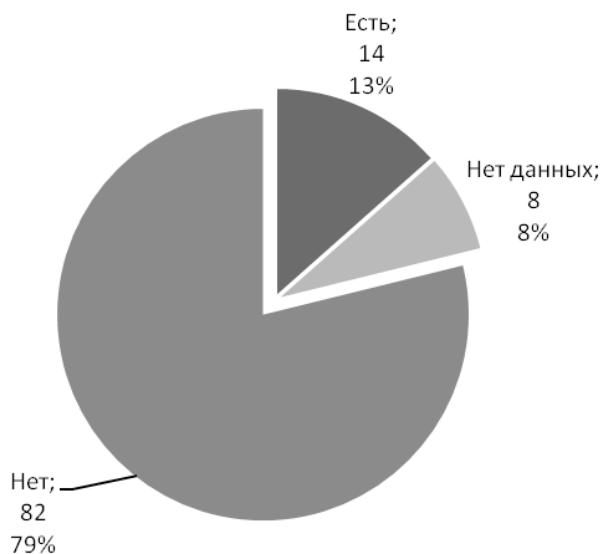

Рисунок 3. Есть ли в деле указания руководителя следственного отдела (кол-во дел)

Как мы видим, инструмент формальных указаний руководителя следственного отдела практически не используется.

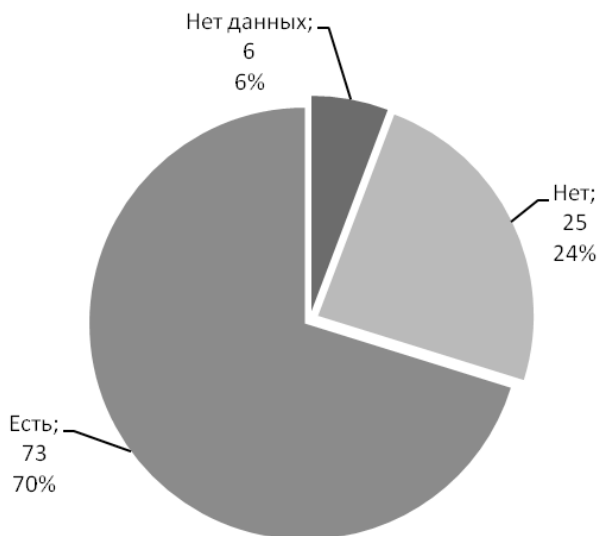

Рисунок 4. Есть ли в деле доказательства, полученные не в результате признания осужденного (кол-во дел)

Одой из самых распространенных претензий к работе правоохранительной системы является нацеленность на получение признания обвиняемого. Мы старались установить, появляются ли в уголовных делах иные доказательства, кроме как признательные показания и полученные в результате

них доказательства (например, указание места нахождения похищенного имущества и его последующее изъятие). Иными доказательствами, как правило, выступали показания потерпевшего или свидетелей.

Однако представленные ниже результаты вызывают особое внимание.

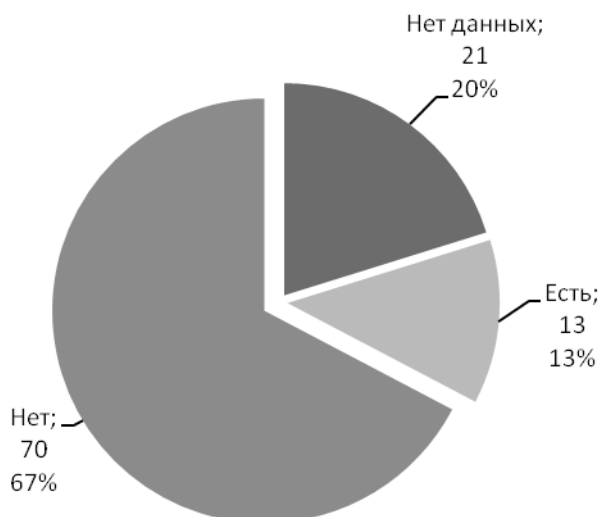

Рисунок 5. Есть ли в деле доказательства, о которых не было известно до ВУД (кол-во дел)

Так, мы видим подтверждение того, что «стадия расследования и доказывания» смещается на этап проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ. В 70 % уголовных дел вся информация, которая затем оформлялась по процессуальным правилам, была известна и зафиксирована до возбуждения уголовного дела.

Тогда возникает закономерный вопрос: кто тот субъект правоохранительных

органов, который проводит эту проверку и тем самым обеспечивает содержание уголовного дела, попадающего затем в суд? Таблица 18 показывает нам, что это или оперативный сотрудник, или участковый уполномоченный. В таком случае эти данные совпадают с ожидаемыми нами по результатам качественных исследований ИПП.

Таблица 19

Кто проводил проверку до возбуждения уголовного дела

	Количество	%
Участковый	18	17,3
Оперативный уполномоченный	59	56,7
Следователь	11	10,6
Зам. нач./исп. обяз. ОУР КМ УВД	1	1,0
Зам. нач. ОДМОБУВД	1	1,0
Указана другая должность	3	2,9
Начальник отдела УФСКН РФ СПб и ЛО	1	1,0
Нет данных	10	9,6
Всего	104	100

Заключение

Проведенное нами исследование было нацелено на то, чтобы показать возможности эмпирического подхода в изучении практики правоприменения. Анализ уголовных дел относительно одной или нескольких норм УПК РФ либо отдельной категории преступлений позволяет устанавливать тенденции работы правоохранительной системы, наполнять фактами выводы, которые делаются на анализе официальных статистических данных, экспертных интервью.

Обратившись к уголовным делам, мы увидели подтверждение того, что в суд преимущественно попадают уголовные дела, по которым на момент возбуждения дела уже была собрана основная информация. Таким образом, мы нашли еще одно подтверждение вывода об отборе «легких» уголовных дел правоохранительной системой.

В то же время относительно формальных предписаний УПК РФ мы видим, что формальные указания руководителя

следственного отдела редко появляются в уголовных делах (что говорит о том, что их указания даются, скорее всего, устно), зато следователи соблюдают требования о том, что признание вины самим обвиняемым не может быть положено в основу обвинения (ст. 77 УПК РФ) – формально в уголовных

делах появляются иные доказательства, в большинстве своем показания свидетелей.

Перспективным представляется применение подобного анализа к материалам, по которым принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Список литературы

1. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Ч. 1: Диагностика работы правоохранительных органов РФ и выполнения ими полицейской функции / Панеях Э.Л., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. [и др.]; под ред. В.В. Волкова, Э.Л. Панеях. СПб.: Ин-т проблем правоприменения, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.enforce.spb.ru/images/Fond_Kudrina/irl_pravookhrana_part_1_final_31_12_ich.pdf (дата обращения: 11 нояб. 2014 г.).

2. Уголовная юстиция России в 2009 г. / В. Волков, А. Дмитриева, Д. Скугаревский, К. Титаев, И. Четверикова, Ю. Шестернина [Электронный ресурс]. СПб., 2014. URL: http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014.06_Report_Database_2nd_ed.pdf (дата обращения: 11 нояб. 2014 г.).

References

1. Paneyakh E., Pozdnyakov M., Titaev K. [i dr.]. *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovanie, puti reformirovaniya. Ch. 1: Diagnostika raboty pravookhranitel'nykh organov RF i vypolneniya imi politseyskoy funktsii* [Law enforcement activity in Russia: Structure, functions, paths of reform, Part I: Diagnosing the work of law enforcement bodies and their performance of political functions]. St. Petersburg. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Fond_Kudrina/irl_pravookhrana_part_1_final_31_12_ich.pdf (Accessed 11 November 2014).

2. Volkov V., Dmitrieva A., Skugarevskiy D., Titaev K., Chetverikova I., Shesternina Yu. *Ugolovnaya yustitsiya Rossii v 2009 g.* [Criminal justice in Russia in 2009]. St. Petersburg, 2014. Available at: http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014.06_Report_Database_2nd_ed.pdf (Accessed 11 November 2014).

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

МЕЩЕРЯКОВ А.Н., кандидат юридических наук, доцент, 12.00.02@mail.ru Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66	MESHCHERYAKOV A.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, 12.00.02@mail.ru Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
---	--

ПОЛНОМОЧИЯ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Реферат. Показана объективная необходимость приведения действующего законодательства в соответствие фактически складывающимся общественным отношениям. Закон, регулирующий правовой режим военного положения и порядок его обеспечения, устанавливает полномочия органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В отношении органов государственной власти субъектов Российской Федерации определен только перечень полномочий органов исполнительной власти. При этом высшие должностные лица субъекта Российской Федерации в законе не упоминаются. В соответствии с законодательством Российской Федерации, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации в них существует несколько моделей организации органов государственной власти, в том числе и не предусматривающих отнесение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации к системе органов исполнительной власти. В данных регионах высшее должностное лицо юридически выведено из сферы правового регулирования в вопросах обеспечения режима военного положения. Приведенная правовая коллизия противоречит сущности и реальной роли высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе органов государственной власти. Предлагается внести в Федеральный конституционный закон «О военном положении» соответствующие изменения, наделив высших должностных лиц субъектов Российской Федерации полномочиями в области обеспечения режима военного положения, в частности, координационными, обеспечительными, административно-управленческими и иными. Всего называется три группы таких полномочий. Это позволит устранить существующий в правовом регулировании данного особого административно-правового режима пробел и привести законодательство в соответствие со сложившейся организационно-правовой структурой органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: военное положение, полномочия, органы государственной власти, высшее должностное лицо, субъект Российской Федерации.

POWERS OF SENIOR OFFICIALS OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS IN THE SPHERE OF ENSURING MARTIAL LAW REGIME

Abstract. The objective necessity of adjusting the effective legislation in accordance with the established social relations is shown. The law, regulating the legal regime of martial law and the order of its ensuring, establishes the powers of the public authorities of the Russian Federation and its regions. The list of powers is compiled for the regional executive authorities only. However, there is no mention of the regional senior officials in this law. According to the Russian legislation, the regional constitutions (charters) and laws, there are several models of organizing the public authorities in the Russian Federation regions, including those models which do not refer regional senior officials to the system of executive authorities. In such regions senior officials are withdrawn from the sphere of legal regulation in matters of ensuring the regime of martial law. This legal collision contradicts the essence and real role, which the regional senior officials play in the system of public authorities. It is proposed to amend the Federal constitutional law "On martial law" and invest the regional senior officials with the powers in the sphere of ensuring martial law regime, notably with coordinating, securing, administrative and managerial powers. It will allow to eliminate the gap in the legal regulation of this special administrative legal regime and adjust the legislation in accordance with the established organizational legal structure of the regional public authorities.

Keywords: martial law, powers, public authorities, senior official, region of the Russian Federation.

Совершенствование правового регулирования отношений в современном обществе затрагивает различные сферы его жизнедеятельности и отражает современные условия государственного строительства.

Как отмечается в юридической литературе, первые специализированные законодательные акты, регламентирующие правовой режим военного положения, появились в конце XIX в. [1, с. 34].

Впоследствии как в дореволюционный, так и в советский периоды данное направление правового регулирования развивалось с учетом изменения системы органов государственной власти, взаимоотношений личности и государства, развития международного гуманитарного права.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. нашли отражение ранее предусмотренные Конституцией (Основным Законом) СССР от 7 октября 1977 г. два особых правовых режима: военное положение и чрезвычайное положение (Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 г. в силу принципов федерализма отражала только вопросы чрезвычайного положения). Ввиду особого значения данных правовых режимов их регулирование осуществляется федеральными конституционными законами.

Принятый 30 января 2002 г. Федеральный конституционный закон N 1-ФКЗ «О военном положении»* (далее — Закон о военном положении) определил основания и порядок введения военного положения, механизмы обеспечения данного правового режима, особенности правового статуса граждан и организаций, полномочия органов государственной власти в области обеспечения режима военного положения и специфику их функционирования в данный период.

Несмотря на то, что режим военного положения является исключительным правовым режимом и его введение возможно лишь в случаях проявления явной агрессии против Российской Федерации или ее непосредственной угрозы, компетентные органы государства должны быть постоянно готовы к действиям, связанным с его обеспечением.

Анализ публикаций российских ученых показывает, что при изучении режима военного положения основное внимание юристов уделяется вопросам, связанным с определением угроз, являющихся основанием для его

введения, их соотношением с общепризнанными принципами и нормами международного права; проблемам обеспечения прав и свобод человека и гражданина в период действия данного правового режима.

Признавая важность проводимых исследований, следует отметить, что гарантированность соблюдения правового статуса личности в период военного положения в полной мере зависит от организации деятельности органов государственной власти на территориях, где данный режим был введен.

К сожалению, следует отметить, что ряд известных фактов, связанных с обеспечением ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, показывает наличие отдельных проблем в организации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в зонах чрезвычайных ситуаций, в том числе в сферах управления, координации и взаимодействия.

Сложность в обеспечении слаженной работы всех задействованных сил обусловлена, с одной стороны, недостаточным уровнем подготовки, что решается проведением тренировок и отработкой действий в различных ситуациях, с другой, и это более существенно, — наличием пробелов и коллизий в правовом регулировании полномочий органов публичной власти, не позволяющих эффективно действовать в складывающихся ситуациях.

Очевидно, что при введении режима военного положения данные проблемы совершенно недопустимы и решаться они должны не по мере возникновения, а в условиях изучения правовых конструкций и моделирования ситуаций.

Военное положение является особым административно-правовым режимом, в результате введения которого происходят существенные изменения в организации государственного управления, что предполагает не только применение ограничительных мер в отношении граждан, но и изменение полномочий органов государственной власти [2, с. 18].

Закон о военном положении содержит конкретный перечень полномочий органов государственной власти в период военного положения. Определены дополнительные к конституционным руководящие и координирующие полномочия Президента Российской

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 5. Ст. 375.

Федерации – главы государства и верховного главнокомандующего. Отражено, что законодательные полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации осуществляются в соответствии с Конституцией РФ. Установлены подробные перечни полномочий Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Отдельная статья указанного закона посвящена деятельности судов, прокуратуры. С учреждением Следственного комитета Российской Федерации данная статья была соответствующим образом дополнена*.

Определены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации (а конкретно – органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации) при обеспечении режима военного положения. Также установлено, что органы местного самоуправления оказывают содействие органам государственной власти и органам военного управления в обеспечении данного правового режима.

Отмечая необходимость совершенствования полномочий органов государственной власти в области обеспечения режима военного положения, многие авторы справедливо предлагают дополнительно конкретизировать полномочия Президента Российской Федерации в период действия режима военного положения, уточнить его отдельные полномочия во взаимосвязи с полномочиями Правительства Российской Федерации. Заслуживают поддержки предложения о более детальном разграничении полномочий между органами внутренних дел, ФСБ России, Минобороны России и ряд других, направленных на совершенствование деятельности федеральных органов государственной власти [3, с. 13-16; 4, с. 10-13; 1, с. 34-37].

Вместе с тем остается ряд принципиально важных, можно даже сказать концептуальных, проблем, связанных с регламентированием полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не охваченных вниманием исследователей.

Статья 15 Закона о военном положении определяет перечень полномочий органов исполнительной власти субъектов

Российской Федерации, порядок их привлечения к осуществлению полномочий, возложенных на федеральные органы государственной власти, устанавливает право издания правовых актов, обязательных для исполнения органами местного самоуправления, организациями и их должностными лицами, а также гражданами.

Вместе с тем комплексный анализ норм Закона о военном положении показывает, что в нем отсутствуют положения, регламентирующие полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения данного правового режима.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»** (далее – Закон об общих принципах) конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации может быть установлена должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, и фактически такие должности установлены во всех 85 субъектах Российской Федерации.

В Законе об общих принципах содержится указание на то, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации является «руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации». Однако подобная неконкретная формулировка не относит его к системе органов исполнительной власти. И если в ряде субъектов Российской Федерации в соответствии с конституцией (уставом) высшее должностное лицо непосредственно возглавляет высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, то в некоторых из них (Республика Татарстан, Республика Мордовия, Свердловская область) данная должность организационно выведена из этой системы. В подобном случае высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации возглавляет соответствующий руководитель (председатель правительства, премьер-министр), и хотя нет никаких сомнений в том, что данная должность носит декоративный характер, а вся полнота

* О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. конст. закон от 28 дек. 2010 г. N 8-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 1.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 42. Ст. 5005.

исполнительной власти фактически находится в руках высшего должностного лица субъекта Российской Федерации [5, с. 30], с формально-юридической точки зрения это видится очевидной проблемой.

Даже в тех субъектах Российской Федерации, где высшее должностное лицо непосредственно возглавляет высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации и может организовывать исполнение полномочий, закрепленных Законом о военном положении за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, остаются неурегулированными его важнейшие полномочия – координационные. Следует отметить, что подобная описываемой проблема существовала и в отношении полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в сфере обеспечения правопорядка, но в 2010 г. она была разрешена.

Поскольку вопросы обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, данный вопрос не мог оставаться вне правового регулирования. В порядке реализации дискреционных полномочий Президента РФ был издан указ от 11 декабря 2010 г. N 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка»*, который содержит вполне конкретные правовые предписания: 1) создать координационные совещания; 2) утвердить их состав; 3) осуществлять ряд задач и функций; 4) оформлять решения актами высших должностных лиц субъектов РФ [6, с. 39].

Но приведенный пример является частным способом регулирования координационных полномочий. Системного решения данного вопроса, как представляется, на сегодняшний день не существует.

В соответствии с поправками от 11 декабря 2004 г., внесенными в Закон об общих принципах**, перечень полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации был дополнен вполне конкретным предписанием: «обеспечивает координацию деятельности органов исполнительной влас-

ти субъекта Российской Федерации с иными органами государственной власти субъекта Российской Федерации и в соответствии с законодательством Российской Федерации может организовывать взаимодействие органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления и общественными объединениями».

В развитие данной нормы были изданы соответствующие указ Президента РФ*** и постановление Правительства РФ****, однако они регламентируют порядок взаимодействия с территориальными органами МВД России, МЧС России, Минюста России, ФССП России, а также федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим министерствам. В исследуемой сфере общественных отношений координационные полномочия данными нормативными правовыми актами не урегулированы. И это является существенной проблемой.

Как справедливо отмечает В.В. Чирков, деятельность правительственной комиссии по совершенствованию взаимодействия, к сожалению, кроме установления порядка согласования при назначении на должность руководителей территориальных органов, другого практического результата не имела, и большинство вопросов совместной деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по-прежнему рассматривается на многочисленных межведомственных комиссиях и со-

*** Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 2 июля 2005 г. N 773 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 27. Ст. 2730.

**** О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 5 дек. 2005 г. N 725 // Собр. законодательства Рос Федерации. 2005. N 50. Ст. 5311.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 50. Ст. 6656.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 50. Ст. 4950.

ветах, практическое исполнение решений которых довольно проблематично. Данная ситуация мирного времени явно не подлежит практическому распространению на период непосредственной угрозы агрессии и на военное время [7, с. 30].

Вместе с тем до сих пор не решен важный вопрос, связанный с правовым регулированием полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения.

Конечно, в данном вопросе сам факт наделения органов государственной власти субъектов Российской Федерации государственно-властными полномочиями прямо Конституцией РФ не предусмотрен. Более того, ст. 71 Конституции РФ вопросы, связанные с обороной и безопасностью, относят к исключительному ведению Российской Федерации. Однако ст. 15 Закона о военном положении прямо указывает на наличие полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а именно органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения, но с необходимым и важным уточнением: «в пределах их компетенции». В законе закреплены следующие полномочия:

1) организация производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, специальных формирований и для нужд населения;

2) организация снабжения (при необходимости нормированного) населения продовольственными и непродовольственными товарами и медицинского обслуживания населения;

3) регулирование деятельности организаций промышленности, торговли, общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства;

4) оповещение через средства массовой информации населения территории, на которой введено военное положение, о порядке применения мер, предусмотренных Законом о военном положении;

5) оказание содействия федеральным органам исполнительной власти и органам военного управления в применении мер, предусмотренных Законом о военном положении.

Можно заметить, что названные полномочия в перечень, установленный ст. 71 Конституции РФ, «не вторгаются». Они соответствуют общим принципам разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, установленным положениями гл. IV.1 Закона об общих принципах.

Проблема заключается не в перечне полномочий и не в самой процедуре их установления. Очевидно, что в Законе о военном положении не учитываются принципы организации и деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Нет никаких сомнений в том, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в силу своего наименования и установленного Законом об общих принципах перечня полномочий юридически является руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а фактически руководит всей системой исполнительной власти в субъекте Российской Федерации, и исключать его из перечня субъектов, обеспечивающих режим военного положения, видится нецелесообразным.

В ходе обновления законодательства, регулирующего вопросы организации правового режима военного положения, следует дополнить Закон о военном положении отдельной статьей о полномочиях высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения. Данное предложение основывается на его особой роли в обеспечении координации деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации и организации взаимодействия органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления и общественными объединениями.

В частности, это могут быть полномочия по координации деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти и органами военного управления в пределах установленной компетенции, полномочия, связанные с осуществлением дополнительных мер по охране

общественного порядка и общественной безопасности, охране объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, в местностях, в которых введен режим военного положения в пределах территории субъекта Российской Федерации. Кроме того, в отношении высших должностных лиц субъектов Российской Федерации с учетом их особого правового статуса в системе органов государственной власти субъекта Российской Федерации могут быть возложены и иные полномочия, в том числе связанные с участием в органах управления, обеспечивающих реализацию мероприятий по соблюдению режима военного положения.

С учетом внесения соответствующих поправок в Закон о военном положении данные вопросы должны найти дальнейшее развитие в федеральных подза-

конных нормативных правовых актах, в законодательстве субъектов Российской Федерации, что устранил существующие пробелы в правовом регулировании полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, призванных организовывать обеспечение режима военного положения. Таким образом, полномочия высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, «незаслуженно забытые» в Законе о военном положении, в данной сфере общественных отношений приобретут нормативную легитимацию, и существующий в правовом регулировании данного особого административно-правового режима пробел, не учитывающий организационно-правовую структуру органов государственной власти субъектов Российской Федерации, будет устранен.

Список литературы

1. Мелехин А.В. Конституционно-правовой аспект режима военного положения // Конституционное и муниципальное право. 2005. N 7. С. 34-37.
2. Зиборов О.В. Статическое и динамическое проявления административно-правового режима военного положения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 1. С. 16-21.
3. Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юридический журнал. 2008. N 6. С. 13-16.
4. Долинин Д.Н. К вопросу о полномочиях государственных органов Российской Федерации в условиях военного положения // Военно-юридический журнал. 2008. N 7. С. 10-13.
5. Мещеряков А.Н. Правовое положение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе разделения властей: монография. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2013. 102 с.
6. Мещеряков А.Н. Правовое регулирование полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в сфере обеспечения правопорядка // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 1. С. 37-41.
7. Чирков В.В. Взаимодействие органов военного управления и исполнительной власти субъектов РФ при угрозе агрессии государству // Морской сборник. 2012. N 5. С. 25-32.

References

1. Melekhin A.V. *Konstitutsionno-pravovoy aspekt rezhima voennogo polozheniya* [Constitutional and legal aspects of the martial law regime]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* – Constitutional and municipal law, 2005, no. 7, pp. 34-37.
2. Ziborov O.V. *Sticheskoe i dinamicheskoe proyavleniya administrativno-pravovogo rezhima voennogo polozheniya* [Static and dynamic manifestations of administrative and legal regime of the state of martial law]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement practice, 2015, no. 1 (31), pp. 16-21.
3. Glushachenko S.B., Pomerlyan A.N. *Spetsifika rezhima voennogo polozheniya v sovremennoy Rossii* [Specificity of the martial law regime in modern Russia]. *Voенno-yuridicheskiy zhurnal* – Military Law Journal, 2008, no. 6, pp. 13-16.
4. Dolinin D.N. *K voprosu o polnomochiyakh gosudarstvennykh organov Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh voennogo polozheniya* [On the question of the powers of state bodies of the Russian Federation under martial law]. *Voенno-yuridicheskiy zhurnal* – Military Law Journal, 2008, no. 7, pp. 10-13.
5. Meshcheryakov A.N. *Pravovoe polozhenie vysshego dolzhnostnogo litsa sub'ekta Rossiyskoy Federatsii v sisteme razdeleniya vlastey* [The legal status of the highest official of the Russian Federation in the system of separation of powers]. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Russian Interior Ministry. 2013. 102 p.
6. Meshcheryakov A.N. *Pravovoe regulirovanie polnomochiy vysshego dolzhnostnogo litsa sub'ekta Rossiyskoy Federatsii v sfere obespecheniya pravoporyadka* [The legal regulation of a highest-ranking official of the subject of the Russian Federation powers in legal order providing]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement practice, 2013, no. 1 (23), pp. 37-41.
7. Chirkov V.V. *Vzaimodeystvie organov voennogo upravleniya i ispolnitel'noy vlasti sub'ektov RF pri ugroze agres-sii gosudarstvu* [Interaction of military control bodies and executive bodies of subjects of the Russian Federation under the threat of aggression State]. *Morskoy sbornik* – Sea collection, 2012, no. 5, pp. 25-32.

<p>САБИТОВА А.А., кандидат юридических наук, доцент, Asyl_sabitova@mail.ru Кафедра гражданского права и гражданского процесса; Восточно-Казахстанский государственный университет им. Сарсена Аманжолова, 070020, Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 30-й Гвардейской дивизии, 34</p>	<p>SABITOVA A.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Asyl_sabitova@mail.ru Chair of civil law and civil procedure; Sarsen Amanzholov East-Kazakhstan State University, 30 Gvardeyskoy Diviziyi St. 34, Ust-Kamenogorsk, 070020, Republic of Kazakhstan</p>
---	---

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Реферат. Создание института административного правосудия является актуальным направлением проводимой в Республике Казахстан судебной реформы. Как и в других постсоветских государствах, в Казахстане административные споры отнесены к компетенции общих судов и рассматриваются по общим правилам гражданского процесса с отдельными изъятиями; остальные споры рассматриваются в административном порядке. Административная юстиция определяется как один из институтов правового государства, особое значение которого обусловлено наибольшей близостью исполнительной власти к населению и, как следствие, распространенной практикой нарушения прав и свобод граждан. Необходимость административной юстиции как правозащитного механизма проистекает из потребности обеспечить законные интересы граждан во всех случаях неправомерного и бесконтрольного использования властных полномочий административными органами и их должностными лицами. Формулируются предложения по принятию административного процессуального кодекса Республики Казахстан. Ставится проблема развития института административной юстиции, предлагается разработать Концепцию административной юстиции в Республике Казахстан, а также обоснованы три категории дел, подсудных таким судам: 1) обжалование гражданами актов и действий должностных лиц, государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, нарушающих их права преимущественно публичного характера; 2) споры между гражданами, юридическими лицами и государственными органами, должностными лицами по поводу правовых актов последних; 3) тематические споры (нарушения бюджетного, налогового, санитарно-эпидемиологического, экологического, таможенного законодательства). Предлагается создание единой системы правовых мер, направленных на повышение эффективности системы административно-правовых гарантий защиты прав и законных интересов граждан, что, несомненно, определяется актуальностью предложенной темы и отвечает требованиям времени.

Ключевые слова: административный суд, административное судопроизводство, административная юстиция, административный спор, кодекс об административных правонарушениях.

PROSPECTS OF DEVELOPING ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS AS A GARANTEE OF PROTECTING RIGHTS OF CITIZENS OF KAZAKHSTAN

Abstract. Establishing the institute of administrative justice is important direction of judicial reform carried out in Kazakhstan. Administrative disputes in Kazakhstan are within the competence of general courts and they are adjudicated according to the general rules of civil procedure with some exceptions. Other disputes are adjudicated by administrative order. Administrative justice is considered as one of the institutes of constitutional state, its special significance is conditioned by the closeness of executive power to people, as well as common practice of violating civil rights and liberties. The necessity of administrative justice as a human rights mechanism arises from the need to ensure the legitimate interests of citizens in all the cases of unlawful and uncontrolled use of powers of authority by the administrative bodies and their officials. The proposals on adopting the Kazakhstan Administrative Procedure Code are given. The problem of developing the institute of administrative justice in Kazakhstan is raised. It's proposed to develop the Concept of administrative justice in Kazakhstan. Three categories of cases triable in such courts are argued: 1) the appeal of acts and actions of officials, state and local authorities, public associations violating civil rights of public character; 2) disputes between citizens,

© 2015 LS&LP. Open Access. This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>).

officials, legal persons and state authorities on legal acts of the officials; 3) subject disputes (violations of budgetary, tax, sanitary epidemiological, ecological and customs legislation). It's proposed to create a unified system of legal measures aimed at improving the efficiency of the system of administrative guarantees of protecting civil rights and legitimate interests.

Keywords: administrative court, administrative proceedings, administrative justice, administrative dispute, Code of Administrative Offences.

В современных условиях судебный контроль в сфере исполнительной власти является одним из важнейших способов обеспечения законности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Мировой опыт убеждает в том, что реальность и действенность принципов демократии, гуманизма и законности во многом зависят от того, как устроен и функционирует суд.

Проводимые в последнее время в Республике Казахстан правовые реформы дают основания уже в ближайшем будущем найти в принимаемых законах отражение необходимости введения правосудия по рассмотрению административно-правовых споров (административная юстиция). Об этом свидетельствует Конституция РК, в ч. 2 ст. 75 которой закреплено, что судебная власть в Республике Казахстан осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм производства, а также Конституционный закон «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (ч. 2 ст. 1)*. Более того, в ст. 3 указанного закона говорится, что «в Республике Казахстан могут создаваться специализированные суды (военные, экономические, административные, по делам несовершеннолетних и другие)». Это усматривается, во-первых, в нормативном установлении взаимно корреспондирующих прав и обязанностей граждан и государства, их целостной системы, обеспечивающей и защищающей права, свободы и законные интересы граждан, во-вторых, в наличии такой системы правосудия, которая обеспечивала бы правовую защиту юридических и физических лиц.

В настоящее время во многих государствах бывшего Советского Союза (Таджикистан, Казахстан, Украина, Беларусь) как на научном, так и на законодательном уровне поднимаются проблемы совершенствования механизмов защиты прав и законных интересов граждан в процессе рассмотрения административно-правово-

го спора и создания специализированных органов административной юстиции.

Исторически развитие административной юстиции в независимых государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза, связано с переходом от тоталитарных методов управления к демократическим.

Административное судопроизводство раньше всего появилось в странах Балтии (Литва, Эстония, Латвия). Ряд других государств, таких как Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, также полностью отказались от регулирования административного судопроизводства в рамках гражданского процесса. С 15 сентября 2015 г. вступил в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ.

К государствам, в которых административное судопроизводство осуществляется в рамках гражданского процесса или его разновидностей, относятся Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

В Республике Казахстан система административной юстиции пока еще не оформилась до конца, хотя определенные ее элементы всегда наблюдались, а в последнее время они получают заметное развитие. В числе подобных элементов — судебное рассмотрение жалоб на незаконные действия исполнительных органов (должностных лиц), рассмотрение и разрешение споров в органах исполнительной власти и в судах.

Одним из приоритетных направлений судебной реформы явилось выделение судебной специализации по административным делам. Раньше специализация имела в некотором роде определенную почву в практике правосудия республики. В 1990 году Законом «О судостроительстве Казахской ССР»** были предусмотрены должности судей по административным делам и исполнительному производству при районных (городс-

* О судебной системе и статусе судей: конст. закон от 25 дек. 2000 г. N 132-II ЗПК. URL: <http://adiletzan.kz>

** О судостроительстве Казахской ССР: закон Казахской ССР от 29 нояб. 1990 г. N 347 // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990. N 48. С. 443.

ких) народных судах, на которых возлагалась обязанность рассматривать дела об административных правонарушениях. Но в ходе правовой реформы, направленной на формирование единой судебной системы во главе с Верховным судом, институт административных судей был упразднен. Основные усилия государственной власти и судебного корпуса были направлены на решение более актуальных задач: формирование сильной единой судебной власти, обеспечение ее независимости и самостоятельности, укрепление судов общей юрисдикции.

Как отмечают отдельные авторы, «административная юстиция» является процессуальным институтом материально-административного права и одной из разновидностей административного судопроизводства [1, с. 4].

При рассмотрении вопроса о соотношении «административной юстиции» и административного судопроизводства Д.Н. Бахрах, например, приводит три основных аргумента в пользу их различия. Во-первых, основное отличие между административной юстицией и административным судопроизводством состоит в том, что административная юстиция может быть и гражданским (арбитражным), и административным судопроизводством. Во-вторых, административное судопроизводство включает споры между субъектами публичной власти. Например, спор между двумя органами исполнительной власти нельзя отнести к административной юстиции. В-третьих, при привлечении граждан к административной ответственности суды не занимаются административной юстицией [2, с. 19-25].

В ряде стран административная юстиция осуществляется в порядке гражданского, а в иных — в порядке административного судопроизводства. И основное отличие между административной юстицией и административным судопроизводством состоит в том, что первая может быть и гражданским (арбитражным), и административным судопроизводством.

Противоречивым, на наш взгляд, представляется утверждение Ю.Н. Старилова о равенстве данных правовых категорий и институтов [3, с. 5-13].

По мнению многих российских авторов, суды административной юстиции — наиболее развитая и современная форма правосудия по административным делам.

Такие суды, разрешающие споры, возникающие из властных отношений, и защищающие граждан от незаконных действий администрации, являются лучшей формой организации правосудия по административным делам с точки зрения профессионализма, беспристрастности, компетенции разрешения споров и других качеств. Эти качества объясняют большое распространение административной юстиции во многих странах. Административные суды встречаются в более или менее развитой форме даже в странах, которые строят свою правовую систему на строгом разделении властей, формально не допускающем появления иных судов, кроме конституционной судебной власти, возглавляемой Верховным судом (США, Бразилия).

Образование специализированных административных судов, как было отмечено выше, является основным признаком административной юстиции. В Республике Казахстан проблема специализации судов еще в 2001 году была поставлена на самый высокий уровень. Так, в июне 2001 года, на третьем съезде судей республики создание специализированных административных судов было названо главой государства Н.А. Назарбаевым в качестве одной из восьми приоритетных задач судебной системы. Положение о дальнейшем совершенствовании судебной системы путем развития специализированных, в том числе административных, судов было предусмотрено в Концепции правовой политики Республики Казахстан от 20 сентября 2002 г. N 949* и в дальнейшем было одобрено Указом Президента РК от 9 февраля 2002 г. N 803 «Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов»**.

В соответствии с данным указом административные суды были образованы в городах Астана и Алматы. Эти суды действовали в порядке эксперимента, в их компетенцию входило рассмотрение дел об административных правонарушениях и гражданских дел об оспаривании решений и действий государственных органов и их должностных лиц. Необходимость создания административных судов вызвало то, что после принятия Кодекса об административных правонару-

* URL: <http://adiletzan.kz>

** Там же.

шениях от 30 января 2001 г. к компетенции судов было отнесено 228 составов правонарушений вместо 54 ранее рассматриваемых. Это привело к увеличению количества этой категории дел на 422 %*.

С 1 января 2005 года административные суды действуют повсеместно на территории Республики Казахстан. С утверждением в 2009 г. Президентом Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года** поставлена задача усиления правовых гарантий личности и обеспечения прав и законных интересов граждан в сфере государственного управления. Во-первых, в Концепции констатируется важность развития административно-процессуального права, вершиной которого стало бы принятие Административного процессуального кодекса. При этом следует четко определиться с предметом регулирования административно-процессуального законодательства. В этом контексте сохраняют актуальность вопросы законодательной регламентации и порядка разрешения конкретных дел об административных правонарушениях. Во-вторых, на базе действующих административных судов необходимо создать систему административной юстиции, рассматривающей публично-правовые споры с передачей дел об административных правонарушениях в подведомственность судов общей юрисдикции [4, с. 22-23]. Иными словами, подлежит рассмотрению вопрос процессуального обособления и легитимации порядка разрешения конфликтов публично-правового характера.

На сегодняшний день в административном судопроизводстве существует огромное количество проблем. Но в рамках данной статьи мы рассмотрели наиболее существенные из них. Правильное разрешение данных проблем способствует укреплению судебной системы, а именно специализированного административного суда.

В Республике Казахстан процедура разрешения публично-правовых спо-

ров регулируется ст.ст. 278 и 279 Гражданского процессуального кодекса РК от 13 июля 1999 г.***, устанавливающего, что гражданами и юридическими лицами в суде могут быть оспорены коллегиальные и единоличные решения и действия (или бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц, государственных служащих в порядке, предусмотренном главой 27 ГПК РК, при обязательном наличии совокупности следующих условий:

1) спор вытекает из публично-правовых правоотношений (отношений власти и подчинения);

2) оспариваемыми решениями, действиями (бездействием) нарушены права, свободы и охраняемые законом интересы граждан и юридических лиц; созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод, а также юридическим лицом его прав и охраняемых законом интересов; на гражданина или юридическое лицо незаконно наложена какая-либо обязанность или они незаконно привлечены к ответственности [3].

В целях совершенствования отправления правосудия по делам об административных правонарушениях был принят новый Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, который вступил в законную силу с 1 января 2015 года****.

Так, из ГПК РК в главе 27 «Производство по делам об оспаривании решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих» была исключена норма об обжаловании действий (бездействия) органа (должностного лица), осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. В новую же редакцию Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях была включена самостоятельная глава 44 по обжалованию действий (бездействия) органа (должностного лица), осуществляющего производство по делу об административном правонаруше-

* Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов: Комментарий к Указу Президента Республики Казахстан от 9 февр. 2002 г. N 803. URL: <http://adiletzan.kz>

** О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: указ Президента Республики Казахстан от 24 авг. 2009 г. N 858. URL: <http://adiletzan.kz>

*** Гражданский процессуальный кодекс РК от 13 июля 1999 г. N 411-1. URL: <http://adiletzan.kz>

**** Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. N 235-V. URL: <http://adiletzan.kz>

нии. Процедура состоит в том, что действия (бездействие) органа (должностного лица), осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, могут быть обжалованы в вышестоящий орган (должностному лицу) и (или) в специализированный районный и приравненный к нему административный суд.

Одна из проблем административного судопроизводства заключается в том, что на сегодняшний день нет четкой концепции разграничения полномочий между судом и внесудебными инстанциями по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Это затрудняет процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях. Также в административном судопроизводстве не развит принцип состязательности. Кроме того, следует уделить внимание такой проблеме, как несоблюдение принципа соразмерности юридической ответственности степени общественной опасности и характеру правонарушения.

Конституционное положение об осуществлении судопроизводства в административном порядке требует от законодателя необходимости приведения в единую систему пока еще разрозненных административно-процессуальных норм, посвященных охране прав и законных интересов граждан, а также иных участников административно-правовых отношений в рамках судопроизводства. В данном случае при формировании института административной юстиции в нашем государстве оно должно опираться на достаточно регламентированное административное законодательство. Для полноценного развертывания института административной юстиции необходимо принятие законодательного акта, призванного закрепить процессуальные правила деятельности органов государственного управления по рассмотрению административных дел (публичных споров).

Административно-процессуальный кодекс должен стать единым законодательным актом, содержащим систематизированные определенным образом нормы административного права и регламентирующим не только порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, но и порядок обжалования гражданами действий должностных лиц в административных и судебных органах. Создание Административного процессуального ко-

декса будет способствовать более эффективному разрешению жалоб и «административных исков» граждан и их объединений на действия органов государственного управления и их должностных лиц. Тем самым в определенной мере будет решаться задача защиты прав, свобод и законных интересов гражданина.

Для установления объема и характера административного судопроизводства необходимо определить природу административно-правовых дел, которые представляют собой административные дела, возникающие из административных правоотношений, дела по защите прав и законных интересов граждан в сфере государственного управления.

Так какая же категория дел подлежит рассмотрению в административных судах? Все дела можно разделить на три категории.

1. Обжалование гражданами актов и действий должностных лиц, государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, нарушающих их права преимущественно публичного характера. Речь идет об отказе предоставить публичную информацию, определенные документы, провести регистрацию юридических действий, об ограничении и нарушениях в процессе выборов, о препятствиях к занятию должности на государственной службе, о невыполнении служебных функций и т.д.

К компетенции административных судов можно отнести дела об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (это гл. 27 ГПК РК), а также дела по спорам, связанным с применением законодательства о выборах (гл. 25 ГПК РК), по делам об оспаривании законности нормативных правовых актов (гл. 28 ГПК РК), по спорам органов государственной власти и органов местного самоуправления между собой. К их компетенции можно отнести дела о приостановлении или прекращении деятельности общественных объединений. К категории административных дел необходимо отнести дела, вытекающие из административно-властных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления. Сейчас указанные

административные дела рассматриваются судами общей юрисдикции и экономическими судами, существует необходимость разграничения подсудности этих дел. Также следует перенести составы административных правонарушений, совершаемых должностными лицами и гражданами, предусмотренных Кодексом РК об административных правонарушениях.

Кроме того, должны быть установлены краткие сроки рассмотрения конкретных административных дел, эффективный контроль за своевременным и точным выполнением судебных постановлений, особенности рассмотрения и разрешения споров по отдельным категориям дел.

2. Споры между гражданами, юридическими лицами и государственными органами, должностными лицами по поводу правовых актов последних. Данная категория дел рассматривается на сегодняшний день по правилам ст. 28 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 13 июля 1999 года N 412-1.

3. Тематические споры, в том числе и споры по вопросам оказания государственных услуг. Изучение практики показывает, насколько велик объем правонарушений бюджетного, налогового, санитарно-эпидемиологического, экологического, таможенного законодательства. В связи с развитием и совершенствованием института государственных услуг особую актуальность приобретает проблема созда-

ния единого механизма привлечения к административной ответственности лиц, задействованных в процедурах, связанных с предоставлением государственных услуг органами исполнительной власти, а также органами местного государственного управления и самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия. И здесь административное судопроизводство могло бы существенным образом помочь устойчивости императивных норм.

Таким образом, указанные положения будут способствовать созданию и развитию в Республике Казахстан эффективного административного судопроизводства и авторитетных административных судов, а механизмы административной юстиции достигнут высокого уровня доверия у граждан. Административное судопроизводство должно стать полноценной формой осуществления правосудия, наряду с уголовным и гражданским судопроизводством. Но первоочередной задачей должна стать разработка концепции административной юстиции в области обеспечения прав человека, уяснение содержания всех ее элементов, анализ способов ее осуществления, что позволит научно обосновать возможные пути совершенствования нормативной базы, наметить конкретные направления дальнейшего развития административного законодательства.

Список литературы

1. Перспективы развития административной юстиции в Республике Казахстан: сб. материалов круглого стола. Алматы, 2010. 44 с.
2. Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс // Государство и право. 2005. N 2. С. 19-25.
3. Стариков Ю.Н. Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции // Государство и право. 2004. N 6. С. 5-13.
4. Обзор законодательства об административной юстиции в странах бывшего СССР. Алматы, 2010. 80 с.

References

1. *Perspektivy razvitiya administrativnoy yustitsii v Respublike Kazakhstan* [Prospects for the development of administrative justice in the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2010. 44 p.
2. Bakhrakh D.N. *Administrativnoe sudoproizvodstvo, administrativnaya yustitsiya i administrativnyy protsess* [Administrative proceedings, administrative justice and administrative process]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Legislation, 2005, no. 2, pp. 19-25.
3. Starilov Yu.N. *Administrativnyy protsess v sisteme sovremennykh nauchnykh predstavleniy ob administrativnoy yustitsii* [The administrative process in the modern scientific conceptions of administrative justice]. *Gosudarstvo i pravo* – State and right, 2004, no. 6, pp. 5-13.
4. *Obzor zakonodatel'stva ob administrativnoy yustitsii v stranakh byvshego SSSR* [Overview of legislation on administrative justice in the countries of the former Soviet Union]. Almaty, 2010. 80 p.

САЛЬНИКОВ Е.В., SALNIKOV E.V.,
кандидат философских наук, доцент, Candidate of Philosophical Sciences,
esalnikov2005@yandex.ru associate professor,
esalnikov2005@yandex.ru
Кафедра социально-философских дисциплин; Chair of social and philosophical disciplines;
Орловский юридический институт Lukyanov Orel Law Institute
Министерства внутренних дел of the Ministry of the Interior
Российской Федерации of the Russian Federation,
имени В.В. Лукьянова, Ignatova St. 2, Orel, 302027,
302027, г. Орел, Игнатова, 2 Russian Federation

ТРЕБОВАНИЯ К ОБЩЕНИЮ СОТРУДНИКОВ ГИБДД С ВОДИТЕЛЯМИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ С УЧЕТОМ ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Реферат. Этническая и религиозная толерантность особенно необходима сотрудникам Государственной инспекции безопасности дорожного движения, деятельность которых предполагает общение со значительным количеством людей. Приводятся результаты проведенного с участием автора социологического опроса 302 сотрудников, представляющих 9 подразделений ГИБДД из 62 регионов России. При достаточно высоком уровне толерантности внутри коллектива сотрудники ГИБДД испытывают проблемы в сфере толерантности во взаимоотношениях с гражданами в ходе службы, при этом наибольшее значение имеет проблема межэтнической толерантности. Ведущую роль в построении толерантного взаимодействия должен играть сам полицейский. Сотруднику следует преодолевать разобщенность по этническим или религиозным мотивам, продемонстрировав общность целей, интересов и мнений с гражданином применительно к конкретной ситуации. Необходимо проявлять уверенность, решительность, переводить общение из межличностной плоскости в строго профессиональное общение, обосновывая свои действия требованиями нормативных правовых актов. В ситуации этнического или религиозного конфликта сотруднику необходимо контролировать собственные эмоции, внутренне мобилизоваться, переоценить критическую ситуацию и состояние гражданина. Ставится вопрос о границах толерантности. Уважение к национальным и религиозным обычаям и традициям не должно трансформироваться в попустительство. Утверждается необходимость единой правовой оценки деятельности каждого гражданина вне зависимости от его национальности или религиозной принадлежности. Формулируются рекомендации по профессиональному общению сотрудников ГИБДД в ситуациях, когда необходимо учитывать этническую или религиозную принадлежность водителя, управляющего транспортным средством, иных участников дорожного движения. Это позволит улучшить морально-этический облик сотрудника полиции, повысить имидж российского полицейского.

Ключевые слова: толерантность, этническая принадлежность, религиозная ориентация, сотрудник ГИБДД, водители транспортных средств.

REQUIREMENTS FOR COMMUNICATION OF TRAFFIC OFFICERS WITH DRIVERS IN VIEW OF THEIR ETHNICITY AND RELIGIOUS ORIENTATION

Abstract. Ethnic and religious tolerance is especially necessary for officers of State Inspection for Road Traffic Safety, whose activity implies communication with a great number of people. The results of public opinion poll conducted among 302 traffic officers representing 9 GIBDD divisions of 62 Russian regions are provided. Though the tolerance level in traffic officers' team is rather high, they have some problems associated with displaying tolerance in relationships with people, the problem of interethnic tolerance is particularly important. Police officers themselves should play the leading role in establishing tolerant communication. They should overcome dissociation related to ethnic and religious motives through demonstrating community of goals, interests and opinions with a person in a certain situation. They should also display confidence and resoluteness, communicate professionally and base their own actions on the requirements of normative acts. In case of ethnic and religious conflict traffic officers should control their emotions, collect their thoughts and reconsider the critical situation and person's state. The issue of tolerance boundaries is raised. It's stated that respect for national and religious customs and traditions should not be transformed into connivance. Unified legal assessment of the activities of every citizen regardless of his/her nationality or religion is considered to be essential.

Proposals on the professional communication of traffic officers in situations when it's necessary to take into account ethnicity and religious orientation of drivers and other road traffic participants, are made. It will allow to improve moral and ethnic image of the Russian traffic officers.

Keywords: tolerance, road police, to interrelation between traffic officer and drivers.

На современном этапе развития российского общества от сотрудников органов внутренних дел требуются высокий уровень грамотности в вопросах межэтнического и межрелигиозного взаимодействия, толерантность и устойчивое владение навыками межэтнического и межрелигиозного общения. В силу насыщенности и многогранности правоохранительной деятельности сотрудникам полиции достаточно часто приходится сталкиваться с этническими и религиозными барьерами, актуальными и потенциальными этническими (религиозными) конфликтами при решении различных проблем, вопросов профессиональной деятельности.

Согласно Декларации принципов толерантности толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»*. Это определение подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности. На протяжении последних десятилетий проблеме толерантности уделялось повышенное внимание со стороны научного сообщества. Исследователи анализировали как политико-правовые аспекты борьбы с экстремизмом и поддержания толерантности в обществе [1; 2; 3; 4], так и психолого-педагогические методы и приемы формирования основ толерантного поведения [5; 6; 7; 8], исследовались и социологические аспекты нетерпимости и толерантности в современном обществе [9; 10; 11]. Однако особенности толерантности сотрудников органов внутренних дел в целом, а тем более специфика такого поведения при осуществлении должностных обязанностей сотрудниками отдельных

служб должного анализа в современной литературе еще не получили.

Вместе с тем наличие этнической и религиозной толерантности имеет большую значимость для сотрудников тех служб в составе органов внутренних дел, которые в своей повседневной деятельности общаются со значительным количеством людей. К их числу относится личный состав Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Обязательным элементом обеспечения безопасности дорожного движения является уважительное отношение сотрудников ГИБДД к участникам дорожного движения. Недопустимы акты предвзятости и некорректного отношения, ущемления прав участников дорожного движения по мотивам этнической, религиозной, социальной нетерпимости или вражды.

В настоящей статье приводятся отдельные данные социологического опроса, осуществленного в рамках научного исследования «Формирование толерантности как фактор предупреждения распространения экстремистских настроений в среде сотрудников ГИБДД». Данное исследование проводилось кафедрой социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России в 2011-2013 годах. Объектом исследования явились сотрудники различных подразделений ГИБДД из 62 регионов России, проходившие повышение квалификации на базе факультета переподготовки и повышения квалификации ОрЮИ МВД России и слушатели факультета заочного обучения данного вуза. В исследовании приняли участие случайным образом отобранные представители 9 подразделений и служб в составе ГИБДД в количестве не менее 18 человек из каждой службы. Общая величина выборки составила 302 человека. Таким образом, выводы социологического опроса опираются на показатели случайной бесповторной выборки, предельная средняя ошибка которой с вероятностью 0,95 не составит более 5 %, что позволяет считать выборку репрезентативной.

Проведенный опрос позволяет получить представления об уровне и характеристиках толерантности как во взаимо-

* Декларация принципов толерантности: принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc

отношениях внутри профессионального коллектива сотрудников ГИБДД, так и в рамках взаимоотношений сотрудников ГИБДД с гражданами при осуществлении служебной деятельности.

Согласно полученным данным лишь 2,3 % опрошенных респондентов считают, что недоброжелательные отношения на религиозной почве широко распространены в среде сотрудников ГИБДД. 19,2 % указали на малую распространенность этого явления, тогда как 54,3 % респондентов убеждены, что подобное практически не встречается. К этому числу следует добавить и 24,1 % тех респондентов, которые затруднились с ответом. Согласимся с тем, что в ситуации наличия межрелигиозных проблем в собственном профессиональном коллективе сотрудник не может затрудняться с ответом. Затруднение с ответом здесь следует рассматривать как косвенный показатель отсутствия проблемы межрелигиозной толерантности в служебном коллективе.

Немного выше негативные показатели степени распространенности в среде сотрудников ГИБДД недоброжелательных отношений на межэтнической почве. 5 % опрошенных считают, что данные отношения распространены довольно широко, а 29,4 % указали на их незначительную распространенность. В противоположность этому 44,1 % опрошенных убеждены, что подобное практически не встречается, а для 21 % данная проблема не обладает значимостью настолько, что они затруднились с ответами.

Вместе с тем сотрудники ГИБДД все же признают, что религиозная и национальная принадлежность является значимой при осуществлении профессиональной деятельности. Высокую степень значимости религиозной принадлежности отмечают 5,35 % опрошенных, национальной принадлежности — 5,7 %, среднюю степень — 18,3 % и 10,6 %, низкую степень — 35 % и 39,3 % соответственно. Почти половина (44,3 %) сотрудников ГИБДД убеждена в том, что национальная принадлежность не имеет значимости для осуществления профессиональной деятельности, процент лиц, убежденных в отсутствии значимости религиозной принадлежности, не намного ниже — 41,3 %.

Таким образом, уровень толерантности во взаимоотношениях сотрудников ГИБДД

внутри своего профессионального коллектива можно считать достаточно высоким. Межэтнические и межрелигиозные проблемы в своей острой стадии достаточно редки, и в целом эта составляющая взаимоотношений не является наиболее актуальной, хотя отдельные эксцессы все же наблюдаются.

Несколько иные характеристики толерантности мы обнаруживаем в рамках профессиональных взаимоотношений сотрудников ГИБДД с гражданами. Так, практически половина опрошенных (47,4 %) указали на то, что национальность водителя накладывает отпечаток на стиль его вождения и общения с сотрудниками ГИБДД. При этом в общей сложности 68,3 % опрошенных при осуществлении своей профессиональной деятельности сталкивались с проявлениями агрессивности со стороны представителей других национальностей, из них 11,7 % — часто, 46,3 % — иногда, 10,3 % — однажды сталкивались с подобной проблемой во взаимоотношениях с гражданами.

Вдвое выше оказалась доля тех сотрудников, которые не встречались с проявлениями религиозной нетерпимости со стороны граждан при осуществлении своей профессиональной деятельности (64,8 %, против 31,7 %). При этом часто встречались с нетолерантностью и религиозно мотивированной агрессией 2 % респондентов, каждый пятый (24,9 %) указывал на редкость данного явления, однократно с религиозной нетерпимостью сталкивались при исполнении служебных обязанностей 8,3 % респондентов. При этом 57,1 % сотрудников ГИБДД убеждены в том, что вероисповедание водителя не накладывает никакого отпечатка на стиль его вождения и общения с сотрудниками ГИБДД.

Таким образом, полученные в результате социологического опроса данные позволяют нам сформулировать весьма значимый вывод. Сотрудники ГИБДД испытывают значительно большие проблемы в сфере толерантности во взаимоотношениях с гражданами в ходе осуществления своих профессиональных обязанностей, чем внутри собственного профессионального коллектива. При этом наиболее значимой представляется проблема межэтнической толерантности.

Этот вывод задает ориентиры воспитательной работы с сотрудниками ГИБДД.

Совершенно очевидно, что она должна строиться по-разному применительно к взаимоотношениям сотрудников ГИБДД внутри своего профессионального коллектива и применительно к взаимоотношениям сотрудников ГИБДД с гражданами.

Целью воспитательной работы в профессиональном коллективе по данному направлению будет являться поддержание на соответствующем уровне и укрепление толерантных отношений сотрудников ГИБДД, а основными задачами подобной работы – повышение уровня толерантности, предупреждение и пресечение недоброжелательных отношений, возникающих на религиозной или этнической основе, выявление на ранней стадии и профилактика возможных конфликтов с религиозным и национальным подтекстом.

Проведение воспитательной работы по поддержанию и укреплению толерантности внутри коллектива сотрудников полиции должно основываться на принципах:

- целостности и системности как постоянного совершенствования форм теоретического осмысления и практики, т.е. достижения определенной стабильности и целостности толерантных отношений, взаимного уважения в коллективе сотрудников ОВД вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности;

- развития как способности системы сохранять позитивную поступательность толерантных отношений;

- единства сознания и деятельности сотрудника полиции в сфере толерантных отношений.

Знания, которые необходимы сотруднику ОВД для формирования толерантных отношений, – это общие сведения об особенностях межэтнического и межрелигиозного взаимодействия. Сотруднику полезно познакомиться с традициями и обычаями, культурой этнических групп, представители которых есть в его профессиональном коллективе. Особое значение имеет знание и правильное понимание принципа толерантности, форм и методов его формирования и поддержания.

Сотрудник должен обладать умением профессионального общения в коллективе [12], умением формировать в коллективе нормы доброжелательности, товарищества, навыки уважительного отношения к инокультурным нормам.

Ознакомление сотрудников с вышеобозначенной проблемой целесообразно осуществлять в ходе занятий по профессиональной служебной и морально-психологической подготовке. Формами таких занятий будут являться лекции, дискуссии, встречи с наиболее видными представителями этнических и религиозных групп, круглые столы, культурно-массовые, научно-представительские, конкурсные мероприятия. Организация и проведение таких мероприятий, использование иных форм воспитательной работы, направленной на укрепление толерантности, предупреждение недоброжелательных отношений, возникающих на межэтнической и межрелигиозной основе, является важной составляющей общей системы воспитательной работы. Особое место занимают специальные тренинги, направленные как на формирование толерантности, так и на сплочение коллектива.

Иное содержательное наполнение должна иметь воспитательная работа по формированию толерантности в сфере взаимоотношений «сотрудник ГИБДД – гражданин» в процессе осуществления служебной деятельности.

Целью данной работы будет являться формирование требуемого уровня толерантности во взаимоотношениях с гражданами с учетом национальной и религиозной принадлежности последних, подготовка сотрудников полиции к возможному нетолерантному поведению граждан, конфликтным взаимоотношениям, национальной и религиозной неприязни.

Достижение подобной цели потребует от сотрудников ГИБДД знания:

- психологических особенностей этнических групп;

- этнокультурных и религиозных характеристик, способных повлиять на характер взаимодействия сотрудника полиции и гражданина;

- приемов предотвращения межличностного конфликта на основе этнической или религиозной неприязни;

- принципов поведения в ситуации агрессивного, нетолерантного поведения граждан.

Сотрудник ГИБДД должен обладать умениями:

- адекватно оценивать и анализировать ситуацию в ракурсе межэтнических и межрелигиозных отношений;

- предвидеть возможное развитие ситуации в направлении конфликта, возникающего на религиозном или этническом основании;

- предотвратить межличностный конфликт, возникающий на основе этнической или религиозной неприязни;

- проектировать систему взаимодействия с гражданами с учетом дальнейших перспектив и возможных результатов;

- твердо, но в корректной форме отстаивать свое мнение;

- управлять собственными эмоциями и настроением;

- понимать психологическое состояние граждан и создавать комфортный климат взаимодействия.

В силу сложности и недостаточной разработанности данного вопроса представляется оправданным в настоящей статье сформулировать ряд рекомендаций сотрудникам ГИБДД по взаимодействию с участниками дорожного движения, и прежде всего водителями транспортных средств, с учетом их национальной и религиозной принадлежности.

Сотрудник ГИБДД, вступая в профессиональные взаимоотношения с гражданами в ситуации, когда этническая или религиозная принадлежность оказывает определенное влияние на общение, должен стремиться к поддержанию максимально высокого уровня толерантности такого взаимодействия. Именно от этого зависит степень потенциальной и реальной конфликтности взаимоотношений и, как следствие, результативность взаимодействия вообще.

В рамках формирования толерантных отношений большое значение имеет фактор первого впечатления. Профессиональное общение с незнакомым человеком основывается на установке понимания собеседника, при этом в качестве критериев понимания, как правило, выступают собственные культурные нормы. Опираясь на субъективные представления о том, «как должно быть», сотрудник может сделать поспешные выводы, дать неверную оценку результатов и последствий взаимодействия. В связи с этим взаимодействие сотрудника ГИБДД с гражданином должно строиться в обязательной зависимости от установленной этнической или религиозной принадлежности последнего.

Сотруднику ГИБДД надлежит знать о культурных маркерах принадлежности индивида к той или иной социальной группе, в том числе к этнической и религиозной. Такими культурными маркерами в ситуации профессионального взаимодействия могут выступать, в первую очередь, одежда человека, включающая все атрибуты его внешности, в том числе знаки различия, прическу, драгоценности и т.д., а также манеру его поведения (как сидит, ходит, разговаривает и смотрит человек во время общения).

Правильное понимание культурных маркеров позволяет уже на начальной стадии разговора определить национальную и религиозную принадлежность гражданина. При этом следует обратить внимание на тот факт, что нарочитая внешняя демонстрация принадлежности к определенной этнической или религиозной группе свидетельствует в большинстве случаев о повышенной степени этнической идентификации лица, что нередко связано с завышенным уровнем конфликтности по данному основанию. Умышленно маркируя свою национальность или религиозность, лицо заранее находится в ситуации оборонительной готовности. В этой ситуации сотруднику ГИБДД следует предвидеть излишнюю демонстрацию национальных особенностей и в манере поведения, и в речи данного лица. Игнорирование, пренебрежение этими особенностями приведет лишь к росту конфликтности в данной ситуации. Правильный алгоритм действий в этом случае заключается в спокойном поведении, в умении показать гражданину, что полицейский осознает принадлежность лица к определенной этнической или религиозной группе, имеет представление о культурной специфике данной группы, влияющей на стиль поведения, общения. Вместе с уважительным отношением сотрудник должен твердо продемонстрировать принцип универсальности права – единства закона для всех граждан страны вне зависимости от их этнической или религиозной принадлежности.

Сотрудник ГИБДД в ситуации профессионального общения с водителями транспортных средств должен избегать, не допускать любых форм проявления религиозной и этнической нетерпимости, которые могут выразиться:

- в оскорблениях, насмешках, выражениях пренебрежения;
- негативных стереотипах, предубеждениях, предрассудках, основанных на отрицательных характеристиках;
- дискриминации по национальному или религиозному принципу;
- неуважении религиозных или культурных памятников, обычаев, традиций и т.п.

Опираясь на исследование Л.Н. Костиной, С.Е. Борисовой, Н.М. Кузнецовой [13], можно дать некоторые рекомендации сотрудникам ГИБДД в ситуации возможного возникновения конфликта, неприязни на межэтнической и межрелигиозной почве.

Прежде всего, сотруднику ГИБДД следует быть максимально спокойным и вежливым, несмотря на проявляемые гражданином неуравновешенность, некорректность, неприязненное отношение ксенофобного характера. Необходимо дать гражданину время и возможность успокоиться, высказаться. В случаях особо сильного проявления агрессии полезно будет обратить внимание граждан на недопустимость религиозной и этнической нетерпимости в любых ее формах и возможность привлечения лица к ответственности за унижение человеческого достоинства по мотивам этнической или религиозной ненависти, вражды, неприязни.

Сотруднику ГИБДД следует стремиться нивелировать, уменьшить этническую или религиозную составляющую взаимодействия и перевести его исключительно на дорожную ситуацию или допущенное гражданином правонарушение. Как правильно советуют специалисты, акцент следует сделать на необходимости разрешения ситуации, предложив не противостояние и разобщенность, а взаимодействие и совместный поиск выхода из нее [14, с. 31-32].

Сотруднику ГИБДД необходимо осознавать, что ведущую роль в деле построения именно толерантного взаимодействия должен играть он сам. Противоречия и противоборство, порожденные конкретной дорожной ситуацией, могут наслаиваться на этническую или религиозную неприязнь граждан, порождая открытую конфликтную ситуацию. В этом случае именно профессионализм сотрудника способен направить энергию нега-

тивных эмоций в нужное русло и привести ситуацию к своему бесконфликтному разрешению.

Сотруднику ГИБДД следует стремиться преодолеть возникшую разобщенность по этническим или религиозным мотивам, демонстрируя общность целей, интересов и мнений с гражданином применительно к конкретной ситуации. Для этого необходимо опираться на положительные проявления характера человека, апеллировать к моральному и правовому сознанию гражданина, обращать внимание на появившееся сходство в подходах к решению противоречия, демонстрировать свою готовность решить проблему. Вместе с тем сотруднику необходимо проявлять уверенность, решительность, переводить общение из межличностной плоскости в строго профессиональное общение, обосновывая свои действия требованиями нормативных правовых актов.

В ситуации конфликтного общения с водителями транспортных средств, порожденного этническим или религиозным фактором, сотруднику ГИБДД жизненно необходимо взять под контроль собственные эмоции, внутренне мобилизоваться. В этом случае можно порекомендовать переосмыслить критическую ситуацию и состояние гражданина, изменить свое отношение к гражданину, устранить негативные стереотипы этнического и религиозного характера. Специалисты советуют в подобной ситуации снижать значимость эмоциогенного события путем придания ему меньшей ценности, использовать установки на повышение уверенности, умелости и опытности, переключать собственное внимание, использовать приемы самовнушения и релаксации [15, с. 37].

Характеризуя особенности взаимоотношений сотрудника ГИБДД с гражданами при обеспечении безопасности дорожного движения, следует особо упомянуть о границах толерантности. Уважение к национальным и религиозным обычаям и традициям, терпимое отношение к представителям всех народов, религиозным вероисповеданиям не должно перетекать в попустительство. Деятельность каждого гражданина вне зависимости от его национальности или религиозной принадлежности должна получать единую правовую

оценку в соответствии с действующим законодательством. Нет и не может быть отдельно права для разных народов и вероисповеданий внутри единого Российского государства.

В заключение еще раз подчеркнем тот факт, что предложенные методики формирования и поддержания толерантности в коллективе сотрудников ГИБДД, а также рекомендации по осуществлению сотрудниками ГИБДД функций по обеспечению безопасности дорожного движения в ситуациях, когда необходимо учитывать этническую или религиозную принадлежность водителя, управляющего

транспортным средством, иных участников дорожного движения, позволят улучшить морально-этический облик сотрудника полиции, имидж российского полицейского. Современный сотрудник полиции должен ориентироваться не только на процесс выполнения должностных обязанностей и функций, но и на субъектов, с которыми выстраивает взаимоотношения, в том числе с учетом их этнической и религиозной принадлежности. Следовательно, толерантность профессионального поведения сотрудника ГИБДД является одним из фундаментальных оснований его профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Маркова Ю.В. Комплексное предупреждение экстремистской преступности несовершеннолетних: учеб. пособие. Белгород: БелЮИ МВД России, 2010.
2. Суслонов П.Е. Политический экстремизм: опыт теоретического исследования: монография. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2010.
3. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007.
4. Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2009.
5. Агапова Г.В. Комплексные подходы по формированию установок толерантности сознания и профилактика экстремизма в молодежной и подростковой среде // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2006.
6. Алтуфьев Д.Ю. Ксенофобия в современном российском обществе. М.: Академия управления МВД России, 2012.
7. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.
8. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2003.
9. Аминов Д.Э., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Щит-М, 2005.
10. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
11. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009.
12. Психологическое обеспечение формирования и развития культуры общения и коммуникативной компетенции у сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2007.
13. Костина Л.Н., Борисова С.Е., Кузнецова Н.М. Психология в деятельности сотрудников Госавтоинспекции: учеб. пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010.
14. Козловская Е.А. Психолого-педагогические основы профессиональной подготовки инспектора дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции: учеб.-метод. пособие. М.: УМЦ ГУК МВД РФ, 1994.
15. Костина Л.Н., Кузнецова Н.М. Психология общения в деятельности сотрудников Госавтоинспекции: учеб.-практ. пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2011.

References

1. Markova Yu.V. *Kompleksnoe preduprezhdenie ekstremistskoy prestupnosti nesovershennoletnikh* [Comprehensive prevention of extremist juvenile crime]. Belgorod, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010.
2. Suslonov P.E. *Politicheskiy ekstremizm: opyt teoreticheskogo issledovaniya* [Political extremism: the experience of theoretical research]. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010.
3. Khlebushkin A.G. *Ugolovno-pravovoy i ugolovno-politicheskiy analiz* [Criminally-legal and criminal-political analysis]. Saratov, 2007.

4. *Tolerantnost' v Rossii: voprosy istorii i otvety sovremennosti* [Tolerance in Russia: questions and answers contemporary history]. Volgograd, 2009.
5. Agapova G.V. *Kompleksnye podkhody po formirovaniyu ustanovok tolerantnosti soznaniya i profilaktika ekstremizma v molodezhnoy i podrostkovoy srede* [Integrated approaches for the promotion of tolerance and prevention of extremism in the youth and adolescents]. *Zashchita prav i profilaktika pravonarusheniy nesovershennoletnikh* [Protection of rights and the prevention of juvenile delinquency]. Moscow, 2006.
6. Altuf'ev D.Yu. *Ksenofobiya v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Xenophobia in modern Russian society]. Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia, 2012.
7. Kroz M.V., Ratinova N.A. *Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ksenofobii* [Socio-psychological and legal aspects of xenophobia]. Moscow, 2005.
8. *Tolerantnoe soznanie i formirovanie tolerantnykh otnosheniy (teoriya i praktika)* [Tolerance and formation of tolerant relations (theory and practice)]. Moscow, Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh, MODEK Publ., 2003.
9. Aminov D.E., Oganyan R.E. *Molodezhnyy ekstremizm* [Youth extremism]. Moscow, Shchit-M Publ., 2005.
10. Seydzhman M. *Setevye struktury terrorizma* [Network structures terrorism]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2008.
11. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. *Molodezhnyy ekstremizm: sushchnost', formy proyavleniya, tendentsii* [Youth extremism: the nature, manifestations and trends]. Moscow, Academia Publ., 2009.
12. *Psikhologicheskoe obespechenie formirovaniya i razvitiya kul'tury obshcheniya i kommunikativnoy kompetentsii u sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Psychological support of formation and development of a culture of communication and communicative competence of police officers]. Moscow, 2007.
13. Kostina L.N., Borisova S.E., Kuznetsova N.M. *Psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov Gosavtoinspektsii* [Psychology in the activities of employees of traffic police]. Orel, Orel Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010.
14. Kozlovskaya E.A. *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy professional'noy podgotovki inspektora dorozhno-patruľnoy sluzhby Gosavtoinspektsii* [Psycho-pedagogical bases of vocational training of the inspector of traffic police officers of traffic police]. Moscow, 1994.
15. Kostina L.N., Kuznetsova N.M. *Psikhologiya obshcheniya v deyatel'nosti sotrudnikov Gosavtoinspektsii* [Psychology of communication in the activities of employees of traffic police]. Orel, Orel Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2011.

Раздел 3. Уголовный закон

БОРОВСКИХ Р.Н., кандидат юридических наук, доцент, borovskih80@yandex.ru Кафедра уголовного права, процесса и криминалистики; Новосибирский юридический институт (филиал) Томского национального исследовательского государственного университета, 630007, г. Новосибирск, Советская, 7	BOROVSKIKH R.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, borovskih80@yandex.ru Chair of criminal law, criminal procedure and criminalistics; Novosibirsk Law Institute (branch); Tomsk National Research State University, Sovetskaya St. 7, Novosibirsk, 630007, Russian Federation
--	---

МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ И В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Реферат. Федеральным законом от 29 ноября 2012 года N 207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьями 159.2 «Мошенничество при получении выплат» и 159.5 «Мошенничество в сфере страхования». В научной литературе высказываются критические замечания относительно юридических конструкций «новых» норм об отдельных видах мошенничества, в числе которых два вышеупомянутых. В частности, отмечаются возникающие на практике сложности, связанные с недостаточной четкостью определения признаков предмета рассматриваемых преступлений. Конкуренция указанных уголовно-правовых норм возникает в случаях, когда при совершении мошенничества предметом преступления выступают денежные средства, выплачиваемые в виде социальных выплат из фондов, формируемых на принципах страхования (например, при страховании определенных лиц за счет средств Фонда социального страхования РФ). В статье обосновываются выводы о том, что основные правила разграничения таких преступлений должны быть следующие. Предметом мошенничества при получении выплат могут выступать социальные выплаты «страхового» характера. В данном случае таковыми могут быть денежные средства, выплачиваемые получателям в рамках системы государственного социального страхования из бюджета Фонда социального страхования или из иных государственных внебюджетных фондов. В случае, когда социальные выплаты «страхового» характера (например, в случае возмещения вреда здоровью при получении военной травмы) осуществляются из фондов страховых организаций, с которыми на конкурсной основе были заключены соответствующие договоры страхования военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных получателей, такие выплаты следует рассматривать как предмет преступления, предусмотренного статьей 159.5 УК РФ, – мошенничество в сфере страхования.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество при получении выплат, социальные выплаты, пособия, компенсации, субсидии, мошенничество в сфере страхования, страховые премии, страховые выплаты, агрострахование.

PAYMENTS FRAUD AND INSURANCE FRAUD: PROBLEM ISSUES OF CLASSIFICATION

Abstract. Articles 159.2 "Payments fraud" and 159.5 "Insurance fraud" were added to the RF Criminal Code according to the Federal law N 207-FZ of November, 29, 2012. The legal structures of these new norms relating to the separate types of fraud are criticized in the scientific literature. There are some difficulties associated with insufficient accuracy of defining the indications of subject of the crimes under consideration. The competition between the above-mentioned penal norms appears in the cases when the subject of crime is cash resources being paid in the form of social payments from the funds, which are formed basing on the insurance principles (e.g. when insuring definite persons through the RF Social insurance fund). The basic rules of distinguishing such crimes are argued. The subject of the payments fraud can be social insurance payments, notably cash resources being paid within the system of state social insurance from the budget of the Social insurance fund or other state non-budget funds. If social insurance payments (e.g. when compensating harm to the health in case of military injury) are made from the funds of insurance organizations (if contracts for insurance of servicemen, law enforcement officers or other recipients were signed with these organizations), they are considered as a subject of crime stipulated in the Article 159.5 of the RF Criminal Code – insurance fraud.

Keywords: fraud, payments fraud, social payments, benefits, compensations, grants, insurance fraud, insurance premiums, insurance payouts, agricultural insurance.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьями 159.2 «Мошенничество при получении выплат» и 159.5 «Мошенничество в сфере страхования»*. В связи с этим в научной литературе высказываются справедливые критические замечания относительно юридических конструкций «новых» норм об отдельных видах мошенничества, в числе которых два вышеупомянутых [1, с. 298; 2, с. 35-38; 3, с. 68-72; 4, с. 67-71]. Отмечается, что у дознавателей возникает немало трудностей, связанных с юридической оценкой действий виновных лиц [5, с. 4].

Целью настоящей работы является рассмотрение проблемных вопросов квалификации и разграничения мошенничества при получении выплат и мошенничества в сфере страхования, связанных с установлением признаков предмета составов указанных преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 159.2 УК РФ мошенничество при получении выплат — это хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Следовательно, предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, являются установленные законами и иными нормативными правовыми актами пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты.

Указание на конкретный предмет преступного посягательства — денежные средства или иное имущество при получении выплат — является одним из главных отличий рассматриваемой нормы от иных норм Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за мошенничество [3, с. 67].

Согласно ч. 1 ст. 159.5 УК РФ мошенничество в сфере страхования представляет собой хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Соответственно, предметом мошенничества в сфере страхования следует считать имущество в виде денежных средств, подлежащих выплате страхователю или иному лицу (застрахованному, выгодоприобретателю) в связи с наступлением страхового случая (страховая выплата или страховое возмещение в личном страховании). При этом уголовный закон не содержит ограничений в плане сферы применения рассматриваемой нормы, т.е. распространяет ее действие:

а) на различные формы страхования (добровольное либо обязательное);

б) различные виды форм страхования (в рамках обязательного страхования выделяют государственное страхование, социальное и коммерческое страхование);

в) различные виды добровольного страхования (личное страхование, страхование имущества, страхование гражданской ответственности, страхование предпринимательских и финансовых рисков);

г) различные виды обязательного страхования (например, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств — ОСАГО, и др.) [6, с. 173-178].

Обобщая сказанное, можно заключить, что законодателем не проведено четкого отграничения пределов действия норм, предусмотренных статьями 159.2 и 159.5 УК РФ.

Мошенничество при получении выплат может представлять собой преступное посягательство, предметом которого выступают социальные выплаты из фондов, формирование которых имеет «страховой» характер. В связи с этим в научной литературе отмечается, что система норм, обеспечивающих достойное существование гражданина при потере им профессиональной трудоспособности, включает правила о возмещении вреда государством и страховыми организациями. При этом механизм возмещения вреда отличается для лиц, работавших по трудовому договору, и лиц, проходивших военную службу, службу в полиции, а также иных органах государственной власти, сотрудники которых осуществляют опасную профессиональную деятельность [7, с. 11].

Для первой из названных категорий граждан (работников) основным источником получения возмещения вреда

* Рос. газ. 2012. 3 дек.

здоровью выступают выплаты из средств Фонда социального страхования Российской Федерации (ФСС РФ). Поскольку в данном случае имеют место правоотношения социального обеспечения (хотя и есть элементы гражданско-правовых отношений, но фрагментарны и вторичны), мошеннические посягательства на денежные выплаты из средств ФСС РФ надлежит квалифицировать по ст. 159.2 УК РФ. Иная ситуация с милитаризованными служащими. Страховое возмещение (например, в случае возмещения вреда здоровью при получении военной травмы) осуществляется не из средств ФСС РФ, а из фондов страховых организаций. Причем страховщики выбираются для оказания соответствующих услуг для государственных нужд на конкурсной основе. С учетом этого мошенничество, предметом которого явились страховые выплаты, причитающиеся в порядке государственного социального страхования жизни и здоровья милитаризованным служащим, не может быть квалифицировано по ст. 159.2 УК РФ, и виновное лицо подлежит ответственности по ст. 159.5 УК РФ [7, с. 11-12].

Соглашаясь с приведенными аргументами в пользу отграничения рассматриваемых видов мошенничества в целом, следует отметить, что весьма сложным в данном отношении видится вопрос о квалификации мошенничества, предметом которого стали денежные средства, выплачиваемые страхователю из фондов страховой организации, при субсидировании государством страхователю части затрат на страхование. Здесь имеет место государственная поддержка в форме бюджетных субсидий на компенсацию части затрат по страхованию (т.е. социальные выплаты), а также собственно коммерческое страхование, на договорной основе, с возмещением страхователю ущерба из средств фонда страховой организации.

Приведем показательный пример. На отечественном страховом рынке в значительных масштабах остается криминализованный сфера страхования в агропромышленном комплексе (агrostрахование). Ввиду того что страхование в сельском хозяйстве осуществляется с использованием средств государственной поддержки – компенсации агропроизводителям части затрат на уплату страховых премий, серьезный

ущерб от мошеннических посягательств причиняется не только имущественным интересам страховых организаций, но и государственным бюджетам всех уровней.

Так, приговором Новичихинского районного суда Алтайского края С. осужден за совершение мошенничества в крупном размере при следующих обстоятельствах* [8]. С. являлся индивидуальным предпринимателем – главой крестьянского (фермерского) хозяйства. С. путем обмана совершил хищение денежных средств, выделенных из средств федерального бюджета Российской Федерации в качестве субсидий на компенсацию части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, урожая многолетних насаждений и посадок многолетних насаждений, в размере 40 % оплаченного страхового взноса, посредством оформления заведомо подложных документов.

С., достоверно зная о том, что на тот момент у него в собственности, аренде или субаренде не было никаких земель, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур, что он не имеет никаких документов, подтверждающих право пользования сельхозугодиями, а также, что он не является сельхозтоваропроизводителем, надлежащим образом осведомленный о возможности получения субсидии в виде компенсации части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, урожая многолетних насаждений и посадок многолетних насаждений в размере 40 % от оплаченного страхового взноса, стал совершать активные действия для реализации своего преступного умысла.

С. подал в филиал страховой организации заявление на страхование урожая сельскохозяйственных культур. При этом работники страховой организации, не посвященные в преступные планы С., выдали ему для заполнения и заверения в органе Федеральной службы государственной статистики бланк заявления на страхование урожая сельскохозяйственных культур, в который С. впоследствии внес заведомо ложные сведения, содержащие данные о площади планируемых им посевов, а также средней уро-

* Приговор Новичихинского районного суда Алтайского края от 14 нояб. 2011 г. в отношении С. // Картоoteca судебных решений «РосПравосудие». [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-novichixinskij-rajonnyj-sud-altajskij-krajs/act-456358798> (дата обращения: 5 янв. 2015 г.).

жайности по культурам за последние пять лет. После чего, достоверно зная, что он не имеет указанных в заявлении посевных площадей, С. подписал данный документ.

Продолжая реализацию своего преступного умысла, С. получил в территориальном органе Росстата чистый бланк формы N 1-фермер «Сведения об итогах сева под урожай», заявив о своем намерении произвести посевную. После чего С., достоверно осведомленный о том, что ранее знакомые ему А. и Б. произвели сев на землях площадью 2 000 га, собственноручно внес в полученный им бланк заведомо ложные сведения, в котором отразил, что им фактически были произведены посевы на следующих площадях: 700 га пшеницы, 475 га ячменя, 300 га гречихи, 800 га овса, 100 га проса, 700 га подсолнечника. Затем С., достоверно зная, что указанные посевные площади им не засеивались, подписал указанный документ.

Далее С. попросил неустановленное следствием лицо, не посвящая его в свои преступные планы, поставить подпись в данных документах, которая должна была удостоверить внесенные С. данные о посевных площадях и средней урожайности по культурам за последние пять лет. Не будучи посвященным в преступные планы С., неустановленное следствием лицо по просьбе С. изготовило на данных документах с использованием устройства со струйной технологией печати оттиск печати «Для документов» территориального органа Росстата.

С. заключил с филиалом страховой организации договор страхования урожая сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений, в котором, согласно предоставленным С. подложным сведениям, были отражены в качестве объекта страхования следующие посевные площади: пшеница яровая — 700 га, гречиха — 300 га, ячмень — 475 га, овес — 800 га, просо — 100 га, подсолнечник — 700 га, общая посевная площадь, подлежащая страхованию, составила 3 075 га. Общая сумма страховой премии составила 1 175 866 рублей.

В дальнейшем С. предоставил пакет подложных документов, необходимых для оформления субсидии, в качестве компенсации части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, урожая многолетних насаждений и посадок многолетних насаждений.

На основании предоставленных С. подложных сведений сотрудники страховой организации заполнили по его просьбе справку об объемах целевых средств на компенсацию части затрат по страхованию урожая однолетних культур, в которой были отражены общая посевная площадь, перечень сельскохозяйственных культур, при проведении страхования урожая которых предоставляются субсидии, и рассчитана сумма целевых средств, которая составила 470 346 рублей. Затем сотрудники страховой организации передали пакет предоставленных С. подложных документов в Главное управление сельского хозяйства Алтайского края для начисления С. субсидии в виде компенсации части затрат на страхование урожая однолетних сельскохозяйственных культур, урожая многолетних насаждений и посадок многолетних насаждений.

На основании предоставленных документов сотрудники Главного управления сельского хозяйства Алтайского края, не догадываясь о преступном замысле С. и находясь под воздействием обмана с его стороны, начислили из средств федерального бюджета субсидии в указанном выше размере. Впоследствии С. похищенными денежными средствами распорядился по своему усмотрению, причинив государству ущерб в сумме 470 346 рублей, что является крупным размером.

С. признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, — мошенничества в крупном размере, и осужден к лишению свободы на срок 2 года условно.

Как видно из приведенного примера, С. завладел денежными средствами, выплаченными ему из средств государственного бюджета. Однако при этом С. обманные действия совершал как в отношении сотрудников уполномоченного государственного органа, так и работников страховой организации. Способом совершения преступления послужила инсценировка страхового события, при заранее заключенном договоре страхования со страховой организацией.

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что преступление С. совершено в рамках осуществления предпринимательской деятельности, в связи с этим возникает вопрос о возможной квалификации деяния по

ст. 159.4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности».

Следует сказать, что проблемы уголовно-правовой оценки подобных деяний были весьма актуальными и до соответствующих законодательных новаций [8, с. 73]. Однако в настоящее время ситуация является еще более сложной.

В рамках одной статьи полностью осветить вопрос о критериях разграничения преступлений, предусмотренных статьями 159.2 и 159.5 УК РФ, даже в аспекте признаков предмета данных преступлений, не представляется возможным. В свете вышеизложенного сформулируем основные параметры разграничения таких преступлений.

1. Предметом мошенничества при получении выплат могут выступать социальные выплаты «страхового» характера.

2. В данном случае таковыми могут быть денежные средства, выплачиваемые получателям в рамках системы государственного социального страхования из бюджета Фонда социального страхования или иных государственных внебюджетных фондов.

3. В случае, когда социальные выплаты «страхового» характера (например, в случае возмещения вреда здоровью при получении военной травмы) осуществляются из фондов страховых организаций, с которыми на конкурсной основе были заключены соответствующие договоры страхования военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных получателей, такие выплаты следует рассматривать как предмет преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, — мошенничество в сфере страхования.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 1069 с.
2. Минская В.С. Современное законодательное регулирование уголовной ответственности за мошенничество и вопросы квалификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. N 10. С. 35-38.
3. Прокументов Л.М., Архипов А.В. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. N 1. С. 68-72.
4. Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. N 2. С. 67-71.
5. Расследование отдельных видов мошенничества: учеб. пособие / под ред. А.Г. Филиппова, Л.Е. Чистовой. М.: Юрлитинформ, 2014. 280 с.
6. Румянцева А.В. Актуальные вопросы классификации страхования // Ленинградский юридический журнал. 2013. N 3. С. 173-178.
7. Болдырев В. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. 2014. N 3. С. 4-12.
8. Боровских Р.Н. Преступления в сфере страхового бизнеса как вид преступлений в сфере страхования: проблемы выявления и раскрытия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26). С. 70-75.

References

1. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow, Yurayt Publ., 2013. 1069 p.
2. Minskaya V.S. *Sovremennoe zakonodatel'noe regulirovanie ugolovnoy otvetstvennosti za moshennichestvo i voprosy kvalifikatsii* [The current legal regulation of criminal liability for fraud and questions of qualification]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis, and practice, 2013, no. 10, pp. 35-38.
3. Prokumentov L.M., Arkhipov A.V. *Predmet moshennichestva pri poluchenii vyplat* [The subject of fraud in obtaining payments]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2014, no. 1, pp. 68-72.
4. Shesler A.V. *Moshennichestvo: problemy realizatsii zakonodatel'nykh novell* [Fraud: problems of implementation of legislative novels]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2013, no. 2, pp. 67-71.
5. *Rassledovanie otdel'nykh vidov moshennichestva* [The investigation of certain types of fraud]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 280 p.
6. Rumyantseva A.V. *Aktual'nye voprosy klassifikatsii strakhovaniya* [Topical issues of security classification]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal* – Leningrad Law Journal, 2013, no. 3, pp. 173-178.
7. Boldyrev V. *Moshennichestvo s tsel'yu polucheniya sotsial'nykh vyplat: predmet prestupleniya* [Fraud to obtain social benefits: the subject of crime]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2014, no. 3, pp. 4-12.
8. Borovskikh R.N. *Prestupleniya v sfere strakhovogo biznesa kak vid prestupleniy v sfere strakhovaniya: problemy vyyavleniya i raskrytiya* [Crimes in the insurance business as kind of insurance crimes: problems of detection and solution]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2013, no. 4 (26), pp. 70-75.

БУГЕРА Н.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
knn.76@mail.ru
Кафедра уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел;
Волгоградская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
400089, г. Волгоград,
Историческая, 130

BUGERA N.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
knn.76@mail.ru
Chair of criminal law,
Educational and scientific complex
for preliminary investigation
in law enforcement bodies;
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

Реферат. Отмечается отсутствие в доктрине и судебной практике единообразного толкования квалифицирующего признака преступлений «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», предусмотренного уголовным законом. Проанализированы имеющиеся постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дающие его официальное толкование. Аргументировано, что демонстрация оружия и действия, направленные на использование оружия либо свидетельствующие о намерении его применить, не могут считаться применением оружия. Обосновывается, что в составах преступлений, содержащих признак «угроза применения насилия», демонстрацию (угрозу) годного и негодного оружия или палки (при условии, что лицо не намеревалось использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья) следует рассматривать как угрозу применения насилия, а не как его применение, поскольку потерпевший воспринимает наличие этих предметов как реальную угрозу его жизни или здоровью. Сформулированы правила квалификации по анализируемому признаку при разбое и хулиганстве, проведено соотношение понятий «использование» и «применение». Рассмотрены составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 203 и 286 УК РФ, в которых законодатель в одном случае выделяет квалифицирующий признак как «использование оружия или специальных средств», а в другом — как «применение оружия или специальных средств». Определено, что использование оружия не по прямому назначению, а для нанесения ударов или психического принуждения, поглощается п. «а» ч. 2 ст. 286 УК РФ. Резюмируется, что использование унифицированной терминологии позволит устранить многочисленные правоприменительные ошибки.

Ключевые слова: применение оружия, предметы, используемые в качестве оружия, использование, демонстрация, угроза применения насилия.

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF THE EMPLOYMENT OF WEAPONS OR ITEMS USED AS WEAPONS

Abstract. In the doctrine and judicial practice there is no unified interpretation of such classifying feature of crimes as “employment of weapons or items used as weapons” stipulated by the criminal law. The efficient resolutions of the RF Supreme Court’s Plenum, providing its official interpretation, are analyzed. It’s argued that weapons’ demonstration and actions aiming at weapons’ use or indicating the intention to use them, cannot be considered as weapons’ employment. It’s proved that demonstration (threat of use) of suitable and worthless weapons or stick (if a person doesn’t intend to use these items for causing bodily injuries dangerous to life and health) should be considered as threat of using violence (not as its using) in corpora delicti containing the feature “threat of using violence”, since victims interpret these items as real threat to their life or health. The rules for classifying robbery and hooliganism according to the analyzed feature are formulated. The correlation of the concepts “use” and “employment” is conducted. Corpora delicti stipulated by the Articles 203 and 286 of the RF Criminal Code, where in some cases the classifying feature is considered as “use of weapons or special means” and in others as “employment of weapons or special means”, are analyzed. It’s stated that use of weapons not for its intended purpose, but for striking or imposing mental constraint is absorbed by the Clause “a”, Section 2, Article 286 of the RF Criminal Code. It’s concluded that using the unified terminology allows to avoid numerous law-enforcement mistakes.

Keywords: employment of weapons, items used as weapons, use, demonstration, threat of using violence.

О проблемах толкования и применения норм уголовного законодательства за последнее время написано немало [1, с. 32; 2, с. 49; 3, с. 34]. Как справедливо отмечает Ю.С. Жариков, от четкости законодательных формулировок зависит не только опосредованный результат правоприменения — практическая реализация идеи законодателя, но и непосредственный — решение задач уголовного закона, главная из которых состоит в охране гарантированных Конституцией РФ и нормами международного законодательства прав и свобод человека и гражданина [4, с. 9]. В уголовном законе наблюдается смешение понятий, много терминов, дублирующих друг друга, и, как следствие, отсутствие их единообразного понимания, что влечет нарушение принципа законности [5, с. 70] и справедливости.

В соответствии с правилами законодательной техники нельзя одному и тому же придавать разное значение. В научной литературе неоднократно указывалось, что текст уголовного закона должен быть написан понятным, простым, доступным для всех языком и не содержать никаких неопределенностей и двусмысленных толкований.

С учетом сказанного выше проанализируем понятие квалифицирующего признака «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», предусмотренного в различных составах преступлений Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) (в частности, п. «з» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, п. «в» ч. 2 ст. 115, п. «г» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 206, п. «г» ч. 2 ст. 211, п. «а» ч. 1 ст. 213, ч. 3 ст. 213, ч. 2 ст. 227, п. «б» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 313, п. «б» ч. 2 ст. 333, п. «б» ч. 2 ст. 334, п. «г» ч. 2 ст. 335), а также ст.ст. 203 и 286 УК РФ, в которых в одном случае законодатель выделяет в качестве квалифицирующего признака «использование оружия или специальных средств» (ч. 2 ст. 203 УК РФ), а в другом — «применение оружия или специальных средств» (п. «б». ч. 3 ст. 286 УК РФ). В статьях 212 и 356 УК РФ конкретизируется вид оружия: в ч. 1 ст. 212 УК РФ законодатель указывает на применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, в ч. 2 ст. 356 УК РФ — применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации.

Исходя из сказанного, рассмотрим ряд возникших вопросов:

1. О применении какого вида оружия следует говорить в указанных статьях?

2. В каких случаях относится к анализируемому признаку применение незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки?

3. Что понимается под применением и как оно отграничивается от использования?

4. Чем угроза оружием отличается от его демонстрации?

5. Должно ли быть использовано оружие по его прямому назначению (например, ст.ст. 203 и 286 УК РФ)?

6. Каково соотношение понятий «насилие» и «применение оружия или специальных средств»?

Понятие и виды оружия, а также его основные части раскрыты в Федеральном законе от 13 декабря 1996 года N 150-ФЗ «Об оружии»* (далее — Закон об оружии). В соответствии с данным законом под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели (например, огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое оружие), за исключением сигнального оружия, конструктивно предназначенного только для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов.

В теории уголовного права существуют различные мнения относительно вида оружия. Одни считают, что речь идет о любом оружии, как перечисленном в Законе об оружии, так и не упомянутом в нем. Так, при квалификации действий виновного, например по ч. 2 ст. 162 или ч. 2 ст. 227 УК РФ, отдельные авторы считают, что следует руководствоваться положениями Закона об оружии и на основании экспертного заключения устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. Кроме того, действия такого лица при наличии всех признаков преступления должны дополнительно квалифицироваться по ст. 222 УК РФ [6]. В свою очередь, при квалификации действий виновного с аналогичным признаком, но по другим статьям УК РФ, например по п. «г» ч. 2 ст. 206, п. «г»

* Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ: ред. от 2 апр. 2014 г. // Рос. газ. 1996. 18 дек.; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ч. 2 ст. 211 УК РФ, под оружием понимают любой его вид — огнестрельное, холодное, газовое, боевое, в том числе не указанное в Законе об оружии [6].

На наш взгляд, по анализируемым признакам к оружию следует относить любые устройства и предметы, но они должны отвечать требованиям Закона об оружии, являться конструктивно предназначенными для поражения живой или иной цели (огнестрельное, холодное, метательное, газовое, пневматическое или иное оружие как заводского изготовления).

Некоторые авторы предлагают отнести к оружию сигнальное, например, в случае разбоя [7, с. 358; 8, с. 309]. Однако его целевое назначение — не поражение живой или иной силы, а подача световых, дымовых или звуковых сигналов (ст. 1 Закона об оружии). Считаем, что угроза сигнальным оружием подпадает под ч. 1 ст. 162 УК РФ, но если им в процессе применения причинен вред здоровью — то под ч. 2 ст. 162 УК РФ как применение предметов, использованных в качестве оружия.

При рассмотрении вопроса о применении незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки возникает двусмысленное значение понятия «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки дает основание для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ*.

Верховный Суд РФ понятие «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», употребляемое для обозначения конструктивного признака хулиганства, толкует шире, чем при разбое, включая в применение:

— действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и психического воздействия на потерпевшего;

— иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Из этого следует, что демонстрация годного и негодного оружия (размахивание на улице), а также непосредственная угроза годным и негодным оружием, использование оружия по назначению для физического воздействия на потерпевшего, — все охватывается понятием «применение» для квалификации хулиганства.

В свою очередь, абз. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» гласит: «Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия следует квалифицировать как разбой по ч. 1 ст. 162 УК РФ либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия»**.

Наряду с перечисленным, остаются спорными два термина: «демонстрация оружия» и «угроза заведомо негодным оружием». Возникает вопрос: если лицо угрожает годным оружием, но не намеревается им реально причинить вред, то его действия будут квалифицироваться по ч. 2 ст. 162 УК РФ или по ч. 1 этой статьи как угроза применения насилия?

Считаем, что только демонстрация оружия и действия, направленные на использование оружия либо свидетельствующие о намерении его применить, не могут считаться применением оружия. Слово «применение» образовано от глагола «применить» и означает «употребить, использовать, осуществить что-либо на деле» [9, с. 634]. На наш взгляд, применение — это непосредственное использование поражающих характеристик конкретного оружия по отношению к потерпевшему, например, огнестрельное оружие связано со стрельбой, нож — с ножевыми ранениями. Если при совершении разбоя лицо ударило рукояткой пистолета по голове, то деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 162 УК РФ как применение,

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 1. С. 2-5.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2. С. 2-6.

но не оружия, а предметов, используемых в качестве оружия, так как пистолет был использован не по прямому его назначению.

Знак равенства между применением оружия и его демонстрацией ставить нельзя. Демонстрация оружия – это, по сути, не выраженная словесно угроза применения этого оружия. Считаем, что размахивание оружием при потерпевшем или непосредственное высказывание с выставлением оружия на показ – все это является угрозой. Угроза есть обещание причинить кому-нибудь неприятность [10, с. 1141].

Слово «демонстрация» образовано от глагола «демонстрировать» и означает «показать наглядным образом, выставить на показ, намеренно подчеркнуто выражать что-либо, проявление чего-либо» [9, с. 155; 10, с. 197]. Угроза может быть выражена как устно, так и с помощью жестов (показать молча потерпевшему пистолет, расстегнуть куртку и продемонстрировать пистолет за поясом). Следовательно, существенного различия между демонстрацией и угрозой нет, поэтому считаем, что демонстрацию оружия следует расценивать как угрозу. Реализация угрозы является реальным применением оружия.

Исходя из сказанного выше считаем, что для квалификации по анализируемому признаку при разбое необходимы:

1) обязательное применение оружия при нападении по прямому его назначению (производство выстрелов, нанесение ножевых ранений и т.п.);

2) демонстрация (угроза) годного и негодного оружия или палки. Если лицо не намеревается использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, но потерпевшим воспринимается как реальная угроза [11, с. 50], то его действия следует квалифицировать как разбой по ч. 1 ст. 162 УК РФ;

3) все другие случаи, когда лицо применило оружие не по прямому его назначению, или негодное оружие, но причинило вред здоровью, следует квалифицировать как применение предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ).

В отношении хулиганства необходимо, на наш взгляд, изменить формулировку квалифицирующего признака по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» на «с применением или угрозой при-

менения оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Во-первых, под применением оружия или предметов понимается использование их для причинения вреда жизни или здоровью, при этом под оружием понимается любое оружие, перечисленное в Законе об оружии и предназначенное для поражения живой цели. Предметом, используемым в качестве оружия, может быть любой предмет, как подобранный на месте, так и заранее принесенный (приспособленный) для этого, а также незаряженное, неисправное, учебное либо декоративное, сувенирное оружие, оружие-игрушка, способное причинить вред здоровью. Так, например, признаны хулиганством действия гр-на К., который в октябре 2004 г. в с. Красногорском, находясь в столовой СПО «Красногорский общепит», нанес 3 удара пивной кружкой гр-ке П. [12].

Следовательно, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, означает непосредственное их использование для причинения вреда жизни или здоровью людей.

Во-вторых, угроза применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, на наш взгляд, не входит в понятие «применение» и выступает самостоятельным действием.

Под угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать действия, направленные на психическое воздействие на потерпевшего, и иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых с целью создания реальной угрозы причинения такого вреда. Нахождение этих предметов в руках хулигана без реального использования либо применение их не по назначению, например для повреждения имущества без создания угрозы для жизни или здоровья людей, исключает ответственность по ст. 213 УК РФ. Если лицо, стреляя из охотничьего оружия в воздух или по фонарям в безлюдном месте, реально не создает угрозу причинения вреда жизни или здоровью, то его действия не образуют уголовное хулиганство. Однако если рядом находятся люди (многоэтажный дом) и в результате этого грубо нарушается общественный порядок – создается угроза причинения вреда жизни или здоровью, а значит, со-

вершается преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ: хулиганство, совершенное с угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Таким образом, полагаем, что в тех составах преступления с анализируемым признаком, в которых усматривается признак «угроза применения насилия» (например, ст.ст. 126, 127, 162, 203, 206, 211, 227, 286, 313, 333, 335 УК РФ), следует рассматривать демонстрацию (угрозу) годным и негодным оружием или палкой (при условии, что лицо не намеревалось использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья) не как применение, а как угрозу применения насилия, поскольку потерпевший воспринимает наличие этих предметов как реальную угрозу его жизни или здоровью.

В тех составах, в которых отсутствует признак угрозы применения насилия (ст. ст. 111, 112, 115, 212, 213, 356 УК РФ), целесообразно внести изменения в анализируемый признак.

При анализе составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 203 и 286 УК РФ, законодатель в одном случае выделяет квалифицирующий признак как «использование оружия или специальных средств» (ч. 2 ст. 203 УК РФ), а в другом — «применение оружия или специальных средств» (п. «б». ч. 3 ст. 286 УК РФ). В связи с этим требуется уяснить, каково соотношение терминов «использование» и «применение». Согласно Толковому словарю русского языка слово «использование», образованное от глагола «использовать», означает «употребить что-либо, использовать вещь по своему назначению» [9, с. 251], «найти применение кому- (чему-)нибудь с целью извлечения» [10, с. 319]. Слово «применение» (от глагола «применить») означает «употребить, использовать, осуществить что-либо на деле» [9, с. 251, 634]. Таким образом, никакого различия между терминами не усматривается, а значит, целесообразно унифицировать терминологию.

В юридической литературе высказываются также мнения о том, что применение оружия или специальных средств означает их фактическое использование для физического (выстрел, удар прикладом автомата и т.п.) или психического (удар резиновой дубинкой рядом с рукой потерпевшего, выстрел в непосредственной близости, но мимо потерпев-

шего, и иное, если при этом угроза применения оружия воспринимается потерпевшим как реальная) воздействия на потерпевшего [13, с. 89; 6]. Требуется уяснить, каково соотношение понятий «насилие» и «применение оружия или специальных средств».

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 16 декабря 2009 года N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъясняет, что при квалификации действий лица по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ под применением оружия или специальных средств судам надлежит понимать умышленные действия, связанные с использованием лицом поражающих свойств указанных предметов, или использование их по назначению*. Вместе с тем ранее Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 марта 1990 года N 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» указывал на фактическое использование оружия для физического воздействия на потерпевшего путем причинения ему смерти или нанесения телесных повреждений, а также для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда, если у потерпевшего имелись основания считать, что его жизни и здоровью грозила реальная опасность**.

Актуальным остается вопрос о возможности квалификации как применения оружия, в частности, ударов прикладом автомата, рукояткой пистолета. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что подавляющее большинство судов ограничительно толкует понятие «применение оружия». Так, старший сержант З., являясь начальником для рядового Т., нанес ему пять ударов ногой по голени и не менее трех ударов прикладом автомата в область груди. Гарнизонным военным судом З. правильно осужден только по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ*** — «применение насилия». Другой пример: гр. С. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Исполняя свои

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 12. С. 2-7.

** Документ признан не действующим на территории Российской Федерации (см. постановление Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. N 19).

*** Обзор судебной практики. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должностные обязанности по обеспечению безопасности участников дорожного движения и охраны общественного порядка, С. на служебном автомобиле преследовал автомашину под управлением А., находившегося в состоянии алкогольного опьянения и не подчинившегося законным требованиям остановиться. Гражданин А. вышел из преследуемой автомашины и забежал к себе в дом. Увидев пассажира Ф., вышедшего из этой же автомашины, С. подошел к нему и нанес удар кулаком по лицу, причинив Ф. телесные повреждения, квалифицируемые как легкий вред здоровью. Когда Ф. стал убежать, С. выхватил из кобуры табельное огнестрельное оружие и угрожал его применить. Находившийся рядом А.Р.Р. подошел к С. и предложил успокоиться. В ответ С., нецензурно выражаясь, держа в руках табельное огнестрельное оружие, умышленно приставил огнестрельное оружие к его шее, высказал угрозу о применении в отношении его насилия. Из приговора следует, что органы предварительного следствия обвиняли С. также в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Однако суд пришел к выводу о том, что квалификация действий С. по признаку «с применением оружия» является излишней, исходя из разъяснений, содержащихся в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года N 19. Судом установлено, что С. выстрелов из пистолета не производил, т.е. оружие непосредственно не применял [14].

Оружие должно отвечать всем требованиям, установленным в Законе об оружии. Оно должно быть годным к применению, конструктивно предназначенным для поражения живой или иной цели и использованным в соответствии с его прямым назначением. Соответственно, и угрозу негодным оружием со всеми основаниями следует расценивать как угрозу насилием, опасным для жизни или здоровья.

Применение специальных средств заключается в использовании их строго по назначению. К специальным средствам относятся приспособления и устройства (резиновые палки, наручники, слезоточивый газ, водометы, средства разрушения преград и др.*), которыми, как и оружием, может

* См.: О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ.

быть причинен вред жизни или здоровью людей, а также объектам материального мира и окружающей среды. Например, гр. К. был осужден по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в том числе за применение специальных средств, а именно противогаза, который К. вместе с двумя неустановленными лицами надевали на голову потерпевшего, перекрывали доступ воздуха, требуя при этом от последнего признания в совершении преступления**. Специальные технические средства, применяемые в оперативно-розыскной деятельности, в том числе технические средства, предназначенные для негласного получения информации, к специальным средствам не относятся***. Важно установить, что примененное должностным лицом оружие или специальное средство находились на вооружении соответствующего подразделения. Применение нештатного оружия (например, личное охотничье ружье или изъятое по другому делу в качестве вещественного доказательства) или специального средства исключает указанный квалифицирующий признак. Так, в отношении Р. и П. суд исключил квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, поскольку примененные в отношении потерпевшего наручники, сковывающие большие пальцы рук, на вооружении органов внутренних дел не состоят****.

Считаем, что под применением оружия следует понимать лишь фактическое использование поражающих свойств этих предметов для физического воздействия на потерпевшего путем причинения вреда здоровью или смерти (выстрел, ранение ножом и др.). Случаи использования оружия в качестве предмета для нанесения ударов (например, нанесение ударов рукояткой, прикладом автомата) не могут рассматриваться как применение оружия. Словесная угроза применением оружия или специального средства является психическим насилием и требует квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В то же время возникает вопрос о возможности

** Уголовное дело N 1-591/11 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула.

*** Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2007 г. N 9-О07-9СС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Уголовное дело N 22-288//Архив Псковского областного суда.

квалификации содеянного одновременно по пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Выделение в законе самостоятельного квалифицирующего признака «применение оружия или специальных средств» наряду с «применением насилия или угрозой его применения» объясняется желанием законодателя особо подчеркнуть повышенную общественную опасность. Следовательно, возникает конкуренция этих квалифицирующих признаков. Деяние целесообразно квалифицировать одновременно по пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ только в случаях, когда потерпевшему был причинен непосредственно вред здоровью или наступила смерть от фактического использования оружия (предназначенного для поражения живой или иной цели, и использование его поражающих свойств, обусловленных конструкцией и назначением) или специальных средств (от использования их строго по назначению).

Таким образом, полагаем, что в тех составах преступления с анализируемым признаком, в которых усматривается признак «угроза применения насилия» (например, ст.ст. 126, 127, 162, 203, 206, 211, 227, 286, 313, 333, 335 УК РФ), следует рассматривать демонстрацию (угрозу) годным и негодным оружием или палкой (при условии, что лицо не намеревалось использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья) не как применение, а как угрозу применения насилия, поскольку потерпевший воспринимает наличие этих предметов как реальную угрозу его жизни или здоровью.

В тех составах, в которых отсутствует признак угрозы применения насилия (ст. ст. 111, 112, 115, 212, 213, 356 УК РФ), целесообразно внести изменения в анализируемый признак в следующей редакции:

– в п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ – «с применением или угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия»;

– п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ – «с применением или угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия»;

– п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ – «с применением или угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия»;

– ч. 1 ст. 212 УК РФ – «с применением или угрозой применения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств»;

– п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ – «с применением или угрозой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия»;

– ч. 3 ст. 213 УК РФ – «с применением или угрозой применения взрывчатых веществ или взрывных устройств»;

– ч. 2 ст. 356 УК РФ – «с применением или угрозой применения оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации».

Считаем, что единообразное конструирование исследуемых составов и унификация терминологии позволит устранить ряд ошибок, которые возникают при применении исследованных норм права.

Список литературы

1. Кауфман М.А. Некоторые спорные вопросы толкования и применения норм уголовного законодательства // Российская юстиция. 2008. N 1. С. 32-34.
2. Лопашенко Н.А. Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное право: проблемы юридической техники: материалы конф. М.: ЛексЭст, 2004. С. 49-52.
3. Панько К.К. Некоторые аспекты уголовного законодательства // Российский судья. 2006. N 7. С. 34-36.
4. Жариков Ю.С. Юридическая техника как основа законности реализации уголовно-правовых предписаний // Российский следователь. 2007. N 18. С. 9-11.
5. Канубриков В.А. Понятие принципа законности в российском уголовном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 2. С. 70-72.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: ЮРАЙТ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 2002. 1040 с.
8. Уголовное право: Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 768 с.
9. Современный толковый словарь русского языка: более 90 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.

10. Большой словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004. 1268 с.
11. Волколупова В.А. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 4 (11). С. 49-56.
12. Монахов Ю. Три удара пивной кружкой // Восход. 2005. 29 янв. N 12.
13. Галахова А.В. Превышение власти или служебных полномочий (вопросы уголовно-правовой квалификации). М., 1978. 96 с.
14. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Правоторов А.С. К вопросу о преступлениях, совершенных с применением оружия // Современные проблемы юридической науки: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей (юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 18-19 апреля 2014 г.): в 2 ч. Ч. II. Челябинск: Цицеро, 2014. С. 160-161.
16. Калмыкова М.А. Пенализация преступлений, связанных с применением оружия // Библиотека криминалиста. 2014. N 5 (16). С. 34-40.
17. Кирюхин А.Б. К вопросу об общественной опасности преступления, совершаемого с применением насилия или с угрозой применения насилия // Вестник Московского университета МВД России. 2015. N 4. С. 111-114.

References

1. Kaufman M.A. *Nekotorye spornye voprosy tolkovaniya i primeneniya norm ugolovnogo zakonodatel'stva* [Some controversial issues of interpretation and application of the criminal law] Rossiyskaya yustitsiya – Russian justice, 2008, no. 1, pp. 32-34.
2. Lopashenko N.A. *Nedostatki zakonodatel'noy tekhniki Ugolovnogo kodeksa Rossii kak prepyatstvie dlya ego effektivnogo primeneniya i kriminogennyy faktor* [Disadvantages of legislative technique the Russian Criminal Code as an obstacle to its effective application and criminogenic factors] *Mezhdunarodnoe i natsional'noe ugolovnoe pravo: problemy yuridicheskoy tekhniki* [International and domestic criminal law: the problem of legal technique]. Moscow, LeksEst Publ., 2004. Pp. 49-52.
3. Pan'ko K.K. *Nekotorye aspekty ugolovnogo zakonotvorchestva* [Some aspects of criminal law-making]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2006, no. 7, pp. 34-36.
4. Zharikov Yu.S. *Yuridicheskaya tekhnika kak osnova zakonnosti realizatsii ugolovno-pravovykh predpisaniy* [Legal technique as a basis for implementing the legality of criminal law regulations]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2007, no. 18, pp. 9-11.
5. Kanubrikov V.A. *Ponyatie printsipa zakonnosti v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve* [The concept of the principle of legality in the Russian criminal law]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the MOI of Russia, 2011, no. 2, pp. 70-72.
6. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, YuRAYT Publ. Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
7. *Kurs rossiyskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'* [Course of Russian criminal law. The special part]. Moscow, Spark Publ., 2002, 1040 p.
8. *Ugolovnoe pravo: Osobennaya chast'* [Criminal Law: special part]. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 1998. 768 p.
9. *Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka: bolee 90 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Modern Dictionary of Russian language: over 90 000 words and idiomatic expressions]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, 960 p.
10. *Bol'shoy slovar' russkogo yazyka: ok. 60 000 slov* [Great Dictionary of the Russian language: about 60 000 words]. Moscow, AST Publ., 2004, 1268 p.
11. Volkolupova V.A. *Voprosy razgranicheniya nasil'stvennogo grabezha i razboya* [Questions differentiation violent robbery and robbery]. *Vestnik olgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the MOI of Russia, – 2011, no. 4 (11), pp. 49-56.
12. Monakhov Yu. *Tri udara pivnoy kruzhekoy* [Three strikes a beer mug]. *Voskhod* – Sunrise, 2005, January 29, no. 12.
13. Galakhova A.V. *Prevyshenie vlasti ili sluzhebnykh polnomochiy (voprosy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii)* [Abuse of power or official authority (questions of criminal law qualification)]. Moscow, 1978. 96 p.
14. *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii* [Estimated signs of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2014. Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
15. Pravotorov A.S. *To the question about the crimes committed with weapons* [On the issue of crimes committed with the use of weapons]. *Sovremennyye problemy yuridicheskoy nauki* [Modern problems of legal science. In 2 parts. Part II]. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2014. Pp. 160-161.
16. Kalmykova M.A. *Penalizatsiya prestupleniy, svyazannykh s primeneniem oruzhiya* [Penalties of crimes related to the use of weapons]. *Biblioteka kriminalista* – Library of the criminalist, 2014, no. 5 (16), pp. 34-40.
17. Kiryukhin A.B. *K voprosu ob obshchestvennoy opasnosti prestupleniya, sovershaemogo s primeneniem nasiliya ili s ugrozoy primeneniya nasiliya* [On the question of the social danger of the crime committed with violence or threat of violence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* – Herald of Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, 2015, no. 4, pp. 111-114.

ЗАБАВКО Р.А., ZABAVKO R.A.,
zra1985@gmail.com zra1985@gmail.com
Кафедра уголовного права и криминологии; Chair of criminal law and criminology;
Восточно-Сибирский институт East-Siberian Institute of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации, Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074,
664074, г. Иркутск, Лермонтова, 110 Russian Federation

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОМПОНЕНТОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И УСТАНОВЛЕННЫХ ПРАВИЛ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Реферат. Обосновываются технико-юридические недостатки уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за экологические преступления, препятствующие его эффективному применению. Термин «экологические преступления» признается фиктивным, деяния, предусмотренные главой 26 УК РФ, предлагается считать преступлениями против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования. Это общественно опасные деяния, выражающиеся в загрязнении, уничтожении, изъятии компонентов окружающей природной среды из естественных систем, нарушении правил их использования, а также нарушении правил осуществления экологически опасной деятельности, повлекшие существенное ухудшение качества окружающей природной среды либо создавшие угрозу такого ухудшения. Аргументируется несоответствие места главы 26 УК РФ в структуре уголовного закона задачам уголовного права, которые наряду с охраной общественной безопасности и общественного порядка предполагают охрану окружающей среды. Констатируется неоправданное сужение законодателем родового и видового объектов экологических преступлений путем размещения названной главы уголовного закона в разделе IX, приводятся доводы в пользу выделения преступлений против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования в самостоятельный раздел. Разнородность признаков видовых объектов таких преступлений приводит автора к необходимости их деления на четыре вида (четыре главы предлагаемого раздела). К первой группе относятся составы, устанавливающие уголовную ответственность за деяния, полностью запрещенные законодательством (загрязнение, уничтожение компонентов окружающей природной среды и т.д.). Вторую группу образуют нарушения законодательных предписаний разрешенного антропогенного воздействия на них. Третья группа преступлений — завладение природными ресурсами. Четвертая группа — нарушение правил деятельности, которая имеет экологически опасный потенциал.

Ключевые слова: окружающая природная среда, экологические преступления, природные ресурсы, загрязнение природной среды, завладение природными ресурсами, экологически опасная деятельность.

THE CONCEPT AND SYSTEM OF CRIMES AGAINST ENVIRONMENTAL COMPONENTS AND ESTABLISHED RULES FOR THEIR USE

Abstract. The technical and legal defects of criminal legislation, imposing liability for environmental crimes, which obstruct its efficient implementation, are grounded. The term “environmental crimes” is considered fictitious. It’s proposed to consider the acts provided by the Chapter 26 of the RF Criminal Code as crimes against environmental components and established rules of their use. These crimes are socially dangerous acts aimed at pollution, destruction, acquisition of environmental components from the natural system, as well as violation of the rules of their use and rules of conducting environmentally hazardous activities entailed environmental deterioration or created the danger of such deterioration. The repugnance between the place of the Chapter 26 in the criminal law structure and goals of criminal law, implying environment preservation along with public safety protection and public order maintenance, is argued. It’s stated that legislators unreasonably narrow the generic and specific objects of environmental crimes through placing the above-mentioned chapter into the part IX. The arguments for placing the crimes against environmental components and established rules of their use into a separate part are given. It’s proposed to divide the specific objects of such crimes into 4 groups (4 chapters of the proposed part). Group 1 includes corpus delicti imposing criminal liability for the acts completely prohibited by the law (pollution, destruction of environmental components). Group 2 includes violations of legislative regulations of the allowed anthropogenic impact on them. Group 3 — acquisition of natural resources, group 4 — violations of the rules of conducting activities having environmentally hazardous potential.

Keywords: environment, environmental crimes, natural resources, environmental pollution, acquisition of natural resources, environmentally hazardous activities.

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации ознаменовало новую веху правового регулирования уголовной ответственности за преступления против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования. Впервые в истории отечественного уголовного права практически все составы преступлений, объектом которых являются общественные отношения в вышеназванной сфере, были объединены в одну главу. Между тем система экологических преступлений, сформулированная законодателем, имеет ряд существенных недочетов, которые не способствуют ни качественно-му применению норм, ни дальнейшему их научному изучению. Как верно отмечает В.Г. Пушкарев, «практически каждый ученый, коснувшийся в своих исследованиях гл. 26 УК РФ, предложил свою классификацию» [1, с. 17], что явно указывает на наличие проблемы правового регулирования. Качественная систематизация необходима – классификация является неотъемлемым элементом анализа диалектического метода познания, позволяет производить сравнение норм, воспринимать их как единое целое, а отдельные части – как элементы этого целого.

Структурно Особенная часть УК РФ организована таким образом, что представляет собой не простой перечень, а совокупность преступлений, объединенных между собой общими родовыми и видовыми признаками в однородные группы, при том, что место каждого состава преступления в структуре УК РФ строго установлено. Последовательность расположения указанных групп предопределяется некоей абстрактной категорией – важностью их уголовно-правовой охраны, которая обусловлена задачами УК РФ, сформулированными в ч. 1 ст. 2. Впрочем, структура Особенной части УК РФ не полностью совпадает с последовательностью изложения задач, и некоторые авторы считают, что в ее основе лежит выделенная Конституцией РФ триада ценностей: личность, общество, государство [2]. Полагаем, что эта точка зрения не совсем верна, хотя бы потому, что мир и безопасность человечества в качестве объектов уголовно-правовой охраны предусмотрены в последнем разделе УК РФ, однако они

вряд ли могут относиться к интересам государства – фактически они находятся вне рамок упомянутой триады. Большие проблемы в систематизации вскрывает анализ места в этой системе экологических преступлений, которые одинаково затрагивают интересы и личности, и общества, и государства, а не только общества, как считают авторы учебника [2].

Возвращаясь к анализу точки зрения, согласно которой в основе кодификации Особенной части лежат задачи УК РФ, отметим, что в таком случае законодатель допустил логическую ошибку, сначала выделив отдельные задачи охраны общественного порядка и окружающей среды, а затем объединив их решение в одну группу преступлений (Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»).

Особенная часть УК РФ построена таким образом, что все нормы, предусматривающие преступления с одинаковыми основными непосредственными объектами, объединены в одни главы. Однако не все составы экологических преступлений находятся в главе 26 УК РФ. Так, Б.Б. Тангиев, классифицируя рассматриваемые преступления в зависимости от предмета, полагает, что деяние, предусмотренное ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», – экологическое преступление, не включенное законодателем в главу 26 УК РФ [3, с. 252]. Полагаем, что данная структура УК РФ не вполне обоснована. Это касается, в частности, ст. 358 УК РФ «Экоцид».

Проблема систематизации экологических преступлений и определения их места в структуре Особенной части УК РФ усугубляется тем, что глава 26 УК РФ объединяет достаточно большой круг преступлений с совершенно разнородными объектами уголовно-правовой охраны.

Проблема систематизации экологических преступлений имеет несколько аспектов: определение перечня экологических преступлений; определение их места в системе Особенной части УК РФ; определение внутренней системы экологических преступлений.

Как уже было сказано выше, некоторые авторы полагают, что круг экологических преступлений не ограничен главой

26 УК РФ. Считаем, что данная позиция верна. О.Л. Дубовик помимо преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, относит к экологическим также преступления, предусмотренные ст.ст. 215, 236, 237, 243, 245 УК РФ [4, с. 481-482]. Вероятно, к перечисленным следует также отнести и ст. 358 УК РФ и ряд других составов преступлений. Однако данные составы не включены в названную главу, поскольку их основным объектом являются иные, не связанные с окружающей средой общественные отношения. Экологизированные общественные отношения в них выступают дополнительным объектом, и вред им наносится посредством причинения вреда основному объекту. Так, состав преступления, квалифицируемого по ст. 358 УК РФ «Экоцид», предусматривает обязательные деяния – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу. Тем самым применительно к данному составу можно говорить об обязательном наличии дополнительного объекта – общественных отношений, обеспечивающих сохранение биомассы, чистоты элементов окружающей среды, а также экологическую безопасность. В ст. 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» законодатель предусматривает в качестве альтернативного последствия радиоактивное заражение окружающей среды, тем самым общественные отношения, обеспечивающие естественный радиоактивный фон окружающей среды, выступают дополнительным альтернативным объектом уголовно-правовой охраны.

Несколько более «удаленным» от экологии видится преступление, предусмотренное ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», т.к. его «экологизация» связана сугубо с предметом преступления – животными.

Отдельно следует рассматривать составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 215, 236, 237, 243 УК РФ, а также некоторые иные составы преступлений. В них общественные отношения, связанные с рациональным использованием и сохранением окружающей среды и ее охраной, являются альтернативными объектами уголовно-правовой охраны, даже и не указан-

ными законодателем. Так, нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 237 УК РФ) не всегда связано с покушением на анализируемые выше общественные отношения, а скрываемая информация об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, не обязательно связана с окружающей средой.

Перечень таких «условно экологических» преступлений может быть расширен за счет ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ст. 214 УК РФ «Вандализм», ст. 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения», ст. 219 УК РФ «Нарушение правил пожарной безопасности», ст. 281 УК РФ «Диверсия», ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения». Мы не предлагаем пересматривать структуру УК РФ с целью внесения данных составов в главу 26 УК РФ, однако считаем, что их правовая природа с учетом потенциала воздействия на окружающую среду должна пониматься правильно.

Итак, экологические преступления представлены в УК РФ как:

1. Непосредственно включенные в главу 26 УК РФ: ст.ст. 246-262 УК РФ.

2. Находящиеся за пределами главы 26 УК РФ: ст.ст. 213, 214, 215, 215.2, 219, 236, 237, 243, 245, 281, 355 УК РФ. При этом данные преступления могут быть условно разделены на две подгруппы:

2.1. Статьи 215, 245, 358 УК РФ – преступления с указанными в описании экологизированными признаками;

2.2. Статьи 213, 214, 215.2, 219, 236, 237, 243, 281 УК РФ – преступления с возможными экологизированными признаками.

Полагаем, что такая классификация порождает проблему дефиниции экологических преступлений и определения их места в структуре УК РФ. В науке дано множество толкований, однако «диспут» в этой части остается открытым ввиду отсутствия законодательного, а также эффективного доктринального определения. Как правило, ученые стремятся дать собственное определение преступлениям, перечисленным в главе 26 УК РФ. Так, А.А. Морозов, говоря об экологической преступности, понимает под ней «сложную совокупность преступлений, предусмотренных гл. 26 Уголовного кодекса Российской

Федерации, посягающих на общественные отношения по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, включая обеспечение экологической безопасности личности, населения, общества, нации и устойчивого развития государства» [5, с. 14-17], В.В. Петров пишет, что «экологическим преступлением следует считать виновное противоправное общественно опасное деяние, посягающее на установленный общественный порядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде» [6, с. 88-89]. Фактически классическим стало определение, предложенное Э.Н. Жевлаковым: «Общественно опасное, предусмотренное уголовным законом, виновно совершенное, наказуемое деяние, посягающее на общественные отношения по сохранению качественно благоприятной природной среды, рациональному использованию ее ресурсов и обеспечению экологической безопасности населения» [7, с. 197]. Аналогичной позиции придерживаются и зарубежные исследователи. Например, З.А. Умирбаева определяет экологические преступления как «преступления, предусмотренные главой 11 Уголовного кодекса Республики Казахстан, нарушающие правила охраны природы путем негативного воздействия на природную среду, если эти деяния причинили или создали угрозу причинения существенного вреда охраняемым отношениям». Данные определения лишены универсальности и применимы только к тем преступлениям, которые посягают на экологическую безопасность и экологический порядок. Справедливости ради подвергнем критике и собственное раннее определение понятия экологического преступления: «общественно опасное, виновно совершенное деяние, состоящее в причинении вреда (или угрозе его причинения) охраняемым уголовным законом общественным отношениям, регулирующим порядок реализации экологических прав и обязанностей всех субъектов в интересах экологического порядка и экологической безопасности» [8, с. 18-19].

Для верного определения экологических преступлений необходим более качественный анализ их правовой природы. Само понятие «экологические преступления», использованное законодателем в на-

звании главы 26 УК РФ, в сравнении с названиями остальных глав Особенной части УК РФ, совершенно не типично. В названиях используется, как правило, формулировка «Преступления против [чего-либо]» – и это оправданно учением об объекте преступления, которое в общем виде гласит, что все преступления направлены против наиболее важных общественных отношений. Трижды законодатель изменяет этому правилу, называя преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ, «Преступлениями в сфере экономической деятельности», преступления, предусмотренные главой 28, «Преступлениями в сфере компьютерной информации» и преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ, «Экологическими преступлениями».

Полагаем, что в первых двух случаях законодатель, принимая во внимание широкий спектр охраняемых объектов и специфику совершаемых преступлений, разумно предположил, что нарушение установленного порядка экономической деятельности и обращения компьютерной информации не являются ни целью, ни конечным результатом. Они, как правило, являются своеобразными средствами достижения результата.

В случае с экологическими преступлениями законодатель прибегает к уникальному приему и называет группу преступлений термином, попавшим в обращение сравнительно недавно. Вспомним, что «термин “экологическое преступление”, введенный в научную литературу В.Д. Пакутиным в 1980 г., является производным от понятия “экологическое правонарушение”, впервые употребленного О.С. Колбасовым в 1972 г.» [9, с. 18-20.]. Этот термин имеет широкое значение и неудачно применен в названии главы 26 УК РФ, поскольку не отражает сути содержащихся в ней составов преступлений. Правы Д.П. Водяников и В.К. Глистин, отмечающие, что для анализа определения «экологическое преступление» требуется предварительный анализ термина «экология» [10, с. 116]. Известно, что «экология (от греч. οἶκος – дом, жилище, местопребывание и λόγος – понятие, учение, наука) – это наука об отношениях живых организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой» [11]. Такое определение много шире того содержания, которое законодатель

вложил в суть преступлений, описанных в УК РФ. Тем самым термин, имеющий одно содержание, понимается другим, заведомо более узким – без особой необходимости создана правовая фикция.

Полагаем, что близок к истине И.В. Попов, указавший, что фактически в главе 26 УК РФ описаны преступления против природной среды [12, с. 103-107].

Между тем мы не предлагаем полностью отказаться от дефиниции «экологические преступления», сформулированной и в ст.ст. 246-262 УК РФ, и в ст.ст. 213, 214, 215, 215.2, 219, 236, 237, 243, 245, 281, 355 УК РФ.

Сказанное ставит проблему названия главы 26 УК РФ и определения дефиниции преступлений, описанных в ней. Полагаем, что в данной ситуации не содержание указанных норм должно соответствовать названию главы, а наоборот, название главы должно характеризовать содержание норм, в нее включенных.

Перечень рассматриваемых преступлений построен таким образом, что каждая статья фактически устанавливает ответственность за преступления против отдельных компонентов природной среды. Кроме того, в качестве конструктивного элемента выделяется способ негативного воздействия на предмет и через него на общественные отношения. При этом способ преступного воздействия часто противоположен предусмотренному законом должному варианту поведения.

В качестве способов негативного воздействия на компоненты окружающей природной среды нормами главы 26 УК РФ предусмотрены: их загрязнение, уничтожение, изъятие из естественной среды, нарушение правил их использования, а также нарушение правил экологически опасной деятельности.

Тем самым рассматриваемые преступления можно охарактеризовать как предусмотренные главой 26 УК РФ общественно опасные деяния, состоящие в загрязнении, уничтожении, изъятии компонентов окружающей природной среды из естественных систем, нарушении правил их использования, а также нарушении правил экологически опасной деятельности, повлекшие существенное ухудшение качества окружающей природной среды либо создавшие угрозу такого ухудшения.

Это позволяет констатировать тот факт, что в главе 26 УК РФ законодатель предусмотрел перечень преступлений, посягающих на отдельные виды компонентов природной среды, а также на предписанные способы их использования. Следовательно, более подходящее название для данной главы – «Преступления против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования».

В целом же все экологические преступления можно охарактеризовать как преступления, прямо или косвенно причиняющие вред окружающей природной среде. Мы намеренно оставляем круг таких преступлений широким ввиду того, что термин «экология», лежащий в основе их названия, широк и должен употребляться в своем истинном значении.

Как уже было указано выше, преступления против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования могут быть разделены на обособленные виды внутри собственной системы. Таких классификаций может быть множество. В зависимости от предмета преступного посягательства можно выделить преступления против живой и неживой природы; в зависимости от способа воздействия на компоненты окружающей природной среды – загрязнение, изъятие, уничтожение, завладение природными ресурсами; в зависимости от формы вины – умышленные и неосторожные. Однако полагаем, что наиболее важное основание для классификации – вид воздействия на окружающую природную среду – причинение вреда непосредственно компонентам окружающей природной среды; нарушение правил их использования; завладение природными ресурсами и нарушение правил экологически опасной деятельности.

К первой группе преступлений следует отнести те, по которым в соответствующих статьях установлена уголовная ответственность за полностью запрещенные деяния, – загрязнение, уничтожение компонентов окружающей природной среды и т.д., ко второй – нарушение законодательных предписаний разрешенного антропогенного воздействия на них, к третьей – завладение природными ресурсами, к четвертой – нарушение правил деятельности, которая имеет экологически опасный потенциал.

Четыре группы преступлений, указанные выше, имеют различный характер общественной опасности и различные видовые признаки и, следовательно, могут составить три разные главы УК РФ. Соответственно, все преступления против компонентов окружающей природной среды и

установленных правил их использования должны быть объединены в раздел УК РФ. Это позволит устранить вышеуказанную проблему с соотношением задачи охраны общественной безопасности и общественного порядка и задачи охраны окружающей среды.

Список литературы

1. Пушкарев В.Г. К вопросу о системе экологических преступлений (критический анализ современных научных позиций) // Экологическое право. 2007. N 3.
2. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / С.А. Балеев, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов [и др.]; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
3. Тангиев Б.Б. Экокriminalология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2005. 428 с.
4. Дубовик О.Л. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.И. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. 816 с.
5. Морозов А.А. Экологические преступления: применение биологических методов при расследовании // Экологическое право. 2014. N 2.
6. Петров В.В. Экологическое преступление: понятие и составы // Государство и право. 1993. N 8.
7. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятия, виды, проблемы ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 478 с.
8. Забавко Р.А. О понятии «экологическое преступление» // Российский следователь. 2009. N 11.
9. Умирбаева З.А. Понятие «экологическое преступление» в уголовном праве // Российский следователь. 2010. N 9.
10. Водяников Д.П., Глистин В.К. О проблемах теории уголовно-правовой охраны внешней природной среды // Вестник ЛГУ. 1979. N 11.
11. Большой энциклопедический словарь. СПб.: Норит, 2000. 1456 с.
12. Попов И.В. Преступления против природной среды. Понятие и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2009. N 326.

References

1. Pushkarev V.G. *K voprosu o sisteme ekologicheskikh prestupleniy (kriticheskiy analiz sovremennykh nauchnykh pozitsiy)* [On the question of the system of ecological crimes (critique of modern scientific products)]. *Ekologicheskoe pravo* – Environmental Law, 2007, no. 3.
2. Baleev S.A., Kruglikov L.L., Kuznetsov A.P. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law in Russia. The special part]. Moscow, Statut Publ., 2012. 943 p.
3. Tangiev B.B. *Ekokriminalologiya (oikoscrimenlogos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya* [Accriminate (oikoscrimenlogos). Paradigm and theory. Methodology and practice]. St. Petersburg, 2005. 428 p.
4. Dubovik O.L. *Ugolovnoe pravo Rossii. V 2 t. T. 2: Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. In 2 volumes. Volume 2: Special part]. Moscow, 2000. 816 p.
5. Morozov A.A. *Ekologicheskie prestupleniya: primeneniye biologicheskikh metodov pri rassledovanii* [Environmental crime: the use of biological methods in the investigation]. *Ekologicheskoe pravo* – Environmental law, 2014, no. 2.
6. Petrov V.V. *Ekologicheskoe prestuplenie: ponyatie i sostavy* [Environmental crime: concept and compositions]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 1993, no. 8.
7. Zhevlakov E.N. *Ekologicheskie prestupleniya: ponyatiya, vidy, problemy otvetstvennosti. Dokt. Diss.* [Environmental crime: concepts, kinds, liability issues. Doct. Diss.]. Moscow, 1991. 478 p.
8. Zabavko R.A. *O ponyatii "ekologicheskoe prestuplenie"* [About the concept of "environmental crime"]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2009, no. 11.
9. Umirbaeva Z.A. *Ponyatie "ekologicheskoe prestuplenie" v ugovnom prave* [The concept of "environmental crime" in criminal law]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2010, no. 9.
10. Vodyanikov D.P., Glistin V.K. *O problemakh teorii ugovno-pravovoy okhrany vneshney prirodnoy sredy* [About the problems of the theory of criminal law protection of the external natural environment]. *Vestnik LGU* – Herald of Leningrad state University, 1979, no. 11.
11. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Norit Publ., 2000. 1456 p.
12. Popov I.V. *Prestupleniya protiv prirodnoy sredy. Ponyatie i sodержanie* [Crimes against the natural environment. The concept and content]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Tomsk state University, 2009, no. 326.

Раздел 4. Криминологическая наука

САЧЕК А.Г., кандидат юридических наук, доцент, sachek_a@tut.by Научно-педагогический факультет; Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Машерова, 6	SACHEK A.G., Candidate of Legal Sciences, associate professor, sachek_a@tut.by Scientific and pedagogical faculty; Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Masherova Ave. 6, Minsk, 220005, Republic of Belarus
---	---

ОСНОВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ)

Реферат. Прогнозирование развития преступности и определение сфер жизни общества, наиболее уязвимых в будущем, — одна из основных задач криминологической науки. В целях прогнозирования явлений и процессов в различных отраслях знания активно используется метод моделирования. Из технического построения подобия механизма для проверки параметров работы моделирование эволюционировало за двадцатый век до одного из основных методов прогнозирования социально-экономических процессов. Аргументируется наличие предпосылок для выделения криминологического моделирования как самостоятельного направления белорусской криминологической науки. Метод криминологического моделирования представляет собой метод криминологического прогнозирования, в основе которого лежит построение статистических и динамических моделей, описывающих с возможно более полной информативностью динамику преступности во времени, исходя из взаимодействия комплекса факторов, существенно влияющих на нее. В основе использования методов криминологического моделирования лежит построение модели возможной ситуации. При данном подходе параметры модели ставятся в соответствие с исследуемыми факторами изучаемого события, варьируя параметры модели, получают сведения о значимости отдельных факторов, об их взаимном влиянии. На основе таких расчетов находят оптимальные соотношения между последствиями события и соответствующими масштабами деятельности правоохранительных органов. Основными функциями моделирования обеспечения экономической безопасности являются целеполагание деятельности (построение модели состояния) и выработка алгоритма по противодействию преступным посягательствам на нее. Необходимо учитывать внутрискруктурные изменения криминогенных угроз экономической безопасности (возможность изменения алгоритма противодействия). Криминологическое моделирование позволит создать базу для формирования государственной политики в сфере противодействия преступности и обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, преступление, угроза, моделирование, сложная система, метод, элемент системы, параметр, переменная, анализ, синтез, прогнозирование.

PRINCIPLES OF CRIMINOLOGICAL MODELING (BY THE EXAMPLE OF ENSURING ECONOMIC SECURITY IN BELARUS)

Abstract. Predicting the crime development and determining the most vulnerable spheres of social life are among the main tasks of criminological science. The modeling method is frequently used in different branches of knowledge to predict phenomena and processes. During the 20th century modeling has become one of the main methods for predicting social and economic processes. There are some preconditions for considering criminological modeling as a separate direction of criminology in Belarus. Criminological modeling method is a method of criminological prediction, which is based on building statistical and dynamic models describing the crime dynamics depending on the mutual interaction of factors affecting it. The use of the criminological modeling methods is based on building a model of possible situation. The model parameters are associated with the factors of the studied event. When varying these parameters, we obtain the information on significance of the separate factors and their mutual influence. The optimal correlation between the event consequences and proper scale of law enforcement agencies' activities are determined basing on these calculations. The main functions of modeling of economic security ensuring are activity targeting (state model building) and working out an algorithm of counteraction to criminal encroachments on it. The author proves the necessity to take

account of the intrastructural changes of the criminogenic threats to economic security (possibility to change the counteraction algorithm). Criminological modeling allows to create a base for forming state policy in the sphere of crime fighting and economic security ensuring.

Keywords: security, economic security, crime, threat modeling, a complex system, a method, system component, parameter, variable, analysis, synthesis, prediction.

Прогнозирование развития преступности как антисоциального явления, а также определение сфер жизнедеятельности общества, наиболее уязвимых в будущем, — одна из основных задач криминологической науки. В настоящее время в различных отраслях знания в целях прогнозирования явлений и процессов активно используется метод моделирования. Из технического построения подобия механизма для проверки параметров работы моделирование эволюционировало за двадцатый век до одного из основных методов прогнозирования социально-экономических процессов.

Меры по противодействию противоправным проявлениям разработаны и закреплены в нормативных правовых актах, однако эффективность указанных мер сложно оценить в среднесрочной и долгосрочной перспективе. С этой целью в представленной статье проводится исследование возможности использования моделирования в криминологии. Рассматриваются способы применения метода моделирования в экономических и юридических науках. Предлагается структура криминологического моделирования. Проводится анализ основных этапов криминологического моделирования.

Итак, обращаясь к истории моделирования в отечественной науке, представляется необходимым отметить, что в 1949 году доктор технических наук Л.С. Эйгенсон в своей работе «Моделирование» рассматривал возможность использования метода моделирования только при изучении физических явлений и процессов, обращая внимание на то, что физическое явление, являющееся объектом экспериментального исследования, может рассматриваться как модель целой группы подобных явлений [1, с. 64]. Однако уже в 1952 году автор указывает на возможности расширенного понимания процесса моделирования и отмечает возможности построения теоретических моделей в случаях, когда образец не существует либо его построение в натуре невозможно [2, с. 17]. Тем самым в середине XX века признавалось, что как физически существующие, так и

нефизические модели имеют равное право (логическое обоснование) для своего применения — каждая в своей области: физические модели для познавательных целей, нефизические — для прогнозов.

В настоящее время большинство ученых воспринимают «модель» не как вспомогательное средство, как некую замену реально существующих объектов, а как более общее понятие, включающее в себя абстрактное видение развития явления или процесса, выходящее за пределы математических закономерностей. Однако следует учитывать, что развитие любого явления связано с совокупностью разнородных либо одинаковых элементов, объединенных связями, создающими целостную систему. По словам Н.М. Амосова, «чтобы управлять, нужно знать. С точки зрения техники полнота управления машинами заключается в возможности создавать их заново и улучшать свойства. В функционировании социальных систем не все так однозначно» [3, с. 3]. Он также обращает внимание на особое место информации и информационных потоков при моделировании сложных социальных систем. Тем самым автор подчеркивает, что социальные системы — более сложные и их структура более сложная, нежели можно выразить математическими формулами, и их деятельность определяется переработкой информации в большей мере, чем превращением материи и энергии. Обязательным условием является наличие достоверных источников информации, что позволяет моделировать динамику различных социальных процессов.

В современных условиях системный подход достаточно широко используется в криминологической науке. Представители научной школы профессора Д.А. Шестакова рассматривают взаимосвязь преступного множества с отдельными функциональными общественными системами, понимая под преступностью свойство общества порождать множество опасных для человека деяний [4, с. 6].

Говоря о криминологическом моделировании в целом и о криминологичес-

ком моделировании системы обеспечения экономической безопасности в частности, представляется необходимым обратиться к опыту использования метода моделирования в экономической и юридических науках.

В отечественной экономической науке моделирование начало активно применяться с 60-х годов XX века, и за это время трансформировалось из систем массового обслуживания в моделирование сложных управленческих систем и автоматизацию бизнес-процессов [5; 6; 7]. Особое место в моделировании экономических процессов занимало исследование влияния криминогенных факторов. Так, диссертационное исследование К.В. Сомика посвящено моделированию криминогенных процессов в сфере налогообложения [8, с. 4]. Вопросы моделирования защиты субъектов обеспечения экономической безопасности от коррупционных проявлений и лоббирования также нашли свое отражение в ряде диссертационных исследований [9; 10].

Среди юридических наук наиболее широкое применение метод моделирования получил в криминалистике. При этом можно говорить об использовании в криминалистике как непосредственно физических моделей и математических закономерностей, так и нефизических моделей с целью выявления закономерностей и свойств процессов. Например, методы математического моделирования применяются в основном при исследовании дорожно-транспортных происшествий [11, с. 2]. В качестве физической модели в криминалистике могут рассматриваться различные гипсовые слепки. Нефизические модели, как правило, используются при криминалистическом моделировании расследования отдельных групп преступлений [12, с. 20]. Одним из примеров использования нефизических моделей в криминалистике может служить также моделирование личности преступника и его преступного поведения. В специальной литературе отмечается, что под моделированием личности неустановленного преступника следует понимать процесс собирания, систематизации и использования по формальной схеме данных о личности и об особенностях преступного поведения неустановленного преступника, позволяющих выдвигать обоснованные версии о

его психофизиологических особенностях, существенно сузить круг проверяемых лиц и прогнозировать посткриминальное поведение преступника [13, с. 10].

Использование методов теоретического моделирования и постоянное расширение сфер его применения могут свидетельствовать о достаточно высоком уровне эффективности рассматриваемой методики. Представляется необходимым подчеркнуть, что как в экономическом, так и криминалистическом моделировании затрагиваются различные криминологические аспекты, ученые предпринимают попытки проанализировать влияние криминогенных факторов на изучаемые процессы.

Мы считаем, что в настоящее время сформировались предпосылки к возникновению самостоятельного направления в криминологической науке — криминологического моделирования. Метод криминологического моделирования представляет собой метод криминологического прогнозирования, в основе которого лежит построение статистических и динамических моделей, описывающих с возможно более полной информативностью динамику преступности во времени, исходя из взаимодействия комплекса факторов, существенно влияющих на нее. В основе использования методов криминологического моделирования лежит построение модели возможной ситуации. При данном подходе параметры модели ставятся в соответствие с исследуемыми факторами изучаемого события. Варьируя параметры модели, получают сведения о значимости отдельных факторов, об их взаимном влиянии. На основе таких расчетов находят оптимальные соотношения между последствиями события и соответствующими масштабами деятельности правоохранительных органов.

Сложность использования криминологического моделирования как деятельности, направленной на анализ, оценку и нивелирование криминогенных угроз государственному устройству, развитию общества и личности, заключается в необходимости построения многоуровневых моделей в зависимости от сферы применения.

Процесс криминологического моделирования в целом и системы обеспечения экономической безопасности в частности — целенаправленная деятельность,

состоящая из нескольких этапов. В теории моделирования систем в качестве таких этапов, как правило, выделяют: постановку задачи; структуризацию системы; построение и исследование модели [14]. Значительное число факторов, которые необходимо принимать во внимание при оценке и прогнозировании влияния преступности на социально-экономические процессы, сложность структуры криминогенных явлений требуют детализации этапов криминологического моделирования.

Применительно к предмету нашего исследования процесс моделирования должен пройти следующие стадии:

- формулирование цели моделирования;
- определение элементов системы;
- построение схемы взаимодействия элементов;
- выбор переменных и параметров, определение зависимостей и ограничений;
- решение поставленных задач;
- анализ результатов решения, оценка адекватности модели;
- корректировка и уточнение модели.

Любая осознанная деятельность должна быть направлена на достижение определенной цели, субъект в конце труда должен получить результат, который уже вначале имелся в представлении. Цель моделирования определяет не только функциональные возможности модели, но и ее способность отвечать на поставленные вопросы, давать возможность оценки различных ситуаций и альтернатив. Вопросы целеполагания являются важным организующим элементом криминологического моделирования. Применительно к предмету нашего исследования следует отметить, что целью системы экономической безопасности является достижение такого состояния экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. Соответственно целью криминологического моделирования системы обеспечения экономической безопасности является максимально возможное нивелирование влияния криминогенных угроз на экономику Республики Беларусь.

По мнению Н.П. Бусленко, при исследовании сложных систем можно выделить

два основных класса задач: анализ и синтез [15, с. 37]. Анализ применяется, когда известны показатели основных элементов системы, и предназначен для решения вопросов эффективности. Устойчивость функционирования, степень защищенности от негативных факторов изучаются в процессе синтеза. Сформулированная нами цель относится именно к категории «задач синтеза», так как наша деятельность направлена на максимально возможное снижение влияния криминогенных факторов на объекты экономической безопасности.

После формулировки целей моделирования представляется необходимым определить объект моделирования и выявить закономерности его функционирования. Моделируя систему экономической безопасности, в качестве объектов негативного воздействия криминогенных факторов мы будем анализировать все рассмотренные выше элементы системы обеспечения экономической безопасности.

Специалисты в области моделирования организационных структур отмечают, что одной из основных задач построения концептуальной модели является выделение наиболее существенных сторон объекта с точки зрения проводимого анализа [16, с. 24]. Исследование объектов криминологического моделирования представляет возможность определить взаимосвязи внутри системы. Анализ связей между отдельными элементами позволяет выявить закономерности функционирования системы, а также возможности криминогенного влияния на каждый элемент в отдельности.

Одним из важнейших этапов является выбор переменных и параметров криминологического моделирования. Переменные характеризуют влияние внешней среды на систему. В качестве примера такого влияния на систему экономической безопасности можно рассматривать курсовые колебания валют, заключение межгосударственных соглашений, влияние транснациональных преступных группировок и др. В качестве переменных криминологического моделирования может выступать ущерб, как прямой, так и косвенный, от различных групп преступлений в определенный период времени.

Параметрами при построении криминологической модели выступают внут-

рение, объективно присущие системе свойства. Способом накопления информации для установления параметров функционирования различных объектов является проведение специальных эмпирических исследований. Особое значение при выборе и характеристике параметров криминологического моделирования приобретают статистические данные о влиянии преступности на социально-экономические процессы и безопасность.

Поведение переменных и параметров отдельных подсистем в их взаимосвязи способствует определению функциональных зависимостей. Пределы изменения значений переменных и параметров устанавливаются ограничениями. Следует заметить, что при криминологическом моделировании ограничения, как правило, обобщаются понятием функциональных зависимостей, так как преступность — объективно существующее явление.

Особое внимание необходимо уделять целевой функции — показателю, позволяющему определить качество решения и степень приближения к желаемому состоянию системы. Правильный подбор переменных и параметров системы позволяет реализовать поставленную цель и предложить решение поставленной задачи.

Построение непосредственной криминологической модели нельзя рассматривать в качестве окончания работы по криминологическому моделированию. Важным этапом является анализ результатов решения и оценка адекватности модели. Обращает на себя внимание то, что оценить адекватность криминологической модели можно только после проверки ее эффективности. Криминологическую модель системы обеспечения экономической безопасности сложно оценить теоретическим путем. Для адекватности оценки необходимо анализировать работу модели в течение некоторого промежутка времени. Целью анализа результатов криминологического моделирования является сравнение с ожидаемым криминогенным воздействием на исследуемую систему либо с тенденциями, имевшими место ранее, что позволяет выработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию модели.

В ходе построения модели того или иного явления следует определиться не

только с целью построения модели и алгоритмом ее действия, но и выбрать тип модели. Существуют разнообразные типы моделей, однако применительно к криминологическому моделированию системы обеспечения экономической безопасности представляется необходимым обратиться к прагматическим моделям. Указанный вид моделей носит нормативный характер, играет роль своеобразного плацдарма, под который «подгоняются» как сама деятельность, так и ее результат. Необходимо отметить, что прагматические модели отражают не существующий, но желаемый результат. Прагматическая модель является средством управления, элементом организации практических действий, способом представления образцово правильных действий или результата, т.е. является рабочим представлением целей. В связи с этим использование прагматических моделей состоит в том, чтобы при обнаружении расхождений между моделью и реальностью направить усилия на изменение реальности так, чтобы приблизить реальность к модели. Для эффективного функционирования рассматриваемой модели, для того, чтобы она отвечала своему назначению, необходимо наличие определенных условий, основное из которых — согласование модели со средой (ингерентность), в которой ей предстоит функционировать, входить в ту же среду как естественная ее часть. Важным аспектом согласованности со средой является обеспеченность функционирования модели ресурсами, а также обеспечение операционности работы модели. Применительно к системе экономической безопасности сложность построения прагматической модели заключается в постоянной динамике происходящих процессов как внутри государства, так и за его пределами, которые могут иметь существенное влияние как на отдельные элементы, так и на модель в целом.

В завершение сделаем следующие выводы:

1. Мы считаем, что криминологическое моделирование системы обеспечения экономической безопасности может выполнять несколько взаимодополняющих функций. Это, как было отмечено выше, функция целеполагания деятельности, создание образа желаемого грядущего, т.е. построение модели состояния. Иная фун-

кция криминологического моделирования заключается в выработке непосредственного алгоритма по противодействию преступным посягательствам, на пути к достижению поставленной цели.

2. При осуществлении криминологического моделирования представляется необходимым учитывать изменения внутри структуры криминогенных угроз экономической безопасности. В связи с этим необходимо допускать возможность внесения изменения в алгоритм построения модели и методов повышения ее эффективности. Такая возможность возникает при поэтапном развитии модели, с промежуточным анализом достигнутых результатов и последующей коррекцией деятельности системы. Таким образом, полагаем, что моделирование по своей природе является обязательным, неизбежным действием во

всякой целесообразной деятельности, пронизывает и организует ее, представляя собой не часть, а аспект этой деятельности.

3. Являясь методом научного познания, моделирование активно применяется при организации, планировании, совершенствовании конкретных видов деятельности и предполагает построение системы элементов, воспроизводящих определенные стороны, связи, функции предмета исследования. Интегрируя в свою систему процессы прогнозирования и частично планирования, криминологическое моделирование не только позволит создать базу для разработки системы противодействия преступности, но и послужит отправной точкой для формирования государственной политики в сфере противодействия преступности и обеспечения экономической безопасности.

Список литературы

1. Эйгенсон Л.С. Моделирование. М.: Промстройиздат, тип. Metallurgizdata, 1949. 240 с.
2. Эйгенсон Л.С. Моделирование. М.: Советская наука, 1952. 371 с.
3. Амосов Н.М. Моделирование сложных систем. Киев: Наукова думка, 1968. 88 с.
4. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Г.Н. Горшенков [и др.]. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 259 с.
5. Калянов Г.Н. Моделирование, анализ, реорганизация и автоматизация бизнес-процессов: учеб. пособие для высших учебных заведений по специальности 080801 «Прикладная информатика (по областям)» и другим экономическим специальностям. М.: Финансы и статистика, 2006. 238 с.
6. Бусленко Н.П. Лекции по теории сложных систем. М.: Сов. радио, 1973. 439 с.
7. Матросов В.М., Головченко В.Б., Носков С.И. Моделирование и прогнозирование показателей социально-экономического развития области. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 143 [1] с.
8. Сомик К.В. Моделирование криминогенных процессов в сфере налогообложения: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001. 37 с.
9. Савватеев А.В. Моделирование коррупции и лоббирования в переходных экономиках: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 24 с.
10. Караулова Н.М. Моделирование защиты интересов субъектов экономических отношений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2004. 31 с.
11. Лукошявичене О.В. Моделирование дорожно-транспортных происшествий. М.: Транспорт, 1988. 93 [3] с.
12. Курганова И.В. Криминалистическое моделирование при расследовании преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 27 с.
13. Мухин Г.Н. Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения. М.: Юрлитинформ, 2012. 204 с.
14. Афанасьев Р.С. Моделирование взаимосвязи уровня финансового развития и экономического роста: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 25 с.
15. Бусленко Н.П. Моделирование сложных систем. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1978. 399 с.
16. Бусленко Н.П. Метод статистического моделирования. М.: Статистика, 1970. 112 с.

References

1. Eygenon L.S. *Modelirovanie* [Modeling]. Moscow, Promstroyizdat, tip. Metallurgizdata, 1949. 240 p.
2. Eygenon L.S. *Modelirovanie* [Modeling]. Moscow, Sovetskaya nauka Publ., 1952. 371 p.
3. Amosov N.M. *Modelirovanie slozhnykh system* [Modeling of complex systems]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1968. 88 p.
4. Shestakov D.A., Kabanov P.A., Gorshenkov G.N. [i dr.]. *Prestupnost' sredi sotsial'nykh podsystem. Novaya kontseptsiya i otrasli kriminologii* [Crime among social subsystems. The new concept of industry and criminology]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 259 p.

5. Kalyanov G.N. *Modelirovanie, analiz, reorganizatsiya i avtomatizatsiya biznes-protsessov* [Modeling, analysis, consolidation and automation of business processes]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2006. 238 p.
6. Buslenko N.P. *Lektsii po teorii slozhnykh system* [Lectures on the theory of complex systems]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1973. 439 p.
7. Matrosov V.M., Golovchenko V.B., Noskov S.I. *Modelirovanie i prognozirovanie pokazately sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya oblasti* [Modelling and forecasting of socio-economic development of the region]. Novosibirsk, Science. Siberian Branch, 1991. 143 [1] p.
8. Somik K.V. *Modelirovanie kriminogennykh protsessov v sfere nalogooblozheniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Modeling criminogenic processes in the field of taxation. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2001. 37 p.
9. Savvateev A.V. *Modelirovanie korrupsii i lobbirovaniya v perekhodnykh ekonomikakh. Avtoref. Kand. Diss.* [Simulation of corruption and lobbying in transition economies. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 24 p.
10. Karaulova N.M. *Modelirovanie zashchity interesov sub'ektov ekonomicheskikh otnosheniy. Avtoref. Kand. Diss.* [Modelling of protecting the interests of economic entities. Autoabstract. Cand. Diss.]. Volgograd, 2004. 31 p.
11. Lukoshyavichene O.V. *Modelirovanie dorozhno-transportnykh proisshestviy* [Modeling traffic accidents]. Moscow, Transport Publ., 1988. 93 [3] p.
12. Kurganova I.V. *Kriminalisticheskoe modelirovanie pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomiki. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminalistic modeling in the investigation of crimes in the sphere of economy. Autoabstract Cand. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 2008. 27 p.
13. Mukhin G.N., Karazey O.G., Isyutin-Fedotkov D.V. *Kriminalisticheskoe modelirovanie lichnosti neustanovlennogo prestupnika i ego prestupnogo povedeniya* [Criminalistic modeling personality unidentified criminals and criminal behavior]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 204 p.
14. Afanas'ev R.S. *Modelirovanie vzaimosvyazi urovnya finansovogo razvitiya i ekonomicheskogo rosta. Avtoref. Kand. Diss.* [Modeling the relationship of the level of financial development and economic growth. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 25 p.
15. Buslenko N.P. *Modelirovanie slozhnykh system* [Modeling of Complex Systems]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 399 p.
16. Buslenko N.P. *Metod statisticheskogo modelirovaniya* [The method of statistical modeling]. Moscow, Statistika Publ., 1970. 112 p.

Раздел 5. Пенитенциарная система

ПЕРЕМОЛОТОВА Л.Ю., кандидат юридических наук, lady.peremolotova@yandex.ru
Кафедра криминологии и организации профилактики преступлений;
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 390000, г. Рязань, Сенная, 1

PEREMOLOTOVA L.Yu., Candidate of Legal Sciences, lady.peremolotova@yandex.ru
Chair of criminology and organization of crime prevention;
Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of the Russian Federation, Sennaya St. 1, Ryazan, 390000, Russian Federation

ЗНАЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Реферат. Высокий уровень рецидива среди лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы (53,2 %), свидетельствует о низкой эффективности индивидуальной профилактики и недостаточном исправительном воздействии уголовно-исполнительной системы. Достижение целей наказания связывается с выявлением внутренних, субъективных причин совершения преступления. Личность осужденного должна быть объектом научного изучения, а также воспитательного, психологического и иного воздействия со стороны органов исполнения наказаний. Подчеркивается необходимость сочетания социологических и психологических методов в изучении особенностей личности осужденного, поскольку социологические методы не позволяют выявить личностные причины преступного поведения (объект профилактического воздействия). Рассматриваются общие и специальные меры профилактики, предотвращения и пресечения преступлений среди осужденных. Анализируются положения Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также составляющие общей профилактики правонарушений (мероприятия, структурные подразделения). Индивидуальная профилактика правонарушений включает в себя проведение целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с осужденными, поставленными на профилактический учет, с учетом психологических особенностей их личности, характера и степени общественной опасности совершенных ими правонарушений, а также других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия. Резюмируется, что пенитенциарная система существует для оказания необходимого воздействия на осужденных с целью недопущения их повторного преступного поведения, в чем выражаются ее сущность и назначение. Личность осужденного есть главный и конечный объект психолого-педагогического воздействия, центральная точка приложения всех усилий уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: личность осужденного, криминологические особенности личности, исправительные учреждения, отбывание наказания, нейтрализация криминогенных свойств, ресоциализация.

IMPORTANCE OF PERSONALITY CHARACTERISTICS OF CONVICTS WHEN EXERTING PREVENTIVE INFLUENCE

Abstract. The high rate of recidivism among persons completed their sentence in places of confinement (53.2 %) indicates the low efficiency of individual prevention and insufficient corrective influence of the penal system. Achieving the punishment goals is associated with revealing internal subjective causes of committing a crime. Convict's personality should be the object of scientific study as well as of educational, psychological and other influence of penal institutions. The author proves the necessity of combining sociological and psychological methods when studying personality characteristics of convicts, since sociological methods don't allow to reveal personal causes of criminal behaviour (the object of preventive influence). General and special measures of preventing crimes among convicts are considered. The provisions of both the Instruction on preventing crimes among prisoners and the general components of crime prevention (measures, structural divisions) are analyzed. Individual prevention of offences implies organizing purposeful, systematic and differentiated work with convicts put on preventive register taking into account psychological characteristics of their personalities, character and degree of public danger of the committed offences as well as other personality characteristics being

important for proper choice of methods and means of educational influence. It's summarized that the purpose of penitentiary system is exerting proper influence on convicts in order to prevent repeated criminal behaviour. Convict's personality is considered as main object of psychological and pedagogical influence and central point of penal system's activities.

Keywords: convict's personality, criminological personality characteristics, correctional facilities, service of sentence, neutralization of criminogenic properties, resocialization.

Эффективность борьбы с пенитенциарной преступностью в целом не может быть результативной без глубокого знания личности осужденного. Изучение личности осужденного необходимо для решения вопросов успешного функционирования исправительных учреждений: формирования отрядов и организаций осужденных; комплектования общеобразовательных школ, учебно-консультационных пунктов и профессиональных училищ; дифференциации воспитательной работы; применения мер поощрения и взыскания; изменения условий содержания. Исследование личности осужденного позволяет судить о результатах его исправления, а значит, о возможности представления осужденного к условно-досрочному и условному освобождению, помилованию, к замене неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием.

Выявление криминологических особенностей личности осужденных позволяет с высокой степенью вероятности определить лиц, склонных к совершению преступлений, разработать меры по предупреждению преступлений и определить средства правового индивидуально-профилактического воздействия на конкретно осужденного. Учет типичных признаков лиц, потенциально способных совершить преступление, позволяет выделить категории осужденных, нуждающихся в специальном профилактическом воздействии, с целью недопущения совершения ими преступлений [1, с. 79].

Несмотря на усилия государства по реформированию и демократизации уголовно-исполнительной системы, в местах лишения свободы сохраняется достаточно напряженная криминогенная обстановка.

Анализ показателей пенитенциарной преступности по видам исправительных учреждений, подтвержденный данными исследований, проведенных нами в 2010-2014 гг. в исправительных учреждениях Брянской, Владимирской, Кировской, Московской, Пензенской и Рязанской облас-

тей*, показывает, что максимально криминогенными являются колонии-поселения (в них совершается 34,3 % от общего количества преступлений в местах лишения свободы); на втором месте – колонии строгого режима (26,83 %); третье место занимают исправительные колонии общего режима (24,79 %); четвертое – СИЗО (4,12 %); в остальных видах исправительных учреждений совершается менее чем по 5,0 % преступлений, образующих пенитенциарный рецидив.

В последние годы серьезную обеспокоенность вызывает состояние рецидивной преступности, что негативно сказывается на общем состоянии уголовно-исполнительной системы и национальной безопасности Российского государства. По данным наших исследований, уровень рецидива среди лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, выше средне-статистического и достигает 53,2 %.

Если человек, ранее осужденный и отбывший (или отбывающий) наказание, совершает новое преступление, то это может свидетельствовать о его упорном стремлении продолжить преступную деятельность [2, с. 4].

В то же время совершение повторных преступлений осужденными свидетельствует о том, что администрация исправительных учреждений не всегда в полном объеме исследует личность осужденного, в связи с чем не достигаются цели наказания, лицо не исправляется, не делает никаких жизненных выводов из предыдущего осуждения [3, с. 204].

Для успешного достижения целей наказания исключительно важное значение имеет выявление тех внутренних, субъективных причин, которые привели осужденного к совершению преступления. Эти причины должны быть прежде всего объектом индивидуального воздействия. Работа по исправлению и перевоспита-

* В частности, осуществлено анкетирование 640 осужденных, содержащихся в ИУ указанных областей; опрос 50 сотрудников данных ИУ; изучено 110 уголовных дел.

нию осужденных должна строиться не на переделывании или разрушении сформировавшихся личностных свойств, а на их детальном изучении и, главное, на выявлении мотивов преступной деятельности и типологической принадлежности индивиду [3, с. 202].

Следовательно, личность осужденного должна быть объектом научного изучения, а также воспитательного, психологического и иного воздействия со стороны органов ФСИН России. Но, к сожалению, в местах лишения свободы отсутствует возможность предметно и глубоко изучать личность каждого осужденного. Данная ситуация обусловлена различными причинами, в том числе нехваткой времени, специалистов (особенно психологов), финансовых и технических средств. Кроме того, законодательные и иные нормативные основы исправления осужденных далеко не в полной мере учитывают их личностные особенности, они вообще слабо ориентированы на личность преступника [4, с. 5].

Исходя из анализа мнений ученых-пенитенциаристов и практиков, результатов собственных исследований, предлагаем среди осужденных по уровню и качеству адаптации выделять следующие группы:

— абсолютно десоциализированные личности, не адаптированные к условиям мест лишения свободы и даже к группам антиобщественно ориентированных осужденных. Как правило, это лица старшего возраста, инвалиды и те, кто страдает расстройствами психики. Такие люди обычно не соблюдают правила личной гигиены, что само по себе вызывает отторжение от микросреды;

— частично десоциализированные, к которым можно отнести тех, кто адаптирован больше к отрицательно характеризующимся группам и их ценностям. Если иметь в виду только социально полезные ценности, то немалая часть членов таких групп может быть названа лидерами преступного мира («воры в законе», «смотрящие» и др.);

— успешно социализированные, в число которых входят осужденные, не нарушающие режим, вставшие на путь исправления.

Чаще всего новые преступления в местах лишения свободы совершают представители именно второй группы, среди которых большое количество многократно

судимых, совершивших преступление при рецидиве, долгие годы своей жизни проведенных в тюремных условиях. Однако не исключено, что новые преступления могут быть совершены представителями и других групп.

Осужденный — это человек, совершивший преступление, обладающий определенными фундаментальными психологическими чертами. Преступление, конечно же, наложило отпечаток на его психику, он пережил процедуру судопроизводства, различные противоречивые воздействия, в местах лишения свободы стал испытывать негативное влияние со стороны других осужденных. У таких людей могли измениться нравственные установки, содержание реакций на среду, отношение к окружающему миру и к самим себе; у них нарушаются первостепенные социальные связи, положительные семейные и профессиональные эмоциональные контакты. За годы нахождения в местах лишения свободы у этих лиц могут развиваться психические аномалии, произойти жизненные катастрофы, обусловленные изоляцией от общества.

В период отбывания наказания в виде лишения свободы человек вынужден пересмотреть свою жизнь, осознать свое прошлое и одобрить его или раскаяться в нем, адаптироваться к новым жизненным условиям и построить планы на будущее, исходя из своих возможностей [5, с. 3]. Изменения личности начинаются с момента начала ее адаптации к месту исполнения наказания.

Уделяя внимание личности осужденного, пенитенциарная наука и практика должны учитывать все особенности конкретного человека, произошедшие личностные изменения (меняются его социальные роли, некоторые из них вообще отпадают, изменяются те его психологические особенности, которые не носят фундаментального характера).

Следовательно, при индивидуальной и иных видах работы с конкретным осужденным обязательно должны учитываться блоки факторов:

1) особенности личности, носящие фундаментальный характер, которые присущи человеку всегда, и от них он не в состоянии избавиться (это, собственно, и есть основа его личности);

2) особенности, которые человек приобретает в процессе отбывания наказа-

ния (они не являются фундаментальными, но оказывают влияние, иногда решающее, на человека и его поступки);

3) влияние, как оказываемое на человека в процессе отбывания наказания, так и оказывавшееся в прошлой жизни и продолжающее воздействовать на него.

Во время отбывания наказания осужденный предстает как бы в двух лицах: таким, каким он был, когда совершал преступление, и таким, каким он стал в процессе исполнения наказания. Безусловно, указанное деление весьма условно, так как в исправительном учреждении не может сформироваться новая личность [6, с. 72]. Ее изменения в значительной мере есть продолжение, развитие или трансформация тех черт, которые существовали и раньше. При этом до совершения преступления и осуждения они были в определенной мере скрыты, подавлены, не проявляли себя и, вполне возможно, не осознавались самим преступником.

Ведущие свойства психики любого человека, включая и осужденного, в большинстве случаев не подвергаются кардинальным изменениям, однако они способны порождать разное поведение под влиянием внешних обстоятельств или перестройки нравственных позиций, что иногда создает неверное представление об изменении самой личности. В связи с этим примерное поведение осужденного во время отбывания наказания не всегда может свидетельствовать о том, что субъективные причины, которые привели к совершению преступления, исчезли. Справедливо и противоположное утверждение: если осужденный в период отбывания наказания сопротивляется воздействию администрации, нарушает режим содержания, то это не всегда может означать, что у него остались неизменными те черты, которые привели к совершению преступления [7, с. 49-51].

Таким образом, изучение особенностей личности осужденного должно осуществляться посредством сочетания социологических и психологических методов. Применяя только социологические методы, невозможно выявить личностные причины преступного поведения, которые должны быть прежде всего объектом профилактического воздействия.

Криминологические особенности личности осужденных позволяют определить

ряд мер профилактического воздействия на них. Данные меры можно разделить на меры общего характера и специальные меры предупреждения, имеющие своей главной целью профилактику, предотвращение и пресечение преступлений.

Среди мер общего характера следует выделить:

– улучшение материально-бытовых условий содержания осужденных, повсеместное приведение их в соответствие с международными стандартами;

– совершенствование воспитательной и правовой работы среди осужденных, направленное на формирование их правильного отношения к назначенному наказанию, нейтрализацию отрицательного влияния на основную массу осужденных преступных авторитетов и лидеров;

– максимальное вовлечение осужденных в образовательную, профессиональную, трудовую деятельность, надлежащая организация их свободного времени;

– совершенствование судебного контроля (при решении вопросов условно-досрочного освобождения, освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного, изменения вида исправительного учреждения; при рассмотрении жалоб осужденных);

– улучшение ведомственного контроля (выявление и устранение нарушений прав и законных интересов осужденных; выработка мер, направленных на устранение и предупреждение нарушений прав человека, а также причин и условий, им способствующих; законность и обоснованность применения актов амнистии и помилования);

– повышение роли прокурорского надзора за соблюдением законности при нахождении осужденного в местах лишения свободы, установленных законодательством прав и законных интересов осужденных, порядка и условий их содержания;

– придание большей значимости контролю общественных объединений (участие в комиссиях при представлении осужденных к условно-досрочному освобождению, изменении условий отбывания наказания, участие в воспитательной работе, при рассмотрении ходатайств о помиловании);

– наделение органов местного самоуправления полномочиями, связанными с процессом ресоциализации осужденных.

Специальные меры предупреждения включают в себя:

– качественное улучшение индивидуально-воспитательной работы с осужденными в целом и с лицами, склонными к совершению преступлений, в частности, максимально учитывая при этом особенности их личностных характеристик;

– целенаправленную работу с вновь прибывшими в исправительное учреждение осужденными по их квалифицированному психодинамическому и медицинскому обследованию, составлению криминологического портрета на каждого осужденного;

– заведение дел предварительной оперативной проверки на лиц, склонных к совершению преступлений;

– проведение действенных и целенаправленных профилактических мероприятий с учетом личности осужденного и информации, полученной в процессе работы с ним при исполнении наказания.

Предупреждение и профилактика преступлений среди осужденных является одним из основных направлений развития уголовно-исполнительной системы, определенных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года*. В целях реализации данного направления Концепция предполагает проведение ряда мероприятий в сферах социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными, а также трудовой деятельности и профессиональной подготовки осужденных.

Порядок организации и проведения мероприятий по профилактике правонарушений среди осужденных урегулирован Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы**, утвержденной приказом Минюста России от 27 мая 2013 г. N 72.

* Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. N 1772-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 43. Ст. 5544.

** Рос. газ. 2013. 5 июня.

Данная Инструкция устанавливает, что при проведении общей профилактики особое внимание необходимо уделять динамике правонарушений; изменениям, происходящим в качественном и количественном составе осужденных; обеспечению изоляции и надзора за осужденными, трудовой занятости, размещению, материально-бытовому и медицинскому обеспечению. В осуществлении мероприятий общей профилактики в исправительных учреждениях задействованы отделы безопасности (режима), оперативные отделы, отделы воспитательной работы, подразделения охраны, медицинские подразделения, психологические службы, производственно-технические подразделения. Непосредственно к деятельности по выявлению и учету особенностей личности осужденных привлечены отделы воспитательной работы, медицинские подразделения и психологические службы.

Индивидуальная профилактика правонарушений включает в себя работу с осужденными, поставленными на профилактический учет, путем проведения целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с учетом психологических особенностей их личности, характера и степени общественной опасности совершенных ими правонарушений, а также других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия.

Пенитенциарная система существует для того, чтобы, оказывая необходимое воздействие на осужденных, не допустить их повторного преступного поведения. В этом сущность и гуманистическое назначение системы, точнее – деятельности учреждений, исполняющих наказания и осуществляющих исправление осужденных. Таким образом, личность осужденного является главным и конечным объектом психолого-педагогического воздействия, а следовательно, центральной точкой приложения всех усилий уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Нуждин А.А. Характеристика личностных свойств осужденного, совершившего побег из исправительного учреждения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. N 5.
2. Забелич А.А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
4. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительно исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
5. Многократный рецидив преступлений: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. Рязань: Академия ФСИН России, 2009.
6. Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009.
7. Маковик Р.С., Бессараб Н.Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве. М., 2007.

References

1. Nuzhdin A.A. *Kharakteristika lichnostnykh svoystv osuzhdennogo, sovershivshego pobeg iz ispravitel'nogo uchrezhdeniya* [Characteristics of personal properties of the convict, escaped from the prison]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* – Herald of Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, 2015, no. 5.
2. Zabelich A.A. *Lichnost' professional'nogo prestupnika, otbyvayushchego nakazanie v mestakh lisheniya svobody, kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Personality professional criminal, who is serving a sentence in prison, as an object of criminological research. Autoabstract Cand. Diss.]. Ryazan, 2013.
3. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. *Portrety prestupnikov* [Portraits of criminals]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2014.
4. Antonyan E.A. *Lichnost' retsdivista: kriminologicheskoe i ugovovno-ispolnitel'no issledovanie. Dokt. Diss.* [Personality of recidivist: criminological and penal-executive study. Doct. Diss.]. Moscow, 2014.
5. *Mnogokratnyy retsdiv prestupleniy* [Multiple Recidivism]. Ryazan, Academy FSIN of Russia, 2009.
6. *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary Criminology]. Ryazan, Academy FSIN of Russia, 2009.
7. Makovik R.S., Bessarab N.R. *Izolyatsiya lichnosti v rossiyskom prave i zakonodatel'stve* [Isolation of the individual in the Russian law and legislation]. Moscow, 2007.

Раздел 6. Правоохранительная политика

ЛЕЩИНА Э.Л., LESHCHINA E.L.,
 кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
 leshina74@yandex.ru leshina74@yandex.ru
 Кафедра государственно-правовых Chair of state-legal disciplines;
 дисциплин; Ural Branch of the Russian
 Уральский филиал Российского State University of justice,
 государственного университета правосудия, Pobedy Ave. 160, Chelyabinsk, 454084,
 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 160 Russian Federation

ШМИДТ А.А., SCHMIDT A.A.,
 кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
 artem-shmidt@yandex.ru artem-shmidt@yandex.ru
 Кафедра государственно-правовых Chair of state-legal disciplines;
 дисциплин; Ural Branch of the Russian
 Уральский филиал Российского State University of justice,
 государственного университета правосудия, Pobedy Ave. 160, Chelyabinsk, 454084,
 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 160 Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВИЛ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ И ПАТРОНОВ К НЕМУ

Реферат. Дается оценка сложившейся административно-правовой политики обеспечения правил оборота гражданского оружия и патронов к нему. Анализируются положения российского законодательства об обороте оружия и административной ответственности за его нарушения. Исследуются отдельные положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона «Об оружии», Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, других правовых актов, устанавливающих порядок функционирования лицензионно-разрешительной системы. С учетом статистических данных анализируется административная практика органов внутренних дел в лицензионно-разрешительной сфере. Выявлены проблемы привлечения к административной ответственности лиц, допустивших нарушения Правил оборота гражданского и служебного оружия. Критически оценивается действующее законодательство Российской Федерации об оружии. Рассматривается судебный и административный (вне судебный) порядок лишения права на хранение и ношение оружия (аннулирование лицензий и разрешений на хранение, хранение и ношение гражданского оружия). Дается оценка эффективности применения судами санкций Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде лишения права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия. На основе исторического метода предложено установление административной ответственности за уклонение от реализации огнестрельного гладкоствольного охотничьего оружия и боевых припасов гражданами, у которых органами внутренних дел аннулировано разрешение на их хранение. Разработаны предложения по совершенствованию законодательства об административной ответственности за нарушение требований законодательства об оружии, а также повышению эффективности деятельности органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского оружия.

Ключевые слова: гражданское оружие, лицензионно-разрешительная система, деятельность полиции, административная ответственность.

ADMINISTRATIVE LEGAL POLICY OF ENSURING OBSERVANCE OF THE REGULATIONS ON CIRCULATION OF CIVILIAN WEAPONS AND AMMUNITION

Abstract. The assessment of the existing administrative legal policy of ensuring observance of the regulations on circulation of civilian weapons and ammunition is provided. The provisions of the Russian legislation on the circulation of civilian weapons and ammunition and administrative responsibility for its violation are analyzed. Certain provisions of the Federal law "On weapons", of the Regulations on circulation of civilian and official weapons and ammunition on the territory of the Russian Federation, as well as of other legal acts, imposing the order of the licensing system functioning, are studied.

The administrative practice of the law enforcement bodies in the licensing sphere is analyzed taking into account the statistical data. The problems of bringing the persons, violating the Regulations on circulation of civilian and official weapons, to responsibility are revealed. The effective Russian legislation on weapons is criticized. The judicial and administrative (non-judicial) orders of deprivation of right to keep and carry weapons (revoking the licenses and permits for keeping, keeping and carrying civilian weapons) are considered. The efficiency of the RF Administrative Code's sanctions, applied by the courts, in forms of deprivation of right to purchase and keep or keep and carry weapons is assessed. It's proposed to impose administrative responsibility for evasion of selling smooth-bore hunting firearms and ammunition by the persons having revoked permits for keeping them. Some proposals on improving both the legislation on the administrative responsibility for violating weapons laws and the efficiency of law enforcement bodies' activities aimed at civilian weapons circulation control are made.

Keywords: civilian weapons, licensing system, police activities, administrative responsibility.

Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии»* (далее – Закон «Об оружии») регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, боеприпасов и патронов к оружию на территории Российской Федерации. С принятием указанного закона интерес населения к оружию растет. Так, согласно статистическим данным МВД России, на 1 января 2014 г. количество владельцев и лиц, получивших разрешение на хранение и ношение оружия, в России составило 4 681 026, при этом количество единиц оружия, находящихся у владельцев и лиц, имеющих данное разрешение, – 6 566 317**. Соответственно не снижается и число нарушений в области оборота оружия. И несмотря на принимаемые государством меры, уровень правонарушаемости в указанной сфере остается высоким [1].

Расширение масштабов незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ представляет реальную угрозу государственной и общественной безопасности Российской Федерации [2]. В 2014 г. выявлено более 26,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия; доля преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, зарегистрированного в подразделениях лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел, от общего количества преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, составила 14,84 % [3]. Подразделениями лицензионно-разрешительной работы органов внут-

ренних дел обеспечивался контроль за 4,5 млн граждан, в пользовании у которых находится более 6,4 млн ед. оружия, 1,1 тыс. юридических лиц, имеющих лицензии на осуществление работ (услуг) по торговле оружием и патронами к нему, а также 4,2 тыс. юридических лиц, имеющих разрешение на хранение и использование оружия. Выявлено свыше 336 тыс. нарушений правил оборота оружия, к административной ответственности привлечено более 327 тыс. граждан и должностных лиц. По различным основаниям, установленным законодательством об оружии, аннулировано 25,8 тыс. лицензий и разрешений [4].

Одним из действенных правовых средств обеспечения правового режима оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему выступают меры административного принуждения (воздействия), и в первую очередь меры административной ответственности, установленные ст.ст. 8.37, 14.1, 14.2, 14.3, 19.20, 20.8, 20.9, 20.10, 20.11, 20.12, 20.12, 20.14, 20.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5].

Наиболее часто совершаются правонарушения, предусмотренные чч. 1, 4 и 6 ст. 20.8 КоАП РФ, а также ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ. Для привлечения нарушителей к ответственности зачастую необходимо обращаться к содержательному анализу соответствующих правил, однако в ряде случаев существующие установления не восполняют встречающиеся на практике правовые пробелы.

Так, ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил хранения, ношения или уничтожения оружия и патронов к нему гражданами, за исключением случаев ношения огнестрельного оружия лицами, находящимися в состоянии опьянения. Это, например, случаи хранения оружия в условиях, не исключая-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681.

** См.: Сводный отчет о лицензионно-разрешительной работе МВД России за 2013 г. Раздел 5. Сведения об учете владельцев оружия.

ющих доступ к оружию посторонних лиц, вне сейфа и т.п. Порядок хранения оружия опосредуется разделом XI «Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (далее – Правила)*, а ношения – разделом XII Правил.

Часть 6 ст. 20.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконные приобретение, продажу, передачу, хранение, перевозку или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения. Например, если гражданин хранит указанное оружие, а срок действия выданных разрешительных документов истек, то его действия образуют незаконное хранение оружия. Однако здесь следует учитывать, истек ли срок давности привлечения к ответственности за нарушение сроков продления (перерегистрации) разрешений (открытых лицензий) на его хранение и ношение или нет**. Если двухмесячный срок давности не истек, эти действия квалифицируются по ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ. Нарушение указанных сроков не является длящимся нарушением, и поэтому за пределами двухмесячного срока со дня окончания соответствующего разрешения (лицензии) лицо за это деяние привлечь к ответственности невозможно. По истечении срока действия разрешения во избежание ответственности по ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ оружие должно быть сдано на временное хранение.

Изменения раздела XIII Правил (в ред. Постановления Правительства РФ от

* О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 июля 2008 г. N 814 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 32. Ст. 3878.

** Согласно статье 13 Закона «Об оружии» приобретенные гражданином Российской Федерации огнестрельное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения и охотничье пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж подлежат регистрации в органе внутренних дел по месту жительства в двухнедельный срок со дня его приобретения. В случае изменения места жительства гражданин Российской Федерации обязан в двухнедельный срок со дня регистрации по новому месту жительства обратиться в соответствующий орган внутренних дел с заявлением о постановке на учет принадлежащего ему оружия.

8 ноября 2014 г. N 1178) упростили транспортирование оружия гражданами Российской Федерации. В настоящее время граждане России осуществляют транспортирование оружия по территории Российской Федерации без разрешений на транспортирование в количестве не более 5 единиц и патронов не более 1 000 штук на основании разрешений органов внутренних дел на хранение, хранение и ношение, хранение и использование, на ввоз в Российскую Федерацию соответствующих видов, типов и моделей оружия либо лицензий на их приобретение, коллекционирование или экспонирование оружия (п. 77 Правил)***. Таким образом, в отношении граждан правила транспортирования оружия стали намного проще, что, в свою очередь, обусловит реальное снижение количества случаев привлечения указанных лиц к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.12 КоАП РФ.

Вызывает вопросы возможность наступления административной ответственности за утрату огнестрельного оружия. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, это деяние не длящееся (в отличие от нарушения правил хранения), и согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок привлечения к ответственности составляет два месяца (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, – три месяца) со дня совершения административного правонарушения. Правоприменитель, решая вопрос о возбуждении производства по делу об административном правонарушении, при отсутствии иных данных опирается в том числе на показания лица, утратившего оружие. Во-вторых, конструкция ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ прямо не предусматривает административную ответственность за утрату оружия, и наступление ответственности за это деяние обусловлено нарушением Правил хранения и ношения оружия. Однако утрата оружия возможна и при иных нарушении

*** Ранее граждане Российской Федерации могли без разрешений органов внутренних дел транспортировать оружие и патроны для участия в охоте и спортивных мероприятиях на основании разрешений ОВД на хранение и ношение оружия. Для перевозки оружия в иных целях за пределы территории субъекта РФ требовалось оформить разрешение на транспортирование.

ях Правил (например, при перевозке или транспортировании оружия), а также в условиях чрезвычайных обстоятельств. В отношении некоторых предметов, например, паспорта гражданина РФ, в ст. 19.16 КоАП РФ предусмотрен специальный состав: утрата паспорта по небрежности. Полагаем, что в отношении оружия ст. 20.8 КоАП РФ может быть дополнена аналогичным положением с одновременным исключением привлечения к ответственности за нарушение установленных Правил, приведших к утрате оружия.

В ряде случаев привлечению виновных к административной ответственности препятствует истечение срока давности привлечения к ответственности, когда в отношении лица отказано в возбуждении уголовного дела либо производство по такому делу прекращено, но в действиях лица наличествуют признаки административного правонарушения. Согласно ч. 4 ст. 4.5 КоАП РФ сроки давности в таких случаях исчисляются со дня совершения административного правонарушения (при длящемся административном правонарушении — со дня его обнаружения). В силу положений ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Кроме того, в одном из своих решений Европейский суд по правам человека указал на то, что признаком, определяющим ответственность как повторную, послужило наличие нескольких (более чем одного) процессуальных производств по одному и тому же факту*. В связи с этим законодательные предписания п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ прямо обязывают правоприменителя прекратить производство по делу об административном правонарушении «при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении... постановления о возбуждении уголовного дела». Однако положения ст. 24.5 КоАП РФ не препятствуют привлечению виновного к административ-

ной ответственности до решения вопроса о возбуждении уголовного дела**.

Предусмотренное КоАП РФ административное наказание в виде лишения права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия за совершение деяний, предусмотренных ст.ст. 8.37, 20.8, 20.12 и 20.13, выступает важным средством превенции наиболее опасных нарушений Правил. Введение в КоАП РФ указанной меры дополнило внесудебный порядок аннулирования и изъятия лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение или хранение и ношение оружия, установленный ст.ст. 26, 27, 13 и 9 Закона «Об оружии», в отношении лица, совершившего повторно в течение года административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, административное правонарушение, связанное с нарушением правил охоты, либо административное правонарушение в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ — до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Иными словами, сейчас для аннулирования достаточно совершения лишь одного административного правонарушения в области оборота оружия, за которое судом назначено административное наказание в виде лишения права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия. Соответственно значительно расширились правовые возможности для аннулирования в административном порядке лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение или хранение и ношение оружия и патронов к нему и изъятия оружия. Однако при наличии альтернативных санкций суды, как правило, ограничиваются наложением на виновных административного штрафа.

Статьей 26 Закона «Об оружии» предусмотрены различные основания и

* Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации»: постановление Европейского суда по правам человека от 10 февр. 2009 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. N 1. С. 49-69.

** Решение по административному делу (11.11.2014, Судебный участок N 8 по Орджоникидзевскому району г. Уфы) см.: URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-8-po-ordzhonikidzevskomu-rajonu-g-ufy-s/act-215396309>

соответствующие им процедуры принятия решения об аннулировании разрешения:

– судебный порядок аннулирования лицензии и (или) разрешения, когда вынесено судебное решение о лишении гражданина соответствующего специального права;

– административный порядок, который применяется в том случае, если возникли предусмотренные Законом обстоятельства, исключающие возможность получения лицензии и (или) разрешения (ст.ст. 9, 13 Закона «Об оружии»): в случае аннулирования охотничьего билета в соответствии с законодательством Российской Федерации в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов (в отношении охотничьего оружия), в случае добровольного отказа от указанных лицензии и (или) разрешения, ликвидации юридического лица либо смерти собственника оружия.

В случае аннулирования лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение оружия юридическое лицо вправе повторно обратиться за их получением по истечении трех лет со дня аннулирования лицензии и (или) разрешения, гражданин – по истечении одного года со дня окончания срока наложения административного наказания в виде лишения права на приобретение оружия либо права на хранение или хранение и ношение оружия или со дня устранения обстоятельств, исключающих в соответствии с указанным Федеральным законом возможность получения таких лицензии и (или) разрешения.

Нерешенным представляется вопрос о реализации изъятого у граждан и у наследников умерших граждан оружия, когда эти лица и не дают согласие на это, и не предпринимают действий по оформлению соответствующих лицензий (разрешений). Если имело место нарушение ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ, то суд выносит решение о конфискации этого оружия и патронов к нему, и подобных проблем не возникает. Для иных случаев Закон «Об оружии» в ст. 27 предусматривает процедуру отчуждения оружия и отправляет нас в этом вопросе к гражданскому законодательству (ст. 238 ГК РФ). Примечательно, что ранее ст. 175 КоАП РСФСР предусматривала административную ответственность за уклонение от реализации огнестрельного гладкостволь-

ного охотничьего оружия и боевых припасов гражданами, у которых органами внутренних дел аннулировано разрешение на их хранение. Полагаем, что закрепление подобных мер в действующем КоАП РФ с санкцией в виде конфискации оружия в значительной мере способствовало бы уменьшению количества находящегося на хранении в ОВД оружия.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. N 227-ФЗ в ст. 20.8 КоАП РФ введены ч. 4.1 «Ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения» и ч. 4.2 «Невыполнение лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». Как представляется, эти новеллы обусловлены распространенностью подобных деяний и значительностью угрозы объектам административно-правовой охраны. Однако практика применения указанных норм пока недостаточно развита, хотя можно полагать, что они будут выступать реальной превенцией совершения нарушений в сфере оборота оружия. При их содержательном анализе возникает правомерный вопрос о том, каким образом будет удостоверяться нахождение владельца оружия в состоянии опьянения. Положения ч. 2 ст. 27.12.1 КоАП РФ «Медицинское освидетельствование на состояние опьянения» не конкретизированы в соответствующем постановлении Правительства РФ, как это сделано в отношении водителей транспортных средств. Полагаем, что факт опьянения лица может быть удостоверен показаниями свидетелей, а отказ пройти медицинское освидетельствование должен быть зафиксирован в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения в присутствии понятых. В этом случае протокол об административном правонарушении по ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ также должен содержать сведения о предложении лицу пройти такое освидетельствование и разъяснении последствий отказа.

Следует остановиться и на вопросах привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.13 КоАП РФ вследствие отсутствия установленных правил проведения стрельб в отведенных для этого местах, за исключением случаев

обучения граждан РФ начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы в образовательных учреждениях среднего (полного) общего образования, образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования и учебных пунктах* или проведения спортивных соревнований**. Однако нарушение требований безопасности имеет место при проверке наличия навыков безопасного обращения с оружием во время практических стрельб***. Ввиду отсутствия утвержденных правил стрельб привлечь к административной ответственности соискателей лицензий на приобретение огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему – физических лиц по ч. 1 ст. 20.13 КоАП РФ невозможно. Приказ МВД России от 27 апреля 2012 г. N 372 не восполняет этот правовой пробел, и нарушение правил безопасного обращения с оружием влечет лишь несдачу практической части проверки. Возможным вариантом решения этой проблемы может быть утверждение Правительством РФ типовых правил проведения практических стрельб из гражданского и служебного оружия либо правил безопасного обращения с оружием при проверке наличия навыков безопасного обращения с оружием МВД России совместно с Минобрнауки России.

* Об утверждении Инструкции об организации обучения граждан Российской Федерации начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы в образовательных учреждениях среднего (полного) общего образования, образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования и учебных пунктах: приказ Минобороны РФ N 96, Минобрнауки РФ N 134 от 24 февр. 2010 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. N 18.

** Об утверждении правил вида спорта «практическая стрельба»: приказ Минспорта России от 20 марта 2014 г. N 139. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О порядке проведения проверки у граждан Российской Федерации знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием в организациях, определяемых Правительством Российской Федерации: приказ МВД России от 27 апр. 2012 г. N 372 // Рос. газ. 2012. 4 июля.

Также имеют место случаи организации проведения стрельб (соревнований) из охотничьего владельческого оружия за пределами населенных пунктов вне специально отведенных мест (тиров, стрельбищ), как правило, в местах, где разрешена охота. В таких случаях к простым участникам, использующим собственное оружие, могут применяться нормы ч. 2 или 3 ст. 20.13 КоАП РФ. Проблемным представляется решение вопроса об ответственности организаторов. Практическое решение видится в следующем: при отсутствии целей извлечения прибыли ответственность должна наступать по ст. 19.20 КоАП РФ, при наличии корыстных мотивов – по ст. 14.1 КоАП РФ.

Одним из последних нововведений КоАП РФ является дополнение Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. N 370-ФЗ ч. 1 ст. 20.8 положениями о мерах ответственности за нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета пиротехнических изделий. Основные вопросы оборота пиротехнических изделий бытового назначения I-III классов по степени потенциальной опасности, обращение с которыми не требует специальных знаний и навыков, урегулированы Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2009 г. N 1052 «Об утверждении требований пожарной безопасности при распространении и использовании пиротехнических изделий». Указанный акт содержит требования к лицам, осуществляющим розничную реализацию пиротехники, порядок ее реализации, хранения, а также меры безопасности. Соответственно при квалификации правонарушений необходимо указывать соответствующий пункт требований. При этом субъектами ответственности по ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ выступают только должностные лица и индивидуальные предприниматели. Простые «реализаторы» пиротехники таковыми не являются. Таким образом, происходит уклонение этих лиц от административной ответственности. Существующий правовой пробел может быть устранен посредством отнесения к субъектам административной ответственности граждан в санкции ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ.

Следует также акцентировать внимание и на особенностях административной ответственности лиц с особым статусом,

указанных в ст. 2.5 КоАП РФ: военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, имеющих специальные звания сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов. В силу особенностей правового закрепления административной ответственности этих лиц к ним как законным владельцам гражданского оружия невозможно применение мер административной ответственности на общих основаниях за нарушение правил оборота и использования данного оружия, закрепленных в главе 20 КоАП РФ, и в частности административных наказаний — конфискации оружия и патронов к нему, лишения права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия, за исключением случаев нарушения ими положений ст. 8.37 КоАП РФ. Если указанные лица не подлежат административной ответственности на общих основаниях, то дело о таком правонарушении подлежит прекращению, а материалы дела направляются по месту службы для решения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности (ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ).

Однако повторное совершение этими лицами административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, либо административного правонарушения в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ, — влечет аннулирование соответствующих лицензий (разрешений) согласно ст.ст. 13 и 26 Закона «Об оружии». Теоретически это возможно, когда лицо ранее было привлечено к административной ответственности по ст. 8.37 КоАП РФ и повторно в течение года совершило правонарушение, посягающее на вышеперечисленные объекты административно-правовой охраны, и по этому факту составлен протокол об административном правонарушении.

Особого внимания заслуживает вопрос о привлечении к административной ответственности за нарушение правил торговли пневматическим оружием. Граждане, достигшие 18 лет, вправе беспрепятственно приобретать так называемую «пневматику» с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибра до 4,5 мм включительно (ст. 13 Закона «Об оружии»). При этом ст. 3 указанного закона относит к спортивному оружию пневматическое оружие с дульной энергией свыше 3 Дж.

В силу статьи 9.1 Закона «Об оружии» торговля оружием и основными частями огнестрельного оружия, торговля патронами к оружию подлежат лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации. В соответствии со статьей 18 Закона «Об оружии» торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему на территории Российской Федерации имеют право осуществлять юридические лица, осуществляющие торговлю на основании лицензии на торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему. Юридическим лицам, имеющим лицензию на торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему, запрещается совмещать продажу в одном торговом зале оружия и иных видов товаров, за исключением спортивных, охотничьих и рыболовных принадлежностей и запасных частей к оружию. Лицензия на торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему не дает права на открытие филиалов юридических лиц, созданных для торговли гражданским и служебным оружием и патронами к нему.

Следовательно, реализация пневматического оружия с дульной энергией более 3 Дж требует получения соответствующей лицензии на конкретное торговое место. Отсутствие лицензии влечет наступление ответственности для должностных и юридических лиц по ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ, а продажа гражданами пневматического оружия с дульной энергией более 7,5 Дж и калибра 4,5 мм без разрешения органов внутренних дел — по ст. 20.10 КоАП РФ.

Таковы основные проблемные моменты привлечения к административной ответственности за нарушения правил оборота гражданского оружия и патронов к нему, а также пиротехнических изделий.

Полагаем, что реализация наших предложений и их учет в правоприменительной практике позволят разрешить ряд вопросов, возникающих в указанной сфере, повысят

эффективность правоприменения, что, в свою очередь, скажется на дисциплинированности участников легального оборота гражданского оружия и патронов к нему.

Список литературы

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2013 году. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 15 мая 2015 г.).

2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 году. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/1._Tekstovaya_chast.docx (дата обращения: 15 мая 2015 г.).

3. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/2._Prilozhenie_1.docx (дата обращения: 15 мая 2015 г.).

4. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/3._Prilozhenie_2.docx (дата обращения: 15 мая 2015 г.).

5. Дизер О.А., Сургутсков В.И. Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота: практ. пособие. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v 2013 godu* [The report on the results and main activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2013]. Available at: http://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports (Accessed 15 May 2015).

2. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu* [The report on the results and main activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2014]. Available at: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/1._Tekstovaya_chast.docx (Accessed 15 May 2015).

3. Available at: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/2._Prilozhenie_1.docx (Accessed 15 May 2015).

4. Available at: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/3._Prilozhenie_2.docx (Accessed 15 May 2015).

5. Dizier O.A., Surgutskov V.I. *Grazhdanskoe oruzhie: zakonodatel'noe regulirovanie oborota* [Civil arms: legislative regulation of circulation]. Access from the reference legal system "Consultant Plus".

ПАВЛИЧЕНКО Н.В.,
доктор юридических наук, доцент,
aldan1973@rambler.ru
Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, Поварская, 25

PAVLICHENKO N.V.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor, aldan1973@rambler.ru
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

САМОДЕЛКИН А.С.,
кандидат юридических наук,
доцент, putin@list.ru
Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, Поварская, 25

SAMODELKIN A.S.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor, putin@list.ru
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО* ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (АНАЛИЗ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)**

* Редакция журнала, признавая языковые правила частью юридической (правотворческой) техники и сознавая важность их единообразного понимания и применения, выражает сожаление в отношении неопределенности, сложившейся вокруг термина «оперативно-розыскной». Оперативно-розыскной деятельностью называется деятельность, являющаяся предметом регулирования федерального закона. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации — авторский проект федерального закона, опубликованный в N 1 (31) за 2015 г. журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» (прим. ред.) .

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ и Правительства Волгоградской области в рамках проекта проведения научных исследований («Влияние региональных социальных институтов на взаимодействие оперативно-розыскных органов и населения»), проект N 15-13-34019.

Реферат. Актуальность и новизна проекта определяются следующим: необходимостью кодификации законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность при одновременном предотвращении «размывания» ее предмета; прогрессивностью самого документа, развивающего координацию и взаимодействие оперативно-розыскных органов (при этом критикуются отдельные стороны авторского подхода по закреплению соответствующих механизмов), моделью принципов оперативно-розыскной деятельности; новаторством идеи социальной и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям, путем заключения с ними трудовых договоров. Высокую оценку получает институт принудительных мер обеспечения оперативно-розыскного производства (доставление; задержание; личный допрос; изъятие, приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи). Высказывается поддержка новой редакции нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности лиц, выполняющих специальные задания по борьбе с преступностью, а также других идей: определение порядка оперативно-розыскного производства, формирование оперативно-розыскного глоссария, разработка процедуры подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Резюмируется, что проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» потребует активной работы по приведению в соответствие с ним нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность оперативно-розыскных органов, и внесения изменений в уголовное, уголовно-процессуальное, трудовое законодательство, в подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации. Предлагаемая кодификация положит начало новому этапу развития оперативно-розыскного законодательства и будет способствовать созданию эффективного правового режима оперативно-розыскной деятельности, защите лиц, вовлеченных в оперативно-розыскную сферу и укреплению правовых механизмов обеспечения прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: кодекс, закон, оперативно-розыскная деятельность, конспирация, негласность, принципы, идеи, новации.

PROSPECTS OF DEVELOPING THE CRIME DETECTION LEGISLATION (ANALYSIS OF THE DRAFT OF THE FEDERAL LAW "CRIME DETECTION CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION")

Abstract. The significance and originality of the draft is determined by several factors: 1) necessity to codify the legislation regulating detective activities and to avoid "washing out" of its subject; 2) progressiveness of the document itself which improves coordination and cooperation of detective bodies (some sides of the authors' approach relating to fixing the relevant mechanisms are criticized); 3) model of detective activities' principles; 4) innovative idea of social and legal protection of persons, assisting the detective divisions, through concluding employment contracts with them. The institution of compulsory measures of ensuring the detective proceedings (conveying; detention; personal search; seizure; destroying or making documents, objects, materials, substances worthless; restriction of using communication nets and facilities; communication service suspending) is highly assessed. The new wording of the norm stipulating the release of persons, fulfilling special crime fighting tasks, from criminal responsibility and other ideas (notably establishing the detective proceedings' order, forming of detective glossary, developing the procedure of preparing and conducting detective actions) are approved. The considered Federal law draft requires conducting active work aiming at both adjusting normative acts, regulating the activities of detective bodies, in accordance with this law and amending the criminal, criminal procedure and labour legislation as well as subordinate normative acts of the Russian Federation. The proposed codification initiates new stage of the detective legislation's development and favours the establishment of efficient legal regime of detective activities, protection of persons involved in the detective sphere and consolidation of legal mechanisms of ensuring individual rights when conducting detective actions.

Keywords: code, law, detective activities, conspiracy, confidentiality, principles, ideas, innovations.

12 августа 2015 года исполнилось 20 лет со дня принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Все эти годы представители оперативно-розыскной науки (О.А. Вагин, К.К. Горяинов, Н.С. Железняк, А.П. Исиченко, О.А. Ковалев, В.Ф. Луговик, К.В. Сурков, А.Ю. Шумилов и ряд других) [1; 2; 3; 4] предпринимали попытки создания эффективного правового режима оперативно-розыскной деятельности, формирования социального контроля над ее осуществлением, укрепления правовых механизмов обеспечения прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и т.п. Результаты их предложений легли в основу проектов оперативно-розыскных законов или проектов изменений и дополнений в действующую редакцию вышеназванного нормативного правового акта.

Вместе с тем анализ проблем оперативно-розыскной деятельности сквозь призму научных разработок других отраслей права свидетельствует о том, что оперативно-розыскное законодательство не успевает за развитием правовых средств защиты человека, вовлеченного в правоохранительную сферу. По-прежнему дискуссионными или малоисследованными остаются вопросы координации оператив-

но-розыскной деятельности, социального и пенсионного обеспечения лиц, вовлеченных в оперативно-розыскную сферу; правовой природы контракта о конфиденциальном сотрудничестве как основы правоотношений, возникающих между конфиденентом и оперативно-розыскным органом; взаимосвязи и взаимообусловленности норм оперативно-розыскного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального права.

Именно поэтому появление проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленного заслуженным юристом Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором В.Ф. Луговиком, представляется своевременным, а актуальность и новизна проекта определяется следующими обстоятельствами:

1. В связи с тем, что оперативно-розыскная деятельность регламентируется на федеральном уровне не только Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», но и иными федеральными законами: «О наркотических средствах и психотропных веществах», «О связи», «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации» и други-

ми, полагаем абсолютно верным придание Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» статуса кодифицированного нормативного правового акта — кодекса, обладающего приоритетом относительно других нормативных актов не по силе действия, а исключительно по предмету регулирования. Как правильно обозначил автор законопроекта в пояснительной записке, это позволит предотвратить происходящее в настоящее время «размытие» предмета правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

2. Следует отметить прогрессивный подход В.Ф. Луговика, который в своем авторском проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации предлагает статью 19 «Координация и взаимодействие оперативно-розыскных органов». В ее содержание автор включил две части:

«Часть 1. Оперативно-розыскные органы могут создавать координационные органы, совместные информационные системы и взаимодействовать при решении стоящих перед ними задач.

Часть 2. Оперативные подразделения оперативно-розыскных органов вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы».

Очевидно, что законодательной новеллой является только первая часть указанной статьи, при этом она лишь в общих чертах определяет координацию, предполагая возможность создания координационных органов и совместных информационных систем. Развивая эту идею, мы полагаем необходимым более детально регламентировать в предлагаемом проекте технологию координации оперативно-розыскной деятельности всех уполномоченных субъектов.

Прежде всего, по нашему мнению, следует разделить положения, регламентирующие координацию ОРД и взаимодействие ее субъектов, так как данные понятия не являются тождественными и имеют существенные правовые и организационно-тактические различия. В связи с этим в части первой отдельной статьи «Координация оперативно-розыскной деятельности» необходимо, на наш взгляд, обозначить ее сущность и содержание, а

также цель и задачи. Однако ключевым элементом предлагаемой статьи должна стать законодательная регламентация основных направлений координации ОРД.

Первым направлением координации ОРД следует определить информационное обеспечение органов, уполномоченных на осуществление ОРД. Следующим направлением координации, которое, по нашему мнению, должно быть законодательно закреплено, является совместное или согласованное проведение ОРМ органами, осуществляющими ОРД.

Заключительным направлением координации ОРД, как нам представляется, должны стать совместная разработка и издание межведомственных приказов, инструкций и иных организационно-распорядительных документов, обязательных для исполнения всеми органами, осуществляющими ОРД.

Последовательным с точки зрения юридической техники решением, на наш взгляд, будет включение в федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность отдельных оперативно-розыскных органов, положений, корреспондирующих с нормами анализируемой нами статьи Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Полагаем, что эти положения должны отражать сущность и значимость координации ОРД, а также доминирующую роль координирующего органа. В то же время, по существу, они будут иметь декларативный характер, устанавливающий правовую основу для формирования системы координационных отношений в ОРД. В связи с этим полагаем целесообразным включить в соответствующие нормативные правовые акты норму, в которой было бы определено, что ОРД оперативных подразделений того или иного ведомства включена в систему координации, осуществляемой федеральным органом исполнительной власти, назначаемым Правительством Российской Федерации, направления и формы которой определяются оперативно-розыскным законодательством и межведомственными актами.

В главе 2 раскрывается содержание 9 принципов оперативно-розыскной деятельности. Нормы статей понятны, потенциально реализуемы и не декларативны. Как следует из законопроекта, под принципами автор понимает основополагающие идеи (категории), позволяющие поз-

нать сущность оперативно-розыскной деятельности и являющиеся «теоретическим обобщением того, наиболее типичного, что выражает самую суть явления» [5, с. 6].

В предлагаемой автором концепции принципам придается статус стержневых правовых положений, что соотносится с международной правовой практикой. Так, раздел 2 Рекомендации N Rec (2005) 10 Комитета министров Совета Европы «Об «особых методах расследования» тяжких преступлений, в том числе террористических актов» посвящен принципам использования особых методов расследования на государственном уровне; в Рекомендации N R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»^{*} выделено 9 принципов защиты.

Предлагаемые автором принципы оперативно-розыскной деятельности напрямую связаны с деятельностью оперативных подразделений, они не являются научной абстракцией, созданной пытливым умом ученого. На наш взгляд, эти принципы будут воплощаться, становиться реальностью, а точнее сказать, претворяться в жизнь через практическую деятельность. Именно в связи с тем, что принципы отражают устойчивые особенности отношений, сложившихся в практической деятельности оперативных подразделений, а также в связи с тем, что эти отношения характеризуются константностью, можно говорить об их объективности.

Особенно следует отметить правильность подхода автора к принципу конспирации, который рассматривается им как средство достижения негласности. Им предлагаются методы ее достижения: использование документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств оперативно-розыскных органов, и личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе; создание легендированных организаций; имитация противоправного поведения и др.

Свое воплощение принцип конспирации находит в правовых требованиях,

сконцентрированных в разных статьях проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации». Наиболее ярко они отражаются в ч. 1 ст. 11 проекта Федерального закона (в части, касающейся получения лицом информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны), ч. 3 ст. 25 (в части, касающейся ознакомления прокурора с материалами находящегося в производстве у сотрудника оперативного подразделения дела); ст. 51 (в части, касающейся использования псевдонима при заполнении протокола лицом, оказывающим конфиденциальное содействие); п. 9 ст. 21 (в части, касающейся использования документов, зашифровывающих личность и ведомственную принадлежность предприятий, помещений и транспортных средств); ч. 4 ст. 47 (в части, касающейся ограничения судей в получении информации, относящейся к сведениям ограниченного распространения) и в других.

Интересно, что автор проекта отдельно выделил принцип обеспечения негласности сотрудничества с лицами, который подразумевает право граждан Российской Федерации, иностранцев и лиц без гражданства на сохранение тайны своего сотрудничества с оперативно-розыскными органами. Этот важнейший принцип, находящийся в зависимости от принципа обеспечения конспирации в оперативно-розыскной деятельности, актуализируется на фоне предложений отдельных ученых об обнародовании (рассекречивании) имен лиц, содействовавших правоохранительным органам в 30-50-х гг. XX в., как это сделано в Польше, Чехии, Прибалтике [6, с. 43].

3. Новаторской представляется идея автора о необходимости социальной и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям, путем заключения с ними трудового договора, что позволит время сотрудничества засчитывать в трудовой стаж и осуществлять необходимые социальные выплаты и взносы.

Актуальность законодательного решения подобного вопроса определяется беспрецедентными решениями Верховного Суда Российской Федерации, который в своем апелляционном определении от

^{*} Обе Рекомендации приняты 20 апреля 2005 г. на 924-ом заседании представителей министров.

10 ноября 2014 г. N 80-АПГ14-8* пояснил, что конфиденциальное сотрудничество по контракту с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, не основывается на нормах трудового законодательства. По мнению суда, правоотношения, связанные с заключением контракта с гражданами, выразившими согласие содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, регулируются Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», такой контракт не идентичен ни контракту о прохождении службы в органах внутренних дел, ни трудовому договору. При этом орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, не выступает в рамках спорных правоотношений в качестве работодателя (нанимателя), не обеспечивает постоянную занятость такого гражданина и его зачисление в штат.

На наш взгляд, подобные решения судебной власти не позволяют полноценно осуществить социальную и правовую защиту конфиденциальных сотрудников, так как для полной реализации права на безопасное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, должны применяться правовые нормы, регулирующие взаимосвязанные родственные правоотношения: трудовые, административно-правовые, гражданско-правовые [7, с. 30-32; 8, с. 12-17]. Весомым доводом в пользу данной точки зрения является следующее: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ч. 6 ст. 18 указывает, что «период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в качестве основного рода занятий, включается в трудовой стаж граждан». Это положение находит свое отражение и конкретизируется в ведомственных приказах субъектов оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» распространяет на конфиденциальных сотрудников социальные льготы и гарантии, которые могут быть реализованы лишь при оформлении отношений в соответствии с действующим трудовым законодательством Российской Федерации. Более того,

* Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ведомственные нормативные акты, разъясняя положение ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривают финансовое обеспечение дополнительных социальных гарантий, которые находят свое прямое воплощение в трудовом законодательстве.

Анализ приведенного в статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации определения трудовых отношений позволяет выделить наиболее значимые их признаки. К ним можно отнести следующие: 1) основанность на соглашении, 2) выполнение лицом трудовой функции, 3) обязанность работника подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, 4) обязанность работодателя обеспечить условия труда.

Не сложно заметить, что все перечисленные признаки находят свое полное или частичное проявление в отношениях, возникающих между конфиденциальным и органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Отсутствие же четкого соответствия признаков правоотношений, описанных в ст. 15 Трудового кодекса РФ, можно объяснить спецификой деятельности лиц, оказывающих содействие, необходимостью сохранения их конфиденциальности.

4. Впервые в отечественном законодательстве предусматриваются принудительные меры обеспечения оперативно-розыскного производства. В их числе: 1) доставка; 2) задержание; 3) личный досмотр; 4) изъятие; 5) приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; 6) ограничение использования сетей связи и средств связи; 7) приостановление услуг связи. Каждой из них посвящена отдельная статья кодекса. Включение в Оперативно-розыскной кодекс принудительных мер обеспечения оперативно-розыскного производства, а значит, и получение возможности их реализации, принципиально меняет концептуальные положения ОРД, долгие годы испытывавшей дефицит властно-распорядительных возможностей.

5. В целях обеспечения правовой защиты предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лиц, выполняющих специальные задания по борьбе с преступностью. В частности, ст. 73 проекта гласит, что не подлежит уголовной от-

ветственности лицо, которое, выполняя в соответствии с настоящим Кодексом специальное задание по выявлению, предупреждению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление, за исключением тяжкого или особо тяжкого, связанного с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Предлагаемая норма существенно отличается от ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающей норму, касающуюся освобождения от уголовной ответственности лиц из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавших раскрытию преступлений, возместивших нанесенный ущерб или иным образом загладивших причиненный вред. Отсутствие конвергенции норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, использование терминов, которые носят оценочный характер («противоправное деяние», «не повлекшее тяжких последствий», «лицо из числа членов преступной группы», «активно способствовало раскрытию»), привело к тому, что указанные положения федерального закона за истекшие практически 20 лет, прошедшие со дня появления данной статьи в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», к сожалению, никак не повлияли на эффективность борьбы с организованной преступностью, а случаи

реализации механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, судебной практике не известны [9, с. 57].

Названный проект содержит еще ряд идей, которые оцениваются нами как новаторские и инновационные. Это и определение порядка оперативно-розыскного производства, и формирование оперативно-розыскного глоссария, и разработка процедуры подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий и др.

Безусловно, принятие предложенного Виктором Федоровичем Луговиком проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», в связи с его ярко выраженной новизной, потребует активной работы законодателя в части приведения в соответствие с ним нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность оперативно-розыскных органов, и внесения изменений в уголовное, уголовно-процессуальное, трудовое законодательство, в подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации. Вместе с тем принятие названного проекта в качестве кодифицированного нормативного правового акта послужит новым этапом развития оперативно-розыскного законодательства и будет способствовать созданию эффективного правового режима оперативно-розыскной деятельности, защите лиц, вовлеченных в оперативно-розыскную сферу, и укреплению правовых механизмов обеспечения прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы

1. Шумилов А.Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: науч.-справ. пособие. М., 2004. 32 с.
2. Инициативный авторский проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности”» / К.К. Горяинов, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, О.А. Ковалев // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск, 2006. С. 80-90.
3. Луговик В.Ф. Инициативный авторский проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск, 2006. С. 44-79.
4. Луговик В.Ф. Проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации». Омск, 2014.
5. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. 200 с.

6. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. 232 с.
7. Луговик С.В. Особенности правового регулирования труда лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами внутренних дел // Российский следователь. 2007. N 17. С. 30-32.
8. Луговик С.В., Павличенко Н.В. Природа правоотношений между конфиденцентами и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. N 1. С. 12-17.
9. Горяинова К.К., Вагина О.А., Исиченко А.П. Теория и практика применения органами внутренних дел закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. М., 2002.

References

1. Shumilov A.Yu. *Novaya redaktsiya operativno-razysknogo zakona Rossii: Otkrytyy projekt* [The new version of operational-investigative law Russia: Open project]. Moscow, 2004. 32 p.
2. Goryainov K.K., Vagin O.A., Isichenko A.P., Kovalev O.A. *Iniitsiativnyy avtorskiy projekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon "Ob operativno-razysknoy deyatel'nosti"»* [Initiating the author's project of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Federal Law "On operative-investigative activity""]. *Sovremennye podkhody k pravovomu regulirovaniyu operativno-razysknoy deyatel'nosti: iniitsiativnye avtorskie projekty Federal'nogo zakona «Ob operativno-razysknoy deyatel'nosti»* [Modern approaches to legal regulation of operative-investigative activity: initiative copyrights draft federal law "On operative-investigative activity"]. Omsk, 2006. Pp. 80-90.
3. Lugovik V.F. *Iniitsiativnyy avtorskiy projekt Federal'nogo zakona «Ob operativno-razysknoy deyatel'nosti»* [Initiating the author's project of the Federal Law "On operative-investigative activity"]. *Sovremennye podkhody k pravovomu regulirovaniyu operativno-razysknoy deyatel'nosti: iniitsiativnye avtorskie projekty Federal'nogo zakona «Ob operativno-razysknoy deyatel'nosti»* [Modern approaches to legal regulation of operative-investigative activity: initiative copyrights draft federal law "On operative-investigative activity"]. Omsk, 2006. Pp. 44-79.
4. Lugovik V.F. *Projekt Federal'nogo zakona «Operativno-razysknoy kodeks Rossiyskoy Federatsii»* [Draft Federal Law "Operative-investigative activity Code of the Russian Federation"]. Omsk, 2014.
5. Dobrovol'skaya T.N. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsesssa (voprosy teorii i praktiki)*. [The principles of the Soviet criminal process (theory and practice)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 200 p.
6. Petrukhin I.L. *Lichnye tayny (chelovek i vlast')* [Personal secrets (man and power)]. Moscow, 1998. 232 p.
7. Lugovik S.V. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda lits, konfidentsial'no sotrudnichayushchikh s organami vnutrennikh del* [Features of legal regulation of the labor of persons in private cooperating with the internal affairs bodies]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator*, 2007, no. 17, pp. 30-32.
8. Lugovik S.V., Pavlichenko N.V. *Priroda pravootnosheniy mezhdu konfidentami i organami, osushchestvlyayushchimi operativno-razysknuyu deyatel'nost'* [The nature of relations between confidant and bodies conducting operational-search activity]. *Operativnik (syshchik) – Operative (the detective)*, 2011, no. 1, pp. 12-17.
9. Goryainova K.K., Vagina O.A., Isichenko A.P. *Teoriya i praktika primeneniya organami vnutrennikh del zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti»* [Theory and practice of internal affairs agencies of the law "On operative-investigative activity"]. *Problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Problems of the theory and practice of operative-investigative activity]. Moscow, 2002.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

БЕЛКИН А.Р., BELKIN A.R.,
доктор юридических наук, профессор, anatbel@yandex.ru, Doctor of Legal Sciences, professor,
anatbel@yandex.ru
Кафедра правового обеспечения Chair of legal ensuring
национальной безопасности; of national security;
Московский государственный университет Moscow State University
информационных технологий, for Information Technologies,
радиотехники и электроники, Radio Engineering and Electronics,
107996, г. Москва, Стромынка, 20 Stromynka St. 20, Moscow, 107996,
Russian Federation

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЧНОЙ СТАВКИ

Реферат. Поднимаются проблемы процессуальной регламентации очной ставки как сложного комплексного следственного действия. По вопросу права участников уголовного процесса требовать от следователя проведения очной ставки приводятся различные позиции: от признания такого права до отнесения решения о ее проведении к исключительной прерогативе следователя. Сопоставляется действующее и утратившее силу уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее очную ставку. Наряду с новеллами отмечается спорность отказа от некоторых ранее действовавших нормативных установлений. Обозначается проблема толкования «существенности противоречий»: кто и как определяет то, насколько они существенны? Обосновывается нетождественность различий и противоречий в показаниях, обозначается проблема сопоставления (на предмет противоречивости) показаний одного участника и отказ (уклонение) другого участника от дачи показаний. Поднимается вопрос о круге участников процесса, которые могут быть привлечены к очной ставке (за исключением носителей свидетельского иммунитета): лицо, закономерно воспользовавшееся своим правом на отказ от дачи показаний; эксперты (с возможностью очной ставки между ними). Высказывается мнение о проблеме участия в очной ставке несовершеннолетних (малолетних). Законодательному дозволению на ее проведение (ст. 191 УПК РФ) противоречит предложение запретить ее проведение (по этическим соображениям). В ст. 192 УПК РФ предлагается сделать отсылку к правилам проведения допроса (ст.ст. 187, 189 УПК РФ), позволяющую избежать лишних повторений и показать единый подход к производству допроса и очной ставки. Предложена новая редакция ст. 192 УПК РФ «Очная ставка».

Ключевые слова: следственное действие, очная ставка, участники уголовного процесса, дача показаний.

PROCEDURAL PROBLEMS OF CONFRONTATION

Abstract. The issues of the procedural regulation of confrontation as a complex investigative action are considered. Different opinions on the right of criminal proceedings' participants to demand conducting of confrontation from investigator are provided: from the admitting of this right to considering the decision of conducting confrontation as a prerogative of investigator. The existing and expired criminal procedural legislation regulating the confrontation is analyzed. The refusal of some old normative provisions is regarded as debatable. The problem of interpreting the concept of importance of contradictions is raised. The nonidentity of differences and contradictions of evidence is argued. The problem of comparing (in order to find contradictions) the evidence of one participant and other participant's refusal (evasion) of giving evidence is considered. The proceedings' participants who can be involved in confrontation (except those having witness immunity) are the following: persons who used their lawful right to refuse to give evidence and experts (with the possibility of conducting confrontation between them). The problem of minors' participation in confrontation is considered. The proposal to prohibit conducting of confrontation (for ethical reasons) contradicts the legislative permission to conduct it (Article 191 of the RF Criminal Procedure Code). It's proposed to make reference to the rules of conducting confrontation (stipulated by the Articles 187, 189 of the RF Criminal Procedure Code) in the Article 192, which allows to avoid unnecessary repetitions and show the unified approach to conducting of confrontation and questioning. New wording of the Article 192 of the RF Criminal Procedure Code is proposed.

Keywords: investigative action, confrontation, criminal proceedings' participants, giving evidence.

Такое сложное комплексное следственное действие, как очная ставка, остается в центре внимания ученых — криминалистов и процессуалистов, поскольку важность ее проведения для раскрытия и расследования преступлений трудно переоценить.

И самый первый, основополагающий вопрос, возникающий при анализе этого следственного действия и принятии решения о проведении очной ставки, — это вопрос о праве участников уголовного процесса требовать от следователя ее проведения.

Международно-правовой принцип, имеющий приоритет перед внутренним российским законодательством, закрепляет право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены (п. 3 «е» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах*; п. 3 «d» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)**). Из этого нередко делается вывод о праве обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения, в которой следователь якобы не вправе ему отказать. Так, С.А. Шейфер, рассматривая данное положение, считает, что «подобное право по логике вещей должно принадлежать обвиняемому и защитнику <...> и на предварительном расследовании, где закладывается “фундамент обвинения”» [1, с. 140]. С подобным тезисом согласны также М.О. и О.Я. Баяевы [2, с. 129].

Противоречивую позицию по данному вопросу занимает К.Б. Калиновский. С одной стороны, комментируя ст. 189 УПК РФ, он настаивает даже не на праве обвиняемого на очную ставку со свидетелем обвинения, а на праве присутствовать при допросе свидетеля и лично допрашивать его [3, с. 549], что нам представляется откровенным процессуальным экстремизмом. С другой стороны, далее, в комментарии к ст. 192 УПК РФ, ни о чем подобном нет ни слова — напротив, дается пояснение, что упомянутый международно-правовой принцип закрепляет право обвиняемого не на очную ставку, а на перекрестный до-

прос [3, с. 554], с чем вполне можно согласиться.

На самом деле, здесь налицо целых две ошибки — интерпретационная и логическая. Упомянутые международные правовые акты отнюдь не имеют в виду очную ставку, а требуют предоставлять обвиняемому право допрашивать свидетелей обвинения, что далеко не одно и то же. Кроме того, это право совсем не обязательно должно быть реализовано в ходе предварительного расследования, речь идет о том, что обвиняемый вообще имеет такое право, безотносительно к тому, на каком этапе судопроизводства оно может быть реализовано. Вместе с тем вполне очевидно, что в ходе судебного следствия подсудимый имеет полное право лично и при помощи своего защитника допрашивать всех участников процесса, дающих против него показания, будь то свидетели, потерпевшие или другие подсудимые.

И.В. Гредягин справедливо отмечает, что «очная ставка — это не допрос подозреваемым другого участника очной ставки. Подозреваемый и обвиняемый вообще не имеют права проводить допросы» [4, с. 65-67]. Можно согласиться с Ю.П. Боруленковым, рассматривающим очную ставку в тактико-криминалистическом аспекте как действие тактически рискованное, зачастую чреватое нежелательным или непредсказуемым для следователя результатом, и делающим вывод, что решение о ее проведении — прерогатива следователя, а «отказ от проведения очной ставки абсолютно оправдан» [5, с. 135]. Следователь (дознатель) имеет полное право отказать подозреваемому лицу в проведении очной ставки, если полагает, что она не приведет к установлению обстоятельств, имеющих значение для дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ).

По сравнению со ст.ст. 162-163 УПК РСФСР, регламентировавшими порядок проведения очной ставки, ст. 192 УПК РФ содержит ряд новых моментов, однако кое-что, напротив, устранено, и правомерность этих изменений отнюдь не бесспорна.

Так, УПК РСФСР допускал производство очной ставки только между двумя лицами, в настоящее время это ограничение формально снято, хотя практическая возможность и целесообразность проведения очной ставки между тремя или даже четырьмя лицами очень сомнительна.

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. N 12.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

Статья 163 УПК РСФСР требовала предупредить свидетеля и (или) потерпевшего, участвующего в очной ставке, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. В статье 192 УПК РФ этого нет, т.к. такое требование предусмотрено ст. 164 УПК РФ, на которую в части 1 современной статьи есть прямая ссылка. Впрочем, и в такой явной ссылке, строго говоря, нет нужды, поскольку очная ставка, являясь следственным действием, и так заведомо попадает в область действия ст. 164 УПК РФ.

В то же время ни УПК РСФСР, ни новый УПК РФ не отвечают на вопросы о том, что такое существенные противоречия и кто определяет, насколько они существенны. Е.Г. Мартыничик справедливо отмечает, что существенность противоречий в показаниях допрошенных лиц определяется не только следователем, поскольку в составительском уголовном судопроизводстве каждая из сторон вправе определять то, насколько существенны противоречия в показаниях допрошенных лиц [6, с. 15-21]. Существенными, по мнению Г.А. Печникова, следует признавать противоречия, касающиеся предмета доказывания, либо те, которые важны для оценки доказательств [7, с. 114].

Отметим в связи с этим, что не любое различие (даже существенное) равносильно противоречию. Два свидетеля, видевшие событие с разных позиций, описывают его по-разному; однако их показания не противоречат, а дополняют друг друга, и на очной ставке следователь мог бы сопоставить их, обогатив тем самым свое понимание происшедшего и укрепив доказательственную базу. Иными словами, важно не совпадение, расхождение в описании характера и содержания исследуемых событий, причин и условий, восприятия и оценке информации [8, с. 159].

Особенный практический интерес представляет ситуация, когда один из участников очной ставки вообще отказался (или уклонился) от дачи показаний по какому-либо кругу вопросов. Можно ли считать, что налицо существенные противоречия между его «нулевыми» показаниями и «ненулевыми» показаниями второго участника? На практике подобная ситуация считается вполне подходящей для проведения очной ставки, поэтому, на наш

взгляд, имеет смысл внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 192 УПК РФ.

Интересен вопрос о том, кто именно из участников процесса может быть привлечен к очной ставке. Очевидно, что требование, чтобы они были ранее допрошены, заведомо исключает лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Но можно ли привлечь к очной ставке лицо, закономерно воспользовавшееся своим правом на отказ от дачи показаний?* На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть только положительным: в ходе очной ставки, услышав показания других лиц, это лицо вполне может изменить свое решение об отказе и все же согласиться дать показания.

В процессуальной литературе можно встретить утверждение о возможности очной ставки между экспертами. Так, с точки зрения А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, поскольку целью допросов экспертов может (в силу части 4 ст. 283 УПК РФ) служить преодоление противоречий между их заключениями, то отсюда следует и возможность очной ставки между ними [9, с. 486]**. Однако ч. 4 ст. 283 УПК говорит о допросе эксперта в судебном следствии, где очная ставка вообще не предусмотрена главой 37 УПК. Кроме того, в ходе такой очной ставки на стадии предварительного расследования эксперты оказались бы перед необходимостью оценивать чужое заключение, что выглядит нонсенсом. С.Ф. Шумилин справедливо указывает и на известную неопределенность правовых последствий проведения такой очной ставки. Даже если эксперты придут к общему выводу, это не отменит данные ими заключения, а составить новые заключения без проведения соответствующих исследований они не вправе [10, с. 284].

Нам представляется недопустимым привлечение к очной ставке эксперта и, вероятно, также и специалиста, поскольку и сам их допрос обладает заметными

* Напомним, что в результате анализа права на отказ от дачи показаний, мы ранее предложили дополнить УПК РФ двумя новыми статьями – 10.1 (Право на отказ от дачи показаний) и 56.2 (Отказ от дачи свидетельских показаний). Подробнее см.: Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М.: Норма, 2013. § 3.1.

** Справедливости ради, отметим, что в более поздних изданиях этого Комментария данный тезис уже не встречается.

отличиями от допроса потерпевшего, свидетеля, обвиняемого и других участников процесса. Разумеется, для помощи следователю в проведении очной ставки специалист может быть приглашен в обычном порядке.

Закон не запрещает привлекать несовершеннолетних (и даже малолетних) лиц к участию в очных ставках, более того, разрешение на это прямо следует из самого наличия в УПК РФ ст. 191 («Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего»). Однако мнение, что подобное следует запретить из этических соображений, достаточно распространено. Так, М.О. и О.Я. Баевы полагают, что «их проведение следователем должно расцениваться как злоупотребление им правом на свою тактическую деятельность» [2, с. 131] и ссылаются при этом на известное положение начала XIX века: «К числу свидетелей принадлежат и малолетние; им, в случае разноречий, очных ставок ни с кем давать не надо»* — и на норму современного УПК Украины, часть 9 ст. 224 которого запрещает подобную очную ставку**, правда, лишь подозреваемого с потерпевшим или свидетелем, причем лишь по некоторым преступлениям.

Помимо ссылки на ст. 164 УПК РФ, в ст. 192 весьма целесообразно дать прямую ссылку на соответствующие правила проведения допроса (ст.ст. 187, 189 УПК РФ), что позволит избежать лишних повторений, исключив части 3 и 6 ст. 192, и покажет единый подход к производству допро-

са и очной ставки. Это представляется тем более важным, что ч. 3 ст. 192 позволяет следователю предъявлять вещественные доказательства и документы, чего не содержит текущая редакция ст. 189. Однако ч. 3 ст. 189 закрепляет право допрашиваемого лица пользоваться документами и собственными записями — очевидно, что и на очной ставке такое право должно презюмироваться.

С учетом предлагаемых изменений содержание ст. 192 УПК РФ будет следующим:

Статья 192. Очная ставка

1. Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные различия, то следователь (дознатель) вправе провести очную ставку. Очная ставка между ранее допрошенными лицами может быть проведена и в том случае, когда один из них отказался от дачи показаний вообще или по определенному кругу вопросов, в том числе и в случае отказа в порядке статей 10.1 и 56.2 настоящего Кодекса.

1.1. Для очной ставки могут быть привлечены обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие, свидетели, понятые и другие ранее допрошенные участники уголовного судопроизводства, за исключением эксперта и специалиста. Для помощи следователю (дознателью) в проведении очной ставки специалист может быть приглашен в обычном порядке в соответствии со статьей 58 настоящего Кодекса.

1.2. Очная ставка проводится в соответствии со статьями 164, 187 и частями первой и третьей — пятой статьи 189 настоящего Кодекса с дополнениями, предусмотренными данной статьей.

<...>

3. Исключена.

<...>

6. Исключена.

* Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при их производстве. Собраны Д. Долговым. Санкт-Петербург. В типографии военно-учебных заведений, 1846 (цит. по: Вестник криминалистики. Вып. 1 (29). 2009. С. 109).

** В УПК Украины вместо термина «очная ставка» используется «одновременный допрос».

Список литературы

1. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.
2. Баев М.О., Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2014.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Смирнова. М.: Проспект, 2009.
4. Гредягин И.В. Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве очной ставки // Закон и право. 2011. N 4. С. 65-67.

5. Боруленков Ю.П. К вопросу об установлении истины в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. N 3 (8).
6. Мартынчик Е.Г. Очная ставка на досудебном производстве: процессуальные и криминалистические аспекты // Адвокатская практика. 2004. N 6. С. 15-21.
7. Печников Г.А. Проблемы истины на предварительном следствии. Волгоград, 2001.
8. Следственные действия. Криминалистические рекомендации / под ред. В.А. Образцова. М., 2001.
9. Комментарий к УПК РФ / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003.
10. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010.

References

1. Sheyfer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of the investigation, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow, 2013.
2. Baev M.O., Baev O.Ya. *Zloupotreblenie pravom v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam* [Abuse of the right in the pre-trial proceedings in criminal matters]. Moscow, Prospekt Publ., 2014.
3. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Kommentariy k UPK RF* [Commentary on the Code of Criminal Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2009.
4. Gredyagin I.V. *Problemy protsessual'noy samostoyatel'nosti i realizatsii vlastno-rasporyaditel'nykh polnomochiy doznavatelya pri podgotovke i proizvodstve ochnoy stavki* [Problems of procedural autonomy and the implementation of power-regulatory powers of the investigator in the preparation and production of confrontation]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*, 2011, no. 4, pp. 65-67.
5. Borulenkoy Yu.P. *K voprosu ob ustanovlenii istiny v ugovolnom protsesse* [On the question of establishing the truth in a criminal trial]. *Biblioteka kriminalista – Library of criminalist*, 2013, no. 3 (8).
6. Martynchik E.G. *Ochnaya stavka na dosudebnom proizvodstve: protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Confrontation at the pre-trial proceedings: procedural and forensic aspects]. *Advokatskaya praktika – Lawyer practice*, 2004, no. 6, pp. 15-21.
7. Pechnikov G.A. *Problemy istiny na predvaritel'nom sledstvii* [Problems of truth in the preliminary investigation]. Volgograd, 2001.
8. *Sledstvennyye deystviya. Kriminalisticheskie rekomendatsii* [Investigative actions. Forensic recommendations]. Moscow, 2001.
9. *Kommentariy k UPK RF* [Commentary on the Code of Criminal Procedure]. St. Petersburg, 2003.
10. Shumilin S.F. *Teoreticheskie osnovy i prikladnye problemy mekhanizma realizatsii polnomochiy sledovatelya v ugovolnom sudoproizvodstve. Dokt. Diss.* [Theoretical bases and applied problems of the mechanism of implementation of the powers of the investigator in the criminal trial. Doct. Diss.]. Voronezh, 2010.

<p>ПАСТУХОВ П.С., кандидат юридических наук, доцент, pps64@mail.ru Кафедра уголовного процесса и криминалистики; Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, Букирева, 15</p>	<p>PASTUKHOV P.S., Candidate of Legal Sciences, associate professor, pps64@mail.ru Chair of criminal procedure and criminalistics; Perm State National Research University, Bukireva St. 15, Perm, 614990, Russian Federation</p>
--	---

О ВЫРАВНИВАНИИ ПРАВ СТОРОН В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Реферат. Рассматриваются различные точки зрения ученых-процессуалистов относительно статуса доказательств, полученных как стороной обвинения, так и стороной защиты. Повышенное внимание автор уделил концепции «свободных доказательств» и перспективам ее развития. Аргументируется, что деятельность защитника по собиранию доказательств не может рассматриваться как непроцессуальная или альтер-процессуальная, предлагается отказаться от любых попыток ее дискриминации в доказательственном значении и определить ее роль в получении электронных доказательств (действия по получению доказательств — это не только следственные действия). Обоснована роль адвоката как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве. Констатируется отставание Российской Федерации в реформировании уголовно-процессуального права, в том числе и от некоторых бывших союзных республик. Анализируется грузинское процессуальное законодательство, в котором реализовано равенство прав сторон в собирании доказательств по уголовному делу. Заключается, что грузинский законодатель создал весьма привлекательную правовую модель за счет расширения прав обвиняемого в этой части. Это особенно очевидно в свете проблематики использования электронных доказательств в доказывании. Поддерживается право стороны защиты собирать доказательства или истребовать их через суд самостоятельно, если это не связано с необходимостью нарушения специальных запретов, установленных законом. Режим открытого доступа к электронной информации позволяет любому субъекту доказывания получать ее и использовать в своих интересах. При определении юридической силы таких доказательств речь должна идти не о соблюдении протокольной формы, а о наиболее убедительном для судьи способе получения доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, собирание доказательств, сторона защиты, сторона обвинения, адвокат-защитник.

ON THE ISSUE OF GIVING EQUAL RIGHTS TO THE PARTIES IN COLLECTING EVIDENCE FOR A CRIMINAL CASE

Abstract. Different viewpoints of scientists-processualists on the status of evidence obtained by both the prosecution and defence are considered. Great attention is paid to the concept of free evidence and prospects of its development. It is argued that defence attorney's activity aimed at collecting evidence cannot be considered as nonprocedural or alter procedural. It is proposed to refuse any attempts to discriminate it basing on its proving importance and to determine its role in obtaining electronic evidence (actions aimed at obtaining evidence imply not only investigative actions). The role of attorney as a subject of proving in the criminal proceedings is argued. It is stated that Russia drops behind some former union states in the reform of criminal procedure law. The Georgian procedural legislation, providing for equality of parties' rights in collecting evidence for a criminal case, is analyzed. It is noted that the Georgian legislators have created quite attractive legal model due to expanding the rights of the accused in this respect. It is especially evident in relation to problems of using the electronic evidence in proving. The right of the defence to collect evidence or to obtained evidence independently (if it does not imply violation of special statutory prohibitions) is supported. The regime of open access to the electronic information allows any subjects of proving to obtain and use it in their own interest. When determining the validity of such evidence, the judge should choose the most convincing way of obtaining evidence.

Keywords: criminal procedure, collecting evidence, defence, prosecution, defence attorney.

В юридической литературе некоторыми учеными-процессуалистами обосновывается тезис об одинаково несовершенном статусе досудебных доказательств, полученных как стороной обвинения, так и стороной защиты. Несколько иначе рассуждают сторонники так называемой концепции «свободных доказательств» [1,

с. 33]. Сущность данной концепции заключается в том, чтобы на информацию, в том числе предметы и документы, представляемые стороной защиты, потерпевшим или иными лицами, распространить режим «свободных» доказательств.

Сторонники концепции «свободного» доказательства считают, что адвокату предоставляется, по существу, право самостоятельно закреплять обнаруженные им сведения [2, с. 114]. Развивая этот тезис, О.В. Левченко указывает: «Свободные доказательства должны собираться с учетом общих требований уголовно-процессуального закона, его принципов и основных положений. Собранные свободные доказательства должны представляться суду, прокурору, следователю, дознавателю... Рекомендуются субъектам, ведущим предварительное расследование, составлять об этом протокол в соответствии с требованиями УПК РФ, а суду – отражать факты их представления в протоколе судебного заседания» [1, с. 33].

Сходной позиции – о выравнивании прав сторон в собирании доказательств – придерживаются и другие прогрессивно настроенные ученые-процессуалисты: А.А. Кухта [3, с. 17, 18, 275-277], В.А. Лазарева [4, с. 9-10], Е.А. Карякин и другие. В частности, Е.А. Карякин предлагает при проведении защитником опроса лиц фиксировать с их согласия результаты опроса в произвольной форме с целью получения сведений, относящихся к уголовному делу и позволяющих доказать невиновность или меньшую виновность подзащитного. В качестве формы фиксации может выступить протокол; то есть, по существу, сведения приобретают статус доказательства. По утверждению Е.А. Карякина, собранные защитником доказательства должны оцениваться по единым правилам, наравне с доказательствами стороны обвинения [5, с. 57].

С нашей точки зрения, деятельность защитника по собиранию доказательств не может рассматриваться как непроцессуальная или альтер-процессуальная. Следует отказаться от любых попыток ее дискриминации в доказательственном значении и определить ее роль в получении электронных доказательств. Мы вполне разделяем позицию, согласно которой недопустимо сводить действия по получению доказательств только к следственным действиям.

Доказательства могут быть получены и в ходе иных процессуальных действий [6, с. 27-28]. Более того, если рассматривать первоначальный этап процесса доказывания не как собирание или формирование уже «готовых доказательств», а как деятельность, направленную на выявление и фиксацию информации о преступлении [7, с. 177], то это вполне применимо и к деятельности адвоката-защитника.

Право адвоката-защитника собирать доказательства в уголовном процессе России закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ, ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»*. Многие считают адвоката самостоятельным субъектом права на доказывание, в том числе субъектом, имеющим право собирать доказательства. О.В. Голованова правильно говорит о собирании доказательств как о самостоятельном элементе доказательственной деятельности адвоката. По ее мнению, собирание адвокатом сведений об обстоятельствах дела допускается в произвольной форме теми способами, которые не запрещены законом и не противоречат судебной этике [8, с. 154, 155]. А.Г. Маркелов проводит ту же мысль, подводя материалы адвокатского расследования под понятие «иные документы», то есть один из источников доказательств [9, с. 79].

Нельзя не признавать, что мы отстаем от некоторых бывших союзных республик в реформировании нашего уголовно-процессуального права. Россия не только перестала быть моделью для подражания в пределах СНГ, но вынуждена теперь догонять своих соседей из ближнего зарубежья [10, с. 48].

В УПК Грузии содержатся принципиальные положения о равенстве в доказывании обеих сторон. Рассмотрим ст. 9 УПК Грузии «Равенство и состязательность сторон». Разумеется, этот принцип наиболее важен применительно к доказыванию, и грузинский законодатель демонстрирует полное понимание этого. В части второй указанной статьи говорится: «Сторона вправе в порядке, установленном настоящим Кодексом, заявлять ходатайства, собирать, истребовать через суд, представ-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 23. Ст. 2102.

лять и исследовать все соответствующие доказательства».

Согласно ч. 2 ст. 25 УПК Грузии сбор и представление доказательств относится к компетенции сторон. Согласно ч. 7 ст. 38 УПК Грузии обвиняемый вправе:

– вести следствие самостоятельно или посредством адвоката;

– законным образом собирать и представлять доказательства в порядке, установленном Кодексом;

– требовать производства следственных действий и истребовать доказательства, необходимые для опровержения обвинения или смягчения ответственности;

– участвовать в следственных действиях, производимых по ходатайству его самого или (и) его адвоката;

– требовать присутствия адвоката при производстве следственных действий с его участием.

Кроме того, необходимо остановиться на ст. 39 УПК Грузии «Право обвиняемого на сбор доказательств», которая содержит следующие две части: «1. Обвиняемый вправе за собственный счет, самостоятельно или (и) с помощью адвоката осуществлять сбор доказательств. Доказательства, собранные обвиняемым, имеют равную юридическую силу с доказательствами, собранными стороной обвинения. 2. Если для сбора доказательств необходимо производство следственных или иных процессуальных действий, которые не могут быть самостоятельно произведены обвиняемым или его адвокатом, он вправе обратиться с ходатайством о вынесении соответствующего определения к судье по месту производства следствия. Судья обязан принять все меры к тому, чтобы стороне обвинения не стало известно о сборе доказательств стороной защиты».

Полагаем, что грузинский законодатель создал весьма привлекательную правовую модель. Особенно это очевидно в свете проблематики использования электронных доказательств в доказывании.

Мы поддерживаем точку зрения о том, что сторона защиты вправе собирать доказательства или истребовать их через суд самостоятельно, если это не связано с необходимостью нарушения специальных запретов, установленных законом. Поскольку значительная часть электронной информации находится в режиме открытого доступа, постольку любой субъект доказывания может ее получать и использовать в своих интересах. На наш взгляд, применительно к действиям адвоката, выступающего в качестве защитника или представителя, более чем желательно участие специалиста, который своими показаниями, а также видеозаписью своих действий подтвердит в суде аутентичность информации и корректность, профессиональность действий при ее получении. При определении юридической силы электронных доказательств, полученных любой из сторон, на наш взгляд, в первую очередь речь должна идти не о выполнении формальностей (например, требований к составлению письменного протокола), а о способе укрепления доверия к тем сведениям, которые будет оценивать судья. Тот способ получения электронных доказательств, который будет наиболее убедителен для судьи (присяжного), который выдержит критику оппонента, должен применяться на практике субъектом доказывания. Ему надо заранее готовиться к судебному представлению данного доказательства и создавать гарантии его надежности, неуязвимости перед разумными сомнениями.

Список литературы

1. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.
2. Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998.
3. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010.
4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Юрайт: Высшее образование, 2010.
5. Карякин Е.А. Допустимость доказательств, собранных защитником, и осуществление функции защиты в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. N 6.
6. Власова Н.А. Возбуждение уголовного дела: теоретические и правовые проблемы // Журнал российского права. 2000. N 11.

7. Зуев С.В. Способы собирания информации в уголовном процессе // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003.
8. Голованова О.В. Адвокатское познание по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
9. Маркелов А.Г. Иные документы как доказательства в Российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
10. Александров А.С., Кувычков С.И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. N 5.

References

1. Levchenko O.V. *Sistema sredstv poznavatel'noy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam i ee sovershenstvovanie. Avtoref. Dokt. Diss.* [The system means of cognitive activity in proving on criminal cases and its improvement. Autoabstract Doct. Diss.]. Krasnodar, 2004.
2. Kamyshin V.A. *Inye dokumenty kak «svobodnoe» dokazatel'stvo v ugovolnom protsesse. Kand. Diss.* [Other documents as “free” proof in a criminal trial. Cand. Diss.]. Izhevsk, 1998.
3. Kukhta A.A. *Dokazyvanie istiny v ugovolnom protsesse. Dokt. Diss.* [Proving the truth in a criminal trial. Doct. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2010.
4. Lazareva V.A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse* [Proof in a criminal trial]. Moscow, Yurayt: Vysshee obrazovanie Publ., 2010.
5. Karyakin E.A. *Dopustimost' dokazatel'stv, sobrannykh zashchitnikom, i osushchestvlenie funktsii zashchity v ugovolnom sudoproizvodstve* [Admissibility of evidence collected by the defense and implementation of security features in the criminal trial]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 2003, no. 6.
6. Vlasova N.A. *Vozbuzhdenie ugovolnogo dela: teoreticheskie i pravovye problemy* [A criminal case. Theoretical and legal problems]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law, 2000, no. 11.
7. Zuev S.V. *Sposoby sobiraniya informatsii v ugovolnom protsesse* [Methods of collecting information in the criminal process]. *Problemy raskrytiya prestupleniy v svete sovremennogo ugovolnogo protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Problems solving crimes in the light of modern criminal procedural law]. Yekaterinburg, 2003.
8. Golovanova O.V. *Advokatskoe poznanie po ugovolnomu delu. Kand. Diss.* [Attorneys knowledge of the criminal case. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2008.
9. Markelov A.G. *Inye dokumenty kak dokazatel'stva v Rossiyskom ugovolnom protsesse. Kand. Diss.* [Other documents as proofs in the Russian criminal trial. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2004.
10. Aleksandrov A.S., Kuvychkov S.I. *O nadezhnosti “elektronnykh dokazatel'stv” v ugovolnom protsesse* [Reliability of “electronic evidence” in a criminal trial]. *Biblioteka kriminalista* – Library criminologist, 2013, no. 5.

БУТАЕВ М.Я., BUTAEV M.Ya.,
ramazanov1945@mail.ru ramazanov1945@mail.ru
Кафедра уголовного процесса Chair of criminal procedure and criminalistics;
и криминалистики; Dagestan State University,
Дагестанский государственный университет, Gadzhiyeva St. 43 a, Makhachkala, 367000,
367000, Республика Дагестан, Republic of Dagestan,
г. Махачкала, Гаджиева, 43 а Russian Federation

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Реферат. Предлагается допустить использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности по отношению к преступлениям террористической направленности. Обосновывается, что уголовная политика государства по противодействию преступлениям террористической направленности может содержать отступления от общих стандартов доказывания. В качестве аргументов приводятся данные судебно-следственной практики, а также доводы специалистов. Рассматриваются основные документы, оформляемые в результате оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности, а также возможность их использования в уголовно-процессуальном доказывании. Показана степень связи всех обвинительных доказательств, собранных по уголовным делам, с оперативно-розыскными мероприятиями. Анализируются положения инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности, положительно отмечается отказ от обязательного предоставления прокурору сведений о личности штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших оперативным органам содействие на конфиденциальной основе, что создает им гарантии безопасности, особенно актуальные для борьбы с терроризмом. Дается краткая характеристика Антитеррористического закона США «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему». В завершение поддерживается реформа предварительного расследования (уже проведенная в ряде государств ближнего зарубежья), ликвидировавшая различие между оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями, между предварительным расследованием по возбужденному уголовному делу и доследственной проверкой, оперативно-розыскной деятельностью, что привело к созданию гласных и негласных (тайных) следственных действий.

Ключевые слова: доказательства, контртеррористическая операция, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовный процесс.

USE OF THE DETECTIVE ACTIVITIES' RESULTS IN PROVING WHEN INVESTIGATING CASES OF TERRORIST CRIMES

Abstract. It is proposed to allow to use the detective activities' results in proving with regard to the terrorist crimes. It is argued that the state criminal policy in the sphere of counteracting terrorist crimes can have departures from the general standards of proving. The data of judicial and investigative practices as well as specialists' arguments are provided. The main documents, processed in the course of conducting detective activities when investigating the cases of terrorist crimes, and possibility of their using in criminal procedural proving are considered. The degree of connection between the collected prosecution evidence and the detective actions is shown. The provisions of the Regulations on the order of providing the results of detective activities are analyzed. The refusal of obligatory providing the prosecutor with the personal information on the staff undercover officers, conducting the detective activities, and persons confidentially assisting the detective bodies (which ensures their security), is positively assessed. The brief characteristic of the US Counter-terrorism law "Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001" is provided. The reform of preliminary investigation (already conducted in countries of the near abroad), eliminated the difference between the detective actions and investigative activities, between the preliminary investigation and pre-investigation inquiry, the detective activities (which resulted in establishing of open and undercover investigative actions), is supported.

Keywords: evidence, counter-terrorism operation, detective activities' results, criminal procedure.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемных вопросов, связанных с использованием в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности. Официальная доктрина считает уголовно-процессуальным доказыванием только процессуальную деятельность и настаивает на необходимости разделения оперативно-розыскной деятельности (ОРД), направленной на выявление, раскрытие преступлений, изобличение причастных к ним лиц, и уголовно-процессуального доказывания.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»^{*} результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, предусмотренных УПК РФ, при расследовании уголовного дела. Они могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Аналогичные положения содержатся в пункте четвертом Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд^{**}.

В силу содержащегося в ст. 89 УПК РФ формального запрета на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к дока-

зательствам УПК РФ, эти сведения презюмируются недопустимыми. Между тем мы полагаем, что не будет вызывать возражений утверждение о том, что при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности ведущую роль играет оперативно-розыскная деятельность. Сложившаяся судебно-следственная практика убеждает в том, что фактические материалы, полученные в ходе ОРД и представленные органам предварительного расследования, служат первоисточниками для уголовно-процессуального доказывания, эти же материалы выступают в качестве средств доказывания и в суде.

По уголовным делам о преступлениях террористической направленности в качестве обвинительных доказательств, представляемых суду, выступают такого рода «иные документы», как: рапорты оперуполномоченных оперативных аппаратов ФСБ и других правоохранительных органов, справки оперуполномоченных с анализом преступной деятельности террористического подполья, постановления о рассекречивании результатов ОРД; постановления о предоставлении результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд; постановления о разрешении проведения в отношении лица оперативно-розыскных мероприятий; акты обследования жилых помещений, местности, транспортных средств; заключение специалиста по изучению предоставленных документов; акты сбора образцов для сравнительного исследования.

Кроме того, доказательствами выступают экспертные выводы о проведении исследования материалов оперативно-технических мероприятий; распечатки записей разговоров, проведенных в ходе оперативно-розыскных мероприятий; распечатки телефонных переговоров; показания свидетелей, которыми выступали сотрудники ФСБ России, МВД России, понятые, специалисты, участвовавшие в проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, вещественные доказательства. Иными словами, эту группу доказательств составляют сведения, непосредственно полученные в ходе ОРД.

К третьей группе обвинительных доказательств относятся протоколы следственных действий (обыска, выемки, до-

^{*} Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 29 июня 2015 г. // Рос. газ. 1995. 18 авг.; 2015. 3 июля.

^{**} Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27 сент. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проса), заключения экспертов, специалистов, которые также в качестве первоосновы имеют сведения, полученные в ходе ОРД, и являются производными от них.

Следует особо подчеркнуть то, что, несмотря на доктринальный и законодательный запрет на прямое использование в уголовно-процессуальном доказывании сведений, полученных оперативно-розыскным путем (если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам), в правоприменительной практике это имеет место. Об этом давно и открыто высказываются в научной литературе [1, с. 49-57]. Пришло время подумать о нормативном закреплении сложившегося положения вещей: сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, после их проверки судом в условиях справедливой, состязательной процедуры становятся доказательством. Необходимо дальнейшая основательная дискуссия об абсолютном значении этого правила, о возможных изъятиях из него, обусловленных защитой общества от наиболее опасных посягательств на его безопасность.

По нашему мнению, оперативно-розыскная деятельность по выявлению, раскрытию преступлений, изобличению преступников является разновидностью доказывания и проведение следственных или иных процессуальных действий по ее легализации является избыточным требованием к допустимости уголовно-процессуальных доказательств. Разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что норма, содержащаяся в ст. 89 УПК РФ, требует изложения в новой редакции, отвечающей фактически складывающейся доказательственной базе и, самое главное, соответствующей специфике противодействия терроризму. Целесообразно расширить перечень источников доказательств, содержащийся в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнительным пунктом: «результаты оперативно-розыскной деятельности» [2, с. 35-39].

Конечно, следует отметить ряд положительных моментов, появившихся в процедуре представления результатов ОРД субъектам уголовно-процессуального доказывания. Так, в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд по-новому регламентируется порядок разрешения вопроса о предании

гласности сведений о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а кроме того, о лицах, которые оказывают правоохранительным органам содействие на конфиденциальной основе.

Иными словами, в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд сейчас отсутствует норма, касающаяся обязательности предоставления прокурору сведений о личности штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших оперативным органам содействие на конфиденциальной основе. В этом мы видим позитивный шаг в сторону усиления гарантий безопасности штатных негласных сотрудников и лиц, оказывающих или оказывавших органам, осуществляющим ОРД, содействие на конфиденциальной основе. Это особенно актуально при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности. Законодатель четко определил цели представления результатов ОРД, а именно: для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ и для приобщения к уголовному делу. Конкретизирован порядок представления результатов ОРД посредством документирования: представление результатов ОРД уполномоченному органу происходит на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя).

Однако Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, разумеется, не решает главной проблемы. Вот почему коррекция соответствующих положений УПК РФ объективно необходима.

На наш взгляд, информационные предпосылки для формулирования и выдвижения обвинения создаются в ходе оперативно-розыскной деятельности, в том числе при проведении контртеррористической операции. Из определения, содержащегося в п. 5 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»*, сле-

* О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ: ред. от 31 дек. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146; 2015. N 1 (ч. 1). Ст. 58.

дует, что контртеррористическая операция представляет собой комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств, направленных на (1) пресечение террористического акта, (2) обезвреживание террористов, (3) обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений, (4) минимизацию последствий террористического акта.

Участники контртеррористической операции, проводя оперативно-розыскные и оперативно-боевые мероприятия, на наш взгляд, могут получать оперативную информацию, которая позволит к началу уголовно-процессуального познания сориентировать следствие относительно возможных источников доказательств, а также предоставить ему некоторые надлежаще зафиксированные сведения, могущие впоследствии в соответствии с законом быть введенными в процесс в качестве доказательств.

По нашему мнению, оперативно-розыскные и оперативно-боевые мероприятия, проводимые в ходе контртеррористической операции, позволяют получать доказательственную информацию по уголовному делу, которое возбуждено или будет возбуждено. Полагаем, что на основе результатов оперативно-боевой и оперативно-розыскной деятельности могут быть сформированы такие доказательства по уголовному делу, которые в последующем позволят решать вопросы о привлечении к уголовной ответственности обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности, минимизации последствий (возмещения вреда) от теракта, предупреждении террористической, экстремистской, иной противоправной активности.

Более того, считаем, что уголовная политика государства по противодействию преступлениям террористической направленности может содержать отступления от общих стандартов доказывания. Примером (но, конечно же, не образцом) в этом плане может служить Антитеррористический закон США, который имеет следующее официальное название: «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма

и воспрепятствования ему»* (сокращенно – «Патриотический акт», 2001). Этим законодательным актом были существенно расширены полномочия правоохранительных органов по получению доказательственной информации. Прежде всего это касается электронного наблюдения: свободнее допускается выдача судебного ордера на «кочующее» прослушивание телефонных разговоров с помощью электронных средств, то есть такое прослушивание, которое проводится не в отношении конкретно зафиксированного номера телефона, а в отношении разговоров объекта наблюдения со всех телефонных аппаратов при его передвижении.

Кроме того, нормы «Патриотического акта» расширили возможности федеральных правоохранительных органов в сфере оперативного наблюдения в Интернете, а именно: вести розыск подозреваемых в терроризме личностей оперативным наблюдением за Интернетом (с помощью разработанной и используемой ФБР системы наблюдения онлайн «Carnivore»), отслеживать посещения веб-страниц и корреспондентов по электронной переписке, в некоторых случаях, при наличии чрезвычайных обстоятельств – без ордера, выдаваемого судом, лишь с одобрения прокуратуры. Статья 216 рассматриваемого закона («Модификация полномочий, относящихся к использованию устройств по определению абонентов во время передачи исходящих или входящих сообщений») распространила режим получения санкции на отслеживание телефонных номеров при обмене сообщениями по электронной почте и посещения сайтов в Интернете. Другая новая норма (статья 212, ревизирующая статью 2703 Титула 18 Свода законов США «Обязательное предоставление сообщений или документации потребителя»), связанная с использованием компьютерной сети оперативно-следственными органами для сбора доказательственной информации о террористах, устанавливает обязанность провайдеров сети предоставлять правоохранительным органам электронные сообщения лиц, подозреваемых в терроризме [3].

По нашему мнению, аналогичного рода нормы могут быть закреплены и в

* URL: <http://www.politechbot.com/p-02714.html> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

нашем законодательстве после их проработки в рамках уголовной политики противодействия экстремизму и терроризму. Сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, после их проверки судом в условиях справедливой, состязательной процедуры могут приравниваться к доказательствам. Доказательством в самом широком смысле слова могут быть признаны любые сведения, позволяющие правильно установить спорные обстоятельства уголовного дела, если их получение не было сопряжено с существенным нарушением конституционных прав и свобод человека.

В любом правиле возможно исключение. Таковы особенности реальности, в том числе и в сфере борьбы с преступностью. Так, например, в вопросе о применении смертной казни как вида уголовного наказания, являющемся предметом острейшей критики, существует компромисс: считать ее исключительным наказанием, назначаемым за совершение особо тяжких преступлений, в том числе террористической направленности. Так почему же в случаях с терроризмом не сделать исключение в части признания сведений, полученных оперативным путем, доказательствами, если это позволяет эффективнее ему противодействовать?

Повышению эффективности деятельности по выявлению и раскрытию преступлений способствовало бы проведение реформы предварительного расследования по аналогии с теми реформами, которые были проведены в Грузии, Казахстане, на Украине, а также в ряде других государств ближнего зарубежья, в результате которых было ликвидировано различие между оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями, между предварительным расследованием по возбужденному уголовному делу и доследственной проверкой, оперативно-розыскной деятельностью. Способами получения доказательств по законодательству этих государств являются гласные и негласные (тайные) следственные действия, проводимые правоохранительными органами сразу после получения сообщения о преступлении.

В противном случае придание абсолютного и непреходящего значения положениям статьи 89 УПК РФ – это по меньшей мере игнорирование современных вызовов и угроз общества, отсутствие компромисса между требованиями уголовного судопроизводства и обязанностью государства обеспечить безопасность граждан.

Список литературы

1. Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26).
2. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // Российский следователь. 2012. N 6.
3. URL: <http://www.politechbot.com/p-02714.html> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).
4. Власихин В.А. «Патриотический акт» – юридический анализ. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror/> (дата обращения: 15 янв. 2015 г.).

References

1. Aleksandrov A.S. *Reforma politsii, reforma obvinitel'noy vlasti Rossii – put' k evrointegratsii* [Police reform, reform of the prosecutive authority in Russia – the way to eurointegration]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2013, no. 4 (26), pp. 49-58.
2. Aleksandrov A.S., Kucheruk D.S. *Rezultaty ORM – baza prigovora? Stat'ya 2. Rossiyskie reglamenty ustareli* [Results ORM – base sentence? Article 2. The Russian regulations are outdated]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2012, no. 6.
3. Available at: <http://www.politechbot.com/p-02714.html> (Accessed 15 January 2015).
4. Vlasikhin V.A. *"Patrioticheskiy akt" – yuridicheskiy analiz* ["Patriot Act" – a legal analysis]. Available at: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror/> (Accessed 15 January 2015).

КАРИМОВА С.С., KARIMOVA S.S.,
sv.carimova@yandex.ru sv.carimova@yandex.ru
Кафедра организации Chair of crime detection
расследования преступлений and forensics;
и судебных экспертиз; Tyumen Advanced Training Institute
Тюменский институт повышения of the Ministry of the Interior
квалификации сотрудников of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Российской Федерации, Russian Federation
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

ПОЛНОМОЧИЕ ПО НАЛОЖЕНИЮ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНО ДОЗНАВАТЕЛЮ И СЛЕДОВАТЕЛЮ

Реферат. Исследуются неопределенность правовой природы денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения, низкая заинтересованность органов предварительного расследования и суда в обеспечении явки вызываемых лиц путем ее применения. Выделены основные проблемы наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования. Во-первых, это недостаточная проработанность самой процедуры наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования (в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях эта процедура значительно упрощена) в части количества обладающих этим правом субъектов, сроков составления протокола о наложении денежного взыскания и санкций за неисполнение денежного взыскания. Во-вторых, это ее длительность, которая сводит на нет предназначение самой меры — обеспечить скорейшее участие в процессуальном действии. В-третьих, это ограничение процессуальной самостоятельности следователя невозможностью самому принимать решение о наложении денежного взыскания за неявку. Возражения о нарушении этим конституционных прав граждан («никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда») преодолеваются толкованием другого положения Основного Закона — конституционные права могут быть ограничены федеральным законом. Обосновывается, что наряду с судебным порядком наложения денежного взыскания, необходимо предоставить дознавателю, следователю на стадии предварительного расследования самостоятельное право его наложения (с согласия руководителя следственного органа), что позволит снизить показатели неявки (массового уклонения) и случаи вызванного ей нарушения сроков рассмотрения дел. Для этого, помимо предоставления самого права, необходимо утвердить исчерпывающий перечень уважительных причин неявки потерпевшего и свидетеля по вызову органа, осуществляющего уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, денежное взыскание, предварительное расследование, явка, следователь, дознаватель.

INQUIRY OFFICER AND INVESTIGATOR SHOULD BE EMPOWERED TO IMPOSE MONETARY PENALTY

Abstract. The ambiguity of legal nature of monetary penalty as a measure of criminal procedural compulsion and low interest of courts and preliminary investigation bodies in ensuring the appearance of summoned persons through its application is considered. The main problems of imposing monetary penalty at the stage of preliminary investigation are noted: 1) insufficient elaboration of the procedure of imposing monetary penalty at above-mentioned stage (this procedure is considerably simplified in the RF Code of Administrative Offences) respecting the number of subjects having this right, terms of drawing up a report of imposing monetary penalty and sanctions imposed for failure to pay it; 2) duration of this procedure nullifying the purpose of considered measure; 3) restriction of investigators' procedural independence: investigators cannot make independent decisions on imposing monetary penalty for failure to appear in court. The objections regarding infringement of constitutional rights ("no one can be deprived of property otherwise than by a court decision") are contradicted by interpretation of the other constitutional provision — the constitutional rights can be limited by the federal law only. The author proves the necessity to empower investigator and inquiry officer to impose monetary penalty at preliminary investigation stage (with consent of the investigative body's head), which allows to reduce the number of failures to appear in court (mass evasion) and cases of breaking the terms of legal investigation. It's necessary to approve the complete list of valid reasons for failure to appear in court for victims and witnesses summoned by the body conducting criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural compulsion, monetary penalty, preliminary investigation, court appearance, investigator, inquiry officer.

Потерпевший и свидетель являются одними из важнейших фигур в уголовном процессе. От их показаний во многом зависит установление истины по уголовному делу. В то же время практика сталкивается с тем, что после возбуждения уголовного дела многие потерпевшие и свидетели не желают дальнейшего разбирательства по уголовному делу, отказываются от сотрудничества с правоохранительными органами, зачастую не являются по вызову следователя, дознавателя или в суд, неохотно дают показания [1, с. 80].

Обеспечить выполнение обязанности являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также воздействовать на поведение участников уголовного судопроизводства с целью недопущения их противоправного поведения и восстановления нарушенных прав других лиц, призваны меры процессуального принуждения [1, с. 73]. Так, согласно ч. 2 ст. 111 УПК РФ* к потерпевшему и свидетелю могут быть применены иные меры процессуального принуждения, а именно: обязательство о явке, привод и денежное взыскание.

Среди указанных мер процессуального принуждения особый интерес вызывает денежное взыскание, рассматриваемое в теории уголовного процесса как мера уголовно-процессуального принуждения, налагаемая в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании [2, с. 6].

В соответствии со статьей 117 УПК РФ при неисполнении участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, равно как при нарушении ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание (до 2 500 руб.). Указанная норма распространяется и на неявку по вызову в суд [3, с. 90].

В связи с тем, что неисполнение процессуальной обязанности являться по вызову, как правило, влечет затягивание сроков расследования и рассмотрения дел, денежное взыскание призвано содей-

ствовать в конечном счете эффективности правосудия, что происходит не всегда. Так, в октябре 2012 года по заявлению жителя Угловского района, проживающего в Барнауле, органами дознания транспортной полиции было возбуждено уголовное дело о совершенном у него хищении сумки с личными вещами. По словам потерпевшего, в сумке находились не только вещи, но и документы – паспорт, военный билет, страховое свидетельство и сотовый телефон «NOKIA». В результате преступления потерпевшему был причинен материальный ущерб, оцененный им в 1 500 рублей. В ходе проведения дознания потерпевший неоднократно вызывался сотрудником полиции для дачи показаний. Но, к удивлению стражей правопорядка, потерпевший систематически уклонялся от явки, повестки игнорировал, на телефонные звонки не отвечал. В апреле 2013 г. его местонахождение было установлено, он был допрошен. Однако, вместо содействия правоохранительным органам в розыске украденных у него вещей и поиске злоумышленников, потерпевший от дачи показаний отказался, сославшись на желание проконсультироваться с адвокатом, и в очередной раз пропал. Суд, рассмотрев факты, изложенные в постановлении, и представленные доказательства, вынес решение о наложении на потерпевшего денежного взыскания в размере 1 тысячи рублей, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 42 УПК РФ потерпевший не вправе уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд**. В данном случае, ввиду злостного уклонения лица от исполнения процессуальных обязанностей, срыва сроков предварительного следствия, размер наложенного денежного взыскания представляется неадекватным, а само взыскание – не выполняющим своей задачи.

В теории уголовного процесса продолжают споры относительно правовой природы денежного взыскания. Многие исследователи рассматривают денежное взыскание не как меру, обеспечивающую участие потерпевшего или свидетеля в

* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ: ред. от 31 дек. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921; 2015. N 1 (ч. I). Ст. 85.

** На жителя г. Барнаула, не исполнившего своих процессуальных обязанностей в рамках расследуемого уголовного дела, наложено денежное взыскание. См.: URL: <https://sibfout.mvd.ru/news/item/1021542>

уголовном процессе, а как меру уголовно-процессуальной ответственности за невыполнение соответствующей процессуальной обязанности.

Ю.А. Кузовенкова, придерживаясь данной позиции, полагает, что основанием для наложения денежного взыскания является уголовно-процессуальное правонарушение, заключающееся в неисполнении процессуальных обязанностей, например уклонение от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд [4, с. 225].

Рассматривая приведенное суждение, можно сделать вывод, что мерой уголовно-процессуальной ответственности является только денежное взыскание, остальные же меры направлены на обеспечение нормального хода уголовного процесса как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Данный анализ позволяет утверждать об исключительном характере денежного взыскания как меры процессуального принуждения, являющейся одновременно и видом уголовно-процессуальной ответственности.

Представляется, что понятия «ответственность» и «мера принуждения» не являются тождественными, что не позволяет однозначно принять подобный подход как единственно верный.

Кроме того, в юридической литературе имеется и противоположная точка зрения, которая отрицает возможность существования уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Сторонником такого подхода является С.Б. Россинский, который совершенно обоснованно, на наш взгляд, полагает, что «ответственность является материально-правовой категорией и должна устанавливаться нормами материального права» [5, с. 280]. Поэтому, по его мнению, денежное взыскание уголовно-процессуальной санкцией не является. С.Б. Россинский высказывает достаточно приемлемое предложение об отнесении денежного взыскания за неисполнение своих процессуальных обязанностей к категории административных правонарушений [5, с. 281].

Обоснованность данного предложения можно аргументировать и тем, что за нарушение предусмотренного п. 6 ст. 56

УПК РФ запрета на дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний и разглашение данных предварительного расследования законодатель установил материально-правовую уголовную ответственность по ст.ст. 307 и 310 УК РФ соответственно. Аналогичные меры ответственности предусмотрены и за неисполнение потерпевшими своих процессуальных обязанностей, закрепленных в п. 5 ст. 42 УПК РФ. Дополнительно потерпевший за уклонение от такой своей процессуальной обязанности, как прохождение освидетельствования, от производства в его отношении судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования несет ответственность в соответствии со ст. 308 УК РФ.

Не вызывает сомнения то, что нарушение потерпевшим, свидетелем обязанности явиться по вызову органа, осуществляющего уголовное производство, представляет собой уголовно-процессуальное нарушение, нарушение уголовно-процессуального закона. Этот факт – необходимый элемент уголовно-процессуальной ответственности.

Денежное взыскание как последствие указанных процессуальных правонарушений накладывается на виновных лиц в качестве меры наказания за совершенные правонарушения. Оно влечет за собой для виновного определенное обременение, а именно материальную, имущественную потерю.

Лицо, становясь участником уголовного судопроизводства, приобретает не только права, но и процессуальные обязанности, в нашем случае обязанность потерпевшего, свидетеля являться по вызову органа, осуществляющего предварительное расследование. В то же время суд, следователь обязаны надлежащим образом известить участника уголовного судопроизводства о времени и месте вызова.

В этом отношении показательным решением Верховного Суда РФ, отменившее постановление суда о наложении на свидетеля денежного взыскания за неявку в судебное заседание в связи с нарушением судом требований, предусмотренных ч. 2 ст. 56 и чч. 1, 2 ст. 188 УПК РФ. Кемеровский областной суд в ходе судебного разбира-

тельства наложил на свидетеля К. денежное взыскание за неявку в судебное заседание в размере двух МРОТ (4 600 руб.), при этом не направив свидетелю повестку, а известив его по телефону.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ мотивировала отмену постановления суда и прекращение производства о наложении денежного взыскания тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 56, чч. 1, 2 ст. 188 УПК РФ свидетель вызывается на допрос повесткой, содержащей полную информацию о его статусе, адресе явки, дате и времени, что судом выполнено не было. Суд не направлял К. повестку о необходимости явки, а телефонограмма о вызове К. в суд в материалах дела также отсутствовала. Верховный Суд РФ признал, что сообщение по телефону не заменяет судебную повестку и не может считаться надлежащим вызовом в суд*.

Можно заметить, что одним из основных, наиболее дискуссионных аспектов рассматриваемой проблемы является вопрос об оценке уважительности причин неявки в суд (к следователю). Наличие формализованных критериев уважительности/неуважительности явки необходимо для того, чтобы денежное взыскание на лицо, не явившееся по вызову, было справедливым, обоснованным и соразмерным.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит перечня уважительных причин. В связи с этим дознаватели, следователи, а также суды сами определяют, является ли причина неявки по вызову уважительной. Принято считать, что уважительная причина — это основание, которое может быть принято во внимание, признано достаточным для оправдания чего-нибудь. ГК РФ** (статья 205) к уважительным причинам (речь идет о пропуске срока исковой давности) относит обстоятельства, связанные с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние и т.п.), что дает общее направле-

ние понимания проблемы, но не создает определенности в ее решении.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. N 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» указано, что уважительными причинами неявки свидетеля в суд, в частности, могут быть признаны: болезнь, лишающая его возможности явиться в суд; болезнь члена семьи при невозможности поручить кому-либо уход за ним; несвоевременное вручение повестки; невозможность явки вследствие стихийного бедствия; иные обстоятельства, препятствующие потерпевшему, свидетелю явиться в суд в назначенный срок. В УПК РСФСР также содержался перечень уважительных причин, и в него были включены: болезнь, лишающая обвиняемого возможности явиться; несвоевременное получение повестки; иные обстоятельства, лишаящие обвиняемого возможности явиться в назначенный срок***. Эти причины неявки относились по аналогии и к потерпевшему, свидетелю.

Указанные выше уважительные причины в настоящее время учитывают дознаватели и следователи, однако следует помнить, что данный перечень не является исчерпывающим и, определяя ту или иную причину уважительной, необходимо рассматривать обстоятельства неявки по вызову. Так, иными обстоятельствами, препятствующими потерпевшему, свидетелю явиться в суд в назначенный срок, могут быть признаны: нахождение по повестке в другом органе внутренних дел, суде или ином органе; чрезвычайная ситуация (пожар, дорожно-транспортное происшествие и прочее); смерть свидетеля, потерпевшего или его близкого родственника; нахождение в командировке.

Уважительные причины неявки по вызову можно разделить на объективные и субъективные. Объективные причины не зависят от воли человека, и лишь они могут быть заслуживающим внимание обоснованием неявки в суд, к следователю, дознавателю. Отметим, что мы исходим из

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 сент. 2008 г. N 81-008-85 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 1.

** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. N 51-ФЗ: ред. от 22 окт. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 32. Ст. 3301; 2014. N 43. Ст. 5799.

*** Статьи 57, 93, 94, 133.1, 394, 323 УПК РСФСР содержали закрытый перечень как нарушений, могущих повлечь принудительную меру, так и конкретных процессуальных субъектов, их совершающих: свидетель, переводчик, специалист, поручитель.

того, что такая явка есть гражданский долг и процессуальная обязанность, которые не могут игнорироваться, т.е. недопустимы случаи, когда гражданин может, но не желает явиться.

К объективным причинам следует отнести все обстоятельства, не зависящие от воли гражданина: болезнь самого лица, препятствующая явке его по вызову; болезнь близких этого участника уголовного процесса, обуславливающая необходимость ухода за больным при условии отсутствия других лиц, которые могут ухаживать за больным; различные чрезвычайные ситуации; нахождение в момент вызова в командировке и т.п. К объективным причинам также следует отнести отсутствие надлежащего уведомления о вызове.

Принимая во внимание особенности предмета правового регулирования, следует отметить, что уголовно-процессуальные нормы в основном императивны, то есть относятся к обязывающим, предписывающим совершать определенные действия. Норма о вызове в суд, к следователю не относится к тем нормам, которые предоставляют вызываемому лицу выбор способа действия в зависимости от каких-то условий дела. Выполнение лицом его процессуальных обязанностей, например, в качестве свидетеля обуславливает выполнение субъектом расследования предписаний статьи 73 УПК РФ. Так, если свидетель не является без уважительной причины по вызову, то норма реализуется с применением принуждения (привод свидетеля).

Наличие исчерпывающего перечня уважительных причин неявки по вызову, отсутствие которых приведет к применению денежного взыскания, будет являться, на наш взгляд, позитивным фактом. В связи с этим полагаем, что необходимо закрепить на законодательном уровне перечень всех без исключения уважительных причин неявки потерпевшего и свидетеля к дознавателю, следователю или в суд.

Считаем целесообразным включить в ст. 117 УПК РФ перечень следующих уважительных причин неявки участника уголовного судопроизводства в суд, к следователю, дознавателю:

- ненадлежащее уведомление о вызове;
- болезнь/беспомощное состояние, лишаящие возможности явиться в орган,

осуществляющий предварительное расследование, а также в суд;

- болезнь либо смерть близкого родственника;
- стихийное бедствие, чрезвычайная ситуация;
- нахождение по вызову в суде, у следователя;
- исполнение обязанностей присяжного заседателя и иных форм общественного долга;
- нахождение в командировке.

После принятия решения о применении денежного взыскания к потерпевшему, свидетелю за неисполнение ими процессуальной обязанности явиться по вызову, возникает другая проблема. В соответствии с ч. 1 ст. 118 УПК РФ денежное взыскание как на стадии предварительного расследования, так и на судебной стадии налагается только судом. В связи с этим среди процессуалистов возникла серьезная дискуссия относительно допустимости предоставления дознавателю, следователю самостоятельного права наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования [6, с. 48].

На наш взгляд, в настоящее время наложение денежного взыскания на стадии предварительного расследования затруднено следующим:

1. Сложность процедуры наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования.

В данной ситуации следует провести сравнительный анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), который также предусматривает наложение административного взыскания. Во-первых, в административном законодательстве право наложения административных наказаний предоставлено большому числу органов и должностных лиц, тогда как в уголовно-процессуальном законодательстве правом наложения денежного взыскания наделяется только суд. Во-вторых, действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает сроки составления протокола о наложении денежного взыскания. В КоАП РФ установлено: «незамедлительно после совершения правонарушения». В-третьих, это санкция. Так, санкция ст. 17.3 КоАП РФ,

предусматривающая административную ответственность за неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава, позволяет оштрафовать нарушителя в размере от пяти до десяти МРОТ либо арестовать его на срок до пятнадцати суток, тогда как на основании ст. 117 УПК РФ за такое же нарушение порядка в судебном заседании лицо может быть подвергнуто денежному взысканию в размере до двадцати пяти МРОТ.

Уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об административных правонарушениях по-разному устанавливают и правила наложения денежного взыскания (штрафа) к нарушителям порядка в судебном заседании. Если в соответствии со ст. 118 УПК РФ денежное взыскание налагается в ходе судебного разбирательства уголовного дела, то согласно ст.ст. 28.1-28.3 КоАП РФ в отношении лица, не исполняющего распоряжения судьи или судебного пристава о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, возбуждается административное производство, должностным лицом органов внутренних дел составляется протокол.

В сфере уголовного судопроизводства в рассматриваемых ситуациях приоритет должен быть отдан порядку, установленному уголовно-процессуальным законом, поскольку, во-первых, указанные правонарушения совершаются в рамках производства по уголовному делу и, во-вторых, по правилам, закрепленным в ст. 118 УПК РФ, обеспечивается оперативное привлечение нарушителей к ответственности. Что касается различных санкций, которые могут быть назначены за совершение одних и тех же действий, то в этой части в законодательстве необходимо достичь единообразия, универсальности.

Уголовно-процессуальное и административное законодательство в обозначенной части противоречат друг другу, но сходны в одном – ограничиваются конституционные права участника процесса.

2. Длительность процедуры применения денежного взыскания. Длительность процедуры применения данной меры процессуального принуждения практически сводит на нет ее функциональное предназначение – обеспечить скорейшее участие участника процессуального действия в

довольно сжатые сроки предварительного расследования.

Кроме этого, необходимо отметить, что в соответствии со статьей 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Первоочередными задачами уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Соответственно, деятельность следователя должна быть подчинена решению данных задач.

На сегодняшний день еще одной проблемой, требующей научной проработки, является вопрос о размере налагаемого денежного взыскания. В целом, законодатель следует по пути снижения размера взыскания. Так, до июня 2008 г. оно в соответствии с действовавшей на тот момент редакцией статьи 117 УПК РФ составляло до двадцати пяти МРОТ (МРОТ до 1 января 2009 г. был равен 2 300 руб.). Таким образом, максимально на тот момент взыскание могло достигать 57 500 руб. Законодатель обоснованно «отвязал» определение размера взыскания от МРОТ, приблизив таким образом его размер к реальному*. В то же время действующая редакция статьи 117 УПК РФ также представляется несовершенной, так как не устанавливает нижнюю планку взыскания, что позволяет снижать ее до символического уровня. Кроме того, размер взыскания не меняется с июня 2008 г.

3. Ограничение процессуальной самостоятельности следователя. Процессуальная самостоятельность следователя означает, что он самостоятельно принимает решения по расследуемому уголовному делу, исходя из внутреннего убеждения, опираясь на собранные по делу доказательства. При этом исключается возможность вмешательства в процессуальную деятельность следователя органов, осуществляющих контроль и надзор за его деятельностью. Наделение следователя

* О внесении изменений в статьи 103 и 117 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 119 и 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2008 г. N 85-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 24. Ст. 2798.

процессуальной самостоятельностью в ходе досудебного производства является необходимым условием выполнения возложенных на него обязанностей. На самом деле в соответствии с действующим УПК РФ процессуальная самостоятельность следователя сводится к его обязанности согласовывать свои действия с руководителем следственного органа, а также ходатайствовать перед судом. В литературе отмечается, что сокращение полномочий прокурора по надзору и процессуальному руководству при производстве предварительного следствия не повлекло адекватного расширения процессуальной самостоятельности следователя, поскольку не изменился перечень процессуальных действий, на совершение которых ранее требовалось согласие прокурора, в настоящее время – согласие руководителя следственного органа [7, с. 94].

С.Н. Хорьков, изучив уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие процессуальную самостоятельность следователя и порядок заявления им ходатайств, приходит к выводу об их противоречивости. С одной стороны, следователь является должностным лицом, обладающим полномочиями по осуществлению досудебного производства и относящимся к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). С другой стороны, следователь, обращаясь с ходатайством, по сути, обладает не полномочиями по осуществлению уголовного судопроизводства, а лишь правом обращаться с просьбами к соответствующим должностным лицам [8, с. 15-16]. И с этим следует согласиться, поскольку по сравнению с УПК РСФСР 1960 г. процессуальные полномочия следователя, закрепленные в УПК РФ 2001 г., значительно сужены. Предоставление следователю процессуальной самостоятельности – это необходимое условие выполнения возложенных на него обязанностей. Если следователь процессуально самостоятелен, то зачем ему согласовывать процессуальные действия? Процессуальная самостоятельность следователя проявляется в свободе выбора по своему внутреннему убеждению.

Выходом из данной ситуации является предоставление следователю большей самостоятельности, в том числе и права самостоятельно налагать денежное взыска-

ние. Денежное взыскание как иная мера процессуального принуждения не получило широкого распространения на практике. Данное обстоятельство обусловлено отсутствием четкого механизма исполнения денежного взыскания, прежде всего из-за несовершенства и незавершенности формирования нормативной базы, отсутствия единого подхода в деятельности следственных и судебных органов. Следователи чаще всего ограничиваются приводом того или иного участника уголовного судопроизводства.

В то же время расширение состава должностных лиц, полномочных налагать денежные взыскания, может вступить в противоречие с конституционной нормой (статья 35), согласно которой «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Данное конституционное право гражданина обеспечено судебной защитой. Б.Б. Булатов подчеркивает, что ряд авторов предпочитает судебный порядок наложения денежного взыскания именно ввиду его соответствия ст. 35 Конституции РФ [9, с. 123]. Конституционные права могут быть ограничены федеральным законом. В связи с этим в законодательной практике имеют место ограничения (например, в административном праве), что также применимо и к уголовному судопроизводству. Аналогичной точки зрения придерживается и О.Е. Михайлова [10, с. 167].

Позиция указанных выше авторов вытекает из ряда норм, содержащихся в главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина».

Вопрос о предоставлении следователю права наложения денежного взыскания остается открытым. Следует признать, что данная процедура в настоящий момент сложна. Это обусловлено положением суда в системе современного уголовного судопроизводства как органа судебного контроля за соблюдением процессуальных прав участников процесса.

Позицию о предоставлении дознавателю, следователю права наложения денежного взыскания на стадии предварительного расследования поддерживают и другие ученые-процессуалисты, например Э.К. Кутуев, который отмечает, что «...судебный порядок наложения денежного взыскания в досудебном производстве

вряд ли так необходим» [11, с. 331-332]. Ю.А. Кузовенкова обозначает, что данное новшество могло бы привести к ослаблению такого нежелательного явления, как массовое уклонение свидетелей от явки по вызовам и от выполнения других процессуальных обязанностей [12, с. 155].

Таким образом, вопрос о предоставлении дознавателю, следователю права наложения денежного взыскания продолжает вызывать дискуссию среди процессуалистов. В целях разрешения проблемы неявки по вызову потерпевшего, свидетеля без уважительных причин в рамках досудебного производства и укрепления практики применения данной меры уголовно-процессуального принуждения считаем, что наряду с судебным порядком наложения денежного взыскания необходимо предоставить дознавателю, следователю на стадии предварительного расследования самостоятельное право наложения денежного взыскания. Это позволило бы сократить число не явившихся

по вызову участников уголовного процесса, в том числе потерпевшего и свидетеля, и, как следствие, избежать нарушения разумных сроков рассмотрения уголовных дел. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо:

– утвердить исчерпывающий перечень уважительных причин неявки потерпевшего и свидетеля по вызову органа, осуществляющего уголовное судопроизводство;

– предоставить дознавателю, следователю право самостоятельного наложения денежного взыскания на досудебной стадии уголовного процесса. В связи с этим предлагается изложить ч. 1 ст. 118 УПК РФ в следующей редакции: «Денежное взыскание налагается только судом. В ходе досудебного производства, в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей денежное взыскание налагается дознавателем или следователем с согласия руководителя следственного органа».

Список литературы

1. Григорьев О.Г., Кривошеков Н.В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: учеб.-практ. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2010. 104 с.
2. Гафизов М.Х. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Кривошеков Н.В., Валькова Т.В., Чернова С.С. [и др.]. Повышение квалификации руководителей следственных подразделений: учеб.-практ. пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 214 с.
4. Кузовенкова Ю.А. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве как санкция уголовно-процессуальной ответственности // Общество и право. 2008. N 3 (21). С. 224-228.
5. Россинский С.Б. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые проблемы и возможные пути их разрешения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства, вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2005.
6. Чернова С.С. Денежное взыскание и наложение ареста на имущество и ценные бумаги как меры уголовно-процессуального принуждения // Концепт. 2014. N 29.
7. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. О совершенствовании уголовно-процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 3 (25). С. 94-102.
8. Хорьков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Булатов Б.Б., Николук В.В. Меры процессуального принуждения. М., 2003.
10. Михайлова О.Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009.
11. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
12. Кузовенкова Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

References

1. Grigor'ev O.G., Krivoshchekov N.V. *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym sbytom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov* [Features of investigation of crimes related

to the illegal sale of drugs, psychotropic substances and their analogues]. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010. 104 p.

2. Gafizov M.Kh. *Denezhnoe vzyskanie kak mera ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya: Avtoref. Kand. Diss.* [Monetary penalty as a measure of criminal procedure compulsion. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2007.

3. Krivoshchekov N.V., Val'kova T.V., Chernova S.S. [i dr.]. *Povyshenie kvalifikatsii rukovoditeley sledstvennykh podrazdeleniy* [Management Development investigative units]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2013. 214 p.

4. Kuzovenkova Yu.A. *Denezhnoe vzyskanie v ugolovnom sudoproizvodstve kak sanktsiya ugolovno-protsessual'noy otvetstvennosti* [Monetary penalty in criminal proceedings as a sanction of criminal procedure responsibility]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*, 2008, no. 3 (21), pp. 224-228.

5. Rossinskiy S.B. *Denezhnoe vzyskanie v ugolovnom sudoproizvodstve: teoretiko-pravovye problemy i vozmozhnye puti ikh razresheniya* [The monetary penalty in the criminal proceedings: the theoretical and legal problems and possible ways of their solution]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva, voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Actual problems of the criminal justice problems in the theory, law, the practice of (to the 5th anniversary of the Code of Criminal Procedure)]. Moscow, 2005.

6. Chernova S.S. *Denezhnoe vzyskanie i nalozhenie aresta na imushchestvo i tsennye bumagi kak mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Monetary penalty and the seizure of property and securities as a measure of criminal procedure compulsion]. *Kontsept – Concept*, 2014, no. 29.

7. Kornakova S.V., Chubykin A.V. *O sovershenstvovanii ugolovno-protsessual'nykh otnosheniy na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela* [On the improvement of the criminal - procedural relations at the stage of a criminal case]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*, 2013, no. 3 (25), pp. 94-102.

8. Khor'kov S.N. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya. Avtoref. Kand. Diss.* [Procedural autonomy of the investigator. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2006.

9. Bulatov B.B., Nikolyuk V.V. *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Coercive procedural measures]. Moscow, 2003.

10. Mikhaylova O.E. *Inye mery protsessual'nogo prinuzhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. Kand. Diss.* [Other measures of procedural compulsion in the criminal trial of Russia. Cand. Diss.]. Kaliningrad, 2009.

11. Kutuev E.K. *Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie v dosudebnykh stadiyakh. Dokt. Diss.* [Criminal-procedural coercion in pre-trial stages. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2004.

12. Kuzovenkova Yu.A. *Denezhnoe vzyskanie v sisteme mer ugolovno-protsessual'noy otvetstvennosti. Kand. Diss.* [Monetary penalty in the system of measures of criminal-procedural justice. Cand. Diss.]. Samara, 2009.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

МИТЬКОВ В.Н., кандидат юридических наук, vnii59@yandex.ru Научно-исследовательский центр N 2; Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; 123995, г. Москва, Поварская, 25	MITKOV V.N., Candidate of Legal Sciences, vnii59@yandex.ru Research Centre N 2; National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Povarskaya St. 25, Moscow, 123995, Russian Federation
---	---

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Реферат. При множестве международных и межгосударственных соглашений в сфере борьбы с преступностью отсутствуют специальные документы, посвященные ОРД. Соответствующие нормы включены в договоры и конвенции более общего плана (противодействие определенной категории преступлений; правовая помощь по уголовным делам). Критически оцениваются положения отдельных межведомственных и межгосударственных соглашений, высказываются предложения по их совершенствованию. Пробелом остаются вопросы взаимодействия подразделений, осуществляющих ОРД, с аналогичными структурами иностранных государств, а также с международными правоохранительными организациями. В качестве зарубежного опыта приведен пример законодательного регулирования ОРД в Республике Казахстан, которым автор предлагает воспользоваться другим государствам — членам Организации Договора о коллективной безопасности. Подчеркивается, что на основе международно-правовых документов действуют Национальное центральное бюро Интерпола МВД России, Антитеррористический центр государств — участников СНГ, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств — участников СНГ, выполняющие важные функции в сфере межгосударственного взаимодействия по борьбе с преступностью, в том числе с ее организованными формами. Подчеркивается необходимость законодательно закрепить полномочия правоохранительных органов по осуществлению негласного контроля за поведением иностранных граждан в период их пребывания на территории России, а также предусмотреть общую правовую возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, не ограничивающих конституционные права и свободы, в отношении всех прибывающих в Российскую Федерацию иностранцев. Предлагается дальнейшая детализация законодательных предписаний, регламентирующих ОРД, в ведомственных нормативных правовых актах в целях соблюдения требований защиты государственной тайны.

Ключевые слова: правовые основы, оперативно-розыскная деятельность, преступность иностранных граждан, законодательное регулирование, межгосударственное сотрудничество.

DETECTIVE COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS UNDER THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL COOPERATION

Abstract. Among many international agreements on fighting crime there are no special documents devoted to the detective activities. Relevant norms are included in general treaties and conventions (on the counteraction to certain categories of crime; legal aid for criminal cases). The provisions of some inter-departmental and interstate agreements are criticized. The proposals on their improvement are made. The issues of cooperation between the divisions, conducting detective activities, analogous foreign organizations and international law enforcement agencies, remain unresolved. The legislative regulation of the detective activities in Kazakhstan is considered. It's recommended to other member states of the Collective Security Treaty Organization to use this foreign experience. Such organizations as the Russian National Central Bureau of Interpol, the Counterterrorism Centre of the CIS Member States, Bureau for Coordination of Fight Against Organized Crime and Other Types of Dangerous Crimes on the Territory of the CIS Member States, performing important functions in the sphere of international cooperation in fighting crime (including organized crime), act basing on the international legal agreements. The author proves the necessity to fix the powers of law enforcement agencies to exercise undercover control over the behaviour of foreign individuals during their staying on the Russian territory, as well as to provide legal possibility for conducting detective actions (not limiting the constitu-

tional rights and freedoms) with respect to all the foreign citizens arriving in Russia. Further specification of the legislative prescriptions, regulating the detective activities, in departmental normative acts in order to comply with the state secret security requirements, is proposed.

Keywords: legal foundations, detective activities, crimes committed by foreign citizens, legal regulation, interstate cooperation.

Любая общественно необходимая деятельность, в особенности правоохранительная, способна достигать своих целей только в том случае, если ее инструменты и средства соответствуют тем социально-правовым условиям, в которых названная деятельность осуществляется. И не просто соответствуют, а органически «вживлены» в эти условия, являются их неотъемлемой составляющей, необходимым элементом единой структуры системы жизнедеятельности конкретного общества в конкретный исторический период его развития.

Такая специфическая сфера правоохранительной деятельности, как противодействие преступности иностранных граждан, должна быть гибкой и динамической, способной чутко и оперативно реагировать на малейшие колебания системы общественных отношений, где имеет место рассматриваемая составляющая. В связи с этим правовая основа этой деятельности должна подвергаться постоянному мониторингу на системных началах, коррелировать с социально-экономическими и даже геополитическими изменениями обстановки в стране и вокруг нее.

В рамках данной статьи мы рассмотрим вопросы формирования современной правовой основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (далее — ОРД ОВД) по борьбе с преступностью иностранцев, обозначим наиболее актуальные и ключевые моменты правотворчества по этому направлению, предложим представляющиеся нам целесообразными пути решения имеющихся проблем.

Некоторые исследователи отмечают, что главной в работе по созданию правовой основы ОРД должна быть приоритетность закона в регламентировании вопросов ее организации [1; 2]. В данном случае речь идет о повышении уровня правового обеспечения работы оперативных подразделений полиции за счет замены секретных правительственных и ведомственных решений правовыми актами высшей юридической силы [3; 4]. Позиция С.С. Алексеева, определяющая, что право «есть условие и гарант юридически защищенного активного пове-

дения лиц... и, следовательно — условие и гарант активности людей, их самостоятельного действия, их инициативы, предприимчивости» [5, с. 97-98], стало аксиоматичным применительно к организации ОРД полиции в современных условиях.

В общей теории права под правовым регулированием понимается «специфическая деятельность государства, его органов и должностных лиц по упорядочению общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально регламентирующих решений в соответствии с этими нормами по юридически значимым вопросам, возникающим в рамках таких отношений» [6, с. 155]. Поскольку правовое регулирование любого вида деятельности может быть «неэффективным, малоэффективным, среднеэффективным и высокоэффективным» [7, с. 120], нормы права представляют собой находящиеся в движении, постоянном развитии и усовершенствовании юридические предписания, включающие процесс их создания и непосредственного действия.

Соответствующие нормы, которые могут быть приняты в качестве таковых, рассредоточены в ряде нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы правоотношений, возникающих при осуществлении ОРД. В большей же степени подобные нормы содержатся в различных закрытых ведомственных нормативных актах. Все они в той или иной степени составляют правовую основу оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершенным иностранцами.

Мы предлагаем классифицировать нормативно-правовую основу ОРД следующим образом:

- 1) Конституция РФ и федеральные конституционные законы РФ;
- 2) общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ;
- 3) федеральные законы и законы субъектов РФ;
- 4) указы Президента РФ и постановления Правительства РФ;

5) решения Конституционного и Верховного судов РФ;

6) ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты;

7) международные акты, имеющие рекомендательный характер.

Осуществление ОРД в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России, основано в первую очередь на соответствующих положениях Конституции РФ. Согласно п. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Другими словами, положения главы 2 Основного Закона, устанавливающие гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в том числе в ходе осуществления уголовного преследования, в равной степени распространяются на всех лиц, находящихся на территории России.

Ряд норм Конституции РФ напрямую регламентирует условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан (следовательно, в равной степени иностранцев). Так, ч. 2 ст. 23 и ст. 25 предписывают обязательное получение судебного решения в случае необходимости ограничения права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища. Эти нормы Конституции РФ конкретизированы в ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД).

Специфическим источником правового регулирования ОРД являются международные договоры (соглашения) Российской Федерации, которые не упомянуты в ст. 4 ФЗ об ОРД, что является существенным упущением.

Следует отметить, что и в Конституции, и в ряде федеральных законов международные договоры Российской Федерации провозглашаются как часть российского законодательства. Вместе с тем представляется, что в данном контексте речь идет не обо

всех международных соглашениях, а лишь о тех из них, которые были ратифицированы Российской Федерацией (признаны ею как часть национального законодательства в установленном порядке), так как только таковые обладают силой закона на территории России, и более того – имеют приоритет перед нормами внутреннего права, о чем, в частности, указано в п. 4 ст. 15 Конституции РФ. Именно поэтому следующими по юридической силе источниками права после Конституции абсолютно обоснованно являются международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, а также общепризнанные принципы и нормы международного права.

Отдельно следует сказать о таком виде международно-правовых актов рекомендательного характера, как модельные законы. Следует отметить, что различные модельные нормативные акты используются достаточно широко при осуществлении правовой интеграции и в международном, и в национальном праве.

Модельное нормотворчество активно применяется в рамках СНГ, в том числе и по вопросам, непосредственно связанным с ОРД*. Так, на XXVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление N 27-6 от 16 ноября 2006 г.) был принят Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Модельный закон). Данный документ определяет содержание ОРД, осуществляемой на территории государства, и закрепляет систему гарантий законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Положения Модельного закона в большинстве своем соответствуют нормам действующего российского ФЗ об ОРД.

К числу международно-правовых актов, регламентирующих наиболее важные правоотношения в сфере ОРД, следует отнести:

* Б.Н. Лапин отмечает: «Межпарламентская Ассамблея накопила не имеющий аналогов в практике международных сообществ опыт создания модельных законов, используемых парламентами СНГ для унификации и развития различных отраслей внутреннего права своих государств. Ею принято и рекомендовано к использованию свыше 100 типовых нормативно-правовых актов...» [8, с. 22].

Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (не является международным соглашением, поэтому носит рекомендательный характер);

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г.;

Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую Советом Европы 4 ноября 1950 г.;

Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам, принятую Советом Европы 20 апреля 1959 г., и некоторые другие международно-правовые соглашения (конвенции, договоры), подписанные или ратифицированные Российской Федерацией.

Важным источником правового регулирования ОРД являются международные соглашения, заключенные в рамках СНГ, в числе которых первостепенное значение имеет Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Минске 22 января 1993 г. и ратифицированная Федеральным законом РФ от 4 августа 1994 г.

Отдельную группу международных правовых актов составляют соглашения о сотрудничестве между правоохранительными органами государств – участников СНГ. В числе данных актов необходимо указать следующие:

Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью, подписанное в г. Алма-Ате 24 апреля 1992 г. Стороны договорились исполнять запросы и просьбы по уголовным делам и делам оперативного учета, обмениваться оперативно-розыскной информацией о готовящихся или совершенных преступлениях, содействовать в проведении ОРМ и процессуальных действий;

Соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, подписанное в г. Киеве 21 октября 1992 г.;

Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в сфере борьбы с организованной преступностью, подписанное в г. Ашхабаде 17 февраля 1994 г.;

Соглашение о сотрудничестве в сфере специального сопровождения оперативно-розыскной деятельности, подписанное на заседании Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ 16-18 декабря 1998 г. в г. Москве, в котором регламентирована процедура выполнения запросов на проведение наблюдения за лицами, обоснованно подозреваемыми в совершении преступлений, при пересечении ими внутренних границ СНГ.

Международное и межгосударственное сотрудничество в сфере ОРД в настоящее время регламентировано рядом двусторонних и многосторонних соглашений, касающихся вопросов борьбы с преступностью. При этом следует отметить, что специальных соглашений, посвященных конкретно взаимодействию в сфере ОРД, практически нет, как правило, соответствующие нормы включены в договоры и конвенции более общего плана, относящиеся к вопросам борьбы с определенной категорией преступлений либо оказания правовой помощи по уголовным делам.

Одним из немногих исключений является Соглашение о сотрудничестве в сфере специального сопровождения оперативно-розыскной деятельности от 18 декабря 1998 г., заключенное на межведомственном уровне государствами – участниками СНГ. Согласно п. 2 ст. 1 данного соглашения «стороны исходят из понимания того, что в соответствии с государственным суверенитетом осуществление специального сопровождения оперативной разведкой на территории другого государства не допускается». Иными словами, исключается сама возможность осуществления ОРМ силами оперативных служб одного государства на территории другого. Подобная категоричность в настоящих условиях вызывает определенные сомнения, тем более что в рамках СНГ нормативно закреплена и используется на практике возможность создания совместных следственно-оперативных групп правоохранительными органами государств-участников.

Так, в соответствии со ст. 63 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (г. Кишинев) члены совместной следственно-оперативной группы непосредственно взаимодействуют между собой,

согласовывают основные направления расследования, проведение следственных действий, розыскных или оперативно-розыскных мероприятий, обмениваются полученной информацией. При этом следственные действия, розыскные или оперативно-розыскные мероприятия осуществляются членами совместной следственно-оперативной группы той Договаривающейся Стороны, на территории которой они проводятся.

Однако ранее, в ст. 8 рассматриваемой Конвенции оговаривается, что по просьбе учреждения юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны учреждение юстиции запрашиваемой Договаривающейся Стороны своевременно сообщает ему о времени и месте исполнения поручения, с тем чтобы уполномоченные им представители могли с согласия учреждения юстиции запрашиваемой Договаривающейся Стороны и в соответствии с ее законодательством присутствовать при исполнении поручения, а также, если это не противоречит законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны, принимать участие в выполнении процессуальных действий и розыскных мероприятий.

Представляется, что с учетом современных условий в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) целесообразно выработать достаточно гибкую и при этом эффективную формулу взаимодействия в рассматриваемой сфере, закрепив ее на законодательном уровне.

На сегодняшний день из всех законов об ОРД государств – членов ОДКБ только в законе Республики Казахстан об ОРД содержится норма, определяющая взаимодействие подразделений, осуществляющих ОРД в Казахстане, с аналогичными структурами иностранных государств, а также с международными правоохранительными организациями. В частности, ст. 18 указанного Закона устанавливает, что «органы иных государств, которым предоставлено право осуществления ОРД, взаимодействуют и проводят ОРМ на территории Республики Казахстан в порядке и пределах, установленных настоящим Законом и соответствующими договорами и соглашениями». Аналогично «органы Республики Казахстан, осуществляющие ОРД, взаимодействуют и проводят ОРМ

на территориях иных государств в порядке и пределах, установленных указанным Законом, а также законодательством этих государств на основе соответствующих договоров и соглашений» (п. 2 ст. 18).

Приведенную формулировку ст. 18 Закона Республики Казахстан об ОРД можно рекомендовать государствам-членам принять за основу, поскольку она действительно достаточно четко отражает намерение государства осуществлять самое широкое взаимодействие в рассматриваемой сфере.

Необходимо подчеркнуть, что на основе международно-правовых документов действуют Национальное центральное бюро Интерпола МВД России, Антитеррористический центр государств – участников СНГ, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств – участников СНГ, которые выполняют важные функции в сфере межгосударственного взаимодействия по борьбе с преступностью, в том числе с ее организованными формами.

12 августа 1995 г. был принят действующий ФЗ об ОРД, который предусмотрел ряд принципиально новых положений, позволивших расширить права и возможности оперативных подразделений в решении задач ОРД.

Согласно ст. 8 ФЗ об ОРД гражданство, национальность, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в их отношении ОРМ на территории Российской Федерации. Это, пожалуй, единственное указание в рассматриваемом законе на признак гражданства объекта ОРД. Другими словами, ОРМ в отношении иностранных граждан при наличии соответствующих оснований, перечисленных в ст. 7 ФЗ об ОРД, проводятся в общем порядке.

Полагаем, что уровень криминальной активности иностранных граждан на сегодняшний день ставит перед необходимостью внесения соответствующих дополнений в оперативно-розыскное законодательство с целью закрепить полномочия правоохранительных органов по осуществлению негласного контроля за поведением рассматриваемой категории лиц в период их пребывания на территории России. Для

этого считаем целесообразным дополнить ст. 7 ФЗ об ОРД («Основания для проведения ОРМ») нормой, предусматривающей возможность проведения ОРМ в отношении всех иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию. Представляется, что по этому основанию следует предусмотреть возможность проведения только тех ОРМ, которые не ограничивают конституционные права и свободы в соответствии со ст. 8 ФЗ об ОРД.

Существует большой массив ведомственных и межведомственных нормативных актов, непосредственно регламентирующих ОРД полиции*. Значительная часть

этих актов носит закрытый характер, поэтому в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на данной группе правовых источников подробно. Отметим лишь, что именно ведомственное нормативное регулирование раскрывает и разрешает многие вопросы, которые не могут быть регламентированы в открытых источниках из-за специфики ОРД в соответствии с требованиями законодательства о государственной тайне.

* См., например: О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 19 июня 2012 г. N 608 // Рос. газ. 2012. 3 авг.; Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 30 марта 2010 г. N 249 // Там же. 2010. 7 июля; Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апр. 2007 г. N 368/185/164/481/32/184/97/147. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». и др.

Список литературы

1. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / И.И. Алгазин, Л.А. Бакланов, Д.А. Бражников [и др.]. Тюмень, 2012. 151 с.
2. Бакланов Л.А. Совершенствование условий проведения гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. N 2. С. 100-103.
3. Черников В.В. Правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел и Закон РФ «О милиции» // Закон РФ «О милиции» и совершенствование оперативно-служебной деятельности милиции республик. Омск: ОВШМ МВД России, 1992.
4. Миньковский Г.М. Криминальная милиция (полиция): проблемы организации, функций, содержания и форм деятельности. М.: Академия МВД СССР, 1991.
5. Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М.: Юрид. лит., 1988. 175 с.
6. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Казанский ун-т, 1987.
7. Муратова Н.Г. Творческое наследие профессора Ф.Н. Фаткулина // Школа профессора Фаткулина. Казань: Фэн, 2009.
8. Лапин Б.Н. О проблемах межгосударственной интеграции гражданско-процессуального законодательства // Актуальные проблемы международного гражданского процесса: тез. докл. междунар. конф., 10-11 октября 2002 г. / гл. ред. Л.Н. Галенская. СПб., 2002.

References

1. Algazin I.I., Baklanov L.A., Brazhnikov D.A. [i dr.] *Pravovye osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Legal basis for operational and investigative activities]. Tyumen, 2012. 151 p.
2. Baklanov L.A. *Sovershenstvovanie usloviy provedeniya glasnogo obsledovaniya pomeshcheniy, zdaniy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv* [Improving the conditions of vowel inspection of premises, buildings, terrain and vehicles]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* – Scientific Herald of Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia, 2012, no. 2, pp. 100-103.
3. Chernikov V.V. *Pravovoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennikh del i Zakon RF "O militsii"* [Legal support of the Ministry of Interior and Federal Law "On Militia"]. *Zakon RF "O militsii" i sovershenstvovanie operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti militsii respublik* [Federal Law "On Militia" and the improvement of the operational activity of militia republics]. Omsk, 1992.
4. Min'kovskiy G.M. *Kriminal'naya militsiya (politsiya): problemy organizatsii, funktsiy, sodержaniya i form deyatel'nosti* [Criminal militia (police): problems of organization, functions, content and forms of activity]. Moscow, Academy of the Ministry of Interior of the USSR, 1991.
5. Alekseev S.S. *Pravovoe gosudarstvo – sud'ba sotsializma. Nauchno-publitsisticheskiy ocherk* [The rule of law – the fate of socialism. Scientific and journalistic essays]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 175 p.
6. Fatkullin F.N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Kazan, Kazan University, 1987.
7. Muratova N.G. *Tvorcheskoe nasledie professora F.N.Fatkullina* [The artistic heritage of Professor F.N. Fatkullina]. *Shkola professora Fatkullina* [School professor Fatkullina]. Kazan, Fen Publ., 2009.
8. Lapin B.N. *O problemakh mezhgosudarstvennoy integratsii grazhdansko-protseessual'nogo zakonodatel'stva* [On the problems of interstate integration of civil procedural law]. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsessa* [Actual problems of international civil procedure]. St. Petersburg, 2002.

ХИСАМОВА З.И., alise89@inbox.ru	KHISAMOVA Z.I., alise89@inbox.ru
Научно-исследовательский отдел; Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 350005, г. Краснодар, Ярославская, 128	Research Department; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yaroslavskaia St. 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Реферат. Сокращение доли традиционных банковских операций наряду с увеличением новых электронных расчетно-банковских услуг привело в последние годы к появлению и неуклонному росту преступлений в банковской сфере, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, что составляет наибольшую часть преступлений в сфере высоких технологий. В 2014 году ущерб от интернет-мошенничества составил 426 млн долларов, из них 289 млн долларов приходится на мошенничество через системы дистанционного банковского обслуживания, 59 млн долларов – на фишинг, 50 млн долларов – на мошенничество с электронными деньгами, 28 млн долларов – на хищение электронных денег. В прошлом году треть финансовых компаний в России столкнулась с утечкой важных данных, связанных с осуществлением денежных операций, среди которых можно назвать такие, как «QIWI», «Почта России», «Московская Биржа ММВБ-РТС». Проанализировано действующее уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за посягательства с использованием электронно-коммуникационных технологий, в том числе электронных средств платежа, в банковской деятельности и в сфере экономики. Критикуется подход законодателя к криминализации деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, исследуются проблемы квалификации рассматриваемых деяний по существующим составам Уголовного кодекса Российской Федерации. Опираясь на проведенное исследование, автор обосновывает необходимость выделения самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, а также формулирует предложения по изменению законодательства. Предлагается принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего правила квалификации деяний, подчеркивается необходимость подготовки и повышения квалификации специалистов для противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: преступления, посягающие на информационную безопасность в сфере экономики и банковской деятельности, электронные средства платежа.

CLASSIFICATION OF INFRINGEMENTS COMMITTED THROUGH THE USE OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Abstract. Decrease in providing traditional banking operations along with increase in new electronic payment services in recent years have led to the steady rise in crimes in banking sphere, committed through the use of information communication technologies (they make up the major part of cybercrimes). In 2014 the Internet fraud loss totaled \$426 million: fraud, committed through distant banking service systems, caused \$289 million in damage, phishing loss made up \$59 million, loss on electronic money fraud - \$50 million, damage from electronic money theft - \$28 million. Last year one third of the Russian financial companies (e.g. "QIWI", "Russian Post", "Moscow Exchange MICEX-RTS") faced leakage of important data relating to conducting of financial transactions. The effective criminal legislation, providing responsibility for infringements committed through the use of electronic communication technologies, including electronic means of payment, in banking and economic spheres, is analyzed. The legislative approach to criminalization of acts, committed by using of information communication technologies, is criticized. The issues of classifying the above-mentioned acts according to the existing corpora delicti of the RF Criminal Code are considered. The author proves the necessity to distinguish a separate object of criminal legal protection. Some proposals on amending the effective legislation are made. It is proposed to adopt the provisions of the RF Supreme Court Plenum, expounding the rules of classification of such acts. It is stated that training and advanced training of specialists in the sphere of counteraction to crimes, committed through the use of information communication technologies, are required.

Keywords: crimes infringing on information security in economic and banking spheres, electronic means of payment.

В начале XXI века стало очевидно, что дальнейшее развитие процессов финансовой глобализации будет невозможно представить без информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Проникнув во все сферы жизни современного общества, они являются их неотъемлемой составляющей и охватывают все ресурсы, обеспечивающие управление информацией, такие как компьютеры, телекоммуникационные сети, программное оборудование и обеспечение. Динамичное развитие электронных систем и коммуникаций и их повсеместное внедрение способствовало увеличению количества совершаемых в указанных сферах преступлений. При этом большая часть посягательств совершается в сфере дистанционного банковского обслуживания и электронной коммерции, что напрямую влияет на устойчивость экономики государства.

В международной и отечественной уголовно-правовой теории нет единого мнения по поводу употребления терминологии для описания преступности в сфере высоких технологий, а также содержания ее структуры.

Ряд авторов отдают предпочтение термину «киберпреступность», другие считают более корректным употребление термина «преступления в сфере компьютерной информации» [1; 2, с. 27], третьи объединяют преступления в сфере высоких технологий в понятие «преступления в сфере электронной коммерции» [3].

Проанализировав действующее законодательство и экономико-правовые реалии, мы пришли к выводу о том, что целесообразно использовать понятие «преступления, совершаемые в сфере использования информационно-коммуникационных технологий» для описания совокупности всех преступлений в сфере высоких технологий. При этом в зависимости от сфер совершения преступлений, в которых используются информационно-коммуникационные технологии, можно выделить следующие группы:

— преступления, совершаемые в сфере дистанционного банковского обслуживания и электронной коммерции, которые, используя специализированную терминологию, можно обозначить как преступле-

ния, совершаемые с использованием электронных средств платежа;

— преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий и установленного законом порядка их оборота;

— иные преступления, совершаемые в сфере информационно-коммуникационных технологий, при совершении которых использование информационно-коммуникационных технологий не является обязательным признаком объективной стороны, так называемые «традиционные» преступления.

Необходимо отметить, что преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа, составляют основной массив IT-преступлений. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. N 161-ФЗ «О национальной платежной системе»* под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. По данным Бюро специальных технических мероприятий МВД России, количество преступлений в сфере высоких технологий в России в 2013 году увеличилось на 8,6 % и составило более 11 тысяч. В качественном соотношении показатели следующие: 37 % приходится на мошенничество, 19 % — на неправомерный доступ к информации с целью хищения денежных средств, 16 % — на распространение детской порнографии и по 8 % от всех совершенных за этот период IT-преступлений приходится на нарушение авторских и смежных прав и распространение вредоносных программ [4]. Согласно отчету Банка России за 2014 год [5] российскими кредитными организациями зафиксировано 4,89 тыс. случаев несанкционированных операций посредством систем дистанционного банковского

* Рос. газ. 2011. 30 июня.

обслуживания, использование 70 тыс. платежных карт для проведения несанкционированных операций.

По данным финансово-аналитической группы Group-IB*, в качественном соотношении за 2014 год [6] 426 млн долларов США пришлось на интернет-мошенничество, существенная часть которого (на сумму 289 млн долларов США) совершена через системы дистанционного банковского обслуживания, 59 млн долларов США приходится на фишинг, 50 млн долларов США на мошенничество с электронными деньгами, 28 млн долларов США – на хищение электронных денег. Общий объем денежных средств, украденных при мошенничестве с платежными картами в России, составил порядка 680 млн долларов США. Как утверждают эксперты, рост уровня преступности в этой сфере пропорционален росту оборота денежных средств, проходящих через электронные платежные системы.

Дискуссия о хищениях с использованием электронных средств платежа длится в научных кругах достаточно давно. Неоднократно высказывались мнения и о включении дополнительных соответствующих статей в УК РФ. На сегодняшний день основными нормами отечественного уголовного законодательства, ориентированными на противодействие посягательствам, совершаемым с использованием электронных средств платежа, являются нормы, содержащиеся в ст.ст. 158, 159.3, 159.6 УК РФ, то есть деяния квалифицируются как различные виды хищений. Однако специфика безналичных денег, электронных денег, систем электронных платежей и электронных коммуникаций диктует необходимость выделения дополнительного объекта преступного посягательства – информационной безопасности, которой при совершении вышеназванных преступлений также причиняется ущерб.

Длительное время правоприменительная практика шла по пути квалификации рассматриваемых деяний по совокупности составов за хищения и норм главы 28 УК РФ. Данная позиция отчасти была

* Group-IB – первая российская компания, которая комплексно занимается расследованием IT-инцидентов и нарушений информационной безопасности.

закреплена и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в п. 12 которого указывается на необходимость квалификации по совокупности ст. 159 УК РФ и ст.ст. 272, 273 УК РФ.

Однако впоследствии Верховный Суд РФ выступил с законодательной инициативой, предложив внести изменения в уголовный закон**. В письме Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2012 г. N 2-ВС-2733/12 «О проекте Федерального закона N 53700-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации”» говорится следующее: «...конкретизация в УК РФ составов мошенничества, в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются, должна уменьшить число ошибок и злоупотреблений при возбуждении уголовных дел о мошенничестве, способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений».

В итоге Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты»*** было введено 6 составов мошенничества, среди которых и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: ст. 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт» и ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Мы, как и ряд других исследователей преступности в сфере высоких технологий, придерживаемся мнения о том, что введенные нормы не только не решают существующих проблем, но и порождают ряд новых.

Обращает на себя внимание непосредственный подход законодателя к

** См.: паспорт проекта Федерального закона N 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Рос. газ. 2012. 3 дек.

криминализации деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Как справедливо отмечает А.И. Парог, «изменения в Уголовный кодекс носят блоковый характер: законодатель реформирует какую-то одну норму или несколько взаимосвязанных норм, но не согласует их со смежными нормами, что нарушает принцип системности закона и его внутреннюю цельность» [7, с. 122; 8, с. 32].

Отсутствие системности в действиях законодателя привело к тому, что ст. 159.6, являющаяся специальной по отношению к ст. 159, конкурирует по основному составу (ч. 1 ст. 159.6) с основными составами ч. 1 ст. 272 и ч. 1 ст. 273 УК РФ. Особенно остро это противоречие проявляется при неоконченном преступлении, когда установить умысел на хищение чужого имущества достаточно сложно. Конкурируют между собой и квалифицирующие признаки указанных статей: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший указанные в законе последствия, причинивший крупный ущерб и совершенный из корыстной заинтересованности, идентичен по содержанию мошенничеству в сфере компьютерной информации, совершенному в крупном размере. По нашему мнению, ст. 159.6 является специальной по отношению к ст.ст. 272, 273 УК РФ, так как неправомерный доступ к компьютерной информации из корыстной заинтересованности представляет собой действия, направленные на хищение, то есть компьютерная информация выступает средством доступа к чужому имуществу, что охватывается объективной стороной ст. 159.6 УК РФ, в связи с чем дополнительной квалификации по ст.ст. 272, 273 УК РФ мошеннических действий в IT-сфере не требуется.

Кроме того, учитывая характер использования при совершении хищений информационно-коммуникационных технологий в целом и электронных средств платежа в частности, считаем целесообразным использовать при квалификации рассматриваемых посягательств расширенное толкование мошенничества в сфере компьютерной информации и квалифицировать по данной норме все случаи мошенничества в сети Интернет, совершаемые со всеми видами вмешательств

в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, в том числе и случаи неправомерного доступа и использования систем дистанционного банковского обслуживания, электронных кошельков и реквизитов платежных карт. Такое понимание мошенничества в сфере компьютерной информации, на наш взгляд, позволит сделать данную норму универсальной и применимой ко всем видам корыстных посягательств в IT-сфере. В свете вышеописанной позиции считаем также целесообразным исключить из статьи 272 УК РФ часть вторую, предусматривающую ответственность за неправомерный доступ, причинивший крупный ущерб либо совершенный из корыстной заинтересованности.

Правоохранительные органы также нередко сталкиваются со случаями совершения преступлений путем использования нескольких разновидностей информационно-коммуникационных технологий: возможностей сети Интернет с созданием и распространением вредоносных программ, влекущих неправомерный доступ к компьютерной информации, которая впоследствии необходима для создания поддельной (подложной) карты, используемой через систему АТМ-банкинга либо для осуществления платежей с использованием online-банкинга. Очевидно, что деяния должны быть квалифицированы по совокупности различных составов УК РФ. Если с квалификацией действий злоумышленников по использованию вредоносных программ и неправомерному доступу ситуация более или менее ясная, то как быть с изготовлением подложной карты и использованием ее реквизитов?

Долгое время однозначного ответа на данный вопрос не было. Кроме того, эксперты и аналитики были едины во мнении, что конструкция статьи 187 УК РФ неэффективна. Но законодатель длительное время не предпринимал никаких мер в данном направлении. Наконец, 8 июня 2015 г. был принят Федеральный закон N 153-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса РФ», вступивший в силу 19 июня 2015 г. Данным законом изменены название ст. 187 УК РФ и диспозиция, в то время как санкция осталась прежней. Так, в статью включен

ряд противоправных и альтернативных действий со средствами платежа, такими как приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а статья получила название «Неправомерный оборот средств платежей». Правоприменительная практика покажет, насколько эффективным будет данное нововведение при привлечении злоумышленников за преступления с использованием электронных средств платежа.

Относительно ситуации, связанной с использованием подложной карты для оплаты товаров в торговых и иных организациях, следует отметить, что законодателем указанные неправомерные действия криминализованы в рамках ст. 159.3 УК РФ. Однако под объективную сторону рассматриваемой статьи подпадает мошенничество конкретно указанным способом – путем обмана сотрудника кредитной, торговой или иной организации в подлинности карты и ее принадлежности. Другими словами, под уголовно-правовой запрет подпадают действия, характеризующиеся сознательным сообщением заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений работнику банка, например оператору, либо сотруднику магазина, например кассиру. Иные виды незаконных действий по использованию платежной карты под действие данной нормы не подпадают и, по нашему мнению, должны быть

квалифицированы либо по ст. 158 УК РФ – при использовании банкомата (в соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»), либо по статье 159.6 УК РФ – при использовании иных видов информационно-коммуникационных технологий.

В заключение отметим, что повсеместный переход на Российскую национальную систему платежных карт и планы по ограничению наличных платежей суммой в 600 000 рублей обуславливают необходимость скорейшего реагирования на криминальные инциденты в данной сфере. На наш взгляд, преодолеть трудности уголовно-правовой оценки можно путем принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего применение и правила квалификации деяний по вышеописанным составам. Особое место в вопросе противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, занимает также система подготовки кадров правоохранительных органов. Сегодня уровень подготовки лиц, осуществляющих раскрытие и расследование рассматриваемых деяний, недостаточен, поэтому требуется регулярное повышение их квалификации.

Список литературы

1. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере информации. М., 1998.
2. Завидов Б.Д. Сфера высоких технологий как мошенничество и как спорные объекты интеллектуальной собственности, находящиеся вне правового поля (фрикерство, хакерство и радиопиратство). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции. М.; Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2014.
4. Киберпреступность в России. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 3 марта 2015 г.).
5. Обзор Центробанка РФ о несанкционированных переводах денежных средств. Июнь 2015 г. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 3 марта 2015 г.).
6. Отчет GROUP-IB: тенденции развития преступлений в области высоких технологий 2014 г. URL: <http://www.group-ib.ru/> (дата обращения: 3 марта 2015 г.).
7. Парог А.И. К новой редакции Уголовного кодекса // LexRussica (научные труды МГЮА). 2006. N 6.
8. Парог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. N 1.

References

1. Krylov V.V. *Rassledovanie prestupleniy v sfere informatsii* [Investigation of crimes in the field of information]. Moscow, 1998.
2. Zavidov B.D. *Sfera vysokikh tekhnologiy kak moshennichestvo i kak spornye ob'ekty intellektual'noy sobstvennosti, nakhodyashchiesya vne pravovogo polya (frikerstvo, khakerstvo i radiopiratstvo)* [Sphere of high-tech as swindle

and as debatable objects of intellectual property, being out of the legal field (fricking, hacking and radiopiracy)]. Access from the reference and legal system "Consultant Plus".

3. Chuprova A.Yu. *Ugolovno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya otnosheniy v sfere elektronnoy kommertsii* [Criminal law mechanisms of adjusting of relations in the field of electronic commerce]. Moscow; Nizhniy Novgorod, Publishing Nizhny Novgorod State University, 2014.

4. *Kiberprestupnost' v Rossii* [Cybercrime in Russia]. Available at: <http://www.tadviser.ru/index.php> (Accessed 1 March 2015).

5. *Obzor Tsentrobanka RF o nesanktsionirovannykh perevodakh denezhnykh sredstv. Iyun' 2015 g.* [Review of central Bank of Russian Federation about the unauthorized transfers of money costs. June 2015]. Available at: <http://www.cbr.ru> (Accessed 3 March 2015).

6. *Otchet GROUP-IB: tendentsii razvitiya prestupleniy v oblasti vysokikh tekhnologiy 2014 g.* [Report GROUP-IB: development trends of crime in the area of high technologies 2014]. Available at: <http://www.group-ib.ru/> (Accessed 3 March 2015).

7. Rarog A.I. *K novoy redaktsii Ugolovnogo kodeksa* [About the new edition of the Criminal Code]. *LexRussica (nauchnye trudy MGYuA)* – LexRussica (scientific works MSLA), 2006, no. 6.

8. Rarog A.I. *Zakonodatel'nye ataki na ustoi ugolovnogo prava* [Legislative attack on the foundations of criminal law]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 2013, no. 1.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

<p>МАЛЫХИНА Н.И., кандидат юридических наук, доцент, nim1707@yandex.ru Кафедра криминалистики; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, Вольская, 1</p>	<p>MALYKHINA N.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, nim1707@yandex.ru Chair of criminalistics; Saratov State Law Academy, Volskaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation</p>
--	--

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Реферат. В настоящее время неразрешенность вопроса о соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступления» и «информационная модель преступления» порождает дискуссионность положений как самой криминалистической характеристики преступления, так и основанных на них иных научных исследований (например, вопросов построения модели лица, совершившего преступление), а также негативно влияет на эффективность использования имеющихся разработок в деятельности правоохранительных органов. В связи с этим целью исследования явилось рассмотрение научных взглядов на обозначенную проблематику, выявление причин возникновения дискуссий и разработка предложений по их устранению. Анализируя различные точки зрения по исследуемому вопросу, автор выделяет следующие основные причины разногласий: 1) неоднозначное толкование в научных исследованиях термина «модель»; 2) отсутствие учета исследователями типов моделей при разработке теоретических положений информационной модели криминального события. Обосновывая положение о том, что криминалистическая характеристика преступления является информационной моделью преступления, в статье указывается на необходимость при выработке ее положений разграничивать типы моделей (описательный и динамический). Отмечается, что данные описательной модели могут применяться в качестве исходных начал при разработке теоретических положений динамической информационной модели преступления, в процессе расследования криминального события указанные модели могут использоваться как в комплексе, так и независимо друг от друга. Формулируются определения понятий типов информационных моделей преступления, указываются особенности методологии их построения, излагаются представления автора о месте криминалистической характеристики преступления (с учетом типов моделей) в системе науки.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, информационная модель преступления, методология построения модели криминального события, частная криминалистическая теория, криминалистическая методика.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CRIME AND INFORMATION MODEL OF CRIME: CORRELATION OF THE CONCEPTS

Abstract. Today the unsolved issue of correlation of the concepts "criminalistic characteristic of crime" and "information model of crime" causes the debatable propositions of the criminalistic characteristic of crime itself and other scientific researches based on them (e.g. issues of building the model of person committed a crime) and has negative influence on the efficiency of using the existing projects in the law enforcement bodies' activities. The study is aimed at considering scientific opinions on this range of problems, revealing the causes of arising discussions and elaborating proposals on their elimination. According to the analysis of different viewpoints of the considered issue the causes of difference of opinions are the following: 1) ambiguous interpretation of the term "model" in different scientific researches; 2) researchers do not take account of the model types when elaborating theoretical propositions of information model of criminal event. Criminalistic characteristic of crime is considered as information model of crime. The author proves the necessity to distinguish the model types (descriptive and dynamic) when elaborating its propositions. The data of the descriptive model can be used as initial concepts when elaborating theoretical propositions of the dynamic information model of crime. The above-mentioned models can be used jointly or independently during the criminal event investigation. The definitions of the concepts of types of information model of

crime are provided. The features of methodology of their building are noted. The author's opinion on the place of criminalistic characteristic of crime in the science system (considering the model types) is given.

Keywords: criminalistic characteristic of crime, information model of crime, methodology of building the model of criminal event, special criminalistic theory, criminalistic methods.

Различным аспектам проблем криминалистической характеристики преступления и информационной модели преступления посвящены работы Р.Л. Ахмедшина, О.Я. Баева, В.П. Бахина, Р.С. Белкина, Т.С. Волчецкой, А.Ю. Головина, Г.А. Густова, Л.Я. Драпкина, В.Ф. Ермоловича, В.Я. Колдина, О.А. Крестовникова, В.П. Лаврова, С.В. Лаврухина, Н.П. Яблокова и многих других.

Однако до настоящего времени в криминалистической науке не сформировалось единого представления о соотношении данных понятий. Отметим, что и концептуальная полемика по этому вопросу не нашла должного освещения в литературе. Вместе с тем неразрешенность данной проблемы порождает дискуссионность положений как самой криминалистической характеристики преступления, так и основанных на них иных научных исследований (например, вопросов построения модели лица, совершившего преступление), а также негативно влияет на эффективность использования имеющихся разработок в деятельности правоохранительных органов.

В связи с этим мы поставили цель – рассмотреть научные взгляды на исследуемую проблематику, выявить причины возникновения полемических суждений и разработать предложения по их устранению.

Анализ криминалистической литературы позволил выделить четыре основных точки зрения по данному вопросу.

1. Выработка понятия «криминалистическая характеристика преступления» без указания на ее разграничение либо отождествление с понятием «информационная модель преступления».

Обобщая данные научные воззрения и определяя их сущностное содержание, укажем, что под криминалистической характеристикой преступления ученые, как правило, понимают совокупность (систему) обобщенных данных об элементах криминального события, предназначенных для использования в расследовании преступлений [1, с. 18; 2, с. 451].

2. Отождествление криминалистической характеристики преступления с информационной моделью преступления. Данной

точки зрения придерживаются, например, С.В. Лаврухин [3, с. 69], В.Ф. Ермолович [4, с. 15], Н.П. Яблоков [5, с. 72] и другие. Рассматривая в подобной интерпретации криминалистическую характеристику преступления, Н.П. Яблоков уточнил, что сущность данного понятия не меняется в случае его определения (именования) типовой информационной моделью [5, с. 72].

3. Рассмотрение информационной модели преступления в качестве самостоятельной научной категории с указанием на нецелесообразность использования понятия «криминалистическая характеристика преступления». Так, Р.С. Белкин, анализируя проблемы криминалистической характеристики преступления, пришел к выводу о несостоятельности и ненужности данного понятия в науке, назвав данную характеристику криминалистическим фантомом [6, с. 220-224]. Поддерживая и развивая эту точку зрения, сторонники указанной позиции рассматривают криминалистическую характеристику лишь как «начальную эмпирическую форму обобщения следственной практики» [7, с. 97]. В свою очередь, под типовой информационной моделью преступной деятельности ученые понимают «информационную систему, построенную на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающей закономерные связи между элементами события преступления, используемую для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений» [7, с. 87].

4. Разграничение понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «информационная модель расследуемого события».

Т.С. Волчецкая, разделяющая данную точку зрения, приводит следующие аргументы:

– типовая криминалистическая характеристика есть результат исследования, которое проводится на типовой модели преступлений определенного вида;

– исследователь строит обобщенную типовую модель криминального события на основе обобщения представительного количества уголовных дел с учетом выявленных

им индивидуальных криминалистических характеристик; именно модель, а не типовую криминалистическую характеристику, в связи с тем, что для разработки достоверной, однозначно расцениваемой криминалистической характеристики с полученной информацией нужно провести ряд экспериментов (установление закономерностей и случайностей, определение корреляционных связей и т.д.), что с криминалистической характеристикой не производится;

– типовая криминалистическая характеристика является конечным продуктом модельного исследования, который используется следователем при построении индивидуальной информационной модели криминального события и работы с ней в процессе конкретного практического расследования [8, с. 136-137].

На наш взгляд, основные разногласия по указанной проблематике во многом обусловлены:

1) неоднозначным толкованием термина «модель» в научных исследованиях (в различных областях знаний);

2) отсутствием учета исследователями типов моделей при разработке теоретических положений информационной модели криминального события.

Так, под моделью (франц. «modele», от лат. «modulus» – мера, образец) понимают: «1) мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты; 2) формализованную теорию, на основе которой может быть сделан ряд предположений; 3) символическое изображение структуры, типа поведения и образцов взаимодействия в социальных процессах» [9, с. 188].

В философской литературе модель интерпретируется, например, как мысленно представляемая либо материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его таким образом, что ее изучение позволяет получить новую информацию о данном объекте [10, с. 19]. В логике модель определяется как «условный наглядный аналог (в виде образа, схемы, физической конструкции и т.п.), воспроизводящий в более простом, схематическом, уменьшенном виде структуру, свойства исследуемого объекта» [11, с. 205] и др. (Разноаспектное толкование указанного термина в указанных науках обусловило и

различную его интерпретацию в криминалистических научных исследованиях).

Обобщая вышеизложенные положения, полагаем возможным сформулировать определение понятия модели как материально или теоретически (идеально) созданной системы, предназначенной заменить или представить объект исследования в процессе познания.

По нашему мнению, выведение из понятийно-терминологического аппарата такой научной категории, как «криминалистическая характеристика преступления», является преждевременным и нецелесообразным. Правильная характеристика преступления является залогом успешного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Выделяют различные виды характеристик преступления: уголовно-правовую, криминологическую, криминалистическую и др. Их отличия заключаются в целях, содержании и объеме характеризующих данных, обусловленных их назначением. Учитывая, что данные характеристики представляют собой теоретически созданные системы знаний, которые позволяют представить объект исследования (а именно преступление) в процессе познания, они по праву относятся к идеальным информационным моделям.

Таким образом, формулируя общее понятие, отражающее его суть, криминалистическую характеристику преступления определим как информационную модель преступления, содержащую теоретически созданную систему знаний о закономерных взаимосвязях между элементами криминального события, которая позволяет представить объект исследования (преступление) в процессе расследования.

Разделяя мнение ученых второй группы по исследуемой проблематике, наряду с этим отметим, что в данных научных работах создание положений криминалистической характеристики преступления рассматривается в традиционном аспекте, а именно с позиции создания модели на основе изучения эмпирического материала. В то же время вне поля зрения авторов остались теоретические вопросы формирования информационной модели преступления, отражающей технологию установления взаимосвязей между элементами криминального события при расследовании уголовного дела. Однако если по смысловому содержанию рассматриваемые поня-

тия отождествляются, то, соответственно, и вопросы, касающиеся построения второй указанной модели, должны найти свое отражение в рамках криминалистической характеристики преступления.

В связи с этим, на наш взгляд, при разработке теоретических основ криминалистической характеристики преступления необходимо учитывать (разграничивать) типы моделей, а именно описательный и динамический.

Например, в теории принятия решений выделяются описательные (дескриптивные) и динамические модели. Дескриптивные модели предназначены для описания и объяснения наблюдаемых фактов или прогноза поведения объектов [12, с. 78]. Построение данных моделей основано на эмпирических наблюдениях, содержащих ограниченное количество элементов и объясняющих в упрощенной форме существование экономических соотношений в реальном мире. Такие модели создают основу для построения более сложных моделей [13, с. 46, 48]. В отличие от описательной, под динамической моделью понимают теоретическую конструкцию, которая описывает изменение (динамику) состояний объекта и может включать в себя описание этапов или диаграмму состояний подсистем [14, с. 283-392].

Представляется, что данные положения необходимо использовать и при разработке типов информационных моделей преступления (типов криминалистической характеристики преступления).

Определения типов информационных моделей преступления (в общем понимании), применяемых в криминалистике, можно сформулировать следующим образом:

1) описательная информационная модель преступления — теоретически созданная система (конструкция), содержащая описание характеристик элементов криминального события и их взаимосвязи между собой, основанная на эмпирических наблюдениях;

2) динамическая информационная модель преступления — теоретически созданная система (конструкция), содержащая описание элементов криминального события и технологии установления взаимосвязей между ними в процессе расследования преступления.

При выработке теоретических положений динамической информационной

модели преступления могут быть использованы в качестве исходных данных сведения, содержащиеся в описательной информационной модели преступления. При расследовании конкретного криминального события данные модели возможно использовать как самостоятельно (независимо друг от друга), так и в комплексе. По данному вопросу Л.И. Лопатников отмечает: «комплекс моделей — это совокупность моделей, предназначенных для решения одной сложной задачи, каждая из которых описывает ту или иную сторону моделируемого объекта либо процесса на своем соответствующем этой стороне “языке”. Если же модели связаны так, что результаты одних оказываются исходными данными для других и т.д. до получения общего результата, комплекс моделей обращается в систему моделей» [12, с. 147-148].

Анализ криминалистической литературы показывает, что наиболее разработанными в науке являются вопросы построения описательной информационной модели преступления (в рамках различных его родов, видов, групп).

Отдельные описательные модели преступления успешно используются в практической деятельности. В качестве примера укажем используемую в Нижегородской области компьютерную программу «ФОРВЕР», применяемую, в частности, при расследовании уголовных дел, предусмотренных статьей 105 и частью 4 статьи 111 УК РФ. Одним из важных целевых направлений использования данной программы является установление криминалистически значимых признаков вероятного преступника и определение круга подозреваемых в совершении расследуемого криминального события. В основе программы заложена система данных криминалистической характеристики преступления (модели описательного типа) [15, с. 242-246].

Вместе с тем в настоящее время теоретические вопросы технологии выявления взаимосвязей между элементами криминального события при расследовании уголовного дела в подавляющем большинстве базируются на эмпирических наблюдениях о данных взаимосвязях. Однако эти сведения не должны составлять теоретическую основу динамической модели. Как было указано ранее, данные описательной модели возможно использовать при ее построении лишь в качестве исходных данных.

Отсутствие четкого разграничения типов моделей при разработке, например, криминалистической характеристики отдельного вида преступления также обусловило возникновение такой ситуации, когда отдельные исследователи при формировании теоретических основ описательной модели преступления в ее содержание включают некоторые вопросы, относящиеся к построению динамической модели.

Несмотря на то, что по своим основным структурным элементам (компонентам) описательная и динамическая модели имеют сходство (предмет преступного посягательства; способ преступления; обстановка, следы криминального события; лицо, совершившее преступление; потерпевший и т.д.), для установления взаимосвязей между данными элементами используются различные методы, применение которых определяется содержанием данных моделей.

Основным методом, используемым при построении любой модели, является моделирование. Данный метод применяется в совокупности с иными методами, выбор которых определяется типом модели. Так, при построении описательной информационной модели преступления используются также методы, направленные на разработку описательной характеристики ее элементов и их взаимосвязей между собой (например, статистические методы в данном случае занимают центральное место в исследовании).

Основа же теоретических положений динамической модели базируется на применении методов, позволяющих разрешить вопрос о том, каким образом возможно установить данные взаимосвязи в расследовании уголовного дела. Комплекс методов, используемых при построении данного типа модели, намного шире и может включать в себя также, например, логические, психологические методы с целью изучения поведения лица, совершившего преступление, и, как следствие, установления его свойств, состояний, а также их взаимосвязи с иными компонентами модели (способом преступления, потерпевшим и т.д.).

Иными словами, если результат описательной модели строится исходя из характеристики факта, то динамическая модель определяется не фактом, а целью.

Определяя место криминалистической характеристики преступления в системе криминалистической науки, укажем, что общете-

оретические вопросы, на наш взгляд, должны разрабатываться в общей теории криминалистики как частная теория, подсистемами которой будут являться типы указанных моделей. В криминалистической методике данные положения будут являться основой для выработки криминалистической характеристики родов, видов, групп преступлений.

Говоря о криминалистической характеристике конкретного преступления, существование которой в некоторых работах ставится под сомнение либо небесспорно интерпретируется (в частности, отождествляется с информационной моделью расследованного преступления [4, с. 231]), отметим следующее. При разработке описательной модели, например, вида преступления сведения об элементах криминального события, полученные в ходе изучения конкретного уголовного дела, используются для формирования эмпирической базы, на основе которой с использованием соответствующих методов ученый выявляет взаимосвязи между указанными элементами и, соответственно, создает модель. Динамическая же модель конкретного преступления строится непосредственно в процессе расследования практическим работником.

Таким образом, в целях разрешения проблемы соотношения понятий «криминалистическая характеристика преступления» и «информационная модель преступления» мы предлагаем:

1) рассматривать криминалистическую характеристику преступления как информационную модель преступления, при разработке ее положений разграничивать описательные и динамические типы моделей;

2) применять данные описательной модели в качестве исходных начал при создании теоретических положений динамической информационной модели преступления; в процессе расследования криминального события указанные модели использовать как в комплексе, так и независимо друг от друга;

3) различать методологию построения информационных моделей преступления в зависимости от их типа;

4) учитывать типы моделей, а также уровень общности понятия «криминалистическая характеристика преступления» при определении ее места в системе науки.

Список литературы

1. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16-22.
2. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. М.: Юрист, 2003. 639 с.
3. Лаврухин С.В. Значение криминалистических характеристик преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 66-73.
4. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Мн.: Амалфея, 2001. 304 с.
5. Криминалистика: учебник: в 2 т. Т 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 511 с.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
7. Крестовников О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография / под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Юрлитинформ, 2013. 272 с.
8. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. Калининград: Янтарный сказ, 1997. 248 с.
9. Сарыбеков М.Н., Сыдыкназаров М.К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: учеб. пособие. Алматы: Триумф «Т», 2008. 504 с.
10. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.;Л.: Наука, 1966. 301 с.
11. Кондаков Н.И. Введение в логику. М.: Наука, 1967. 466 с.
12. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. 520 с.
13. Трофимова Л.А., Трофимов В.В. Управленческие решения (методы принятия и реализации): учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 190 с.
14. Неймарк Ю.И., Коган Н.Я., Савельев В.П. Динамические модели теории управления. М.: Наука, 1985. 400 с.
15. Толстолуцкий В.Ю., Казарян К.С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. N 2 (13). С. 242-246.

References

1. Bakhin V.P. *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kakelement rassledovaniya* [Forensic characterization of crimes as part of an investigation]. *Vestnik kriminalistiki* – Herald of criminalistics, 2000, edition 1, pp. 16-22.
2. Shurukhnov N.G. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Yurist Publ., 2003. 639 p.
3. Lavrukhin S.V. *Znachenie kriminalisticheskikh kharakteristik prestupleniy* [The value of criminalistical characteristics of crimes]. *Vestnik kriminalistiki* – Herald of criminalistics, 2009, edition 1 (29), pp. 66-73.
4. Ermolovich V.F. *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic characterization of crimes]. Minsk, Amalfeya Publ., 2001. 304 p.
5. *Kriminalistika. In 2 t. T. 1* [Forensics. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Ekzamen Publ, 2014. 511 p.
6. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya* [Criminalistics: problems of today]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 240 p.
7. Krestovnikov O.A. *Sistemno-deyatelnostnyy analiz metodologii kriminalistiki* [Systematic-activity analysis of the methodology of criminalistics]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2013. 272 p.
8. Volchetskaya T.S. *Kriminalisticheskaya situologiya* [criminalistical cituology]. Kaliningrad, Yantarnyy skaz Publ., 1997. 248 p.
9. Sarybekov M.N., Sydyknazarov M.K. *Slovar' nauki. Obshchenauchnye terminy i opredeleniya, naukovedcheskie ponyatiya i kategorii* [Dictionary of Science. General scientific terms and definitions, concepts and categories]. Almaty, Triumf "T" Publ., 2008. 504 p.
10. Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and Philosophy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 301 p.
11. Kondakov N.I. *Vvedenie v logiku* [Introduction to Logic]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 466 p.
12. Lopatnikov L.I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar': Slovar' sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [Economics and Mathematics Dictionary: Dictionary of modern economics]. Moscow, Delo Publ., 2003. 520 p.
13. Trofimova L.A., Trofimov V.V. *Upravlencheskie resheniya (metody prinyatiya i realizatsii)* [Management decisions (adoption and implementation of methods)]. St. Petersburg, 2011. 190 p.
14. Neymark Yu.I., Kogan N.Ya., Savel'ev V.P. *Dinamicheskie modeli teorii upravleniya* [Dynamic models of control theory]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 400 p.
15. Tolstolutskiy V.Yu., Kazaryan K.S. *Ispol'zovanie komp'yuternoy programmy "FORVER" v protsesse vzaimodeystviya sledovatelya i sotrudnikov organa, osushchestvlyayushchego operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [Using the computer program "FORVER" in the interaction of the investigator and employees of the authority conducting the operational-search activity]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia, 2010, no. 2 (13), pp. 242-246.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

КОЛОСОВИЧ М.С., кандидат юридических наук, доцент, 270619@mail.ru Адъюнктура (докторантура); Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130	KOLOSOVICH M.S., Candidate of Legal Sciences, associate professor, 270619@mail.ru Postgraduate courses (institution of doctoral candidacy); Volograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation
---	---

ПРОИЗВОДСТВО НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УПК РОССИИ, УКРАИНЫ, КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ

Реферат. Начало XXI века ознаменовано поисками способов оптимизации процедуры раскрытия и расследования преступлений. Разрешая обозначенную проблему, законодатели таких стран СНГ, как Украина, Казахстан и Киргизия, интегрировали оперативно-розыскную деятельность в уголовно-процессуальные кодексы, закрепив право следователя на производство негласных следственных действий. В работе раскрыто понятие негласных следственных действий названных стран, дана их классификация. Автор считает, что назрела необходимость в пересмотре современных отечественных правовых доктрин в сторону интеграции оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности и в законодательном закреплении полномочий следователя по производству негласных следственных действий, что способствовало бы эффективности расследования преступлений. При этом отмечается, что отечественный следователь уже осуществляет негласное производство по уголовному делу. Автор не умаляет значения гласности в деятельности следователя, но призывает не гипертрофировать ее в ущерб негласной деятельности. Негласные следственные действия дифференцированы автором на абсолютно негласные, относительно негласные и конфиденциальные. К абсолютно негласным отнесены наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; контроль и запись переговоров. К относительно негласным следственным действиям и решениям можно отнести обыск; выемку; наложение ареста на имущество; сохранение в тайне факта задержания подозреваемого. К конфиденциальным негласным следственным действиям относятся досудебное соглашение о сотрудничестве и меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: негласное производство, негласные следственные действия, секретность.

CONDUCTING OF UNDERCOVER INVESTIGATIVE ACTIONS ACCORDING TO THE CRIMINAL PROCEDURE CODES OF RUSSIA, UKRAINE, KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN

Abstract. The beginning of the 21st century marks the search for the ways of optimization of crime detection and crime investigation procedures. To solve this problem the legislators of such CIS countries as Ukraine, Kazakhstan and Kyrgyzstan have integrated the detective activities into their Criminal Procedure Codes fixing the investigator's right to conduct undercover investigative actions. The concept of undercover investigative actions used in the above-mentioned countries is considered. The classification of such actions is provided. The author proves the necessity to reconsider modern domestic legal doctrines in respect of the integration of detective and criminal procedural activities, and to fix the investigator's powers to conduct undercover investigative actions, which will favour the efficiency of crime investigation. It is noted that investigators of our country have already begun to conduct undercover criminal proceedings. The essence of undercover investigative actions and their classification are considered. The author does not depreciate the importance of publicity in the investigator's activities, but advises not to exaggerate it to the detriment of undercover activities. Undercover investigative actions are divided by the author into absolutely undercover, relatively undercover and confidential. Absolutely undercover actions imply arresting post-telegraph messages, their examination and seizure; receiving information on connections between subscribers or subscribers' devices; conversations recording and control. The relatively undercover actions imply search, seizure and providing cover for the fact of suspect's apprehension. The confidential actions imply prejudicial agreement on cooperation and measures of ensuring security of the criminal proceedings' participants.

Keywords: undercover proceedings, undercover investigative actions, secrecy.

На современном этапе построения в России правового государства, повышения уровня защиты прав и интересов личности, улучшения деятельности правоохранительных органов особое внимание уделяется вопросам совершенствования правовой регламентации оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Именно на данных стадиях закладывается доказательственная база по уголовному делу, на основе которой суд, установив обстоятельства совершенного преступления, принимает справедливое решение. Эффективность раскрытия и расследования преступления, реализация назначения уголовного судопроизводства во многом обусловлены соответствием уголовно-процессуальной доктрины и доктрины оперативно-розыскной деятельности современным общественным отношениям, качеством нормативной правовой регламентации деятельности следственных и оперативных подразделений.

В настоящее время уголовное судопроизводство характеризуется, с одной стороны, глубокой (а зачастую чрезмерной) детализацией порядка производства следственных мероприятий и необоснованной загруженностью процедуры продвижения уголовного дела по стадиям уголовного судопроизводства. С другой стороны, оно характеризуется недостаточной разработанностью и противоречивостью правовых норм, регламентирующих взаимодействие следственных и оперативных подразделений, порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности и использования ее результатов в доказывании, а также отсутствием нормативной регламентации негласной деятельности по уголовному делу.

Однако стремительно меняющиеся общественные отношения осложняют процессы устранения существующей неопределенности правового регулирования отдельных вопросов. В целях оптимизации раскрытия и расследования преступлений законодателем проделана беспрецедентная по своей интенсивности работа. Его стремление совершенствовать правовую базу в соответствии с изменяющимися общественными отношениями обусловило внесение 199 изменений в УПК РФ и 25

изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В указанных нормативных правовых актах законодатель попытался аккумулировать современные достижения юридических наук, положительный опыт зарубежных стран, учесть ряд практических рекомендаций и решений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации.

К сожалению, это не позволило кардинально разрешить фундаментальные проблемы уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, произошло лишь их купирование. Вопреки нормотворческой деятельности законодателя количество нераскрытых преступлений возросло.

Не разрешены и проблемы качества осуществляемого расследования. Так, в ходе судопроизводства по раскрытым преступлениям в 2008 г. судами вынесены оправдательные приговоры или прекращены дела по реабилитирующим основаниям (отсутствие состава, события, непричастность к преступлению) в отношении 31 717 подсудимых; в 2009 г. — 27 149; в 2010 г. — 28 163; в 2011 г. — 28 579; в 2012 г. — 20 796; в 2013 г. — 18 792; в 2014 г. — 16 471 подсудимых. Велико и количество дел, возвращаемых судами на дополнительное расследование: в 2008 г. — 25 343; в 2009 г. — 21 407; в 2010 г. — 17 812; в 2011 г. — 12 216; в 2012 г. — 10 044; в 2013 г. — 9 356; в 2014 г. — 9 817*.

Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод о нарастающем недовольстве процедурой уголовного судопроизводства и со стороны самих следователей. Так, 97 % респондентов** отметили дефицит правовых норм, регламентирующих вопросы взаимодействия следователей и сотрудников органа дознания, представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

* Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 5 апр. 2015 г.).

** Всего нами опрошено 215 следователей и руководителей следственных подразделений органов внутренних дел из 37 субъектов Российской Федерации.

Существующие же правовые нормы, по мнению 84 % опрошенных, недостаточно сбалансированы. На вопрос о том, какие меры будут способствовать устранению выявленных пробелов, 15 % опрошенных предложили наделить следователя правом производства оперативно-розыскных мероприятий, а 18 % – расширить их полномочия по производству следственных действий, предусмотренных статьями 185-186 УПК РФ (не уточнив при этом, как именно), 67 % респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

В настоящее время некоторыми учеными (С.И. Давыдов, В.Ф. Луговик, Н.В. Павличенко, А.Е. Чечетин, А.Ю. Шумилов) активно продвигается идея интеграции оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Отмечается перспективность направления по урегулированию рассматриваемой деятельности в контексте новых правовых тенденций, проявляющихся в одновременном доктринальном изменении оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, создании частной теории негласного раскрытия и расследования преступлений, необходимости разработки и принятия нового оперативно-розыскного закона и внесения соответствующих изменений в УПК РФ.

Новую остроту научной дискуссии придало принятие УПК Украины (2012 год), в соответствии с которым была закреплена разновидность следственных действий – негласные следственные (розыскные) действия, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ч. 1 ст. 246 УПК Украины). Условием производства негласных следственных (розыскных) действий является невозможность получить сведения о преступлении и лице, которое его совершило, другим способом (думается, процессуальным).

Процессуальным инструментом деятельности украинского следователя являются следственные (розыскные) действия, которые делятся на две группы. Первая группа закреплена в главе 20 и объединяет такие классические (традиционно применяемые и ранее закрепленные в УПК РСФСР) следственные действия, как допрос (ст. 224), предъявление для опознания (ст.ст. 228-230), обыск (ст. 234), осмотр (ст. 237); следственный эксперимент (ст. 240), осви-

детельствование лица (ст. 241), производство экспертизы (ст.ст. 242-244) и получение образцов для экспертизы (ст. 245).

Ко второй группе, закрепленной в главе 21, отнесены негласные следственные (розыскные) действия, которые законодатель разделил на две подгруппы: 1) вмешательство в частное общение и 2) другие виды негласных следственных (розыскных) действий. Под вмешательством в частное общение понимается аудио-, видеоконтроль лица (ст. 260), наложение ареста, осмотр и выемка корреспонденции (ст.ст. 261-262), снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей (ст. 263) и снятие информации с электронных информационных систем (ст. 264). Другими видами негласных следственных (розыскных) действий являются обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица (ст. 267), установление местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268), наблюдение за лицом, вещью или местом (ст. 269), аудио-, видеоконтроль места (ст. 270) и контроль за совершением преступления (ст. 271): контролируемая поставка; контролируемая и оперативная закупка; специальный следственный эксперимент; имитация обстановки преступления.

С 1 января 2015 г. начал действовать УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК), закрепив право следователя производить следственные действия, которые разделены на две группы: следственные действия (главы 26, 27, 29, 31, 32, 35) и негласные следственные действия (гл. 30).

К первой группе отнесены классические, хорошо известные нам следственные действия: допрос (ст.ст. 208-217), очная ставка (ст. 218), осмотр (ст.ст. 218-222), освидетельствование (ст. 223), опознание (ст.ст. 229-230), обыск (ст. 252), выемка (ст. 253), проверка и уточнение показаний на месте (ст. 257), следственный эксперимент (ст. 258) и судебная экспертиза (ст. 270).

Во вторую группу вошли: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (ст. 242), негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243), негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими

устройствами (ст. 244), негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (ст. 245), негласный контроль почтовых и иных отправлений (ст. 246), негласные проникновение и (или) обследование места (ст. 247), негласное наблюдение за лицом или местом (ст. 248), негласная контролируемая поставка (ст. 249), негласный контрольный закуп (ст. 250) и негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности (ст. 251).

Негласными следственными действиями законодатель Казахстана назвал действия, проводимые в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК (п. 12 ст. 7).

Законодатель Киргизии, отдавая должное последним правовым тенденциям Евразии, разработал проект УПК Кыргызской Республики (далее – проект УПК КР), предложив свою интерпретацию видов следственных действий. Следуя линии относительной унификации правовых систем мира, проект УПК КР в целом выдержан в традициях современных правообеспечительных тенденций Европы.

Коллектив разработчиков проекта постарался максимально гуманизировать уголовное судопроизводство Киргизии и сделать его предельно состязательным. В этих целях был изменен институт возбуждения уголовного дела; сбалансированы права стороны обвинения и стороны защиты, расширены полномочия защитника правом депонировать доказательства и инициировать на договорной основе производство экспертизы; введен институт процессуального соглашения, объединяющий в себе процессуальное сотрудничество, соглашение о признании вины и соглашение о примирении сторон; унифицированы органы дознания и следствия; расширены полномочия суда по контролю за деятельностью органов, осуществляющих досудебное производство; оперативно-розыскным действиям придана процессуальная форма и др.

Возвращаясь к теме нашего исследования, отметим, что в проекте УПК КР все следственные действия также разделены на две группы. К первой группе от-

несены следующие следственные действия (классические): осмотр (гл. 22), освидетельствование (ст. 174), судебная экспертиза (гл. 24), допрос (гл. 25), очная ставка (ст. 203), опознание (гл. 27), обыск (гл. 28), выемка (гл. 28), проверка и уточнение показаний на месте (ст. 216), следственный эксперимент (ст. 218).

Ко второй группе в главе 31 отнесены специальные следственные действия (иногда называвшиеся в проекте УПК негласными): наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка; прослушивание переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств; аудио-, видеоконтроль лица или места; наблюдение за лицом или местом; проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица; получение образцов для сравнительного исследования специальным способом. Заключение эксперта; специальный следственный эксперимент; внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности; контролируемая поставка; контрольный закуп.

При этом специальными следственными действиями названа разновидность следственных действий, сведения о (средствах) методах и технологиях проведения которых составляют государственную и служебную тайну, не подлежащую разглашению, и регламентированы ведомственными (государственными) нормативными актами специально уполномоченных на то органов. Эти действия проводятся лишь по решению суда на основании мотивированного ходатайства следователя (п. 45 ст. 5 проекта УПК КР).

Следует отметить очевидную схожесть систем следственных действий уголовного процесса Украины, Казахстана и Киргизии, закрепивших производство негласных следственных действий, общей характерной чертой которых является их производство без уведомления участника этих действий о самом факте производства, а также его методах и средствах.

Несмотря на то, что отечественные уголовно-процессуальные доктрины предписывают осуществлять расследование гласно, УПК РФ содержит ряд норм, закрепляющих действия следователя, сопряженные

с отсутствием осведомленности участников уголовного судопроизводства о них.

Выступая гарантом обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, гласность снижает коррупционные риски и риски, связанные с некомпетентностью следователя. Взаимодействие со средствами массовой информации также создает определенные гарантии соблюдения законности при осуществлении расследования по уголовному делу [1, с. 53].

Не умаляя значения гласности в деятельности следователя, призываем не гипертрофировать ее в ущерб негласной. Закрепление в УПК РФ полномочий следователя по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства (ст. 11), заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1), производство ранее не свойственных ему таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1), свидетельствует об этом.

В связи с этим деятельность отечественного следователя автор разделяет на

гласную и негласную. К гласной деятельности относятся: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, очная ставка, проверка показаний на месте, допрос и предъявление для опознания. При производстве названных следственных действий их участники уведомляются о дате, времени и месте их производства, им разъясняются права, обязанности и ответственность, представляются другие их участники, могут быть заявлены ходатайства и отводы, сделаны заявления и т.д.

Сущностью негласных следственных действий и решений является, по сути, их секретный и конфиденциальный характер, т.е. невозможность разглашения информации о них. Следователь вынужден в целях их эффективности и обеспечения безопасности участников предварительного расследования скрывать информацию о самом факте производства, а также методах, средствах и участниках этой деятельности (сотрудниках оперативных и оперативно-технических подразделений).

При этом негласные следственные действия и процессуальные решения дифференцируются на абсолютно негласные, относительно негласные и конфиденциальные (см. таблицу).

Таблица

Система следственных действий и решений по УПК РФ

Следственные действия				
Негласные			Гласные	
Абсолютно негласные	Относительно негласные	Конфиденциальные		
1. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка. 2. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	1. Обыск. 2. Выемка. 3. Наложение ареста на имущество. 4. Сохранение в тайне факта задержания подозреваемого	1. Досудебное соглашение о сотрудничестве	1. Осмотр. 2. Освидетельствование. 3. Следственный эксперимент. 4. Очная ставка. 5. Проверка показаний на месте	Иные процессуальные действия и решения
3. Контроль и запись переговоров		2. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства	6. Допрос. 7. Предъявление для опознания	

Раскрывая особенности предложенной классификации негласных следственных действий, заметим, что негласностью принято называть то, что не известно другим, не явно, тайно [2, с. 403], секретно, сохранено в тайне [3, с. 834]. В контексте предмета проводимого исследования этот термин наполняется вполне определенным смыслом и означает способ сокрытия информации от заинтересованных лиц, противодействующих расследованию преступлений [4, с. 89]. Основным признаком негласных следственных действий и решений является процессуально закрепленное право следователя осуществлять эти действия в закрытом от участников уголовного судопроизводства режиме.

К абсолютно негласным следственным действиям отнесены: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; контроль и запись переговоров. В целях внезапности, а значит, и результативности названных мероприятий согласительные процедуры о производстве этих действий проводятся в закрытом судебном заседании без участия лиц, на права и свободы которых может повлиять принимаемое решение. Участники предварительного расследования не уведомляются о дате, времени и месте их производства; им не разъясняются права, обязанности и ответственность; не рассматриваются отводы и ходатайства.

О самом факте и результатах производства абсолютно негласных следственных действий лица, чьи права и свободы были ограничены таким образом, уведомляются при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. При этом сведения о средствах и методах производства указанных мероприятий, а также об их исполнителях не подлежат разглашению даже после вступления в законную силу приговора суда, вынесенного по уголовному делу.

К относительно негласным следственным действиям и решениям относятся обыск, выемка, наложение ареста на имущество, сохранение в тайне факта задержания подозреваемого. Эффективность их производства также напрямую зависит от внезапности мероприятий. В связи с этим

информация о подготовке следственных действий, согласование их производства с руководителем следственного органа и судьей для других участников предварительного расследования остается секретной.

Само же производство этих следственных действий осуществляется гласно. Перед началом указанных действий участникам разъясняются права, обязанности и ответственность, они предупреждаются о применении технических средств, им представляются другие участвующие лица, рассматриваются ходатайства и отводы. Все участники знакомятся с протоколом следственного действия и имеют право внести дополнения и замечания в его содержание. Копия протокола вручается лицу, чьи права и свободы были ограничены.

По решению следователя остается в тайне и факт задержания подозреваемого, уведомление родственников которого с согласия прокурора может не производиться (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

К конфиденциальным негласным следственным действиям и решениям относится деятельность следователя по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства и досудебному соглашению о сотрудничестве.

Правовая природа конфиденциальных действий имеет существенное отличие от ранее названных негласных следственных действий. Термин «конфиденциальный», буквально означающий «секретный, доверительный» [2, с. 292; 5, с. 294], казалось бы, позволяет нам сделать вывод о его идентичности понятию «негласный». Действительно, в обоих случаях присутствует слово «секретность». Однако ставить знак равенства между ними преждевременно, т.к. кроме сохранности секретной информации, конфиденциальность предполагает еще и доверительность между участниками отношений.

Лицо доверяет следователю не только имеющую значение для уголовного дела доказательственную информацию о совершенном преступлении, но и свою жизнь и здоровье. Защищая доверившееся лицо, следователь обязан не только сохранить в тайне сведения о нем, но и осуществить расследование в режиме, препятствующем идентификации данного лица другими участниками уголовного судопроизводства.

В соответствии с УПК РФ следователь при наличии реальной угрозы жизни, здоровью и имуществу свидетеля или потерпевшего вправе применить в пределах своей компетенции следующие процессуальные меры безопасности: 1) не приводить данные о личности потерпевшего и свидетеля в материалах уголовного дела (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); 2) осуществить контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); 3) осуществить предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Сам факт применения следователем мер безопасности и информация о реальных данных участников программы государственной защиты остается тайной не только для участников уголовного судопроизводства, но и для сотрудников правоохранительных органов. Материалы уголовного дела, отражающие соответствующую информацию, помещаются в конверт, который подлежит опечатыванию. Аналогичный порядок хранения материалов уголовного дела предусмотрен и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ).

Усложняет ситуацию и то, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, зачастую осуществляет конфиденциальное сотрудничество с оперативно-розыскными органами. Соответственно, следователь должен учитывать, что информация о рассматриваемой категории лиц составляет не только тайну следствия, но и государственную тайну [6, с. 95-98; 7, с. 103-106; 8, с. 39; 9, с. 63; 10, с. 98-106]. Несохраниение в тайне конфиденциальной информации о конфиденте нарушает права и законные интересы последнего, что в последующем может повлечь начало процедуры восстановления нарушенных прав, а возможно, и процедуры реабилитации. К сожалению, правоведами неоднократно отмечалось несовершенство правовой регламентации восстановления нарушенных прав лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам [6, с. 58].

Подводя итог изложенному, автор делает вывод о том, что отечественный следователь, как и следователь Украины, Казахстана и Киргизии, осуществляет негласное производство по уголовному делу. Однако эта деятельность не имеет должной правовой регламентации и нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.

Список литературы

1. Дронова О.Б. Современные возможности реализации процесса взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений со средствами массовой информации в целях раскрытия и расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. Вып. 1 (12).
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А-ТЕМП, 2004.
3. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, Русский язык, 2000.
4. Павличенко Н.В., Самоделкин А.С. Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. Вып. 3 (22).
5. Новый юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2006.
6. Павличенко Н.В. Досудебное соглашение как основа смягчения ответственности за совершение преступлений лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Современное право. 2010. N 2.
7. Павличенко Н.В. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Современное право. 2009. N 8.
8. Павличенко Н.В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.
9. Павличенко Н.В., Давыдов С.И., Титов В.М. Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию: монография. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2008.
10. Замылин Е.И. Досудебное соглашение о сотрудничестве: вопросы остаются // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. Вып. 1 (12).

References

1. Dronova O.B. *Sovremennye vozmozhnosti realizatsii protsesssa vzaimodeystviya ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy so sredstvami massovoy informatsii v tselyakh raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Modern possibili-

ties of realization of the interaction between forensic units with the media for the purpose of disclosing and investigation of crimes]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2010, edition 1 (12)

2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Moscow, A-TEMP Publ., 2004.

3. Efremova T.F. *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New-sensible derivation Russian dictionary]. Moscow, Drofa: Russkiy yazyk Publ., 2000.

4. Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S. *Neglasnost' v operativno-razysknoy deyatel'nosti* [Behind the scenes in the operational-investigative activity]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2012, edition 3 (22).

5. *Novyy yuridicheskiy slovar'* [New Law Dictionary]. Moscow, Institute for New Economy, 2006.

6. Pavlichenko N.V. *Dosudebnoe soglasenie kak osnova smyagcheniya otvetstvennosti za sovershenie prestupleniy litsami, okazyvayushchimi sodeystvie organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [Pre-trial agreement as a basis for leniency for crimes committed by persons assisting the authorities carrying out operational investigative activities]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law, 2010, no. 2.

7. Pavlichenko N.V. *Pravovoy status lits, okazyvayushchikh sodeystvie organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [The legal status of persons assisting the bodies conducting operative investigation activity]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law, 2009, no. 8.

8. Pavlichenko N.V. *Konspiratsiya v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: voprosy teorii* [Conspiracy in the operational-search activity: questions of the theory]. Moscow, Publishing House of Shumilova I.I., 2008.

9. Pavlichenko N.V., Davydov S.I., Titov V.M. *Obespechenie bezopasnosti lits, sodeystvuyushchikh pravosudiyu* [Ensuring the safety of persons, Justice Assistance]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2008.

10. Zamylin E.I. *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: voprosy ostayutsya* [Pre-trial agreement on cooperation: questions remain]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2010, edition 1 (12).

ЮЛДОШЕВ Р.Р., YULDOSHEV R.R.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
reefat@yandex.ru reefat@yandex.ru
Организационно-научный Organizational research and editorial
и редакционно-издательский отдел; publishing department;
Академия Министерства внутренних Академия of the Ministry of the Interior
дел Республики Таджикистан, of the Republic of Tajikistan,
734024, Республика Таджикистан, Vose St. 123, Dushanbe, 734024,
г. Душанбе, Восе, 123 Republic of Tajikistan

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДАМИ ТАДЖИКИСТАНА ПОЛНОМОЧИЙ ПО ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: СТАТИСТИКА И ФАКТЫ

Реферат. Критикуется институт полномочий судов Республики Таджикистан по возбуждению уголовных дел. Приводятся множественные аргументы их нежелательности и даже вредности для достижения целей судопроизводства. Отсутствует четкий законодательный механизм реализации таких полномочий, что формирует противоречивую правоприменительную практику (по данным специально проведенного мониторинга, дела частного обвинения возбуждаются судьями, принимаются к собственному производству, ими же и рассматриваются по существу). Обосновывается коллизия между «обвинительными» полномочиями суда (возбуждение уголовных дел и разрешение реализации мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы подозреваемого, обвиняемого) и декларируемой состязательностью уголовного процесса в Республике Таджикистан. Такие полномочия несвойственны судам и формируют значительный обвинительный уклон, их реализация нивелирует иные полномочия, в том числе по реабилитации невиновного. Особенно это касается случаев, когда необходимо внутреннее убеждение и свободное усмотрение судьи. Приведены количественные данные (2011-2015 гг.), полученные в результате реализации этих полномочий. Показана противоречивость складывающейся в результате этого статистики: количество возбуждаемых судами уголовных дел год от году меняется, при этом дела о тяжких преступлениях ранее не возбуждались, а производство по ним не приостанавливалось; часть таких дел — дела частного обвинения, другая часть — частно-публичного и публичного обвинения. Резюмируется отрицательное влияние реализации названных полномочий, запутанность структуры и деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование. Выражается надежда, что учетно-регистрационная дисциплина стабилизирует колебания правоприменительной практики до устранения спорных полномочий органов государственной власти.

Ключевые слова: судебские полномочия, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, возбуждение уголовных дел, состязательность и равноправие сторон, статистические данные.

EXERCISING OF THE TAJIK COURTS' POWERS TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS: STATISTICS AND FACTS

Abstract. The institution of Tajik courts' powers to initiate criminal proceedings is criticized. It's argued that such powers are undesirable and harmful for achieving goals of legal proceedings. There is no efficient legislative mechanism of exercising these powers, which forms the contradictory law enforcement practice (according to the data of conducted monitoring, courts initiate cases of private prosecution, conduct proceedings and examine the cases). The collision of "prosecutive" powers of courts (to initiate criminal proceedings and permit to carry out actions, restricting the constitutional rights and freedoms of both suspected and accused persons) and competitiveness of criminal proceedings in Tajikistan is argued. Such powers are stated to be not incidental to courts; their exercising levels the other powers, including those associated with rehabilitation of innocents (especially in cases when judge's moral certainty and discretion are required). The quantitative data (for years 2011–2015), obtained when exercising these powers, are provided. The inconsistency of the relevant statistics is shown: the number of criminal cases initiated by courts changes each year; grave crimes cases were not initiated before and their proceedings were not suspended; some of these cases are cases of private prosecution and the others are cases of private-public and public prosecution. The negative influence of exercising of the considered powers, as well as tangled structure and activities of the bodies, conducting criminal prosecution, are stated. The author hopes that registration discipline will stabilize the fluctuations of law enforcement practice and eliminate the controversial powers of the public authorities.

Keywords: judiciary powers, Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, initiation of criminal cases, competitiveness and equality of the parties, statistics.

Анализируя различные аспекты уголовно-процессуальной деятельности, в том числе новации правоприменительной практики, невозможно не обратить внимание на деятельность суда (судьи), его роль и полномочия в рамках уголовного судопроизводства. Актуальной проблемой в советском и современном уголовном судопроизводстве является деятельность суда (судьи) по возбуждению уголовного дела.

В связи с принятием в 2009 г. УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) эта проблема, или – условно – новелла, приобрела совсем другой оттенок. Суды общей юрисдикции стали возбуждать уголовные дела, точнее, продолжили эту традицию, так как уголовно-процессуальный закон вновь наделил их таким правом, но только в исключительных случаях. Необходимо отметить, что возбуждение уголовного дела – это не что иное, как проявление функции уголовного преследования. Такое проявление должно быть отделено от функции разрешения уголовного дела (правосудия), так как данный постулат зиждется на ч. 2 ст. 20 УПК РТ, устанавливающей, что суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Следовательно, происходит полное смещение уголовно-процессуальных функций, которое противоречит истинно-состязательной модели уголовного судопроизводства. Рассмотрим данную и другие проблемы уголовно-процессуальной деятельности таджикского судебного корпуса подробнее.

Следует иметь в виду, что, наделив суд правом возбуждать уголовные дела и направлять их для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы (абз. 15 ст. 35 ч. 1 УПК РТ), таджикский законодатель в то же время не предусмотрел в УПК Республики Таджикистан конкретный механизм реализации этого права. В связи с этим многие суды и судьи либо произвольно применяют свое право возбуждать уголовные дела, либо используют порядок возбуждения уголовных дел судами (судьями), который был предусмотрен статьями 3, 103-111, 257, 258, ч. 2 ст. 263 УПК Таджикской ССР (в ред.

1961 г.). Необходимо отметить, что в связи с внесенными поправками, в ч. 1 абз. 15 ст. 35 УПК РТ вместо словосочетания «настоящим Кодексом» закреплено словосочетание «законодательством Республики Таджикистан»*.

По нашему мнению, таким образом законодатель решил исправить проблему, но что получилось в итоге? Расширив сферу судебных полномочий, законодатель вновь оставил этот вопрос нерешенным. Остается неясным, в соответствии с каким законодательством и на каких основаниях теперь суды будут возбуждать уголовные дела. Какие факторы побудили законодателя на столь ответственный шаг? Необходимо ли ждать соответствующих разъяснений?

Кроме того, считаем, что в Таджикистане не существует единой правоприменительной практики возбуждения уголовных дел судами и судьями, о чем свидетельствуют материалы специально проведенного мониторинга. В результате мониторинга было установлено, что судьи после рассмотрения заявлений о преступлениях частного обвинения выносят постановления о возбуждении уголовных дел и принимают данные дела к своему производству, после чего рассматривают их по существу [1, с. 18].

В Таджикистане начиная еще с советских времен и до сегодняшнего дня судьи возбуждают уголовные дела в отношении определенных лиц и даже заключают этих лиц под стражу. В данном контексте следует отметить мнение экс-генерального прокурора Республики Таджикистан, который в рамках обсуждения законопроекта о лишении некоторых депутатов статуса неприкосновенности в парламенте высказался в пользу того, что отныне по необходимости могут быть возбуждены уголовные дела со стороны соответствующих судебных органов и органов прокуратуры в отношении депутатов местных маджлисов. Далее он отметил, что принятие вышеназванных поправок соответствует главному принципу правосудия – «все равны перед законом» [2; 3].

* О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. N 1067 // АМО РТ. 2014. N 3. Ст. 142.

Для всестороннего и полного анализа обратимся к истории решения этого вопроса в правоохранительной практике Российской Федерации.

В УПК РФ отсутствует общая норма, регламентирующая порядок и основания направления судом в органы предварительного расследования сообщений об обнаружении преступлений. Однако данное обстоятельство не препятствует реализации судом соответствующих полномочий в уголовном процессе, поскольку само по себе сообщение органа правосудия правоохранительным органам об обнаружении признаков преступления не противоречит принципу состязательности [4, с. 98].

Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, в случаях, когда суд в процессе рассмотрения уголовного дела приходит к выводу о наличии фактических данных, свидетельствующих о признаках преступления, он должен, воздерживаясь от утверждений о достаточности оснований, подозревать конкретное лицо в совершении этого преступления, а также, воздерживаясь и от формулировки обвинения, направлять соответствующие материалы для проверки поводов и оснований к возбуждению уголовного дела в органы, осуществляющие уголовное преследование, которые обязаны в этих случаях немедленно реагировать на факты и обстоятельства, установленные судом, и принимать необходимые меры*.

Согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на

данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым.

По смыслу приведенной нормы полномочие суда сообщить об обнаружении признаков преступления может быть реализовано путем вынесения частного определения или постановления (поскольку перечень случаев вынесения данного процессуального акта оставлен законодателем открытым). Однако говорить об определенности в регламентации данного вопроса все же не приходится: в уголовно-процессуальном законодательстве имеется явный пробел, который следовало бы устранить. Было бы целесообразно дополнить статью 29 УПК Российской Федерации частью 5 следующего содержания: «В случае, если в ходе осуществления полномочий, предусмотренных настоящим Кодексом, суд обнаружит в действиях участников уголовного процесса или иного лица признаки преступления, суд сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия» [4, с. 97-99].

В советском уголовном процессе полномочием на возбуждение уголовного дела обладали прокурор, следователь, орган дознания и судья (ч. 1 ст. 112 УПК РСФСР). При этом суд, наряду с прокурором, следователем и органом дознания, наделялся комплексом полномочий, связанных с осуществлением уголовного преследования. Статья 3 УПК РСФСР гласила: «Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию».

УПК РСФСР устанавливал общий для всех органов уголовного судопроизводства порядок возбуждения уголовного дела, обязывая суд наравне с прокурором, следователем и органом дознания рассматривать поступившие заявления и сообщения о любом совершенном или подготавливаемом преступлении и выносить по этим заявлениям, а также в связи с непосредственным обнаружением им самим признаков преступления решение о возбуждении уголовного дела (ст.ст. 108-109 УПК РСФСР).

* По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 янв. 2000 г. N 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 5. Ст. 611.

Такая регламентация вступила в противоречие с принятой в 1993 г. Конституцией России, провозгласившей принцип состязательности и равноправия сторон, что обусловило необходимость пересмотра соответствующих положений уголовно-процессуального закона. Ключевую роль в определении направлений совершенствования правовых норм, регулирующих порядок возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, история отвела Конституционному Суду Российской Федерации. Правовые позиции, изложенные в его постановлениях и определениях, служили и продолжают служить ориентиром не только для законодателя, но также и для юридической науки и правоприменительной практики.

Одной из процедур, в рамках которой суд прежде реализовывал обязанность по возбуждению уголовных дел, являлась так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов (глава 34 УПК РСФСР). Судья рассматривал поступивший из органов дознания протокол об обстоятельствах совершенного преступления и, признав материалы достаточными для рассмотрения в судебном заседании, выносил постановление о возбуждении уголовного дела, избирал в необходимых случаях подсудимому меру пресечения, после чего разрешал уголовное дело по существу. При этом в постановлении о возбуждении уголовного дела судья излагал формулировку обвинения с указанием статьи уголовного закона, по которой возбуждалось уголовное дело (ч. 2 ст. 418 УПК РСФСР).

С запросом о проверке конституционности положений ст.ст. 418 и 419 УПК РСФСР в Конституционный Суд Российской Федерации обратился судья Каратузского районного суда Красноярского суда А.Г. Рылов, на рассмотрение которого поступили материалы о совершении гражданином В.Н. Будариним преступления, предусмотренного ст. 207 УК РСФСР.

Рассматривая данное дело, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что в соответствии с принципами разделения властей и осуществления правосудия только судом, с одной стороны, никакой иной орган, кроме суда, не может принимать на себя функцию отправления правосудия, а с другой — на

суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия.

Возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов — дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Суд же обязан проверять результаты их деятельности, объективно и беспристрастно решая вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений, а также рассматривая жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что с объективностью и беспристрастностью суда, который в качестве органа правосудия выносит приговор по делу, не согласуется наделение его в этом же процессе полномочиями возбуждать уголовное дело и формулировать по нему обвинение. Это противоречит конституционным положениям о независимом судебном контроле за обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве, закрепленным в ст. 18, ч. 1 ст. 46 и ст. 120 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием и каждому гарантируется их защита независимым судом.

Судья, возбудив в отношении конкретного лица уголовное дело и сформулировав обвинение, оказывается связанным такими своими решениями. Это затрудняет для судьи объективное исследование и правовую оценку в судебном заседании обстоятельств дела, тем более что вынесение оправдательного приговора или иного решения в пользу подсудимого может восприниматься как свидетельство ошибочности его прежних выводов по данному делу.

Как следствие, положение ч. 1 ст. 418 УПК РСФСР, наделяющее судью полномочиями возбуждать уголовное дело по подготовленным в протокольной форме материалам о преступлении или отказывать в его возбуждении, а также часть 2 статьи 418 УПК РСФСР, предусматривающая обязанность судьи изложить в постановлении о возбуждении уголовного дела формули-

ровку обвинения, были признаны не соответствующими Конституции России*.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал ключевую для реализации принципа состязательности сторон правовую позицию о том, что возбуждение уголовного дела как проявление функции уголовного преследования, которое должно осуществляться одной из сторон в состязательном процессе, а именно государственным обвинителем и (или) потерпевшим, не относится к судебной деятельности по осуществлению правосудия и не может быть возложено на суд.

Позднее Конституционный Суд России признал еще ряд норм УПК РСФСР, предусматривающих возбуждение судом уголовного дела, не соответствующими Конституции Российской Федерации**. Разрабатывая и принимая УПК Российской Федерации 2001 г., законодатель учел правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и не включил суд в число субъектов возбуждения уголовного дела.

Анализируя многие аспекты возбуждения уголовных дел судами, следует раскрыть также тот механизм, который был разработан авторами Модельного УПК для государств — участников СНГ и предусмотрен для использования в качестве «эталона» уголовно-процессуального законодательства. Для обоснования наших аргументов приведем некоторые его нормы.

Статья 44. Основания возбуждения производства по уголовному делу

<...>

2. Суд вправе возбудить производство по уголовному делу в случаях непосредственного обнаружения им деяния, являющегося признаками какого-либо из преступлений против правосудия (таковых составов — 6).

* По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 янв. 2000 г. N 1—П.

** По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 нояб. 1996 г. N 19—П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 50. Ст. 5679.

3. Суд оформляет возбуждение производства по уголовному делу об уголовном проступке по жалобе пострадавшего. Суд вправе также своей властью возбудить производство по уголовному делу в случаях, когда пострадавшему в этом отказано органом уголовного преследования или если копия соответствующего постановления не получена пострадавшим в течение месяца со дня подачи жалобы.

<...>

Приведенные судебские полномочия, подтверждаются его властными полномочиями, а именно:

Статья 67. Полномочия суда

<...>

2) рассмотрение уголовных дел по первой инстанции с постановлением приговора или принятием другого предусмотренного настоящим Кодексом решения;

<...>

Статья 334. Решения, принимаемые по жалобе

<...>

Мировой судья, получив законную жалобу, оформляет возбуждение уголовного дела краткой на ней резолюцией. В случае, если жалоба не соответствует требованиям закона, он возвращает ее заявителю. В случае, если жалоба содержит указание на совершение более тяжкого, чем уголовный проступок, преступления, мировой судья направляет ее по подследственности.

<...>

Статья 229. Отказ возбудить уголовное дело

<...>

5. По жалобе на отказ возбудить уголовное дело прокурор, суд или вышестоящий суд отменяет обжалуемое решение, возбуждает уголовное дело и направляет его следователю для производства предварительного следствия или в суд первой инстанции для судебного разбирательства либо подтверждает правильность отказа возбудить уголовное дело.

<...>

Статья 231. Направление уголовного дела после его возбуждения

После возбуждения уголовного дела:

1. Суд направляет уголовное дело прокурору для производства предварительного следствия...

Очевидно, что Модельный УПК для государств — участников СНГ предусматривает

смешанную модель уголовно-процессуального законодательства. Неординарность некоторых норм или их отдельных положений свидетельствует о допущении неточностей или о свободном варьировании при построении тех или иных институтов уголовно-процессуального права со стороны авторов-разработчиков. Все эти нюансы должны в полной мере учитываться законодателями государств – членов СНГ при разработке отечественного процессуального законодательства.

Наиболее оптимальный вариант решения, а если быть точнее, механизм недопущения слияния уголовно-процессуальных функций в руках одного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, разработан представителями нижегородской школы процессуалистов в форме Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России. Как правильно указано в названной модели, суд, обнаружив признаки преступления при рассмотрении судебного дела, обязан уведомить об этом прокурора (ч. 3 ст. 8.4) [5]. Помимо данной нормы, в указанном документе продекларированы другие корреспондирующие нормы-положения, которые в полной мере раскрывают механизм судейских полномочий в анализируемой области. К ним можно отнести следующие:

Статья 2.3. Состязательность. Разделение функций и власти

1. С момента, когда лицу становится известным о том, что оно подвергается уголовному преследованию, уголовное производство осуществляется на основе состязательности, что предполагает самостоятельное отстаивание стороной обвинения и стороной защиты своих правовых позиций, защиту своих прав, свобод и законных интересов способами, не противоречащими настоящему Кодексу.

2. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела (спора сторон) отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

3. Выполнение следователем, прокурором функции уголовного преследования не освобождает их от обязанности проводить расследование обстоятельств дела объективно и непредвзято.

4. Суд (следственный судья) не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или сто-

роне защиты. Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обязан создать сторонам равные реальные возможности для защиты своих прав и законных интересов, не отдавая предпочтения ни одной из них.

5. Активность суда (следственного судьи) в доказывании носит вспомогательный характер и ограничивается разрешением вопросов, имеющих существенное значение для вынесения правильного решения, оставшихся без надлежащего ответа сторон. Суду запрещается самостоятельно заниматься сбором и исследованием доказательств, подтверждающих обвинение или способствующих защите. Судья (следственный судья) вправе после сторон задавать уточняющие вопросы, совершать процессуальные действия, направленные на дополнительное выяснение уже исследованных обстоятельств дела, если это необходимо для обеспечения справедливого, законного и обоснованного разрешения отдельного вопроса или дела по существу и не связано с устранением сомнений в виновности обвиняемого.

6. Следственный судья, реализуя свои полномочия в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, исследует тот предмет и решает только те вопросы, которые были вынесены на его рассмотрение сторонами. Выводы следственного судьи об обстоятельствах, бывших предметом его исследования, не имеют преюдициального значения для суда, рассматривающего дело по существу...

Статья 2.4. Диспозитивность и равенство сторон в уголовном процессе

1. Стороны обвинения и защиты равноправны. Каждая из сторон в ходе судебного производства вправе в порядке, установленном настоящим Кодексом, собирать, истребовать через следственного судью, представлять и исследовать в суде предметы, документы, иные доказательства, заявлять ходатайства, жалобы, а также реализовывать другие процессуальные права, предусмотренные настоящим Кодексом.

2. Стороны уголовного производства свободны в использовании своих прав в пределах и способами, предусмотренными настоящим Кодексом.

3. Собираение и представление доказательств суду, следственному судье относится к компетенции сторон. Стороны свободны в предоставлении суду своих доказательств, а также в доказывании перед

судом обоснованности и убедительности своих утверждений...

Статья 2.10. Презумпция невиновности <...>

5. Суд, следственный судья обязаны создать условия для всестороннего, полного исследования обстоятельств дела сторонами, обеспечить принятие законных, обоснованных и непредвзятых процессуальных решений. Судья обязан беспристрастно исследовать обстоятельства уголовного дела, выявлять обстоятельства, как изобличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие его наказание, давать им надлежащую правовую оценку...

Резюмируя изложенное, следует признать и тот факт, что авторы-разработчики Доктринальной модели предлагают механизм, созданный и усовершенствованный до мелочей, согласованный и не требующий больших усилий для уяснения текста закона простым обывателем. Сконцентрировав все свои усилия на главном аспекте уголовно-процессуальной деятельности, авторы не допустили смешения уголовно-процессуальных функций, что свидетельствует о грамотном изложении процессуального текста и их дальновидности.

Как нам представляется, в Таджикистане из-за сильного лоббирования данный вопрос в настоящее время не находит своего места в «повестке дня» законотворческой деятельности парламентариев, чтобы быть окончательно разрешенным.

Особо следует заострить внимание читателя на том, что правоприменитель (ряд должностных лиц органов государственной власти) признает такие полномочия органов суда и даже в некоторых случаях их приветствует. По нашему мнению, в настоящее время в определении и конкретизации данных судебных полномочий создалась хаотичная ситуация, требующая своего решения.

В УПК РТ предусмотрено право суда возбуждать уголовные дела и принимать решения на стадии предварительного расследования по ограничению конституционных прав и свобод участников досудебного производства*. В данном случае

* О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 3 дек. 2009 г. N 564: ред. от 27 нояб. 2014 г. // АМО РТ. 2009. N 12 (1409). Ст. 816.

имеется в виду, что частью 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан суд наделен обширными уголовно-процессуальными полномочиями влиять на ход и результаты досудебного производства посредством реализации принадлежащего ему с советских времен права возбуждать уголовные дела [1] и посредством своих новых исключительных прав:

– разрешать производство ареста лица, заключение лица под домашний арест и продление срока ареста;

– разрешать помещение подозреваемого и обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;

– разрешать производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;

– разрешать обыск жилья;

– разрешать наложение ареста на имущество;

– разрешать обыск, выемку предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках;

– разрешать наложение ареста на денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и кредитных организациях;

– разрешать наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи;

– принять решение о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со статьей 114 УПК Республики Таджикистан;

– разрешать прослушивание и запись телефонных и иных переговоров.

Анализ данного спорного полномочия суда дает основание полагать, что, сохранив за судом право возбуждать уголовные дела, законодатель тем самым возложил на суд функцию уголовного преследования, что противоречит ч. 2 ст. 20 УПК РТ, в которой закреплено, что «суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд обеспечивает сторонам условия для осуществления процессуальных прав и обязанностей». Следует заметить также, что предусмотренное абз. 15 ст. 35 УПК РТ законоположение о праве суда возбуждать уголовные дела

в случаях, предусмотренных данным УПК, на самом деле не обеспечено, поскольку в УПК Республики Таджикистан отсутствуют правовые нормы, регулирующие механизм принятия судом процессуальных решений о возбуждении уголовных дел и направления данных дел для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы.

Предоставлением суду полномочий по возбуждению уголовного дела игнорируется принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в ч. 2 ст. 88 Конституции Республики Таджикистан и ч. 2 ст. 20 УПК РТ. Часть 2 ст. 20 УПК РТ гласит, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты и обеспечивает стороны условиями для осуществления процессуальных прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве.

Применительно к уголовному процессу принцип состязательности означает, в частности, строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функций уголовного преследования и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников уголовного судопроизводства. Уголовный суд, по замыслу законодателя, должен был превратиться в беспристрастного арбитра в споре сторон при разрешении специфического правового конфликта.

Не следует забывать, что определяющее и решающее значение для всей системы уголовного процесса имеет принцип состязательности, поскольку им определяется положение субъектов процесса, их права и обязанности и взаимоотношения друг с другом и с судом. Состязательный процесс в своей основе есть процесс устный, гласный и непосредственный.

В заключение определим современное состояние, перспективы развития и решения анализируемой проблемы. Позиция законодателя, правоприменителя и научной общественности выглядит аморфной с учетом хаотичных решений законодательного корпуса. Освобождение судебных органов от несвойственных им в настоящее время (по сути и содержанию) обвинительных полномочий является решением данной проблемы, которое способно создать беспристрастный и независимый судебный корпус, призванный справедливо решать вопрос о виновности или невиновности лица, совершившего преступление, а в не-

которых случаях реабилитации невиновного и реализовывать другие судебные полномочия, не связанные с обвинением. Иногда обвинительный уклон в деятельности судов Таджикистана переходит все границы. В таких случаях усмотрение судьи (судей), его внутреннее убеждение и уровень квалификации должны играть главную роль в решении тех или иных проблемных вопросов. Следует также указать и на существующую проблему «телефонного права». Полагаем, что со временем законодатель все-таки будет следовать точным и неуклонным идеям, проводимым в рамках судебно-правовых реформ.

Сделанные нами выводы и предложения подтверждаются официальными статистическими данными. В 2011 г. судами Республики Таджикистан было возбуждено 96 уголовных дел, из них: по статье 116 УК Республики Таджикистан «Побои» – 22; по статье 135 «Клевета» – 22; по статье 136 «Оскорбление» – 4; по статье 392 «Халатное отношение к службе» – 44; по фактам совершения других преступлений – 4.

В 2012 г. судами Республики Таджикистан было возбуждено 82 уголовных дела, из них: по статье 116 УК Республики Таджикистан «Побои» – 12; по статье 135 «Клевета» – 23; по статье 136 «Оскорбление» – 4; по статье 392 «Халатное отношение к службе» – 39; по статье 375 «Дезертирство» – 2; по фактам совершения других преступлений – 2.

В 2013 г. судами Республики Таджикистан было возбуждено 65 уголовных дел, из них: по статье 116 УК Республики Таджикистан «Побои» – 22; по статье 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 31; по статье 247 «Мошенничество» – 2; по статье 375 «Дезертирство» – 1; по фактам совершения других преступлений – 9*.

Если сравнить с прошедшим отчетным периодом (2013 – 65; 2012 – 82), то спад количества зарегистрированных преступлений (20,7 %, или 17 преступлений) в основном связан с декриминализацией составов клеветы и оскорбления и их отнесением к категории гражданских деликтов**.

* Анализ и статистические данные по единому учету преступлений в Республике Таджикистан. Итоги 12 месяцев 2013 г. Душанбе: МВД Республики Таджикистан, 2014. С. 5.

** Там же. С. 3, 5.

В 2014 г. судами Республики Таджикистан было возбуждено 66 уголовных дел, из них: 3 – за совершение тяжких преступлений; по статье 116 УК Республики Таджикистан «Побои» – 28; по статье 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 33; по статье 323 «Служебный подлог» – 1; по статье 247 «Мошенничество» – 1; по статье 195 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, транспортировка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» – 1; по статье 200 «Незаконный оборот наркотических средств или психотропных средств с целью сбыта» – 1; по фактам совершения других преступлений – 1*.

За первое полугодие текущего года судебными органами Таджикистана было возбуждено 33 уголовных дела (за предыдущий отчетный период – лишь 40 уголовных дел). Из 33 возбужденных уголовных дел: по статье 116 УК Республики Таджикистан «Побои» – 17; по статье 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 15; по фактам совершения других преступлений – 1.

* Анализ и статистические данные по единому учету преступлений в Республике Таджикистан. Итоги 12 месяцев 2014 г. Душанбе: МВД Республики Таджикистан, 2014. С. 82.

Согласно статистическим данным, количество возбуждаемых судами уголовных дел из года в год меняется, производство этих уголовных дел не приостанавливалось, раньше не возбуждались уголовные дела по фактам совершения тяжких преступлений, а предпоследний отчетный период показал, что суды возбуждают уголовные дела и таких категорий. Также следует отметить, что частично это дела частного обвинения, частично – дела частного-публичного и публичного обвинения. В общем – несогласованность в судебной деятельности. Приведенные цифры и факты еще раз дополнительно свидетельствуют об отсутствии единообразной практики реализации исследуемых полномочий судебной власти, о смешанности уголовного судопроизводства, неясности в структуре, деятельности и процессуальных функциях органов, осуществляющих уголовное преследование.

Необходимо принятие комплекса решений с учетом переосмысления передового опыта и внедрения новых технологий в деятельность законодательных органов для устранения спорных полномочий органов государственной власти.

Список литературы

1. Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Душанбе, 2011.
2. Кассационная коллегия суда Согда снизила сумму ущерба по делу Радивиловского // Азия Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj> (дата обращения: 9 апр. 2015 г.);
3. В Таджикистане отменена неприкосновенность местных депутатов // Азия Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj> (дата обращения: 9 апр. 2015 г.).
4. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И.С. Дикарев. М.: Юрлитинформ, 2012. 408 с.
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации // МАСП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iaaj.net/node/1738> (дата обращения: 20 марта 2015 г.).

References

1. *Rezultaty monitoringa praktiki primenenija Uголовno-processual'nogo kodeksa Respubliki Tadzhikistan* [The results of monitoring the practice of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 2011.
2. *Kassatsionnaya kollegiya suda Sogda snizila summu ushcherba po delu Radivilovskogo* [The cassation court Sogd Collegium has reduced the amount of damages in the case Radivilovsky]. *Aziya Plyus* [Asia Plus]. Available at: <http://news.tj> (Accessed 9 April 2015).
3. *V Tadzhikistane otmenena neprikosnovennost' mestnykh deputatov* [In Tajikistan abolished the immunity of local deputies]. *Aziya Plyus* [Asia Plus]. Available at: <http://news.tj> (Accessed 9 April 2015).
4. *Sushchnost' i aktual'nye problemy stadii vobuzhdeniya ugovovnogo dela* [The nature and current problems of the stage of excitation of criminal case]. Moscow, YurLitinform Publ., 2012. 408 p.
5. *Doktrinal'naya model' ugovovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation]. *MASP* [MASP]. Available at: <http://www.iaaj.net/node/1738> (Accessed 20 March 2015).

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

РАВНЮШКИН А.В.,
кандидат исторических наук,
rav.kin@mail.ru

Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Барнаулский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, Чкалова, 49

RAVNYUSHKIN A.V.,
Candidate of Historical Sciences,
rav.kin@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of law enforcement bodies;
Barnaul Law Institute of
the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО СПОРАМ ОБ УВОЛЬНЕНИЯХ СО СЛУЖБЫ (ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ) В СВЯЗИ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРОСТУПКА, ПОРОЧАЩЕГО ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Реферат. Проанализированы проблемы формирования судебной практики, складывающейся при рассмотрении споров об увольнении со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел (в ситуации совершения преступления). Отмена Кодекса профессиональной этики не лишает возможности увольнять сотрудников органов внутренних дел по данному основанию. Изучение и обобщение судебной практики позволило утверждать, что таким проступком является недостойное поведение сотрудника во внеслужебное время, а не факт его привлечения к административной или уголовной ответственности. Соответственно, при увольнении состав порочащего проступка, совершенного сотрудником, не должен быть тождественен составу административного правонарушения или преступления. Законность и обоснованность увольнения не зависят от возможности последующего оправдания такого сотрудника или прекращения в отношении его уголовного преследования по реабилитирующему основанию, поскольку их основой служит предшествовавшая объективная оценка совершенного сотрудником проступка, не связанного с подозрением (обвинением) в совершении преступления. Проступком, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, судебная практика признает попытку сотрудника, совершившего преступление, избежать ответственности (недостойное, некорректное и агрессивное поведение, умаление авторитета ОВД, широкий общественный резонанс совершения преступления сотрудником). Констатируется, что возбуждение уголовного дела само по себе не является основанием увольнения сотрудника в связи с совершением проступка, порочащего его честь, так как преступность и виновность совершенного деяния устанавливаются вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, а не выводами служебной проверки.

Ключевые слова: служба; увольнение; проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел; споры по делам об увольнении сотрудников органов внутренних дел.

JUDICIAL PRACTICE CONCERNING DISPUTES OVER DISMISSAL FROM SERVICE FOR COMMITTING MISCONDUCT, TARNISHING REPUTATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICER (COMMISSION OF CRIME)

Abstract. The issues of forming of judicial practice when resolving disputes over dismissal from service for committing misconduct, tarnishing reputation of law enforcement officer (in case of committing a crime) are analyzed. Repeal of the Code of Professional Ethics does not deprive of the possibility to dismiss law enforcement officers on these grounds. Basing on the study and generalization of the judicial practice, such misconduct is considered as bad off-duty conduct of officers, but not as a fact of bringing them to administrative or criminal responsibility. The elements of committed misconduct in case of officer's dismissal should not be identical with the elements of administrative offence or elements of crimes. Legality and reasonableness of dismissal do not depend on the possibility to discharge such officer in future or to terminate criminal proceedings on the rehabilitative grounds, since they are based on previous objective assessment of the committed misconduct, being not connected with sus-

pecting in crime (or charging of crime). According to the judicial practice, misconduct, tarnishing reputation of law enforcement officer, is regarded as an attempt of the officer, having committed a crime, to escape responsibility (bad, inappropriate and aggressive conduct; depreciation of law enforcement bodies' authority; negative social reaction to officers' misconduct). It is stated that initiation of criminal proceedings is not considered as a ground to dismiss officers for committing misconduct, tarnishing their reputation, because criminal nature and guilt of the committed act are determined by the passed judgment of conviction, not by the materials of service inspection.

Keywords: service, dismissal; misconduct, tarnishing reputation of law enforcement officer; disputes over cases of law enforcement officers' dismissals.

Увольнение за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, предусмотрено п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. (далее – Федеральный закон N 342-ФЗ). В соответствии с данной нормой по указанному основанию контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел – увольнению со службы в органах внутренних дел.

Однако в настоящее время не существует нормативно утвержденного определения понятия «проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел». Приказом МВД России от 31 октября 2013 г. N 883 был признан утратившим силу приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. N 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации», который устанавливал профессионально-этические правила поведения сотрудника**. Данным приказом установлено, что до издания нового Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел в системе МВД России следует руководствоваться Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Однако в данном Типовом кодексе содержатся только общие принципы профессиональной служебной этики и основные правила служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности [1, с. 8]. Отсутствуют и какие-либо мнения ученых по этому поводу.

* Рос. газ. 2011. 7 дек.

** Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на это, проблема увольнения сотрудников из органов внутренних дел по данному основанию как в теории, так и на практике все же существует. Особенно актуальным является рассмотрение ситуаций, когда сотрудники подлежат увольнению за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, «при совершении преступления». Освещение в средствах массовой информации фактов совершения сотрудниками органов внутренних дел преступлений, как правило, приобретает резонансный характер. Такие сотрудники подлежат уголовной ответственности, а также увольнению со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

В подавляющем большинстве случаев при возникновении споров об увольнении сотрудников органов внутренних дел за нарушение норм профессиональной этики суды встают на сторону работодателя [2, с. 29]. Принимая решения о законности увольнений сотрудников, суды исходят из того, что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности***.

*** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серяпина Ивана Федоровича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 окт. 2013 г. N 1545-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Причиной увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, является проступок, умаляющий авторитет органов внутренних дел и противоречащий требованиям, предъявляемым к сотрудникам органов внутренних дел, независимо от того, предусмотрена ли за данное деяние административная либо уголовная ответственность*.

В связи с этим при толковании этических норм и правил, которыми обязаны руководствоваться сотрудники органов внутренних дел, чтобы не совершить порочащий проступок, возникают проблемы.

Рассмотрим практику увольнения сотрудников по данному основанию в случаях, когда ими были совершены деяния уголовно-правового характера.

Так, младший инспектор (по досмотру) группы по досмотру ЛОП в аэропорту Перми Пермского линейного управления МВД России уволен из органов внутренних дел по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона N 342-ФЗ в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. Основание увольнения — заключение служебной проверки. Проступок состоял в составлении протоколов об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) на иностранных граждан в их отсутствие; мотив проступка — желание не снижать показатели в работе по административной практике. Со слов сотрудника полиции, из-за большого потока иностранных граждан и незначительного времени до их вылета он делал копии паспортов и миграционных карт, после чего разъяснял данным гражданам, что в отношении их будут составлены протоколы о совершении административных правонарушений. После этого иностран-

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мингазутдинова Ильдара Галимзяновича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 г. N 1486-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные граждане могли пройти на посадку. Исходя из анализа собранных материалов служебной проверки, факты нарушений требований ст.ст. 28.2, 28.5 КоАП РФ (основания, порядок и сроки составления протокола об административном правонарушении), допущенные сотрудником ЛОП в аэропорту г. Перми Пермского ЛУ МВД России на транспорте, подтвердились.

Составление административных материалов в отсутствие иностранных граждан подпадает под признаки преступления, предусмотренные ст. 292 «Служебный подлог» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В соответствии с положениями ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» сотрудник был освобожден от уголовной ответственности. Несмотря на то, что п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона N 342-ФЗ предусматривает увольнение сотрудника органов внутренних дел со службы в случае прекращения в отношении его уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, младший инспектор был уволен за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. Бывший сотрудник обратился в суд с иском о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на службе в прежней должности. Исковое заявление судом удовлетворено не было. Как было указано в решении суда, вместо того чтобы заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности, он нанес ущерб своей репутации и авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти**.

Рассмотрим еще один пример. Сотрудниками ДПС ГИБДД УМВД России по г. Комсомольску-на-Амуре совместно с сотрудниками УСБ УМВД России по г. Комсомольску-на-Амуре был остановлен ав-

** Решение Дзержинского районного суда г. Перми от 18 окт. 2013 г. по делу N 2-2564/13 // Управление на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу: сайт. URL: https://uralfout.mvd.ru/Dejatelnost/pravo/sudebnja_praktika (дата обращения: 13 марта 2015 г.).

томобиль, в котором находился сотрудник полиции Б. В автомобиле были обнаружены банки с черной (осетровых пород рыб) и красной (лососевых пород рыб) икрой. По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» УК РФ, ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» УК РФ. В ходе служебной проверки от Б. первоначально и повторно были получены письменные объяснения, в которых он отрицал свою осведомленность о перевозке черной икры и подтвердил факт перевозки лососевой икры (согласно первоначальным объяснениям, по просьбе неизвестной женщины за определенную сумму денег, согласно повторным объяснениям, по просьбе неизвестного мужчины, сказавшего, что «по приезду сочтутся», не уточнив, как именно).

Вышеуказанные действия Б., а также его действия, выразившиеся в согласии на перевозку икры лососевых видов рыб, в его фактических действиях по перевозке икры осетровых и лососевых видов рыб, в неискренности при даче объяснений образуют нарушение по п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона N 342-ФЗ*. Как сотрудник органов внутренних дел Б. был обязан не совершать сделки и иные действия, не убедившись в их законности, не способствовать совершению преступления, как умышленного, так и по неосторожности, уметь предвидеть последствия своих поступков и действий, при выявлении признаков правонарушения (перевозки, оборота икры осетровых видов рыб) немедленно пресечь его и зарегистрировать сообщение о происшествии (преступлении); служить примером строгого и точного соблюдения требований законов и служебной дисциплины в профессиональной деятельности и частной жизни, оставаться при любых обстоятельствах честным и неподкупным; по взятым на себя обязательствам соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах

внутренних дел, установленные статьей 14 Федерального закона N 342-ФЗ.

Б. совершил проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, которым нарушил требования, предъявляемые к личным, нравственным качествам сотрудника, предписывающие безусловно выполнять закрепленные Присягой и законами обязанности, служить примером строгого и точного соблюдения требований законов в частной жизни, а также требования ч. 4 ст. 7 Федерального закона «О полиции», п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предписывающие в служебное и во внеслужебное время воздерживаться от любых действий, которые могут нанести ущерб авторитету полиции. В связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, Б. был уволен.

Следует отметить, что если в СМИ размещена достоверная негативная информация о деятельности сотрудников органов внутренних дел, отражающая халатность, злоупотребление или превышение ими полномочий, то они также подлежат увольнению по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона N 342-ФЗ.

Именно за упущения по службе, повлекшие утрату уголовных дел, был уволен со службы заместитель начальника одного из отделов МВД России по г. Москве — начальник следственного отделения П.Д.С. Основанием увольнения послужило утвержденное врио начальника ГСУ ГУ МВД России по г. Москве В.И.А. заключение по результатам служебной проверки, проведенной по указанию руководства ГСУ ГУ МВД России по г. Москве в связи с размещением на одном из телеканалов материала, из которого следует, что должностные лица следственного отдела одного из отделов МВД России по г. Москве совершают должностные преступления.

В ходе проведения проверки было установлено, что П.Д.С., занимая должность начальника следственного отделения Отдела МВД России по району г. Москвы, грубо пренебрег служебными обязанностями, а также процессуальными и моральными нормами, предъявляемыми к сотруднику органов внутренних дел, не обеспечил качественное и своевременное выполнение возложенных на него задач по руководс-

* Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 21 февр. 2014 г. по делу N 33-687/2014 // Хабаровский краевой суд: сайт. URL: http://kraevoy.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1492978&delo_id=5&new=&text_number=1&case_id=1284571 (дата обращения: 17 марта 2015 г.).

тву следственным подразделением, что повлекло за собой утрату уголовных дел и избежание уголовного наказания лицами, совершившими преступления, а также искажение статистической отчетности о результатах расследования уголовных дел. Тем самым он нарушил профессионально-этические требования, предъявляемые к руководителю, при выполнении служебных обязанностей, а равно совершил действия, которые следует расценивать как проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, который нанес урон престижу, авторитету, доброму имени, высокому званию сотрудника органов внутренних дел и свидетельствует о низком морально-нравственном облике П.Д.С. как сотрудника органов внутренних дел, способного пренебречь предписаниями закона и нормативных правовых актов, соблюдение которых является его прямой обязанностью*.

В определенных случаях сопряженный с нецензурной бранью или рукоприкладством скандал с членами семьи, родственниками, соседями, сослуживцами, с гражданами, совершенный, например, в состоянии алкогольного опьянения, во внеслужебное время, является проступком, порочащим честь и достоинство сотрудника органа внутренних дел, влекущим в последующем увольнение. Рассмотрим примеры.

Приказом МВД по Республике Коми от 12 августа 2013 г. сотрудник органов внутренних дел Д. была уволена со службы в соответствии с п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона N 342-ФЗ за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

Как указано в апелляционном определении Верховного суда Республики Коми, основанием для увольнения Д. послужило заключение служебной проверки от 12 августа 2013 г. Согласно данному заключению Д. во внеслужебное время, в ночь с 5 на 6 июля 2013 г. в период времени с 01.00 до 02.00 часов, находясь в одном из клубов г. Сыктывкара, в состоянии алкогольного опьянения вела себя вызывающе, выражалась грубой нецензурной бранью в при-

сутствии посетителей и работников данного клуба, не реагировала на замечания и требования работников заведения о прекращении недостойного поведения, сообщила о том, что является сотрудником полиции, подтверждая это своим служебным удостоверением, нанесла побои сотрудникам заведения, тем самым совершила проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел**. Исходя из требований общих морально-этических норм, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел, Д. своими действиями, выразившимися в нахождении в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения; создании конфликтной ситуации, которая повлекла вызов сотрудников полиции и написание заявления администратором клуба о принятии в отношении Д. мер дисциплинарного наказания; использовании служебного удостоверения не в интересах службы, нанесла урон престижу, авторитету как подразделению по месту службы, так и органам внутренних дел Российской Федерации в целом.

Рассмотрим следующий пример. Пудиков А.П. проходил службу в УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве в должности старшего полицейского отдельного взвода охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых. 13 апреля 2013 г. полицейские отдельного взвода охраны и конвоирования подозреваемых и осужденных УВД: Пудиков А.П., С.П.С., Г.Ю.А., М.В.П., полицейский водитель комендантской роты У.В.И., в свободное от службы время, в гражданской одежде, осознавая, что своими действиями нарушают общественный порядок и общественную нравственность, допустили распитие спиртных напитков в общественном месте. После этого Пудиков А.П., вмешавшись в конфликт между У.В.И. и гражданином Г.И.О., вместо того чтобы принять меры к пресечению данного конфликта, начал избивать Г.И.О., причинив последнему телесные повреждения в форме ушибленных ран мягких тканей головы, тем самым допустил нарушение нравственных обязательств и общих правил поведения сотрудника органов внутренних дел, совершил проступок, пороча-

* Апелляционное определение Московского городского суда от 20 нояб. 2014 г. по делу N 33-46275/2014 // Московский городской суд; сайт. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/infa/ga/?pn=0&id=2266551> (дата обращения: 17 марта 2015 г.).

** Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 13 февр. 2014 г. по делу N 33-648/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щий честь сотрудника органов внутренних дел. По результатам служебной проверки он был уволен. Как указано в апелляционном определении Московского городского суда, «суд первой инстанции обоснованно учел, что повышенные требования к дисциплине, профессиональной пригодности, интеллектуальным, физическим и волевым качествам сотрудника полиции обусловлены тяжелыми экстремальными условиями прохождения службы, что в целом определяет надежность всей системы защиты безопасности государства и граждан»*. В данном случае – в экстремальной ситуации Пудиков А.П. не принял меры к пресечению конфликта, а наоборот, способствовал его разжиганию.

При увольнении по данному основанию необходимо иметь в виду, что возбуждение в отношении сотрудника уголовного дела само по себе не может являться основанием увольнения в связи с совершением проступка, порочащего его честь, так как совершение преступления и вина устанавливаются судом и отражаются в рамках обвинительного приговора (вступившего в законную силу), а не служебной проверки, и порочащий честь проступок нельзя отождествлять с преступлением. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, – нарушение норм этики, правил поведения. Об этом свидетельствует активно обсуждавшееся в газетах и в сети Интернет резонансное происшествие.

23 февраля 2015 г. в 3 часа ночи в одной из квартир г. Набережные Челны заместитель начальника Отдела МВД России по Тукаевскому району Г.Р., находясь в состоянии алкогольного опьянения, во время конфликта со своей супругой Г.Н. выстрелил в нее из охотничьего карабина «Сайга». Оружие он извлек из сейфа, находившегося в соседней комнате. Получив ранение левой части грудной клетки, женщина скончалась на месте. По данному факту следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). 24 февраля 2015 г. за

совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, Г.Р. был уволен [3]. Несмотря на то, что при данном событии посторонних лиц не было, а присутствовали только друзья и близкие люди, которые не смогли пресечь данное противоправное деяние, увольнение по указанному основанию представляется правомерным ввиду того, что происшествие получило общественный резонанс. В СМИ было много негативных оценок и комментариев. Решение об увольнении было мотивировано тем, что Г.Р. спровоцировал конфликтную ситуацию, нанес ущерб авторитету органов внутренних дел.

Поведение сотрудника необходимо рассмотреть сквозь призму требований специального законодательства, морально-этических норм, нарушение которых дает основание полагать, что совершен проступок, порочащий честь сотрудника, в связи с которым сотрудник подлежит увольнению по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

При таком подходе к оценке действий сотрудника его увольнение будет законным и обоснованным даже в случае, если впоследствии он будет оправдан или уголовное преследование в отношении его будет прекращено по реабилитирующему основанию, поскольку принятию решения об увольнении сотрудника со службы предшествовала объективная оценка совершенного им проступка, не связанного с подозрением (обвинением) в совершении преступления. Порочащий честь проступок нельзя отождествлять с преступлением.

Таким образом, принятию решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, то есть за несоблюдение им добровольно принятых на себя обязательств, предшествует объективная оценка совершенного им деяния. Исходя из судебной практики, определение понятия «проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел» является оценочным, поскольку разнообразие фактических обстоятельств дела делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а

* Апелляционное определение Московского городского суда от 24 нояб. 2014 г. по делу N 33-46626 // Московский городской суд: сайт. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/infaga/?pn=0&id=2220896> (дата обращения: 17 марта 2015 г.).

использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Полагаем, что Закон изначально составлен так, чтобы предоставить руководителю органа внутренних дел и суду широкую свободу в его толковании и применении.

По нашему мнению, проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, – это совершение действий, нарушающих этические правила поведения сотрудника органов внутренних дел вне службы, подрывающих авторитет органов внутренних дел, действий аморального характера. При этом следует отметить, что рассмотренный первый пример – судебное решение Дзержинского районного суда г. Перми от 18 октября 2013 г. является скорее исключением из общей судебной практики. В данном случае увольнение младшего инспектора по досмотру за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, признано законным, тогда как его следовало бы уволить со службы в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. Кроме того, согласно решению суда порочащий проступок был допущен в служебное время, при исполнении обязанностей, что в судебной практике является не типичным случаем, а также исключением. Судебная практика свидетельствует о том, что, как правило, сотрудники совершают

порочащие проступки во внеслужебное время.

Допущение или совершение сотрудником органов внутренних дел преступления, даже в том случае, когда его вина еще не доказана и ведется следствие, но имеются неопровержимые доказательства причастности, усугубляет положение сотрудника. Ввиду общественного резонанса поступка, умаляющего авторитет органов внутренних дел, сотрудник подлежит увольнению по основанию, предусмотренному п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Совершение сотрудником органов внутренних дел, на которого возложена исключительная по своему объему и характеру ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, свидетельствует о его осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой Присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции. Это способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел в частности и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимость его безусловного соблюдения.

Литература

1. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г., протокол N 21 // *Официальные документы в образовании*. 2011. N 36. С. 6-13.
2. Федорова О. Увольнение за несоответствие корпоративной культуре // *Трудовое право*. 2014. N 8. С. 29-37.
3. URL: <http://www.chelny-izvest.ru/criminal/35461.html> (дата обращения: 1 апр. 2015 г.).

References

1. *Tipovoy kodeks etiki i sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh sluzhashchikh: odobren resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu korrupsii ot 23 dek. 2010 g., protokol N 21* [Model Code of ethics and official conduct of civil servants of the Russian Federation and municipal employees: approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation to combat corruption by December 23, 2010, protocol number 21]. *Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii* – Official documents in education, 2011, no. 36, pp. 6-13.
2. Fedorova O. *Uvol'nenie za nesootvetstvie korporativnoy kul'ture* [Dismissal for non-compliance of corporate culture]. *Trudovoe pravo* – Employment Law, 2014, no. 8, pp. 29-37.
3. Available at: <http://www.chelny-izvest.ru/criminal/35461.html> (Accessed 1 April 2015).

<p>ИГОШИН Н.А., кандидат юридических наук, доцент, n_a_igoshin@mail.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 198206, г. Санкт-Петербург, Летчика Пилютова, 1</p>	<p>IGOSHIN N.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, n_a_igoshin@mail.ru Chair of administrative activities of law enforcement bodies; Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lyotchika Pilyutova St. 1, Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation</p>
--	---

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Реферат. Ставится проблема поиска сущности и определения содержания научно-методического обеспечения процесса подготовки полицейских кадров. Исследуются целевые установки при построении основных и дополнительных образовательных программ, реализуемых в образовательных организациях МВД России. Задача формирования социально адаптированного выпускника связывается с построением образовательной модели, обеспечивающей воплощение личностно-ориентированного образования. Для этого и необходим ряд элементов, составляющих систему научно-методического обеспечения образовательного процесса, отражающую особенности социального заказа общества по отношению к полиции. Значительная роль в реализации такого образования принадлежит образовательным организациям МВД России, которые все чаще критикуются за дисфункциональность, выражающуюся в качестве образования выпускаемых специалистов и их готовности к выполнению возложенных обязанностей (качество подготовки кадров в ведомственных вузах во многих случаях оказывается ниже качества подготовки по тем же направлениям (специальностям) в гражданских образовательных организациях). основополагающие подходы к решению проблемы повышения эффективности научно-методического обеспечения учебного процесса в образовательных организациях МВД России определены исходя из цели ведомственного профессионального образования – подготовка квалифицированных полицейских по всем основным направлениям и сферам деятельности министерства. Профессиональное образование формирует интегральные качества личности: профессиональная готовность (подготовленность), профессиональная образованность, профессиональная культура, профессиональное самоопределение, самореализация. Для их формирования необходимо системное научно-методическое обеспечение образовательного процесса в виде целостной, методически и теоретически выверенной Концепции формирования системы поэтапной профессиональной подготовки сотрудников полиции, позволяющей сформировать, развить и стимулировать качества личности правоохранительного типа.

Ключевые слова: полиция, кадровая политика МВД России, профессиональная подготовка, подготовка полицейских, юридическое образование, научно-методическое обеспечение образовательного процесса.

ON THE ISSUE OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL LAW ENFORCEMENT TRAINING

Abstract. The problem of determining the essence and content of scientific and methodological support of the law enforcement training process is raised. The purposes, being defined when developing main and additional educational programs, implemented in the educational establishments of the MOI of Russia, are considered. The task of forming socially adapted graduates is associated with building of educational model, providing realization of personality-oriented education. Necessary elements, composing the system of scientific and methodological support of the educational process, which reflects the peculiarities of social demands on police officers, are considered. The educational establishments of the MOI of Russia play important role in realization of such education. They are often criticized for dysfunctionality implying the graduates' qualification level and readiness to perform professional duties (quality of training in such establishments is lower than in civil educational establishments). Basic approaches to solving the problem of improving the efficiency of scientific and methodological support of the educational process in educational establishments of the MOI of Russia are distinguished basing on the purpose of professional law enforcement education – training of qualified police officers for

performing the duties in different Ministry's departments. Professional education forms such integrated personal qualities as: professional readiness (qualification), professional scholarship, professional culture, professional self-determination, self-actualization. To form these qualities we need systemic scientific and methodological support of the educational process in the form of integral, methodically and theoretically verified Concept of forming the system of step-by-step professional law enforcement training (which allows to form, develop and stimulate law enforcement personal qualities).

Keywords: police, personnel policy of the Russian Interior Ministry, professional training, law enforcement training, legal education, scientific and methodological support of the educational process.

Первоочередной задачей, стоящей перед любым учебным заведением, осуществляющим профессиональную подготовку по программам среднего или высшего образования, является формирование социально адаптированного выпускника, имеющего набор необходимых компетенций и способного функционально грамотно их применять. Для этого необходимо построить образовательную модель, которая позволит осуществлять целостный, системный подход к практическому воплощению идей личностно-ориентированного образования. Построение подобной модели потребует разработки и освоения современных педагогических технологий, позволяющих выполнять поступающие социальные заказы.

Данные социальные заказы имеют важное значение при формировании целей и задач работы учебного заведения и отражают предлагаемые образовательные услуги по формированию не только культурного в общечеловеческом понимании члена общества, но и специальных умений и навыков. В таких условиях значительно возрастает роль методической работы в связи с необходимостью рационально и оперативно использовать новые методики, приемы и формы обучения, постоянно накапливающийся опыт по решению образовательных и воспитательных проблем. Ориентация методического обеспечения на самообразование, саморазвитие и самосовершенствование крайне необходима [1], так как расширение культурного кругозора, способность к самокритике — это залог успешного развития профессионализма личности вообще и полицейского особенно.

В последнее время в методической и учебной литературе, посвященной проблемам профессиональной подготовки, все чаще используется понятие «научно-методическое обеспечение». Появление этого термина обусловлено потребностью образовательного процесса в поиске новых, научно

обоснованных решений, позволяющих учебным заведениям решать задачи профессиональной подготовки выпускников, востребованных практикой и работодателями.

Те изменения, которые сегодня происходят в экономике нашей страны и государствах мирового сообщества, вхождение России в общеевропейское и мировое образовательное пространство требуют поиска новых подходов как в образовательной политике Российской Федерации, так и в системе подготовки кадров для органов внутренних дел.

Основной проблемой традиционных форм профессиональной подготовки большинство исследователей и практиков признают невысокую готовность выпускников к реализации профессиональных функций, видя решение этой проблемы в переходе с 2011-2012 учебного года на Федеральные государственные образовательные стандарты и внедрении на их основе в образовательный процесс компетентностного подхода.

По нашему мнению, научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников полиции следует определить как синтез процесса научного познания причин и условий, влияющих на качество подготовки полицейских, а также процесса насыщения учебного процесса современными педагогическими методиками и технологиями, направленными на формирование профессионально важных компетенций, повышение эффективности и качества педагогического труда.

В научно-методическом обеспечении образовательного процесса, как правило, выделяют следующие направления:

1. Совершенствование системы повышения квалификации педагогических и руководящих работников.

2. Развитие партнерства с работодателями с целью исследования их требований к содержанию и уровню общекультурных и профессиональных компетенций, формируемых в вузе.

3. Разработка учебно-методического обеспечения учебных дисциплин, междисциплинарных профессиональных модулей и блоков, производственного обучения и производственной практики в контексте ФГОС.

4. Разработка и реализация модели выпускника с учетом компетенций, основанных на требованиях работодателей и социальном заказе.

5. Изучение и внедрение информационно-компьютерных, интерактивных, модульных и других деятельностных технологий.

6. Разработка электронных дидактических и методических материалов научно-методического и информационного обеспечения системы оценки качества учебно-методических комплексов, сертификации учебных курсов и программ, контроля знаний обучающихся [2].

Учебное заведение МВД России в системе российского профессионального образования представляет собой несколько обособленную, но в то же время в достаточной степени инновационную образовательную организацию и имеет значительные отличия, которые следует учитывать в процессе научно-методического обеспечения. Прежде всего необходимо выявить особенности и структуру процесса профессиональной подготовки.

Эти отличия заключаются в том, что современное учебное заведение МВД России претендует на создание собственной образовательной системы, способной качественно изменить обучающегося. Результаты ее функционирования должны позволить удовлетворить не только потребности личности, в первую очередь, они должны удовлетворить потребности министерства в высококвалифицированных кадрах, способных решать практические задачи и соответствовать постоянно повышающимся требованиям общества [3].

Статья 11 Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования при определении основных задач высшего учебного заведения ставит на первое место удовлетворение потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном

развитии*. Это, пожалуй, наилучшим образом отвечает целям образования, можно даже сказать, что и деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации, так как оно является «федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования...»**.

Однако если проанализировать, какие задачи решает Министерство внутренних дел Российской Федерации в целом и полиция в частности***, то возникают вопросы: Как решение общественных задач может сочетаться с удовлетворением потребности личности? Почему за государственный счет должны удовлетворяться потребности отдельно взятого индивида?

Более правильным для определения целей организации учебного процесса в образовательном заведении МВД России является подход, реализованный в статье 3 Типового положения о военном образовательном учреждении высшего профессионального образования****. В военном ведомстве на первое место ставят задачу подготовки офицеров с высшим профессиональным образованием. Такая конкретная постановка цели и задач обучения в военном вузе позволяет более качественно реализовывать компетентностный подход. Кроме того, сразу находится ответ на вопрос о том, на что тратятся бюджетные деньги.

Определение роли учебных заведений МВД России в системе профессио-

* Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении): постановление Правительства РФ от 14 февр. 2008 г. N 71 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 8. Ст. 731.

** О Министерстве образования и науки Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15 мая 2010 г. N 337 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 21. Ст. 2603. (См. ст. 1 постановления).

*** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.

**** Об утверждении Типового положения о военном образовательном учреждении высшего профессионального образования: постановление Правительства РФ от 31 янв. 2009 г. N 82 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 7. Ст. 837.

нального образования требует выявления их функций.

Основная задача учебного заведения МВД России — это подготовка кадров для удовлетворения потребностей министерства, формирование квалифицированных профессионалов для различных отраслевых направлений деятельности полиции. Результатом этой деятельности является обеспечение отбора и распределения будущих сотрудников по тем или иным профессиональным позициям в соответствии с их способностями и интересами. Эта функция особенно актуализируется в современном обществе, когда все большую значимость приобретает интеллектуализация труда.

Получение образования в учебных заведениях МВД России предполагает усвоение основ профессиональной этики, истории, традиций, ценностей, формирования единого сознания, что способствует осуществлению интегративной функции.

Посредством передачи в ходе образовательного процесса от поколения к поколению накопленных знаний, культурных ценностей и закрепления этих ценностей реализуется транслятивная функция.

При рассмотрении деятельности учебных заведений МВД с точки зрения функциональности становится очевиден ряд позитивных последствий:

- жителям регионов, в которых отсутствуют другие учебные заведения профессионального образования, открывается доступ в профессию;

- местный рынок образовательных услуг дополняется ранее недоступными специальностями и направлениями;

- наличие учебного заведения МВД, осуществляющего обучение на бюджетной основе, усиливает конкуренцию в региональной системе образования, что приводит к повышению качества учебного процесса и способствует эффективности образовательной системы в целом.

Учебные заведения МВД России могут считаться одними из стабилизирующих факторов в жизни любого города. Необходимо указать на тот факт, что в городах, имеющих такое учебное заведение, уровень общественного порядка значительно выше.

Развитие сети учебных заведений МВД России как в областных центрах, так

и в сравнительно небольших городах с начала 1990-х годов сопровождало процесс регионализации высшего образования.

Следует также отметить, что открытие учебных заведений МВД России, в том числе и их филиалов, повышает образовательный уровень региона в целом и способствует росту статуса городов, обеспечивая их научно-техническое, социально-культурное развитие, а также миграционную привлекательность для населения [4].

Однако сегодня чаще говорят о дисфункциональности учебных заведений МВД России, что касается в первую очередь подготовленности выпускаемых специалистов к выполнению возложенных обязанностей. В частности, итоги аттестации в МВД России свидетельствуют, что качество подготовки кадров в специализированных образовательных организациях во многих случаях оказывается ниже качества подготовки по тем же направлениям (специальностям) в иных учебных заведениях.

Образовательные организации МВД России осуществляют учебный процесс в условиях действия жестких стандартов качества, заданных Минобрнауки России, и не имеют большой степени самостоятельности.

МВД России устанавливает параметры набора обучающихся и определяет кадровую политику, оно является своеобразным аудитором уровня получаемых знаний и организации учебного процесса.

Таким образом, учебное заведение МВД России можно охарактеризовать как особый вид педагогической системы, определяющийся набором факторов, от которых зависит качество подготовки будущих полицейских:

- кадровый потенциал учебного заведения;

- качественный состав администрации учебного заведения (менеджмент);

- обеспеченность учебными площадями (количество квадратных метров учебных площадей, приходящихся на одного обучающегося);

- состав и кадровое обеспечение дисциплин регионального компонента, дисциплин специализации и дисциплин по выбору обучающихся;

- методическое обеспечение учебного процесса (тестовые задания, методические рекомендации к изучению курсов и проч.);

- компьютеризация учебного процесса;
- обеспеченность учебной литературой.

Созданные к настоящему времени и представленные научному сообществу на обсуждение способы, приемы и средства профессионально-направленного обучения для различных направлений подготовки и специальностей сотрудников органов внутренних дел оставляют открытыми множество вопросов их применения. Одной из важнейших причин наличия недостатков в ходе решения проблемы является отсутствие единой методологической основы, определяющей концептуальные подходы к решению задач подготовки и воспитания полицейского в контексте современного социального заказа, которому, скорее всего, подойдет термин «личность правоохранительного типа», а формирование этой личности должно осуществляться, по нашему мнению, в рамках поэтапной профессиональной подготовки.

В связи с этим актуальным является выявление проблем и определение единых подходов при разработке научно-методического обеспечения функционирования и развития системы поэтапной профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Наиболее общим моментом большинства исследований на тему научно-методического обеспечения можно назвать положение о том, что в его основании должны лежать требования федеральных государственных образовательных стандартов. Поэтому особенность разработки и реализации научно-методического обеспечения процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции заключается в определении формируемых на современном этапе квалификационных требований к профессии «полицейский», составлении перечня общекультурных и профессиональных компетенций, построении модели и определении этапов формирования личности правоохранительного типа, выборе средств контроля сформированности названной личности и эффективности профессиональной подготовки в учебном заведении.

Определение вышеперечисленных положений в качестве методологической

платформы научно-методического обеспечения процесса поэтапной профессиональной подготовки сотрудника полиции можно объяснить тем, что профессиональная деятельность предъявляет к его личности ряд специфических требований, заставляющих формировать определенные личностные качества как профессионально важные, то есть образовательный процесс должен иметь личностно-ориентированный характер [5].

Определяя основополагающие подходы к решению проблемы повышения эффективности научно-методического обеспечения учебного процесса в образовательной организации МВД России, мы приняли как данное, что целью профессионального образования является подготовка квалифицированных полицейских по всем основным направлениям и сферам деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Эта цель определяет постановку следующих задач профессиональной подготовки полицейских в учебном заведении МВД России: во-первых, модернизация процесса профессиональной подготовки с учетом требований современной науки и практики; во-вторых, повышение образовательного и культурного уровня преподавателей, а также создание условий для их всестороннего творческого развития; в-третьих, создание условий для повышения образовательного и культурного уровня обучающихся и их разностороннего творческого развития.

Руководствуясь предложениями и выводами В.П. Беспалько и В.А. Сластенина, можно сказать, что модель личности полицейского должна быть воспроизводимой и поддающейся диагностике [6; 7]. Это представляет большую сложность, так как социальный заказ на становление личности правоохранительного типа формируется в глобальных целях образования, которые не подлежат проверке и с трудом подлежат реализации. Глобальной целью подготовки полицейских, учитывая специфику их профессиональной деятельности, является формирование всесторонне развитой, гармоничной личности, подготовка профессионала широкого профиля, соответствующего мировым стандартам.

Изучая разработанную А.В. Макаровой модель деятельности, которая включает два блока: человек и его деятель-

ность, приходим к заключению о том, что полицейский по аналогии формируется в двухуровневой системе:

— на первом уровне формируются его социальные установки, ценностные ориентации, мотивы деятельности, убеждения, мировоззрение;

— на втором — специфические личностные качества, необходимые для выполнения обязанностей конкретной профессиональной деятельности [8].

Необходимо, чтобы будущий полицейский имел возможность строить свою профессиональную деятельность в соответствии не только с обобщенными требованиями к профессии, но и со своими личностными особенностями. По мнению В.А. Слостенина, квалификация — это характеристика профессиональной деятельности, а деятельность неотделима от личности и является интегральной характеристикой личности [9].

Любой профессионал в своем развитии проходит несколько этапов. В психолого-педагогической литературе обычно выделяется четыре таких этапа [10; 11]:

1. Формирование профессиональных намерений.
2. Профессиональное обучение.
3. Вхождение в профессию.
4. Реализация самостоятельной профессиональной деятельности.

Прохождение каждого этапа, по мнению М.А. Пуцаевой, завершается соответствующим результатом профессиональной готовности: этап формирования профессиональных намерений завершается самоопределением и выбором профессии; профессиональное обучение — присвоением соответствующей степени образованности; результатом вхождения в профессию

становится необходимым и достаточный уровень овладения профессиональной деятельностью; и наконец, реализация самостоятельной профессиональной деятельности приводит к профессиональному мастерству как к высшей характеристике степени овладения профессией [4].

Профессиональное образование целенаправленно формирует интегральные качества личности, такие как профессиональная готовность (подготовленность), профессиональная образованность, профессиональная культура, профессиональное самоопределение, самореализация и др. Каждое из формируемых качеств затрагивает все сферы личности и имеет общие компоненты.

В результате подобных рассуждений становится очевидной требующая решения проблема, а именно необходимость научно-методического обеспечения процесса профессиональной подготовки полицейских в учебных заведениях МВД России, т.е. выявление, определение и обоснование целостной, методически и теоретически выверенной Концепции формирования системы поэтапной профессиональной подготовки сотрудников полиции, позволяющей сформировать, развить и стимулировать качества личности правоохранительного типа. Для того чтобы успешно решить эту проблему, необходимо прежде всего определить конечные цели научно-методического обеспечения подготовки полицейских. В данном случае, определяя цели формирования системы поэтапной профессиональной подготовки сотрудников полиции, стремясь к достижению желаемого результата, нам придется выявить, определить и обосновать вышеупомянутую Концепцию.

Список литературы

1. Бугель Н.В., Булавчик В.Г., Игошин Н.А. Самостоятельная работа обучающихся в учебных заведениях МВД России: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.А. Кочина. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2011.
2. Терлецкая Н.В. Научно-методическое обеспечение введения ФГОС в образовательный процесс колледжа. URL: <http://ntk-nn.com/metodsluzhba3.html> (дата обращения: 5 февр. 2015 г.).
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. 557 с.
4. Пуцаева М.А. Научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки специалистов в филиалах юридических вузов: дис... канд. пед. наук. Оренбург, 2009.
5. Инновационное обучение: Стратегия и практика: материалы Первого науч.-практ. семинара психологов и организаторов школьного образования, Сочи, 3-10 октября 1993 г. / под ред. В.Я. Ляудис. М.: Изд-во МГУ, 1994. 203 с.
6. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.

7. Слостенин В.А. О проектировании содержания высшего педагогического образования // Преподаватель. 1999. N 5. С. 3-9.
8. Макарова А.В. Преподаватель: модель деятельности и аттестация. М., 1992
9. Слостенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997. 308 с.
10. Наин А.Я. Инновации в образовании. Челябинск: ИФ ИРПО МОРФ, 1995. 288 с.
11. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 544 с.

References

1. Bugel' N.V., Bulavchik V.G., Igoshin N.A. *Samostoyatel'naya rabota obuchayushchikhsya v uchebnykh zavedeniyakh MVD Rossii* [Independent work of students in schools Ministry of Internal Affairs of Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, 2011.
2. Terletskaya N.V. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie vvedeniya FGOS v obrazovatel'nyy protsess kolledzha* [Scientific and methodological support of the introduction of the GEF in the educational process of college]. Available at: <http://ntk-nn.com/metodsluzhba3.html> (Accessed 5 February 2015).
3. Toffler E. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, 2003. 557 p.
4. Pushchaeva M.A. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie professional'noy podgotovki spetsialistov v filialakh yuridicheskikh vuzov. Kand. Diss.* [Scientific and methodological support of the training of specialists in the branches of law schools. Cand. Diss.]. Orenburg, 2009.
5. *Innovatsionnoe obuchenie: Strategiya i praktika: materialy Pervogo nauch.-prakt. seminara psikhologov i organizatorov shkol'nogo obrazovaniya, Sochi, 3-10 oktyabrya 1993 g.* [Innovative teaching strategies and practices: the First scientific and practical seminar organizers of psychologists and school education, Sochi, 3-10 October 1993]. Moscow, Moscow State University, 1994. 203 p.
6. Bepal'ko V.P. *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [The terms of educational technology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 192 p.
7. Slastenin V.A. *O proektirovanii sodержaniya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya* [On the design of the contents of the higher pedagogical education]. *Prepodavatel' – Teacher*, 1999, no. 5, pp. 3-9.
8. Makarova A.V. *Prepodavatel': model' deyatel'nosti i attestatsiya* [Teacher: business model and certification]. Moscow, 1992.
9. Slastenin V.A., Podymova L.S. *Pedagogika: Innovatsionnaya deyatel'nost'* [Pedagogy: innovation]. Moscow, Magistr Publ., 1997. 308 p.
10. Nain A.Ya. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovation in Education]. Chelyabinsk, 1995. 288 p.
11. *Psikhologo-pedagogicheskiy slovar' dlya uchiteley i rukovoditeley obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Psycho-pedagogical vocabulary for teachers and heads of educational institutions]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 544 p.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

БОТВИН И.В., BOTVIN I.V.,
casper.top@mail.ru casper.top@mail.ru
Кафедра уголовного права и криминологии;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, Чкалова, 49 Chair of criminal law and criminology;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА И ЕГО ВИДОВ

Реферат. Рассматриваются проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и мошенничества. Хотя нормы, закрепляющие рассматриваемые преступления, располагаются в одной главе, а соответствующие деяния посягают на один объект — отношения собственности, способами их совершения выступают обман и злоупотребление доверием, а их законодательная конструкция сформулирована по типу материального состава преступления, в них имеется ряд отличий. Отграничение мошенничества от причинения имущественного ущерба проводится на основе анализа состава преступлений. Выделяются критерии отграничения причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием от мошенничества и его видов. Проводится отграничение причиняемых рассматриваемыми преступлениями последствий, а также уделяется внимание вопросу соотношения понятий «упущенная выгода» и «неполучение должного». В результате исследования автор приходит к выводу о том, что неполучение должного является более узким по содержанию понятием, чем упущенная выгода, следовательно, правильнее использовать понятие «неполучение должного», поскольку оно этимологически более точно описывает суть ущерба в составе преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ. Несмотря на различие сравниваемых составов как по субъективной направленности обмана и злоупотребления доверием, так и по механизму совершения данных преступлений, справедливые споры об отличительных особенностях рассматриваемых преступлений не угасают. По мнению автора, названные отличия являются незначительными для квалификации и не препятствуют объединению рассматриваемых составов преступлений в одну норму. Предлагается новая редакция статьи 159 УК РФ.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба, обман и злоупотребление доверием, мошенничество, виды мошенничества, критерии отграничения составов преступлений.

PROBLEMS OF DISTINGUISHING INFLICTION OF PROPERTY DAMAGE THROUGH FALSE PRETENCE OR ABUSE OF CONFIDENCE FROM FRAUD AND ITS TYPES

Abstract. The problem issues of criminal classification of infliction of property damage through false pretence or abuse of confidence and fraud are considered. There are some differences in these crimes, though the norms fixing such crimes are in the same chapter and trespass on the same object — property relations; their modus operandi is false pretence and abuse of confidence, and their legislative structure is formulated as material corpus delicti. Distinguishing fraud from the infliction of property damage is carried out basing on the analysis of corpus delicti. Some criteria for distinguishing such crimes are defined. Distinguishing the consequences caused by these crimes is conducted. The issue of correlation between the terms “lost profit” and “loss of the thing due” is considered. It’s concluded that the term “loss of the thing due” is narrower than the first one, so it should be used since it is more accurate for describing the essence of the damage in the corpus delicti provided by the Article 165 of the RF Criminal Code. Though such corpus delicti differ both in subjective character of false pretence and abuse of confidence and in mechanism of committing these crimes, the distinctive features of considered crimes are still disputed over. The author supposes that the above-mentioned differences are insignificant for classifying the considered crimes and they do not hamper to unite these crimes into one norm. A new wording of the Article 159 of the RF Criminal Code is proposed.

Keywords: infliction of property damage, false pretence and abuse of confidence, fraud, types of fraud, criteria for distinguishing corpus delicti.

Повышенная степень общественной опасности и распространенность деяний против собственности определяют актуальность проблем уголовно-правовой квалификации. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) среди корыстных преступлений против собственности особое место занимает причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения (ст. 165 УК РФ).

По данным статистики ГИАЦ МВД России, в 2011 году на территории страны зарегистрировано 6 764 преступления, предусмотренных статьей 165 УК РФ, что составляет 0,46 % от общего количества преступлений против собственности, совершенных за год; в 2012 году – 677 (0,05 %) преступлений; в 2013 году – 277 (0,04 %), а за 2014 год на территории России (включая Крым) зафиксировано 499 преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ, что составило 0,04 % от общего числа преступлений, квалифицированных по статьям главы 21 УК РФ*.

За исследуемый период законодатель дважды способствовал снижению рассмотренных показателей. Принятый 8 декабря 2011 года Федеральный закон N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»** декриминализировал ч. 1 ст. 165 УК РФ. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*** введены новые виды мошенничества (ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ). Данное обстоятельство привело к практическим трудностям в отграничении причинения имущественного ущерба от частных случаев мошенничества, что подтверждается и результатами нашего исследования.

Анкетирование правоприменителей**** позволило сделать вывод о том, что

30,7 % из них приходится испытывать трудности при отграничении преступления, предусмотренного ст. 159, от деяния, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Анализ результатов анкетирования ученых***** привел нас к схожим итогам: по мнению 36 % опрошенных, сотрудникам судебных и правоохранительных органов наибольшие трудности приходится испытывать при разграничении названных составов. Более того, 29,2 % всех опрошенных считают, что действующая редакция ст. 159 УК уже охватывает некоторые случаи причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Другими словами, актуальность вопроса отграничения рассматриваемых составов преступлений повышается на фоне возникшей в правоприменительной практике конкуренции этих норм. При этом случаи, когда в суде изменялась квалификация содеянного со ст. 159 на ст. 165 УК РФ и наоборот, не являются редкими*****.

Так, Рощина Е.И. с целью хищения денежных средств, принадлежащих ООО «Русфинанс Банк», путем обмана, под видом участия в гражданско-правовой сделке кредитного договора, не намереваясь в действительности выполнять свои обязательства, сообщив банку заведомо ложные сведения о том, что она работает продавцом в ООО «Ринг», получает ежемесячную заработную плату в размере 16 000 рублей, имеет во владении собственность, заключила с ООО «Русфинанс Банк» кредитный договор на сумму 222 759 рублей., в тот же день приобрела у ИП Реброва Е.В. автомобиль, в уплату которого в рамках исполнения заключенного с Рощиной Е.И. кредитного договора ООО «Русфинанс Банк» перевело безналичным путем на расчетные счета Реброва Е.В. и ООО «Военно-страховая

***** Всего нами опрошено 50 кандидатов и докторов юридических наук из 7 вузов Российской Федерации.

***** Всего нами изучено 286 уголовных дел, возбужденных по ст. 165 УК РФ за период 2008-2014 гг. в 22 субъектах Российской Федерации, в том числе 255 уголовных дел с обвинительным заключением. В 21 приговоре суд изменял квалификацию со ст. 159 на ст. 165 УК РФ и в 7 приговорах – наоборот.

* По данным ГИАЦ МВД России за 2010-2014 гг.

** Рос. газ. 2011. 9 дек.

*** Там же. 2012. 3 дек.

**** Всего нами опрошено 179 правоприменителей из 22 субъектов Российской Федерации.

компания» денежные средства в размере 222 759 рублей.

Рощина Е.И., достоверно зная, что приобретенный ею на похищенные у ООО «Русфинанс Банк» денежные средства автомобиль ВАЗ-11193 обременен залогом на основании договора с данным банком в обеспечение кредитного договора, умышленно из корыстных побуждений, путем обмана, сообщив в договоре заведомо ложные сведения, что данный автомобиль предметом залога не является, на территории г. Северодвинска через Дорофеева С.В., не осознававшего преступный характер ее действий, продала автомобиль ВАЗ-11193 Арсентьеву А.Н. за 250 000 рублей.

С учетом обстоятельств дела суд пришел к выводу, что действия Рощиной Е.И. в отношении Арсентьева А.Н. следует перекалифицировать со ст. 159 на ст. 165 УК РФ*.

Рассмотрим отграничение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и мошенничества при помощи анализа элементов составов преступлений, что позволит выделить общее и особенное в них, а также установить проблемные вопросы квалификации данных преступлений.

Хотя нормы, закрепляющие рассматриваемые преступления, располагаются в одной главе и соответствующие деяния посягают на один объект — отношения собственности, способами совершения данных преступлений выступают обман и злоупотребление доверием, а также то, что законодательная конструкция сформулирована по типу материального состава преступления, в них имеется ряд отличий.

Существенной отличительной особенностью рассматриваемых составов является предмет преступления. В отличие от хищений, к которым относится мошенничество, предмет преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, на момент совершения преступления еще не поступил во владение потерпевшего, однако должен был поступить, если бы не виновные действия субъекта преступления. При мошенничестве виновный изымает имущество у собственника, вследствие чего потерпевшему причиняется реальный ущерб. Предмет, указанный в ст. 159 УК РФ, всегда овеществлен, и даже в тех случаях, когда

преступление посягает на право на имущество, предметом деяния будет овеществленный носитель такого права.

Предмет преступления, предусмотренный в ст. 165 УК РФ, может быть как овеществленным, например, использование в своих интересах специальной техники и оборудования, так и не овеществленным, например, в случаях уклонения от уплаты обязательных платежей.

Еще одним существенным отличием является тот факт, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения может выражаться как в форме действия, так и бездействия, а мошенничество как вид хищения совершается только путем активных действий.

Рассматриваемое преступление может быть совершено путем незаконного использования имущества виновным, в результате чего нарушаются интересы собственника или иного владельца имущества. Еще одним примером действий, квалифицируемых по ст. 165 УК РФ, являются преступные действия по формированию фондов собственника или иного владельца имущества (сообщение ложных сведений, подлог документов).

Бездействие может выражаться в уклонении от уплаты обязательных платежей либо несообщении тех сведений, которые виновный обязан был сообщить и сообщение которых является основанием для взыскания денежных средств с виновного.

Механизм извлечения незаконной имущественной выгоды является одним из моментов, также позволяющих провести разграничение между двумя составами. Обман или злоупотребление доверием для обоих составов имеет схожее содержание. Однако при мошенничестве чужое имущество переходит во владение преступника, т.е. за счет незаконного изъятия из наличного фонда собственника происходит уменьшение наличной массы этого имущества; при причинении имущественного ущерба — путем противоправного изъятия имущества, которое еще не поступило, но в соответствии с законом, иным нормативным актом или договором должно поступить в фонд собственника.

Таким образом, механизм извлечения виновным незаконной имущественной выгоды является основным отличием

* Уголовное дело N 1-36 — 08 // Архив Северодвинского городского суда.

обмана при совершении рассматриваемых преступлений.

Для преступлений, квалифицируемых по статьям главы 21 УК РФ, характерны последствия в виде имущественного вреда, который может проявляться как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды. Все формы хищения, в том числе мошенничество, влекут последствия в виде причинения реального ущерба, а причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения — упущенную выгоду (неполучение должного).

По этому вопросу мнения авторов разделились. Одни считают, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, причиняемый ущерб выражается только в виде упущенной выгоды, а другие полагают, что в данном случае нет оснований для расширенного понимания ущерба по сравнению с иными составами, находящимися в главе 21 УК РФ.

Так, А.В. Хабаров выступает против того, чтобы упущенную выгоду считать формой имущественного ущерба, характерной для преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, поскольку при таком подходе это преступление не может расцениваться как преступление против собственности [1, с. 29]. Однако он, в отличие от С.А. Елисеева [2, с. 59], предлагает не выводить ст. 165 УК РФ из главы 21, а по-иному определять круг деяний, которые подпадали бы под действие статьи: это должны быть деяния, которые причиняют реальный имущественный ущерб, но при этом не являются хищениями [1, с. 32].

В теории уголовного права существует мнение о том, что ущерб при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, выражается не только в виде упущенной выгоды, но и в виде реального ущерба. Так, М. Кострова утверждает, что структуру ущерба как последствия причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием составляют реальный ущерб и упущенная выгода [3, с. 40].

В данном споре целесообразно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в п. 16

которого указано: «При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды»*.

Упущенная выгода, в отличие от реального ущерба, всегда абстрактна, т.е. имеет абстрактную величину, поэтому ее доказывание требует от потерпевшей стороны весомых доказательств. Последствия преступления, наступившие в результате причинения ущерба в виде упущенной выгоды, представляются менее опасными, чем реальный ущерб, наступающий в результате совершения мошенничества, так как не влияют на стоимостное выражение имущества собственника либо законного владельца.

С позиции формальной логики понятия «упущенная выгода» и «неполучение должного» являются синонимами, имеют одинаковое смысловое значение, т.к. указанные понятия отображают совокупность доходов, которые лицо не получило вследствие преступных действий. В связи с этим совместное использование рассмотренных понятий при толковании имущественного ущерба нецелесообразно.

По нашему мнению, неполучение должного является более узким по содержанию понятием, чем упущенная выгода. В этом вопросе мы согласны с мнением Н.В. Перча, считающего, что под неполучением должного понимается упущенная выгода, возникшая вследствие незаконного обращения и (или) удержания виновным тех объектов экономического оборота, которые он должен был передать кредитору в силу закона или иного нормативно-правового основания [4, с. 35]. Думается, правильнее использовать понятие «неполучение должного», поскольку оно этимологически более точно описывает суть ущерба в составе преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Примеры причинения преступлением такого рода ущерба можно часто встретить в правоприменительной практике. Вот как в приговоре описывается преступное деяние: Егоров Н.В. являлся менеджером по логистике ООО «Т», осуществляющего ав-

* Рос. газ. 2008. 12 янв.

тотранспортную деятельность по перевозке грузов и экспедиционному обслуживанию, расположенного по адресу: г. Санкт-Петербург, Красногвардейский район, Ново-Ковалево. В его функциональные обязанности в соответствии с должностной инструкцией входило обеспечение продвижения грузов по маршрутам, осуществление контроля за организацией правильной транспортировки, правильностью оформления приемо-сдаточной документации, организация работы по ведению учета, составлению установочной отчетности на предприятии. Заведомо зная о наличии договорных отношений на перевозку грузов между ООО «Т» и ООО «Л», имея умысел на причинение имущественного ущерба ООО «Т», в неустановленное предварительным следствием время, но не позднее 25 февраля 2010 года, Егоров Н.В. получил от неустановленного сотрудника ООО «Л» заявку на осуществление перевозки товара в г. Пенза. В бланке заявки указал данные автомашины, принадлежащей ООО «Т», а именно марку и государственный регистрационный знак, а также номер полуприцепа к ней, данные водителя, работающего в ООО «Т», который будет осуществлять указанную перевозку, — Л, после чего направил заполненную заявку в ООО «Л», осуществил контроль за погрузкой, которая была произведена 26 февраля 2010 года, и последующей транспортировкой товара в адрес получателя, не согласовав поставку и не сообщив о ней генеральному директору ООО «Т» Ю., тем самым обманув его.

После осуществления поставки, вопреки установленному на предприятии порядку и своим должностным инструкциям, в бухгалтерию ООО «Т» документы о производстве поставки не предоставил*.

Что касается отграничения причинения имущественного ущерба от видов мошенничества, прямо указанных в уголовном законе, то наибольшую сложность, на наш взгляд, представляет отграничение ст. 165 УК РФ от ст. 159.4 УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности). Фабула мошенничества в предпринимательской деятельности в

приговоре суда выражена следующим образом: Клепиков являлся фактическим владельцем и руководителем не зарегистрированной в установленном порядке группы компаний, специализирующейся на приобретении полиэтиленовых гранул (сырья) в различных зарубежных странах, изготовлении из этого сырья полиэтиленовой продукции и ее последующей реализации. В мае 2009 года ООО, являющееся передаточным звеном между группой компаний Клепикова и поставщиком, фактически прекратило оплачивать поставки сырья для производства полиэтиленовых изделий, в связи с чем представители ЗАО обратились к Клепикову с устным требованием погасить возникшую задолженность.

Клепиков познакомился со старшим экономистом отдела развития бизнеса Управления документарных операций и торгового финансирования ОАО П., который, используя возможности ОАО, занимался незаконной отправкой фиктивных банковских гарантий по межбанковской системе swift-сообщений. Получив при пособничестве П. возможность оформления фиктивных гарантий от имени ОАО, Клепиков передал П. необходимые сведения для их оформления и отправки по системе swift-сообщений. В результате фиктивные банковские гарантии, изготавливаемые П., позволили Клепикову незаконно, безвозмездно завладеть имуществом ЗАО и распорядиться им по собственному усмотрению**.

Таким образом, признаком мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, является преднамеренное неисполнение контрагентом своих обязательств по договору. Главное, что позволяет отграничить мошенничество как форму хищения от причинения имущественного ущерба, — установление умысла. В рассматриваемом примере судом установлено, что умысел на мошенничество сформировался у лица до начала сделки. Это усматривается в том, что Клепиков заведомо не собирался исполнять договорные обязательства, преследуя цель хищения чужого имущества

* Приговор от 17 авг. 2011 г. по делу N 1-271/11 // Официальный сайт Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: <http://kgv.spb.sudrf.ru> (дата обращения: 11 апр. 2015 г.).

** Приговор от 28 марта 2013 г. по уголовному делу N 1-1/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-gvardejskij-rajonnyj-sud-kaliningradskaya-oblast-s/act-107304581/> (дата обращения: 3 февр. 2015 г.).

или приобретения прав на чужое имущество обманным способом.

В связи с тем, что мошенничество и причинение имущественного ущерба, совершенные в сфере предпринимательской деятельности, по своей природе схожи с гражданскими правоотношениями, Пленум Верховного Суда РФ дал на этот счет соответствующие разъяснения. Так, привлечение за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на чужое имущество. Кроме того, в таком случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства, о чем могут свидетельствовать следующие обстоятельства: отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство; отсутствие лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору; совершение попыток скрыть свои действия.

Отличие обманного способа, используемого мошенником в указанном примере, от ст. 165 УК РФ состоит в преднамеренном неисполнении им своих договорных обязательств. Умысел на введение в заблуждение контрагента относительно выгоды передачи имущества и невыполнение обязательств по договору, сопряженный с целью незаконного присвоения чужого имущества, возникает до заключения или при заключении договора.

Обман и злоупотребление доверием в ст. 159 УК РФ являются способами завладения чужим имуществом. При причинении имущественного ущерба обман и злоупотребление доверием выступают способами незаконного использования имущества, уклонения от уплаты обязательных платежей либо удержания платежей, полученных не уполномоченными на то лицами за оказанные собственником или иным владельцем услуги имущественного характера, с целью извлечения выгоды.

Еще одно отличие, которое следует из самой редакции ст. 165 УК РФ, — это признак хищения, который при причинении имущественного ущерба отсутствует. А.А. Бакрадзе утверждает в связи с этим,

что диспозиция ст. 159 УК РФ предусматривает ответственность за два самостоятельных вида мошенничества: хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием и приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [5]. По его мнению, второй вид полностью охватывает случаи причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения. Мы же считаем, что такая интеграция может иметь место лишь после внесения изменений в диспозицию ст. 159 УК РФ.

Приобретение права на чужое имущество является особой разновидностью посягательства на собственность, которая по своей юридической природе не является хищением, так как не связана с непосредственным изъятием (обращением) чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Следовательно, данное обстоятельство не разграничивает, а объединяет рассматриваемые составы преступлений, при этом только усложняет вопросы их квалификации.

Таким образом, несмотря на различие сравниваемых составов как по субъективной направленности обмана и злоупотребления доверием, так и по механизму совершения данных преступлений, справедливые споры об отличительных особенностях рассматриваемых преступлений не угасают. По нашему мнению, названные отличия являются незначительными для квалификации и не препятствуют объединению рассматриваемых преступлений в одну норму. Учитывая мнение А.А. Бакрадзе, согласно которому ст. 159 УК РФ уже в действующей редакции охватывает случаи, предусмотренные ст. 165 УК РФ [5], мы считаем, что такая интеграция может иметь место лишь после внесения изменений в диспозицию ст. 159 УК РФ.

Предлагаем изложить ст. 159 УК РФ в следующей редакции: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, приобретение права на чужое имущество либо получение незаконной выгоды имущественного характера путем обмана или злоупотребления доверием, наказывается...». При этом по статье 165 УК РФ, в связи с тем, что удельный вес преступлений, квалифицируемых по ней, после введения в диспозицию категории «крупный размер»,

существенно снизился, следует провести процедуру декриминализации.

Такие изменения позволят устранить полемику, связанную с отграни-

чением смежных деяний, исключат ряд вопросов квалификации, а также приведут к унификации уголовного законодательства.

Список литературы

1. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 213 с.
2. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1999. 337 с.
3. Кострова М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. N 10. С. 25-28.
4. Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст. 165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 216 с.
5. Бакрадзе А.А. К вопросу о декриминализации ст. 165 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1810.html> (дата обращения: 5 февр. 2014 г.).

References

1. Khabarov A.V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: vliyaniye grazhdansko-pravovogo regulirovaniya*. Kand. Diss. [Crimes against property: the impact of civil regulation. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 1999. 213 p.
2. Eliseev S.A. *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii*. Dokt. Diss. [Crimes against property under the criminal legislation of Russia. Doct. Diss.]. Tomsk, 1999. 337 p.
3. Kostrova M. *Krupnyy razmer i krupnyy ushcherb po UK RF: yazykovyy aspekt* [Large size and large-scale damage of the Criminal Code: the language aspect]. *Zakonnost'* – Legality, 2001, no. 10, pp. 25-28.
4. Perch N.V. *Nepoluchenie dolzhnogo kak vid imushchestvennogo ushcherba (na primere st. 165 UK RF): ponyatiye, vliyaniye na otvetstvennost' i kvalifikatsii*. Kand. Diss. [Failure to obtain proper as a kind of property damage (for example, Art. 165 of the Criminal Code): the concept, the impact on the responsibility and qualifications. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 216 p.
5. Bakradze A.A. *K voprosu o dekriminalizatsii st. 165 UK RF* [On the issue of decriminalization of Art. 165 of the Criminal Code]. Available at: <http://www.crimpravo.ru/blog/1810.html> (Accessed 5 February 2014).

ТУТИКОВА И.А., TUTIKOVA I.A.,
tutikovai@mail.ru tutikovai@mail.ru
Адъюнктура (докторантура); Postgraduate courses
Нижегородская академия (institution of doctoral candidacy);
Министерства внутренних дел Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
Российской Федерации, of the Interior of the Russian Federation;
603950, г. Нижний Новгород, Ankudinovskoe highway 3,
Анкудиновское шоссе, 3 Nizhny Novgorod, 603950,
Russian Federation

ВНЕСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Реферат. Рассматриваются проблемы контрольно-надзорного механизма на досудебных стадиях уголовного процесса. Проводится сравнительный анализ механизмов судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа. Отмечаются как преимущества, так и недостатки этих процедур в свете правоприменительной практики. Значительное внимание уделяется анализу судебной и внесудебной разновидностей жалобы. Делается вывод, что право на обращение с жалобой в компетентный орган есть элемент самозащиты субъектом своих прав и законных интересов в сфере уголовного судопроизводства, включая его досудебные стадии. Исследуются вопросы, связанные с выбором субъекта разрешения жалоб участниками уголовного процесса и лицами, вовлеченными в уголовно-процессуальные отношения. Обосновывается необходимость ликвидации ведомственного контроля, субъектом которого является руководитель следственного органа, и передачи полномочий по разрешению несудебных жалоб в исключительное ведение органов прокуратуры. Подвергается критике современная организация прокурорского надзора и предварительного расследования, при которой роль прокурора принижена, а роль руководителя следственного органа, напротив, преувеличена. Предлагается сохранить полномочие по разрешению жалобы только за прокурором (руководителя следственного органа исключить), с одновременным четким разделением юрисдикции между судом и прокурором. Обоснованы меры по повышению эффективности разрешения жалоб во внесудебном порядке (организационно-технические, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые меры). Выражается солидарность с «Доктринальной моделью уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации», разработанной нижегородской школой процессуалистов, подчеркивается связь высказанных предложений с заложенной в ней концепцией досудебного уголовного производства и института следственных судей.

Ключевые слова: жалоба, досудебные стадии, уголовно-процессуальные отношения, уголовный процесс, прокурорский надзор, ведомственный контроль.

EXTRAJUDICIAL ORDER TO RESOLVE COMPLAINTS OF THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS: WAYS OF EFFICIENCY IMPROVING

Abstract. The issues of control and supervision mechanism's functioning at the pre-trial stages of criminal proceeding are considered. Comparative analysis of mechanisms of judicial control, prosecutor's supervision and departmental control, exercised by the investigative body's head, is conducted. Advantages and disadvantages of these procedures in the light of law enforcement practice are noted. Judicial and extrajudicial types of complaints are analyzed. The right to bring a complaint to competent authorities is considered as an element of subject's protection of his/her rights and legitimate interests in the criminal proceedings' sphere, including its pre-trial stages. The issues, associated with choosing the subject of complaints' resolving by criminal proceedings participants and persons, involved in criminal procedural relations, are studied. The author proves the necessity to eliminate departmental control (conducted by the investigative body's head) and to empower prosecution bodies to resolve extrajudicial complaints. Existing organization of prosecutor's supervision and preliminary investigation (when the prosecutor's role is depreciated unlike the role of investigative body's head) is criticized. It's stated that only prosecutor (not the head of investigative body) should be empowered to resolve complaints. The powers of court and prosecutor should be accurately differentiated. Measures to improve the efficiency of extrajudicial complaints' resolving (organizational and technical, criminal procedural and criminal legal measures) are argued. The doctrine model of criminal procedural evidence law of the Russian Federation, developed by the Nizhny Novgorod processualists, is considered. The connection between

the author's proposals and model's conception of pre-trial criminal proceedings and the institution of co-investigating judges is noted.

Keywords: complaint, pre-trial stages, criminal procedural relations, criminal proceedings, prosecutor's supervision, departmental control.

В соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Все решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

На наш взгляд, право на обращение с жалобой в компетентный орган есть элемент самозащиты субъектом своих прав и законных интересов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Обращаясь в суд с жалобой, человек борется за свои права, пусть даже ложно понятые, но при этом он объективно приводит в действие правовой контрольно-надзорный механизм восстановления справедливости, законности, прав личности. Таким образом, преследуя личные цели, он способствует становлению реального правопорядка, обеспечивает контроль за процессуальной деятельностью следователя, дознавателя.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает возможность для участников уголовного процесса обратиться с жалобой на действия должностных лиц, ведущих предварительное расследование, к руководителю следственного органа, прокурору или в суд. Таким образом, УПК РФ дает исчерпывающий перечень государственных органов, в обязанности которых входит рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства. Принципиальное различие между ними в том, что одни из них относятся к органам судебной власти, а другие – к органам исполнительной власти и прокуратуры. Исходя из общего смысла нашего закона и официальной правовой доктрины, следует признать приоритетность механизма судебного контроля по сравнению с потенциалом прокурорского надзора и ведомственного контроля в качестве процессуальной гарантии прав, свобод, законных интересов лиц и законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Очевидно, что данное принципиальное положение не подлежит пересмотру и составляет основу нашего уголовного судопроизводства.

УПК РФ не дает разъяснений по поводу того, что такое жалоба и чем она отличается от других обращений граждан в официальные органы. Общее указание на это есть в статье 4 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*, где жалоба определяется как просьба гражданина о восстановлении или защите его прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

В научной литературе жалобу определяют по-разному [1, с. 132], но в целом есть общая позиция в понимании того, что жалоба, во-первых, является правопритязанием, то есть официальным обращением с просьбой к органу, уполномоченному разрешить правовой вопрос, принять решение по такому вопросу, во-вторых, имеет ретроспективный характер: жалоба всегда направлена на то, что имело место в прошлом (этим она отличается от ходатайства, имеющего проспективную направленность).

По нашему мнению, жалоба – это один из видов обращения лица, выполненного в письменной форме и заключающегося в официальной просьбе о восстановлении или защите его прав, свобод, законных интересов или прав, свобод, законных интересов других лиц, которое подано в порядке, предусмотренном действующим Уголовно-процессуальным кодексом. Разумеется, жалоба должна быть подана субъекту, уполномоченному ее разрешать.

Следует заметить, что в обществе растет осознание значения института жалобы как средства самозащиты человеком своих прав в юридической среде. В большей степени это справедливо, конечно, по отношению к судебным жалобам. Не случайно в последнее десятилетие отмечается тенденция к увеличению числа обращений граждан в суды с жалобами в

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 24 нояб. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 25 июня 2015 г.).

порядке ст. 125 УПК РФ: прирост составил 2,2 раза [2, с. 1]. Согласно данным, полученным нами в ходе диссертационного исследования, 96 % взрослых дееспособных граждан знают о наличии института жалобы в уголовном процессе, хотя только 37,4 % опрошенных изъявили готовность самостоятельно воспользоваться им в случае необходимости*. Эти показатели коррелируют с данными, полученными иными исследователями: 93,3 % опрошенных граждан осведомлены о своем праве на обращение за защитой нарушенных прав в суды Российской Федерации, а 91,5 % знают о праве на обращение за защитой нарушенных прав в Европейский суд по правам человека [3, с. 18].

Обращение с жалобой в суд означает выбор гражданином пути на самостоятельную защиту своих прав в споре с представителями государственной власти. Обращение с жалобой к прокурору или руководителю следственного органа — это, на наш взгляд, проявление более традиционного для нашего общества способа защиты своих прав, а именно: человек полностью доверяет и полагается на контрольно-надзорный публичный орган, отказываясь от самостоятельной борьбы и надеясь, что государство (чиновник) восстановит его в правах и обеспечит исполнение закона.

В этом плане следует указать на характерный для нашего правового развития правозащитный потенциал прокуратуры. Иллюстрацией доверия граждан к прокуратуре и их склонности к патерналистскому способу защиты своих прав служит то, что ежегодно в органы прокуратуры поступает свыше 3,5 млн обращений граждан. Благодаря жалобам за последние 3 года устранено 12 млн нарушений прав участников уголовного процесса [4, с. 12-14]. Показательно то, что при ответе граждан на вопрос: «Деятельность каких государственных органов, по Вашему мнению, имеет наибольшее значение для реализации Вашего конституционного права на обращение?» — первой указали прокуратуру (51,2 %), а далее — суд (43,9 %), уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Федерации (30,3 %), органы внутренних

дел (29,4 %), федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации (27,3 %), иные структуры (2,7 %) [3, с. 19].

Аналогичные данные были получены и нами в ходе опросов граждан. Мы убедились в том, что приоритет по рассмотрению обращений граждан отдается органам прокуратуры и судам. Между тем увеличение поступления жалоб в указанные государственные структуры имеет двоякую природу. С одной стороны, это свидетельствует об укреплении судебной власти и усилении роли прокуратуры в правосоставительной деятельности государства, а с другой стороны, подобная тенденция позволяет сделать вывод о том, что участники уголовного процесса сомневаются в объективности разрешения жалоб руководителем следственного органа, в том числе и по причине непрозрачности и неясности процедуры их рассмотрения.

В обществе небезосновательно распространено мнение о «круговой поруке» в правоохранительных органах, что сказывается на выборе субъекта рассмотрения жалобы. Опыт работы автора данной статьи в качестве следователя позволяет утверждать, что руководитель следственного органа заинтересован в том, чтобы при рассмотрении жалобы оправдать действия подчиненного ему следователя, допустившего нарушение закона. Ведь некачественная работа следователя свидетельствует и об упущениях со стороны самого начальника. По-видимому, руководитель следственного органа не всегда склонен уделять должное внимание разрешению жалобы, поскольку рассчитывает на то, что если заявителя не устроит его ответ, то последний всегда может обратиться к прокурору или в суд. В связи с этим, действительно, можно говорить об условной объективности разрешения указанным должностным лицом жалоб лиц на следователя.

Представляется, что, наделяя руководителя следственного органа полномочием по рассмотрению жалобы участника уголовного процесса, законодатель ставил цель сократить число жалоб, поступающих в прокуратуру или в суд, то есть создать некий фильтр. В основе подобного положения лежит концепция реформы предварительного расследования, реализованная Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уго-

* Всего нами было опрошено 537 человек в Нижегородской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

ловно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»*. Как известно, основной целью этой реформы было предоставление большей процессуальной самостоятельности следователю и независимости от прокурора [5, с. 66-70; 6, с. 114-116]**. В результате часть полномочий прокурора по процессуальному надзору за органами предварительного следствия перешла к руководителю следственного органа. Ожидалось, что отстраненность, невовлеченность прокурора в предварительное следствие сделают более объективным и беспристрастным прокурорский надзор; якобы нельзя одновременно осуществлять надзор и расследовать (руководить расследованием).

Однако реалии таковы, что подача жалобы руководителю следственного органа является лишь формальностью и совершается только для соблюдения своеобразной негласной последовательности (поэтапности) обращения в государственные органы по восстановлению нарушенного права. Это подтверждается данными, полученными по итогам обобщения судебного контроля, которые показывают, что каждая четвертая жалоба, по которой в порядке ст. 124 УПК РФ было отказано в удовлетворении, изначально является законной и обоснованной и должна быть удовлетворена во внесудебном порядке. Смеем предположить, что происходит сращивание прокурорского надзора и ведомственного контроля. А отдельные полномочия прокурора и руководителя следственного органа, в том числе и обязанность по рассмотрению жалоб, стали дублироваться.

Деятельность руководителя следственного органа не должна быть загружена рассмотрением жалоб участников уголовного процесса, а должна быть направлена на осуществление качественного ведомственного контроля за соблюдением законности его подчиненными. По этой

причине предлагаем исключить руководителя следственного органа из числа субъектов рассмотрения жалоб, оставить данное направление исключительно органам прокуратуры. Можно привести несколько доводов в пользу этого. Во-первых, очень сложно убедить граждан в том, что руководитель будет беспристрастно рассматривать жалобу на подчиненного ему следователя; во-вторых, органы прокуратуры занимают особое место в системе правоохранительных органов и за долгие годы правозащитной деятельности заслужили уважение среди населения России; в-третьих, на сегодняшний день прокуратура ведет открытую, доступную для граждан статистику обращений, это свидетельствует о том, что механизм предоставления данной информации налажен, со стороны государства не потребуется новых расходов и перестановки кадров.

Признавая относительную результативность прокурорского надзора, считаем, что повысить эффективность рассмотрения обращения участников уголовного процесса к прокурору, в том числе с жалобами, можно путем введения электронной базы, в которой будут отражены фамилия, имя, отчество, сведения о должности прокурора, занимающегося разрешением конкретной жалобы, а также о том, какое решение принято по обращению. Данную информацию заявитель сможет получить при введении идентификационного номера, который будет предоставлен ему после подачи им жалобы. Отметим, что материалы проверки по жалобе также должны быть доступны для ознакомления указанному лицу, это позволит ему убедиться в том, что проверка действительно проведена и решение, принятое по жалобе, — не отписка.

В свою очередь, каждый заявитель должен быть предупрежден об ответственности за дачу в обращении ложных сведений. Соответственно, как нам представляется, жалоба должна подаваться только в письменном виде, несмотря на то, что Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» допускает возможность подачи жалобы через Интернет или устно, а УПК РФ не закрепляет форму, процедуру подачи и рассмотрения жалобы. Таким образом, наличие письменной жалобы,

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 24. Ст. 2830.

** Мы вполне разделяем критические оценки этой реформы, которые даны в работах нижегородских процессуалистов, придерживающихся принципиально иной позиции относительно организации и деятельности обвинительной власти — субъекта публичного уголовного преследования.

сведения по которой не подтвердились, является основанием для проведения проверки в отношении лица, ее заявившего. Инициатором такой проверки может быть только должностное лицо, рассматривающее жалобу, если у него возникли сомнения в правдивости поступившего обращения или имеются фактические данные, подтверждающие, что жалоба носит надуманный, компрометирующий характер. Из этого следует, что каждый участник уголовного процесса, а также лица, вовлеченные в уголовно-процессуальные отношения, должны четко понимать и ограничивать свои права и обязанности, данные им определенным статусом в уголовном деле на стадии предварительного расследования.

Но прежде чем данный механизм станет эффективным, процедура разрешения жалоб должна стать доступной и понятной для того, кто обращается за восстановлением своих нарушенных прав и законных интересов. В связи с этим считаем необходимым, во-первых, исключить дублирование функций контрольно-надзорных органов, во-вторых, если уголовно-процессуальный закон предусмотрел различные механизмы обжалования и субъектов, уполномоченных разрешать жалобы, то каждый из них должен обладать четкой юрисдикцией. При этом, конечно, между ними должно быть тесное взаимодействие, ведь вся деятельность правоохранительных органов направлена на охрану и защиту прав человека и гражданина.

Подводя итог вышесказанному, можем утверждать, что возникла потребность внесения следующих изменений в действующий УПК РФ:

1. Исключить руководителя следственного органа из числа субъектов, уполномоченных разрешать жалобы лиц на решения, действия, бездеятельность следователей.

2. Оставить в качестве субъекта, уполномоченного разрешать такого рода жалобы, только прокурора.

3. Четко разделить между судом и прокурором юрисдикцию по рассмотрению жалоб участников досудебного уголовного производства.

4. Сохранить за судом юрисдикцию по вопросам, обозначенным в части первой статьи 125 УПК РФ.

5. Оставить за прокурором остальные спорные вопросы, которые могут стать предметом жалобы заинтересованного лица.

Полагаем, что такие меры позволят гражданам избежать неразберихи в определении органа, уполномоченного разрешать жалобы, и сократят повторное поступление жалоб, ранее рассмотренных руководителем следственного органа, в прокуратуру и далее — в суд. Необходимо также отметить, что реализация указанных мер будет успешной при одном условии — проведении реформы предварительного расследования. На наш взгляд, качественно преобразовать контрольно-надзорный механизм в досудебном уголовном производстве, приводимый в движение жалобами лиц, могли бы организация досудебного уголовного производства по типу «полицейского дознания» и введение института следственных судей. Обе эти меры предусмотрены в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации», разработанной нижегородской школой процессуалистов [7]. В ней с очевидностью прослеживаются два принципиально различных контрольно-надзорных механизма: судебный контроль следственного судьи и надзор прокурора за следствием, под которым понимается производство следователем (оперуполномоченным) гласных и негласных следственных действий и иных действий обеспечительного характера.

Список литературы

1. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров [и др.]; науч. ред. В.Т.Томин. М.: Юрайт, 2003.
2. Бондар А.В. Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования // Судебный вестник Нижегородской области. 2012. N 3 (29).
3. Беляков П.А. Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Законность. 2014. N 4.
4. Чайка Ю.Я. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по защите конституционных прав граждан // Прокурорская и следственная практика. 2014. N 1 (56). С. 12-14.

5. Александров А.С., Белов С.Д., Кухта А.А. Реформа предварительного расследования // Уголовное право. 2007. N 5.

6. Александров А.С., Поспелова Ю.С., Сивин И.А. Дифференциация форм прокурорского реагирования на неправомерные решения органа предварительного следствия // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. N 1 (14).

7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 22 марта 2015 г.).

References

1. Aleksandrov A.S. [i dr.]. *Ugolovnyy protsess Rossii* [Criminal proceedings Russia]. Moscow, Yurayt Publ., 2003.

2. Bondar A.V. *Sudebnyy kontrol' kak sredstvo pravovoy zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva ot vozmozhnykh narusheniy pri provedenii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial review as a remedy participants in criminal proceedings against possible violations during the preliminary investigation]. *Sudebnyy vestnik Nizhegorodskoy oblasti* – Judicial Herald of the Nizhny Novgorod region, 2012, no. 3 (29).

3. Belyakov P.A. *Zashchita prav grazhdan na obrashchenie v gosudarstvennye organy i organy mestnogo samoupravleniya* [Protecting the rights of citizens to appeal to the state bodies and local authorities]. *Zakonnost'* – Legality, 2014, no. 4.

4. Chayka Yu.Ya. *Deyatel'nost' organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii po zashchite konstitutsionnykh prav grazhdan* [The activities of the prosecution of the Russian Federation to protect the constitutional rights of citizens]. *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika* – Prosecutorial and investigative practice, 2014, no. 1 (56), pp. 12-14.

5. Aleksandrov A.S., Belov S.D., Kukhta A.A. *Reforma predvaritel'nogo rassledovaniya* [Reform of the preliminary investigation]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal law, 2007, no. 5.

6. Aleksandrov A.S., Pospelova Yu.S., Sivin I.A. *Differentsiatsiya form prokurorskogo reagirovaniya na nepravomernye resheniya organa predvaritel'nogo sledstviya* [Differentiation of forms of prosecutorial response to unlawful decisions of preliminary investigation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, 2011, no. 1 (14).

7. *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF* [Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian Federation]. Available at: <http://www.iuaj.net/node/1766> (Accessed 22 March 2015).

САМИЕВ Н.М., SAMIEV N.M.,
samiev nazar@yandex.ru samiev nazar@yandex.ru
Кафедра управления органами Chair of management
расследования преступлений; of crime investigation bodies;
Академия управления Academy of Management of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации, Z. and A. Kosmodemyanskikh St. 8,
125171, г. Москва, Moscow, 125171,
З. и А. Космодемьянских, 8 Russian Federation

РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРИОСТАНОВЛЕННОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О НЕРАСКРЫТОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПЛАНИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Реферат. Рассматриваются актуальные для правоохранительных органов России и Таджикистана проблемы работы следователя по уголовному делу о нераскрытом преступлении. Предлагаются направления использования российского опыта в деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет: специально оборудованные передвижные криминалистические лаборатории, круглосуточное дежурство выделенных опытных сотрудников экспертных учреждений и следователей; разработка и внедрение схем (программ) осмотра места происшествия с обязательным указанием единых условных знаков и обозначений; фото- и видеofиксация всего хода осмотра места происшествия. Подчеркивается значение качества осмотра места происшествия (протокол и схема места происшествия), других неотложных следственных действий для всесторонности и объективности исследования вещественных доказательств. Показана целесообразность изучения отдельных материалов совместно со следователем, расследовавшим дело до его приостановления, экспертом, проводившим исследование вещественных доказательств. Планирование работы следователя (дознателя) по приостановленному производством уголовному делу о нераскрытом преступлении есть мыслительный процесс, направленный на решение поставленной задачи по расследованию и раскрытию преступления, с целью защиты прав и свобод человека и гражданина. Называются причины нераскрытия (несвоевременного раскрытия): некачественное проведение первоначальных и последующих следственных действий; отсутствие планов расследования и отдельных следственных действий; отсутствие во многих уголовных делах следов пальцев рук и других следов, изъятых на месте происшествия; игнорирование применения научно-технических средств в работе по собиранию и исследованию вещественных доказательств и отсутствие должного контакта в работе между следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками и работниками прокуратуры.

Ключевые слова: нераскрытые преступления прошлых лет, приостановленные производством уголовные дела, планирование расследования преступлений.

CONDUCTING OF INVESTIGATIONS FOR SUSPENDED CASES OF UNSOLVED CRIMES: PLANNING, FEATURES, EFFICIENCY

Abstract. The problems of conducting investigations for cases of unsolved crimes, being topical for the Russian and Tajik law enforcement bodies, are considered. It's proposed to use the Russian experience of investigating unsolved crimes of the past years in the activities of the Tajik law enforcement bodies, notably use of specially equipped mobile forensic laboratories; twenty-four-hour duty of experienced experts and investigators; elaboration and implementation of crime scene examination programs using unified conventional signs and symbols; crime scene examination photography and video recording. It's emphasized that both quality of crime scene examination (report and crime scene scheme) and other urgent investigative actions are important for thorough and objective evidence examination. Studying of certain materials together with investigator, who conducted criminal case investigation before its suspension, and experts, who conducted evidence examination, is stated to be reasonable. Investigator's (inquiry officer's) planning of conducting investigations for suspended cases of unsolved crimes is considered as intellectual process aimed at solving the issue regarding crime investigation and crime detection in order to protect rights and freedoms of man and citizen. The reasons of failure to solve crimes (or late solution of crime) are noted, they are: poor conduction of initial and follow-up investigative activities; lack of plans of investigation and certain investigative actions; lack of fingerprints and other traces, collected at the crime scene, in many criminal cases; ignoring of use of

scientific technologies when collecting and examining evidence; poor cooperation between investigators, inquiry officers, detectives and prosecuting officers during the investigation process.

Keywords: unsolved crimes of the past years, suspended criminal cases, planning of crimes investigation.

В процессе развития двух государств — России и Таджикистана их правоохранительные органы сталкиваются с такой проблемой, как расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, актуальность которой с годами не уменьшается, а возрастает. Расследование как «текущих», так и нераскрытых преступлений прошлых лет немислимо без тщательного планирования работы следователя (дознателя).

О планировании расследования по «текущим делам» в России написано много (см., например, работы А.М. Ларина, Л.П. Дубровицкой и И.М. Лузгина; Г.Н. Мудьюгина, Л.А. Соя-Серко, Н.А. Якубович, пособия и диссертации по методике расследования отдельных видов преступлений и т.д.). Однако монографических работ, раскрывающих исключительно планирование деятельности следователей (дознателей) по приостановленным делам, в криминалистике нет до сих пор.

В 70-х годах XX века опубликовано несколько статей, посвященных именно этой деятельности [1; 2].

В 1979 году вышла в свет (с ограничительным грифом) монография В.П. Лаврова, в которой имеется параграф «Планирование и осуществление работы следователя по приостановленным делам» [3, с. 103-119].

Затем в исследовании этой проблемы был продолжительный перерыв. Лишь в 2008-2013 гг. по результатам проведенного в этот период нового исследования проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет в Академии управления МВД России (на кафедре управления органами расследования преступлений) под руководством Б.Я. Гаврилова и В.П. Лаврова подготовлены статьи, посвященные деятельности следователя и дознателя по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. Вышло в свет и учебное пособие В.П. Лаврова «Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет» с параграфом, посвященным планированию работы по таким делам [4, с. 28-32; 5, с. 38].

Планирование работы следователя в период приостановления производства, как и планирование следствия, имеет по мень-

шей мере три аспекта: оно рассматривается как творческий мыслительный процесс, осуществляемый следователем; как важнейшее условие эффективности расследования и как метод его организации.

Совпадение основных аспектов планирования в работе по расследуемому и по приостановленному делу влечет за собой и наличие общих принципов планирования деятельности следователя в обеих ситуациях. Планирование по приостановленному делу, как и планирование следствия, должно быть индивидуальным, динамичным, конкретным и реальным. Специфика же, по нашему мнению, имеется в определении цели планируемой работы, характере выдвигаемых версий, в путях и способах решения поставленных задач.

Цели работы по приостановленному делу — получение фактических данных, дающих основание для возобновления производства, а также устранение пробелов и недостатков следствия, возможное без возобновления производства (например, проверка того, не оставлен ли обнаруженный на месте происшествия след пальца кем-либо из членов семьи потерпевшего).

Основная обязанность следователя по приостановленному делу заключается в том, чтобы устранить обстоятельства, вызвавшие приостановление. Это прямо вытекает из содержания ст.ст. 208-211 УПК Российской Федерации (далее — УПК РФ), ст.ст. 230-233 УПК Республики Таджикистан (далее — УПК РТ), поскольку основанием для приостановления дела о нераскрытом преступлении явилось неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, или его местопребывания, а возобновляется следствие лишь «после того, как отпали основания для приостановления или возникла необходимость производства дополнительных следственных действий» (ст. 211 УПК РФ и ст. 233 УПК РТ). Отличие лишь в том, что согласно п. 2 ст. 211 УПК РФ приостановленное предварительное следствие может быть возобновлено также на основании постановления руководителя следственного органа в связи с отменой соответствующего постановления следователя, а

согласно п. 2 ст. 233 УПК РТ приостановленное предварительное следствие может быть возобновлено также мотивированным постановлением прокурора в связи с отменой постановления следователя о приостановлении*.

Формулировка закона — установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, применительно к цели работы по приостановленному делу (ст. 209 УПК РФ, ст. 231 УПК РТ) допускает различные толкования. При этом не всегда учитывают, что даже при выявлении преступника в период приостановления производства для его привлечения в качестве обвиняемого требуются доказательства его виновности. А чтобы их получить, необходимо сначала возобновить расследование и произвести следственные действия. Только тогда, оценив полученные новые доказательства в совокупности с имевшимися, можно решить вопрос о том, подлежит ли данное лицо привлечению в качестве обвиняемого.

Нельзя согласиться с мнением А.К. Гаврилова, отождествлявшего (применительно к работе по приостановленному делу) содержание понятий «установление» и «доказывание»: «В уголовном процессе понятие “установить” равнозначно “доказать”. Установить что-либо из доказательств в уголовном процессе невозможно, ибо термин “установление” не принимается судом для вывода о виновности и наказании» [6, с. 146-148].

Применительно к правилам уголовного процесса, регулирующим производство по делу, данный тезис особых сомнений не вызывает. Но здесь речь идет об особом этапе процесса установления истины по делу, когда работа проводится в условиях отсутствия производства по делу. С точки зрения А.К. Гаврилова, теоретически неверно допускать установление лица, совершившего преступление, какими-то иными, кроме процессуальных, мерами, «когда дело приостановлено, а значит, приостановлена и уголовно-процессуальная деятельность». Мы согласны с мнением В.П. Лаврова о том, что к работе по приостановленному делу вполне применим термин «установление» в смысле обнаружения, выявления лица, совершившего преступление.

Доказывание же виновности или невиновности выявленного лица (т.е. установление того, подлежит ли это лицо привлечению в качестве обвиняемого) обязательно будет осуществлено после возобновления производства по делу. Очевидно, что установление (выявление) такого лица по приостановленному делу не равно понятию раскрытия преступления. Это лишь важный шаг на пути к раскрытию преступления, один из этапов такого пути. Завершен же этот путь (а преступление раскрыто) может быть только в ходе расследования по возобновленному делу, а по современному правовому регулированию — лишь после рассмотрения дела в суде. Соответственно, основной целью работы следователя по приостановленному делу является создание условий для такого раскрытия, что в процессуальном смысле выражается в получении оснований к возобновлению производства.

Планирование же работы по приостановленному делу осуществляется с учетом версионного метода. Версии, выдвигаемые и проверяемые по приостановленному делу, есть разновидность криминалистических версий. По своей сущности и содержанию они полностью соответствуют общепринятому определению криминалистической версии, под которой понимается обоснованное предположение следователя или дознавателя относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, объясняющее происхождение и сущность этих фактов, их связь между собой и служащее целям установления объективной истины.

По субъекту выдвижения версии в условиях приостановления производства могут быть следственными (в том числе розыскными версиями следователя) и оперативно-розыскными; по объему — главным образом частными (о лице, совершившем преступление, о месте нахождения похищенного имущества, о принадлежности предметов, обнаруженных на месте нераскрытого преступления, о мотивах преступления и т.п.). В отдельных случаях по приостановленному делу могут выдвигаться и проверяться также и общие версии (например, об отсутствии самого события преступления, которое считается нераскрытым).

* См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2010.

Планирование работы по приостановленному производству уголовному делу, по своей сути, есть продолжение планирования расследования. Эта неразрывная связь проявляется в характере и содержании выдвигаемых и проверяемых версий, которые разделяются на такие, как:

1. Старые версии, т.е. выдвигавшиеся и проверявшиеся при расследовании, но оставшиеся не проверенными до конца.

Особенно важно оценить реальность ранее выдвинутых версий и определить, насколько полно отработана каждая из них, выявить пробелы, допущенные при раскрытии преступления до приостановления следствия. Следующей задачей является восполнение имеющихся пробелов и доведение до конца проверки ранее выдвинутых версий. При этом необходимо использовать данные, полученные на начальном и последующем этапах расследования.

При внимательном анализе имеющегося материала можно обнаружить непроверенные факты, в связи с чем иногда в корне изменяются направления работы по раскрытию преступления. Практика показывает, что раскрытие именно этой категории дел начинается, на первый взгляд, с «мелочей», которые на первоначальном этапе по различным причинам были не проверены. Поэтому уже в процессе изучения имеющейся в делах информации нужно при необходимости организовать и провести пере проверку отдельных материалов (повторная проверка по всем учетам, проведение криминалистических исследований и т.д.).

В том случае, если возникает потребность в выполнении тех или иных следственных действий, которые ранее не были проведены, а также в уточнении отдельных обстоятельств, требующих процессуального вмешательства (повторный осмотр места происшествия, назначение экспертиз, допросы свидетелей и потерпевших), ставится вопрос о возобновлении производства по делу и проведении дополнительного расследования. При возобновлении производства по уголовному делу следователи и дознаватели не должны ограничиваться исследованием уже имеющихся доказательств, необходимо отыскивать и дополнительные сведения, используя для этого новые источники информации. Важно, чтобы были проверены, подтверждены

или опровергнуты имеющиеся подозрения в отношении определенных лиц.

2. Немаловажное, а порой определяющее значение для установления виновных лиц имеет выдвижение новых версий. Они должны быть построены на основе информации, полученной при анализе изученных дел, а также данных, добытых в результате устранения имевшихся в делах пробелов и недостатков. При построении новых версий нужно учитывать и обстоятельства косвенного характера: кто конкретно мог быть заинтересован в наступлении преступного результата; кто мог иметь орудия преступления, использованные при его совершении; кто принимал меры к сокрытию преступления или заинтересован в таких мерах (инсценировки, распространение слухов, дезориентирующих следствие, и т.п.), если такие факты будут установлены.

Содержанием инсценировок является уничтожение следов, создание ложной обстановки, видимости одного события вместо другого, ложных представлений о деталях события. Чаще всего инсценировки служат средством сокрытия таких преступлений, как хищение государственного или общественного имущества путем присвоения и растраты, убийство, умышленное уничтожение имущества, изнасилование, уклонение от службы в армии. Инсценировка может сочетать в себе элементы реального поведения (создание ложной обстановки) и вербального (словесные ложные заявления).

Так, например, в Таджикистане гражданин У., от которого забеременела гражданка Ш., совершил убийство последней. Ш. просила У. жениться на ней, чтобы не быть опозоренной перед ее родителями, но он отказывался и заставлял ее сделать аборт. Тогда Ш. попросила У. сходить с ним к врачу-акушеру, чтобы врач убедил его, что аборт делать поздно, так как срок беременности был свыше четырех недель. Перед врачом она плакала и просила У., чтобы он женился на ней, но У. сказал, что подумает, и ушел. Через неделю У. уговорил Ш. поехать с ним в г. Ташкент якобы на учебу и рассказал ее подруге, что они вместе уезжают в другой город. Однако У. обманным путем привел Ш. в поле и ударил ее железной арматурой по голове, от чего Ш. скончалась. У. выбросил труп

в протекавший неподалеку канал с водой. Труп вскоре был обнаружен местными жителями. Долгое время данное преступление находилось в числе нераскрытых преступлений прошлых лет. Но однажды, увидев в специализированной передаче МВД «Сипар» («Щит») труп, подруга погибшей опознала Ш. по одежде, в которой та перед отъездом в другой город приходила к ней. Подруга дала свидетельские показания. Вскоре У. был задержан сотрудниками милиции. В процессе допроса он рассказал о мотиве преступления и впоследствии был привлечен к уголовной ответственности.

В число лиц, подлежащих тщательной проверке на их причастность к совершению преступления, должны также включаться граждане, владеющие предметами, похожими на украденные; имеющие приметы, сходные с приметами преступника; общавшиеся с потерпевшим и внезапно скрывшиеся, пропавшие без вести, выехавшие в другую местность на постоянное жительство вскоре после обнаружения преступления или в период предварительного следствия по нему.

При построении и отработке новых версий необходимо изучать: материалы по делам об аналогичных преступлениях; архивные уголовные дела; заявления и сообщения о преступных проявлениях, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано.

В необходимых случаях следователю или дознавателю (особенно если он не принимал участия в работе по раскрытию преступления до приостановления уголовного дела) целесообразно лично ознакомиться с местом происшествия. Это поможет лучше представить всю обстановку совершения преступления, выяснить происшедшие там изменения.

Осуществляя проверку новых версий, следователь (дознаватель) при необходимости ставит вопрос о возобновлении производства по приостановленному уголовному делу, когда те или иные данные, позволяющие раскрыть преступление, могут быть получены и зафиксированы процессуальным путем.

При раскрытии преступлений рассматриваемого вида в обязательном порядке нужно дополнительно, а при необходимости повторно ориентировать соседние и другие ОВД и отделы внутренних

дел на транспорте, органы исполнения наказаний об обстоятельствах нераскрытого преступления с учетом вновь полученных сведений.

Кроме того, сам следователь (дознаватель) должен систематически знакомиться с поступающими сводками-ориентировками, с целью отыскания в них сведений, которые могут быть использованы в раскрытии преступлений. К таким сведениям относятся данные об обнаружении похищенных предметов, оружия, по приметам сходных с теми, которые числятся в розыске по делу о нераскрытом преступлении.

Особую группу следственных версий, выдвигаемых и проверяемых по приостановленному делу, составляют розыскные версии. Такими версиями чаще всего являются предположения о месте нахождения похищенного имущества, скрывшихся подозреваемых, выехавших потерпевших или важных свидетелей. Существует также прямая связь между раскрытием преступлений прошлых лет и розыском известных, но скрывшихся преступников по другим делам. Задержание таких преступников создает возможность для изобличения их в преступлениях, совершенных уже после объявления их в розыск.

Так, в Таджикистане преступники, переодевшись в камуфляжную одежду и надев черные тряпичные маски, совершали разбойные нападения на индивидуальных предпринимателей, занимающихся частным бизнесом. Забирали в основном деньги и драгоценности. Указанные деяния долгое время оставались в числе нераскрытых преступлений прошлых лет. И лишь после длительных проверок нескольких версий, проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудники милиции в тесном взаимодействии со следователями задержали гражданина Б., предварительно организовав засаду в его доме. Подозреваемый оказал вооруженное сопротивление сотрудникам милиции, что еще больше подтвердило его причастность к незаконному хранению и использованию огнестрельного оружия в целях совершения им и установленными в дальнейшем его соучастниками ряда убийств, грабежей и разбоев.

Произведенный нами с использованием специально разработанных анкет

опрос 200 сотрудников (следователей, дознавателей, экспертов-криминалистов, оперативных сотрудников) показал, что требования ведомственных нормативных актов об обеспечении следователей и оперативных сотрудников оперативной (розыскной) информацией в целях использования ее в повседневной работе, оставляют желать лучшего. Из числа опрошенных 63 сотрудника отметили необходимость усиления взаимодействия между следователями (дознавателями) и оперативными сотрудниками. На вопрос о том, следует ли допустить возможность производства следственных действий по приостановленному уголовному делу, изменив при этом п. 3 ст. 231 УПК РФ, положительно ответили 148 респондентов, а отрицательно – 52.

При изучении 250 уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет в Республике Таджикистан было выявлено, что большая часть из них прекращена и снята с учета за давностью либо прекращена в связи с актами об амнистии или в связи со смертью обвиняемого.

Внимательный анализ имеющегося в изученных уголовных делах материала позволил вскрыть непроверенные факты, которые могли бы изменить направления работы по раскрытию преступлений. К сожалению, в данных уголовных делах практически отсутствует немаловажное, а порой имеющее определяющее значение для установления виновных лиц выдвижение новых версий.

Характерными версиями в планировании работы по делам, производство по которым приостановлено, бывают предположения о причастности к преступлению лиц, фигурировавших в деле, и в период расследования внезапно выехавших в Российскую Федерацию или в другие государства как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Опыт лучших следователей России показывает, что важным условием эффективной работы по приостановленному делу и основной формой выражения результатов творческого процесса планирования является письменный план. Он призван служить логическим дополнением, своего рода продолжением плана расследования по делу. Письменный план является одним из средств обеспечения целенаправленно-

сти и систематичности работы следователя и оперативного сотрудника по уголовному делу, производство по которому приостановлено. Его наличие повышает возможности контроля и самоконтроля в работе по раскрытию преступлений прошлых лет. Последнее особенно важно в связи с тем, что многие из планируемых мероприятий бывают менее конкретны и рассчитаны на более длительные сроки, чем при обычном расследовании*.

Тот факт, что по оперативно-поисковому делу имеется план мероприятий по раскрытию того же преступления, не освобождает следователя от необходимости составления плана его работы по уголовному делу, производство по которому приостановлено. План по оперативно-поисковому делу содержит оперативно-розыскные версии и направленные на их проверку оперативно-розыскные мероприятия. Действия следователя планируются здесь обычно лишь на период расследования (до приостановления дела) либо постольку, поскольку они связаны с возобновлением производства. Как правило, это такие действия, которые непосредственно отражают взаимодействие следователя и оперативного сотрудника, являются одной из сторон реализации взаимодействия. Поэтому даже если в уголовно-розыском деле имеется совместно составленный следователем и оперативным сотрудником план мероприятий по раскрытию преступления, следователю целесообразно с учетом этого общего плана составить план своей работы, дополнив и конкретизировав перечень мероприятий, закрепленных за ним общим планом.

Весьма важным является вопрос о содержании мер, планируемых и осуществляемых следователем по приостановленному производству делу.

Как показывает практика российских правоохранительных органов, перечень мер, принимаемых следователями (дознавателями) по уголовным делам о нераскрытых преступлениях, производство по которым приостановлено, довольно большой. К таким мерам относятся:

* Техника составления плана работы по приостановленному делу по сравнению с составлением плана расследования существенной специфики не имеет. О технике планирования расследования см.: [7, с. 40-53; 8; 9].

- личное ознакомление следователя (дознателя) с местом происшествия, если его осмотр в свое время производил другой сотрудник;

- беседы с потерпевшими и отдельными свидетелями с целью проверки имеющейся и получения дополнительной информации;

- повторные ориентировки других органов внутренних дел о нераскрытом преступлении, с сообщением дополнительных сведений об обстоятельствах преступления, новых данных, относящихся к личности преступника, похищенным вещам и т.п.;

- запросы в различные учреждения и организации с целью установления и проверки отдельных фактических данных, местонахождения определенных лиц и др.;

- использование учетов органов внутренних дел;

- истребование и изучение архивных уголовных дел и иных архивных материалов органов внутренних дел;

- организация проведения криминалистических и иных специальных исследований;

- дача оперативному сотруднику поручений и указаний, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого;

- меры по обеспечению явки с повинной и проверка заявления явившегося с повинной;

- меры по использованию помощи общественности в раскрытии преступления, производство по делу о котором приостановлено;

- изучение дел о преступлениях, вновь совершенных на территории, обслуживаемой данным органом внутренних дел;

- использование возможностей расследования по делам, по которым преступники установлены (особенно обысков и допросов по таким делам).

В целях эффективного расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в Республике Таджикистан, по нашему мнению, необходимо:

- увеличить количество и более активно использовать передвижные криминалистические лаборатории на специально оборудованных автомашинах, которые будут выезжать на место происшествия и в кратчайшие сроки предварительно ис-

следовать и сохранять обнаруженные там следы преступления или другие вещественные доказательства;

- ввести круглосуточные дежурства специально выделенных для этого по штату опытных сотрудников экспертных учреждений и следователей, которые выезжали бы на осмотр места происшествия и оформляли все необходимые процессуальные действия более полно, объективно и грамотно, как этого требует уголовно-процессуальный закон;

- разработать и внедрить в практику схемы (программы) осмотра места происшествия с обязательным указанием единых условных знаков и обозначений;

- при осмотре места происшествия в определенных ситуациях производить не только фотосъемку, но и видеозапись всего хода этого следственного действия. При этом диск или кассету необходимо прилагать к материалам уголовных дел как источник доказательств.

При изучении материалов уголовных дел особое внимание следует обращать на качество осмотра места происшествия, (протокол и схему места происшествия, их полноту и объективность), на недостатки, допущенные в процессе осуществления неотложных и других следственных действий, на всесторонность и объективность исследования имеющихся вещественных доказательств.

В некоторых случаях целесообразно, чтобы в изучении отдельных материалов принимали участие следователь, расследовавший дело до его приостановления, эксперт, проводивший исследование вещественных доказательств при расследовании до приостановления производства. Для консультаций по вопросам, требующим специальных знаний, следует приглашать соответствующих специалистов. Это способствует выявлению дополнительной информации, необходимой для раскрытия преступления.

Таким образом, изучение уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет в Республике Таджикистан позволяет сделать вывод о том, что планирование работы следователя (дознателя) по уголовному делу о нераскрытом преступлении, производство по которому приостановлено, есть прежде всего мыслительный процесс, направленный на решение поставленной

задачи по расследованию и раскрытию преступления, защиту прав и свобод человека и гражданина. Основными причинами, повлекшими нераскрытие преступлений (или несвоевременное раскрытие), являются: некачественное проведение первоначальных и последующих следственных действий; отсутствие планов расследования и планов отдельных следственных действий; отсутствие по многим уголовным делам следов пальцев и других следов, изъятых в местах происшествия; игнорирование примене-

ния научно-технических средств в работе по собиранию и исследованию вещественных доказательств и отсутствие должного контакта в работе между следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками и работниками прокуратуры. Исходя из этого сотрудникам правоохранительных органов Республики Таджикистан необходимо больше учитывать и использовать в работе по уголовным делам, производство по которым приостановлено, опыт правоохранительных органов России.

Список литературы

1. Новиков А.И., Мороз Л.Н. Особенности планирования работы следователя по приостановленным делам // Правовые науки и журналистика. Алма-Ата, 1970. Вып. 2.
2. Быков В.М. Особенности планирования расследования по приостановленным делам // Вестник передового опыта УВД Омского облисполкома. 1970.
3. Лавров В.П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. М.: Академия МВД СССР 1979.
4. Лавров В.П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2013.
5. Лавров В.П., Гаврилов Б.Я. Нераскрытые преступления прошлых лет: современное состояние и пути решения проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2010. N 4 (16).
6. Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы): монография. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976.
7. Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. М.: ВШ МВД СССР, 1972.
8. Литвинов И. Расследование убийств прошлых лет // Законность. 2005. N 3.
9. Рябчиков В.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

References

1. Novikov A.I., Moroz L.N. *Osobennosti planirovaniya raboty sledovatelya po priostanovlennym delam* [Features planning inspector suspended for Legal Affairs]. *Pravovye nauki i zhurnalistika* [Science and journalism]. Alma-Ata, 1970. Edition 2.
2. Bykov V.M. *Osobennosti planirovaniya rassledovaniya po priostanovlennym delam* [Features planning investigation suspended for advanced experience]. *Vestnik peredovogo opyta UVD Omskogo oblispolkoma* – Herald of the Internal Affairs of Omsk the regional executive committee, 1970.
3. Lavrov V.P. *Organizatsionnye i taktiko-kriminalisticheskie osnovy raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy proshlykh let* [Organizational and tactical foundations of forensic detection and investigation of crimes of past years]. Moscow, Academy of the Ministry of Interior of the USSR, 1979.
4. Lavrov V.P. *Rassledovanie neraskrytykh prestupleniy proshlykh let* [The investigation of unsolved crimes of past years]. Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia, 2013.
5. Lavrov V.P., Gavrilov B.Ya. *Neraskrytye prestupleniya proshlykh let: sovremennoe sostoyanie i puti resheniya problemy* [Unsolved crimes of past years: a modern condition and ways of solving problems]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* – Proceedings of the Academy of the Interior Ministry of Russia, 2010, no. 4 (16).
6. Gavrilov A.K. *Raskrytie prestupleniy na predvaritel'nom sledstvii (pravovye i organizatsionnye voprosy)* [Disclosure of crime during the preliminary investigation (the legal and organizational issues)]. Volgograd, 1976.
7. Dubrovitskaya L.P., Luzgin I.M. *Planirovanie rassledovaniya* [Planning the investigation]. Moscow, 1972.
8. Litvinov I. *Rassledovanie ubiystv proshlykh let* [Investigation of the murders of yesteryear]. *Zakonnost'* – Legality, 2005, no. 3.
9. Ryabchikov V.V. *Priostanovlenie i vozobnovlenie predvaritel'nogo rassledovaniya. Kand. Diss.* [Suspension and resumption of the preliminary investigation. Cand. Diss.]. Vladimir, 2006.

ДИДРИХ М.П., DIDRIKH M.P.,
didrix81@mail.ru didrix81@mail.ru
Кафедра правовой подготовки Chair of legal training
сотрудников органов внутренних дел; of law enforcement officers;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75 625049, Russian Federation

ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ: ДОСТАТОЧНЫ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИЦИИ?

Реферат. Насилие сопровождает жизнь значительного количества российских детей, несмотря на развитую современную систему их правовой охраны. Отчасти причиной этого выступает моральное обоснование и принятие насилия в качестве метода воспитания детей. Критикуется сложившаяся практика воспитания детей, в основу которого положен метод физического принуждения. Рассмотрены различные проблемы оперативно-служебной деятельности подразделений по делам несовершеннолетних, осуществляющих защиту интересов детей от семейного насилия. Констатируется явная ограниченность (недостаточность) предоставленных полиции действующим законодательством полномочий в области охраны несовершеннолетних от насилия в семье, что не позволяет эффективно и, самое главное, превентивно работать с проблемными семьями. Сложившееся положение не соответствует одному из основных направлений деятельности полиции – защите личности, общества, государства от противоправных посягательств. Предлагается перевести применение семейного насилия (побоев) в категорию дел публичного обвинения (в том числе, если пострадала только мать ребенка); делегировать полномочия органов опеки и попечительства по экстренному изъятию детей в ситуации угрозы их жизни и здоровью социальным службам экстренного реагирования; предоставить сотрудникам полиции право инициировать лишение родительских прав; дополнить ст. 316 УК РФ положением, устанавливающим ответственность за укрывательство совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений; обязать медицинские организации предоставлять сотрудникам полиции сведения о психическом здоровье граждан, имеющих несовершеннолетних детей и состоящих на профилактическом учете в полиции; законодательно закрепить перечень оснований обязательного лечения от алкогольной или наркотической зависимости лица, имеющего несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, семейное насилие, жестокое обращение, частное обвинение, инспектор по делам несовершеннолетних, служба экстренного реагирования, органы опеки и попечительства, лишение родительских прав, полиция.

ON THE ISSUE OF SUFFICIENCY OF POLICE POWERS IN THE FIELD OF PROTECTING MINORS FROM DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. Each day numerous Russian children become victims of cruel treatment, though our system of child protection is regarded as rather developed. Violence is morally substantiated and accepted as a method of children upbringing in our country. The existing practice of upbringing, basing on the method of physical forcing, is criticized. Different problems of the official activities of juvenile divisions, providing protection of children from domestic violence, are considered. According to the effective legislation police has restricted (insufficient) powers in the field of protecting minors from domestic violence, which doesn't allow police officers to conduct effective and preventive work with problem families. The current situation contradicts one of the main police functions – to protect life, liberty, property, human rights and internal security. Some proposals on solving this problem are made: to refer using of violence (beating) to the category of cases of public prosecution (also when mother of the child is the only victim); to delegate guardianship agencies' powers to take children from family in situations dangerous to their life and health to social emergency services; to empower police officers to initiate the termination of parental rights; to add the provision, imposing responsibility for covering up crimes committed against minors, to the Article 316 of the RF Criminal Code; to obligate medical facilities to provide police officers with information on mental health of citizens, having children and being put on preventive register; to fix the list of grounds for providing compulsory medical treatment for alcohol or drug abusers having children.

Keywords: minor, domestic violence, cruel treatment, private prosecution, juvenile inspector, emergency services, guardianship agencies, termination of parental rights, police.

Насилие, в том числе и внутрисемейное, является древним явлением в жизни различных народов. По данным исследований, каждый год более тридцати миллионов детей подвергаются физическому, сексуальному и психологическому насилию [1, с. 366]. Проблема насилия над детьми также имеет давние исторические корни. До определенного исторического периода общественного развития родственно-семейное насилие считалось допустимым, а физическое наказание детей на Руси было самым обычным, вполне нормальным способом воспитания. О методах воспитания детей в то время говорят русские пословицы и поговорки: «Воспитывать кнутом и пряником», «Больше тумачков – меньше дураков» и т.д. А в памятнике средневековой русской культуры «Домострой» содержится следующий совет родителям: «И не жалеи, младенца поря: если прутом посечеши его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти...» [2, с. 451]. Лишь в конце эпохи Возрождения ребенок стал признаваться как великая ценность. Таким образом, в своем развитии человечество не сразу пришло к пониманию того, что ребенок – тоже полноценный член общества, а не собственность своих родителей или тех, кто их заменяет.

В настоящее время отношение к детям существенно изменилось, и, конечно, в лучшую сторону. Ребенок уже с рождения считается полноценным членом общества, и его жизнь охраняет Конвенция ООН о правах ребенка, принятая в 1989 году. По действующему российскому законодательству насилие в отношении детей запрещено. Согласно Конституции Российской Федерации (1993 г.) никто (в том числе и дети) не должен подвергаться насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 21), а детство находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38). 25 августа 2014 года была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.*, в которой одним из при-

оритетных направлений государственной семейной политики признаны «восстановление традиционных семейных ценностей... прочности семьи и любви к детям». Кроме того, физические наказания детей и жестокое обращение с ними запрещены Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) (ст.ст. 116, 156 и др.) и Семейным кодексом РФ (далее – СК РФ), ч. 1 ст. 65 которого гласит о запрете причинения вреда физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию при осуществлении родительских прав.

Действующий УК РФ предусматривает ответственность за следующие преступления в отношении несовершеннолетних (которые прямо заявлены или могут быть расценены как насильственные), совершенные со стороны членов семьи: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ); заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству (ст. 125 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления совершенное с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 151 УК РФ); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением с ним (ст. 156 УК РФ).

Кроме того, ряд составов преступлений общеуголовной направленности в отношении несовершеннолетних содержится в разных главах УК РФ в соответствии с объектами посягательства (например, составы преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 126 «Похищение несовершеннолетнего» и п. «д» ч. 2 ст. 127 «Незаконное лишение свободы в отношении заведомо несовершеннолетнего», помещены в главу 17 УК РФ; составы преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131 «Изнасилование несовершеннолетней» и п. «б» ч. 4 ст. 131 «Изнасилование потерпевшей,

* Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 2014 г. N 1618-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/#review>

не достигшей четырнадцатилетнего возраста», помещены в главу 18 УК РФ).

По примеру европейских стран, в которых детям уже в младших классах школы объясняют их права и сообщают номера телефонов, по которым они могут позвонить, если их обижают родители или любые другие взрослые, подобные мероприятия проводятся и в нашей стране, в частности, с сентября 2010 г. в России работает детский телефон доверия с единым общероссийским номером 8-800-2000-122.

Тем не менее, несмотря на наличие достаточно развитой системы правового регулирования, в том числе законодательного запрета на применение насилия в отношении несовершеннолетних, насилие продолжает присутствовать в жизни огромного количества российских детей. Более того, на сегодняшний день, к сожалению, насилие над детьми превратилось в уже вполне обычное явление.

Так, за 8 месяцев 2015 г. в г. Тюмени 245 детей стали жертвами преступлений, в том числе 133 преступления были сопряжены с применением различных форм насилия. В частности, три ребенка стали жертвами убийств (ст. 105 УК РФ), пятьдесят детей пострадали от побоев (ст. 116 УК РФ), еще трое стали жертвами изнасилований (ст. 131 УК РФ), 18 – жертвами насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ). В масштабах Тюменской области статистика такова: 781 ребенок пострадал от преступных действий, в том числе 545 преступлений имели насильственный характер, жертвами побоев стали 309 детей, 6 детей были убиты, 120 – стали жертвами различных форм сексуального насилия. Из общего количества детей, ставших жертвами преступных посягательств, 53 ребенка пострадали от противоправных действий собственных родителей (иных законных представителей)*.

Различают четыре основных формы насилия над детьми и пренебрежения их интересами: физическое, сексуальное (развращение), психическое (эмоциональное) насилие, пренебрежение основными нуждами ребенка (моральная жестокость).

* Сведения о преступлениях в отношении несовершеннолетних по всем линиям за 8 месяцев 2015 г. // Архив ИЦ УМВД России по Тюменской области.

По некоторым данным отечественных социологов, современная российская семья – самая агрессивная в истории России. К сожалению, многие родители педагогически неграмотны, вследствие чего ими применяются недопустимые методы воспитания, отрицательно сказывающиеся на формировании личности ребенка (к числу таких методов можно отнести побои, унижение, оскорбление, безмерную критику, порой доводящую детей до самоубийств, и т.п.). Судебная и следственная практика имеет много примеров использования родителями «педагогических приемов», которые можно квалифицировать как насилие. Многие родители уверены, что преимущественно физические наказания детей являются эффективной формой их воспитания. Иначе говоря, значительной частью российского общества разделяется мнение о правомерности внутрисемейного насилия над ребенком, а именно о телесном наказании ребенка как о законном и правильном способе его воспитания. Обществом разделяется также мнение о том, что то, как родители обращаются со своими детьми, взаимоотношения супругов, – это личное дело семьи, а вмешательство государства в семейно-бытовую сферу не только не приветствуется, но и вредит устоям семьи. Большинство людей уже привыкли, даже смирились или стараются не замечать жестокого обращения с детьми, пренебрежения их интересами, эксплуатации.

На обсуждение проблемы насилия над детьми, как и в целом насилия против личности, до недавнего времени было наложено своего рода табу. До сих пор многие считают недопустимым вмешательство в чужие семейные отношения. В связи с этим интересны данные социологического опроса, в ходе которого респондентам был задан вопрос: «Что Вы предпримете, если окажетесь свидетелями жестокого обращения с ребенком?». Треть опрошенных сказали, что не будут вмешиваться в происходящее, считая это внутренним делом семьи, а также, что родители лучше знают, как им поступать со своими детьми [3]. А побои жен, детей люди относят к части «семейных отношений». И даже если за соседней дверью кричат: «Убивают!», далеко не каждый вмешается или хотя бы вызовет полицию. При этом ответствен-

ность за такое бездействие (которое можно назвать преступным равнодушием) для граждан в российском уголовном праве не предусмотрена.

Как справедливо заметил Рэй Брэдбери, «У людей теперь нет времени друг для друга». Это вполне применимо и к современному российскому обществу. В связи с этим крайне показателен случай, произошедший 25 июля 2015 г. в Нижнем Новгороде. Тогда в одной из квартир были убиты топором и расчленены шестеро малолетних детей в возрасте от 1 года до 6 лет и их беременная мать, Ю.В. Зайцева, 1983 г.р., (в совершении преступления обвиняется отец семейства, больной шизофренией, — О.П. Белов, 1963 г.р.), а слышавшие крики о помощи соседи даже не вызвали полицию ни во время скандала, ни после него. И только после того, как 3 августа 2015 г. в полицию обратились обеспокоенные родственники погибшей женщины, сотрудники полиции вскрыли квартиру и обнаружили останки тел жертв преступления [4]. Были возбуждены уголовные дела по ч. 3 ст. 293 УК РФ в отношении шести сотрудников Отдела полиции № 5 УМВД России по г. Нижнему Новгороду, которые за последние пять лет, как выяснилось, рассмотрели 13 заявлений Ю.В. Зайцевой и ее родственников с жалобами на насилие, но не приняли мер и не предотвратили гибель целой семьи.

При этом данный случай не является уникальным, и в практике полиции подобного рода семей, в которых насилие в разных его формах является неотъемлемой, привычной частью жизни, — тысячи. Сотрудники полиции, непосредственно сталкивающиеся в своей повседневной служебной деятельности с семейным насилием, — это в первую очередь инспекторы по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные полиции.

По состоянию на 20 августа 2015 г. штатная численность отделений по делам несовершеннолетних УМВД по г. Тюмени составила 76 единиц, из которых деятельность 11 сотрудников не связана с обслуживанием территории. Таким образом, фактически в городе Тюмени с населением в 129 275 несовершеннолетних работают лишь 65 инспекторов по делам несовершеннолетних. Нагрузка на одного инспектора составляет 1 989 человек. За 8 месяцев 2015 г. инспекторами ПДН раскрыто 89

преступлений, из них 47 — в отношении несовершеннолетних, в том числе 17 преступлений были связаны с нанесением побоев (ст. 116 УК РФ) и 2 — с жестоким обращением с несовершеннолетними (ст. 156 УК РФ)*.

В г. Тюмени по состоянию на 20 августа 2015 г. работало 216 участковых уполномоченных полиции, которыми за 8 месяцев текущего года выявлено 1 421 преступление, из них 302 — преступления, совершенные на бытовой почве, в том числе по ст. 116 УК РФ (побои) — 173. В результате так называемого «домашнего» насилия в г. Тюмени за анализируемый период 8 человек погибли на месте преступления, 39 человек получили дома травмы, оцененные впоследствии как тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ), 7 из них от полученных травм скончались в стенах медицинских учреждений**.

К сожалению, случай, аналогичный нижегородскому, вполне мог и по-прежнему может произойти в любом другом городе России. Можно выделить несколько причин этого.

1. Рассматриваемые дела являются так называемыми делами «частного обвинения» (см. ст. 20 УПК РФ), а значит, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего и прекращаются за примирением сторон, что в большинстве случаев и происходит. Как справедливо отмечено в Указании МВД России от 25.08.2015 г. № 1/6818 «О дополнительных мерах по организации служебной деятельности», страх потерять семью, зависимость от супруга, опасения за свою жизнь и жизнь детей вынуждают женщин идти на примирение с обидчиком и отказываться от своих первоначальных намерений наказать его. А если заявление от потерпевшей стороны не поступает либо потерпевшая меняет свое решение и пишет «отказ», то даже тот факт, что соседи обратились в полицию, не является основанием для привлечения виновного лица к административной или уголовной ответственности. Количество раз, когда можно писать такие «отказы», законом не ограничено.

* Сведения о результатах деятельности участковых уполномоченных полиции за 8 месяцев 2015 г. // Архив ИЦ УМВД России по Тюменской области.

** Там же.

Так, 21 марта 2015 г. на пульт оператора 02 в городе Тюмени поступило сообщение от гр. Х., 1985 г.р., о том, что она и трехлетний сын были избиты кочергой ее мужем Ч., 1979 г.р. В ходе предварительной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ было установлено, что гр. Ч. не только действительно применял физическую силу к малолетнему сыну в период времени с 19 по 21 марта 2015 г., ненадлежащим образом исполнял свои обязанности по его воспитанию, допуская жестокое обращение с ним, но и ранее, в течение года, неоднократно наносил побои и жене, и сыну. Более того, за нанесение своему сыну Д. телесных повреждений он уже был осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ к исправительным работам сроком на 6 месяцев. В ходе проверки было установлено, что с мая 2014 г. по март 2015 г. мать несовершеннолетнего, гр. Х. и иные лица (ее родственники) 8 раз обращались в Отдел полиции N 7 УМВД России по г. Тюмени с заявлениями по фактам семейных скандалов и нанесения телесных повреждений*, трижды сама Х. обращалась в медицинские организации после побоев, в том числе с переломом носа и ушибом позвоночника. Данную семью участковые уполномоченные полиции хорошо знали, неоднократно посещали, но каждый раз (кроме одного случая, когда было возбуждено уголовное дело) принимали по материалам проверок решения об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку каждый раз после обращения в полицию Х. отказывалась от подачи заявления на уголовное преследование, просила прекратить проверки, собственноручно писала заявления о том, что претензий к мужу не имеет, и продолжала проживать с ним, подвергая опасности себя и двух своих малолетних детей. И это несмотря на то, что Ч. был трижды судим, в том числе в течение 12-ти лет отбывал наказание в местах лишения свободы за убийство. Безнаказанность привела к тому, что Ч. стал жестоко обращаться и с малолетним сыном, избивать его. К счастью, в данном

* Материалы проверок КУСП N 7059 от 02.05.2014 г., КУСП N 12232 от 23.07.2014 г., КУСП N 9781 от 14.06.2014 г., КУСП N 17023, 17025 от 09.10.2014 г., КУСП N 1705 от 29.01.2015 г., КУСП N 1713 от 30.01.2015 г., КУСП N 2396 от 11.02.2015 г. // Архив ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

случае женщина и ребенок остались живы: Х., написав заявление на мужа о фактах истязания (ст. 117 УК РФ) и жестокого обращения с несовершеннолетним (ст. 156 УК РФ), забрала детей и ушла от него. В настоящее время Ч. находится под подпиской о невыезде, ведется предварительное расследование**.

2. Сотрудники полиции не обладают полномочиями на изъятие несовершеннолетних детей из семьи даже в случае, если детям угрожает опасность или они стали жертвами насилия в семье. Согласно ст. 77 СК РФ таким правом наделены только органы опеки и попечительства (которые в отличие от полиции не работают в ночное время, в выходные и праздничные дни, когда случается большинство происшествий), если усмотрят наличие угрозы для жизни и здоровья ребенка.

Несмотря на отсутствие полномочий на уровне федерального законодательства, ранее в г. Тюмени была многолетняя (на наш взгляд, положительная) практика немедленного изъятия детей из семьи инспекторами ПДН вместе с сотрудниками службы экстренного реагирования, которые комиссионно, на месте определяли наличие или отсутствие признаков угрозы для жизни и здоровья ребенка в каждой конкретной ситуации. Эта практика применялась с 2007 года и основывалась на местном акте – Положении о социальной службе экстренного реагирования «Ребенок и семья» (СЭР) в городе Тюмени. Сотрудники данной службы круглосуточно выезжали в семьи по информации граждан или сотрудников полиции о наличии признаков семейного неблагополучия или насилия над ребенком в семье. В частности, за 7 месяцев 2015 г. сотрудниками СЭР совместно с сотрудниками полиции из семей в связи с угрозой жизни и здоровью города Тюмени было изъято 108 детей, которые затем были помещены в государственные учреждения (в том числе 4 ребенка изъятые из семьи в связи с совершением преступления в отношении их со стороны родителей). Однако после «прогремевшей» в июне 2015 года истории с изъятием трех детей 2, 5 и 8 лет из многодетной семьи Ш. в Тюмени такая практика изъятия полностью прекращена. Напомним: дети из семьи Ш. были изъятые

** Уголовное дело N 20150242577 // ОД ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

сотрудниками СЭР совместно с полицейскими 27 августа 2014 г., поскольку на момент посещения семьи мать в очередной раз находилась в состоянии алкогольного опьянения, отец дома отсутствовал (при этом семья с 2008 г. состояла на учете в полиции как неблагополучная), дома были антисанитарные условия, дети искусаны клопами, продукты питания отсутствовали. В итоге дети были спасены, а вот действия сотрудников полиции признаны неправомерными, поскольку ни полицейские, ни сотрудники СЭР не имели по закону полномочий на изъятие детей из семьи, даже невзирая на то, что всеми надзорными органами не оспаривался факт нахождения детей в социально опасном положении, в ситуации угрозы для жизни и здоровья [5].

Таким образом, даже в случае выявления ситуации семейного насилия дети должны быть оставлены сотрудниками полиции в этих семьях до прибытия туда сотрудников органов опеки и попечительства, что далеко не всегда возможно сразу. А будут ли на следующий день эти дети еще живы и здоровы? Откроют ли вообще двери данной квартиры сотрудникам органов опеки? (А проникновение в жилое помещение, как известно, позволено только полиции и строго ограничено пределами, указанными в статье 15 Федерального закона «О полиции»^{*}). Из сложившейся ситуации мы видим следующий выход:

1) необходимо делегировать полномочия органов опеки и попечительства на экстренное изъятие детей в ситуации угрозы для жизни и здоровья сотрудникам СЭР. В частности, в г. Тюмени это можно осуществить посредством заключения между органами опеки и попечительства и Центром социальной помощи семье и детям «Мария» договора в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. N 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан»^{**};

2) необходимо организовать круглосуточные службы экстренного реагирования по всей России, в каждом городе, поскольку жизнь и здоровье ребенка не

должны зависеть от места его проживания, права ребенка должны одинаково защищаться на территории всей страны. В настоящее время подобные службы действуют в отдельных городах России (Курган, Тобольск, Тюмень, Омск, Челябинск).

3. Деятельность сотрудников полиции по противодействию семейному насилию осложнена высокой латентностью преступлений на бытовой почве в отношении детей. Существующая официальная статистика далека от фактических цифр.

Так, по городу Тюмени за 8 месяцев 2015 г. зарегистрировано всего 302 преступления на бытовой почве, из них 189 – в отношении женщин и 19 – в отношении несовершеннолетних детей^{***}. 19 детей – жертв семейного насилия при населении по городу Тюмени в возрасте от 0 до 17 лет в 129 275 несовершеннолетних – цифра, далекая от реальности. Для сравнения: за 8 месяцев 2014 г. было зарегистрировано 424 преступления на бытовой почве. Вызывает сомнение то, что в текущем году случаев семейного насилия стало меньше. Скорее, люди стали реже обращаться за защитой от семейного насилия в полицию, и в том числе потому, что уже после 1-2 вызовов полиции осознали, что реальной помощи не получают.

4. Отсутствие полномочий на инициирование процесса лишения родительских прав. Сотрудники полиции могут лишь направить сообщения «иным субъектам профилактики» – органам опеки, комиссиям по делам несовершеннолетних, прокуратуре, Центру помощи семье и детям «Мария» (г. Тюмень), в которых могут изложить факты и высказать свои предложения. А принимать решение, инициировать процесс лишения родительских прав может только один из родителей, иной законный представитель (например, бабушка, которой официально предоставили временную опеку, чего на практике добиться крайне сложно), органы прокуратуры или органы опеки и попечительства. В г. Тюмени указанные уполномоченные органы крайне редко выходят в суд с такого рода исками, в том числе и в отношении родителей, уже совершивших преступления в отношении

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Рос. газ. 2009. 27 мая.

*** Сведения о результатах деятельности участковых уполномоченных полиции за 8 месяцев 2015 г.

детей. Поэтому есть такие семьи, в которых родители злоупотребляют алкоголем, не занимаются воспитанием детей или даже совершают в отношении их преступления (остающиеся латентными). Об этих семьях хорошо известно и участковому уполномоченному, и инспектору по делам несовершеннолетних, однако они не в силах что-либо изменить.

Конечно, такие семьи посещаются и участковыми уполномоченными полиции, которые проводят с родителями профилактические беседы, и инспекторами по делам несовершеннолетних, которые, помимо бесед, уполномочены составлять в отношении родителей административные протоколы по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ (если нет признаков преступления). Так, за 8 месяцев 2015 г. инспекторами ПДН отделов полиции N 1-8 УМВД России по г. Тюмени проведено 529 рейдовых мероприятий по проверке неблагополучных семей. В целях предупреждения семейного неблагополучия и безнадзорности несовершеннолетних с начала года инспекторами ПДН города Тюмени к административной ответственности привлечено 1 145 родителей, не исполняющих обязанности по содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних детей*. Однако, во-первых, санкция по данной статье – предупреждение или ничтожно малый штраф – от 100 до 500 рублей (на практике в большинстве случаев выносят предупреждение). А во-вторых, в жизни ребенка это фактически ничего не изменит. Он также останется в данной семье, будет жить в тех же самых условиях, поэтому чаще всего всей правды ребенок не расскажет сотруднику полиции, даже в отсутствие родителей. Исходя из практики, можем утверждать, что чем старше ребенок, тем меньше вероятность того, что он будет свидетельствовать против своих родителей.

Дополнительным негативным фактором является и то, что ответственность за несообщение о возможном преступлении в отношении несовершеннолетнего в семье, «за бездействие» для граждан в российском уголовном праве отсутствует. На наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о введении уголовной ответствен-

ности за укрывательство преступлений, совершенных в отношении детей.

В связи с этим интересно отметить, что в правовых системах зарубежных стран, причем не только европейских, такой состав уже давно присутствует. Например, в уголовном законе ЮАР имеется состав «Недонесение о преступлениях (правонарушениях) на сексуальной почве против детей» («Failure to report sexual offence against children»). Раздел 54 (1) Закона ЮАР о поправке N 32 от 2007 года предусматривает, что лицо, знающее о совершении преступления на сексуальной почве в отношении ребенка, должно незамедлительно сообщить об этом в полицию [6]. В российском уголовном законодательстве аналогичная специальная норма отсутствует. Согласно УК РФ наказывается только «заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений» (ст. 316 УК РФ). А в связи с тем, что российский законодатель не демонстрирует единого подхода к уголовно-правовой оценке преступного насилия в отношении несовершеннолетних, относя насильственные преступления против несовершеннолетних к различным категориям преступлений (от небольшой тяжести до особо тяжких), становится понятно, что далеко не каждое укрывательство преступлений в отношении несовершеннолетних является уголовно наказуемым. Еще в 2012 году Следственный комитет РФ выступал с инициативой о дополнении существующей ст. 316 УК РФ («Укрывательство преступлений») нормами, устанавливающими уголовную ответственность за укрывательство совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений [7], однако поправки так и не были приняты.

5. Сотрудники полиции не получают своевременно от медицинских организаций информацию, необходимую для эффективной организации служебной деятельности по противодействию семейному насилию над детьми.

В частности, даже если родитель, оказывающий отрицательное влияние на своего ребенка, уже состоит у инспектора по делам несовершеннолетних на профилактическом учете, узнать, имеет ли данный человек психическое заболевание (что может существенно повлиять на характер работы с семьей), сотрудник полиции не

* Сведения о результатах деятельности участковых уполномоченных полиции за 8 месяцев 2015 г.

сможет до тех пор, пока данный гражданин не совершит преступление и в отношении его не будет возбуждено уголовное дело. В иных случаях на запросы сотрудников тюменской полиции из Центра психического здоровья или Тюменской областной клинической психиатрической больницы приходят ответы-отказы со ссылкой на медицинскую тайну и ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»*. В связи с этим своевременно выявить психически нездорового родителя, определить степень его опасности для ребенка и для окружающих в целом сотрудник полиции не имеет возможности. В случае с нижегородским убийством, например, теперь уже важно, состоит ли на учете отец, обвиняемый в убийстве шестерых детей.

Кроме того, в России в настоящее время наркологическая медицинская помощь, в том числе все виды лечения для больных наркоманией и алкоголизмом, в соответствии с законами «О психиатрической помощи населению и правах граждан при ее оказании»** и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», осуществляется добровольно. На лечение требуется согласие самого пациента, кроме случаев, когда он совершил преступление. Принудительное лечение осуществляется только в качестве замены наказания за совершение преступления (принудительные меры медицинского характера), то есть пока родитель, злоупотребляющий алкоголем или употребляющий наркотики, не совершит преступление, в том числе в отношении своего ребенка, — на лечение против его воли сотрудник полиции отправить не имеет права, то есть превентивно законодательство в этой части также не работает. Все, что может сотрудник полиции в данном случае, — это направить соответствующую информацию в медицинские организации, ожидая реагирования. На наш взгляд, в законе необходимо установить перечень случаев, когда лечение от алко-

гольной или наркотической зависимости лица, имеющего несовершеннолетнего ребенка, будет возможно до совершения им противоправного деяния (преступления) и без его согласия — с согласия родственников либо по инициативе прокуратуры (в интересах детей). Также необходимо детально разработать механизм исполнения такого лечения.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что полномочия сотрудников полиции в области уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от насилия в семье, предоставленные законом, слишком ограничены и не позволяют им эффективно, а главное — превентивно, то есть до того, как случится самое страшное, — работать с такими семьями.

Исходя из изложенного выше предлагаем:

1. Внести изменения в ст. 20 УПК РФ, и если в семье имеется ребенок, то случаи применения семейного насилия (побоев), даже если били не ребенка, а его мать, отнести к категории дел публичного обвинения.

2. Сформировать круглосуточные службы экстренного реагирования в каждом городе Российской Федерации. Сотрудникам СЭР должны быть делегированы полномочия органов опеки и попечительства на экстренное изъятие детей в ситуации угрозы для жизни и здоровья. Для этого будет достаточно заключения договора между органами опеки и попечительства и центром социальной помощи семье и детям в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. N 423.

3. Предоставить сотрудникам полиции (которые, как и органы прокуратуры, наделенные законом данным правом, являются правоохранительными органами) право на инициирование процесса лишения родительских прав. Это потребует внесения изменений в Семейный кодекс РФ.

4. Реализовать на практике законодательную инициативу Следственного комитета РФ и дополнить существующую ст. 316 УК РФ («Укрывательство преступлений») нормами, устанавливающими уголовную ответственность граждан за укрывательство совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений.

* Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724.

** О психиатрической помощи населению и правах граждан при ее оказании: закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 г. N 3185-1 // ВСНД и ВС РФ. 1992. N 33. Ст. 1913.

5. Внести изменения в законы «О психиатрической помощи населению и правах граждан при ее оказании» и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которые обязали бы медицинские организации предоставлять сотрудникам полиции сведения о психическом здоровье состоящих на профилактическом учете в полиции граждан, имеющих несовершеннолетних детей. Кроме того, в этих же законах необходимо установить перечень случаев, когда лечение от алкогольной или наркотической зависимости лица, имеющего несовершеннолетних детей, будет возможно до совершения им противоправного деяния (преступления) и без его согласия.

Список литературы

1. Ганджи П. Исследование семейных факторов, влияющих на насилие над детьми со стороны родителей // Молодой ученый. 2013. N 7. С. 366-368.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.
3. Родители и дети. Насилие над детьми в семье // Российская газета. 2014. 28 июля.
4. Иванов А. Арестован подозреваемый в убийстве детей в Нижнем Новгороде // Российская газета. 2015. 6 авг.
5. Тюменский омбудсмен Галина Калюжная прокомментировала нашумевшую историю с изъятием малышек из семьи Шадриных // Комсомольская правда. 2015. 23 июня.
6. Snyman C. Criminal Law. Fifth Edition. Durban: LexisNexis, 2008. 625 p.
7. Следственный комитет РФ предлагает ввести уголовную ответственность за укрывательство насилия над детьми [Электронный ресурс] // Гарант: инф.-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/news/430505/> (дата обращения: 20 авг. 2015 г.).

References

1. Gandzhi P. *Issledovanie semeynykh faktorov, vliyayushchikh na nasilie nad det'mi so storony roditeley* [The research of the family factors affecting child abuse by parents]. *Molodoy uchenyy* – The young scientist, 2013, no. 7, pp. 366-368.
2. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [An overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1995. 640 p.
3. *Roditeli i deti. Nasilie nad det'mi v sem'e* [The Parents and the children. Violence against children in the family]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2014, 28 July.
4. Ivanov A. *Arestovan podozrevaemyy v ubiystve detey v Nizhnem Novgorode* [The suspect in the murder of children in Nizhny Novgorod is arrested]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2015, 6 August.
5. *Tyumenskiy ombudsmen Galina Kalyuzhnaya prokommentirovala nashu-mevshuyu istoriyu s iz'yatiem malyshey iz sem'i Shadrinykh* [Tyumen Ombudsman Kalyuzhnaya, Galina commented on our-mawsoo the story of the removal of children from Shadrin's family]. *Komsomol'skaya pravda* – Komsomol truth, 2015, 23 June.
6. Snyman C. Criminal Law. Fifth Edition. Durban: LexisNexis, 2008. 625 p.
7. *Sledstvennyy komitet RF predlagaet vvesti ugovolnuyu otvetstvennost' za ukryvatel'stvo nasiliya nad det'mi* [The investigative Committee of the Russian Federation proposes to introduce criminal liability for concealment of child abuse]. Available at: <http://www.garant.ru/news/430505/> (Accessed 20 August 2015).

Раздел 13. Обзоры, рецензии, критика

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
gerasimenko-omsk@mail.ru
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области,
644007, г. Омск, Чапаева, 111

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
gerasimenko-omsk@mail.ru
Commissioner for the Protection of Rights
of Entrepreneurs in the Omsk region,
Chapaeva St. 111, Omsk, 644007,
Russian Federation

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ
И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***

* Киричек Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 537 с.

Реферат. Оцениваются результаты диссертации, посвященной организационно-правовому механизму обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации. Вопросы обеспечения прав и свобод давно находятся в фокусе внимания, но актуальность поднятых проблем сохраняется при одновременном отсутствии их комплексного исследования. Критику вызывает недостаточная проработка вопросов деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод отдельных категорий населения (несовершеннолетних, иностранных граждан, беженцев, вынужденных переселенцев). Оценивается как нецелесообразное предложение о наделении российского омбудсмана полномочиями по осуществлению стратегического планирования в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Ставится под сомнение связь эффективной работы механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина с легальным закреплением соответствующих понятий и категорий (права и свободы, их реализация, обеспечение, охрана, защита). Дополнительной аргументации автора требует вопрос о соотношении местного самоуправления и гражданского общества, политических партий и гражданского общества. Скептически оценивается использование термина «герменевтика» применительно к организационно-правовому механизму обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях наличия более определенного понятия «толкование». Резюмируется, что диссертационное исследование на тему «Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации» соответствует предъявляемым требованиям, а его автор заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук.

Ключевые слова: организационно-правовой механизм; обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина; взаимодействие полиции и институтов гражданского общества.

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM TO ENSURE
CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN UNDER
CONDITIONS OF COOPERATION BETWEEN POLICE AND CIVIL SOCIETY
INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: DISSERTATION REVIEW**

Abstract. The results of the dissertation on organizational and legal mechanism of ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen under conditions of cooperation between police and civil society institutions in the Russian Federation are assessed. The problems of ensuring rights and freedoms are always considered as topical, though they are not fully studied. Insufficient elaboration of

the issues of police activities aimed at ensuring constitutional rights and freedoms of certain categories of people (minors, foreign citizens, refugees, forced migrants) is criticized. The proposal to empower the Russian ombudsman to carry out strategic planning in the field of ensuring rights and freedoms of man and citizen is regarded as unreasonable. Connection between the efficient functioning of the mechanism to ensure constitutional rights and freedoms of man and citizen and legal fixing of relevant concepts and categories (rights and freedoms, their exercising, ensuring, protecting) is doubted. The issue of the correlation between local government and civil society, as well between political parties and civil society requires additional argumentation. The use of term "hermeneutics" with regard to the organizational and legal mechanism of ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen instead of more definite concept "interpretation" is sceptically assessed. It is concluded that the dissertation on organizational and legal mechanism of ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen under conditions of cooperation between police and civil society institutions in the Russian Federation satisfies the requirements; its author deserves granting the degree of Doctor of Legal Sciences.

Keywords: organizational and legal mechanism; ensuring of constitutional rights and freedoms of man and citizen; cooperation between police and civil society institutions.

Нельзя не признать тот факт, что вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина уже давно находятся в фокусе внимания отечественной юридической науки. По этому направлению имеются разнообразные монографические труды. Вместе с тем актуальность исследованных в представленной диссертации проблем организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации не вызывает сомнений. И это обусловлено прежде всего тем, что заявленный теоретико-прикладной аспект в литературе рассматривался лишь фрагментарно и без учета тех политико-правовых изменений, которые произошли в жизни российского общества и государства.

Между тем отсутствие комплексных исследований данной проблематики весьма отрицательно сказывается как на развитии существующего механизма в целом и его организационно-правовых средств, так и на реализации всей системы конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также на формировании сотруднической модели взаимодействия полиции и существующих институтов гражданского общества.

Кроме того, в свете продолжающегося реформирования различных сфер общественной и государственной жизни, в том числе системы МВД России, требующего систематического изучения и комплексного анализа, отдельные работы в определенной мере утратили свою актуальность и практическую значимость, что, безусловно, подвигло автора на более

тщательную проработку темы диссертационного исследования.

Обосновывая актуальность темы диссертационного исследования, Е.В. Киричек правильно поставил перед собой цель, которая состоит в разработке современной авторской научной концепции организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, функционирующего в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества; обосновании способов разрешения наиболее существенных конституционно-правовых, теоретико-методологических и практических проблем с последующей выработкой конкретных рекомендаций по совершенствованию данного механизма, а также законодательства и правоприменительной практики органов публичной власти, в том числе полиции.

В основе диссертации лежит полноценный эмпирический материал: решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, иных судов общей юрисдикции, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, сборники нормативных документов и аналитических материалов, статистические данные, результаты социологических исследований, материалы практики деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, электронных и печатных средств массовой информации, парламентских слушаний, официальных интернет-сайтов российских и международных органов и организаций, научных и научно-практических конференций, форумов, се-

минаров и круглых столов, юридической практики зарубежных государств.

Структура диссертации логична и соответствует цели и задачам диссертационного исследования. Оно состоит из введения, пяти глав, включающих двадцать один параграф, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений. Всесторонний анализ диссертации Е.В. Киричека дает основание для заключения, что сформулированные в работе задачи отвечают всем требованиям постановки соответствующих организационно-правовых проблем и решены на высоком профессиональном уровне.

В первой главе соискатель провел комплексный анализ российского и зарубежного опыта формирования и развития концепции прав и свобод человека и гражданина и организационно-правового механизма их обеспечения, современных подходов к определению сущности конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях модернизации правовой системы России, особенностей их классификации, а также герменевтики организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Во второй главе исследованы понятие, признаки и структура организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, деятельность органов государственной власти в Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина, международно-правовые средства обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях интеграции России в мировое сообщество, а также проблемы и перспективы модернизации организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

В третьей главе Е.В. Киричек затронул весьма важные и интересные общетеоретические и практические проблемы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в деятельности полиции, определения ее места и роли в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и сво-

бод человека и гражданина в Российской Федерации.

Четвертая глава посвящена рассмотрению теоретических, правовых и организационных вопросов гражданского общества, месту его институтов в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

В пятой главе исследуются общетеоретические и практические проблемы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества при обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Рассматриваются перспективные цели, принципы, формы и основные доктринальные модели (сотрудническая, содействующая, патерналистская, воздействующая, индифферентно-конфронтационная, конфликтная) такого взаимодействия. Выделяются два направления оценки эффективности взаимодействия: 1) результативный, выражающийся в получении какого-либо конечного итога взаимодействия в виде, например, составленной резолюции (протокола) по итогам проведения совместных мероприятий (конференций, семинаров, совещаний и др.) и т.д.; 2) функциональный, под которым понимаются результаты (качественные и количественные), соответствующие своему истинному назначению, предъявляемым требованиям и объективным потребностям общества и выражающиеся в содержании и направленности взаимодействия.

Такой подход к оценке эффективности взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, учитывающий причинную связь интегративных свойств указанных субъектов, способен ориентировать их текущее функционирование соответственно целям реформирования современного общества и демократического правового государства. Только совершенное общество и государство смогут найти баланс интересов и выстроить действительно продуктивное взаимодействие. В противном случае любые критерии оценки такого взаимодействия будут носить характер всего лишь фикции.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования, делаются выводы и обобщения, излагаются перспективы дальнейших исследований,

предложения, обогащающие теорию проблематики, а также рекомендации по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Научная новизна диссертации Е.В. Киричека определяется авторским подходом к анализу теоретико-методологических и практических проблем функционирования организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации, что нашло свое подтверждение в положениях, выносимых на защиту. Именно они отражают результаты проведенной работы, отвечают целям и задачам, которые автор поставил перед собой в начале исследования, а также в достаточной мере аргументируются и обосновываются.

Со всей очевидностью можно заключить, что выносимые соискателем на защиту положения, выводы, предложения и рекомендации в своей совокупности предполагают их текущую и перспективную важность как для науки, так и для правозащитной и правоохранительной практики, которая открывает новые возможности для последующих исследований, в том числе прикладного характера, обогащают науку конституционного и муниципального права и могут способствовать совершенствованию законодательства, деятельности органов государственной власти и иных государственных органов, в том числе полиции, органов местного самоуправления, дальнейшему развитию теоретических представлений о гражданском обществе, организационно-правовом механизме, а также формированию партнерской модели взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Диссертация Е.В. Киричека является актуальной, самостоятельной, структурно обоснованной и концептуально законченной работой, содержащей новое знание о заявленном предмете исследования, а именно об организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Этот вывод подтверждается содержанием основных положений и идей рецензируемой диссертационной работы.

Диссертационное исследование Евгения Владимировича является оригинальной и самостоятельной работой, что объясняется: полученными научными результатами, а также достоверностью выводов и положений диссертации, обусловленной изучением и критическим осмыслением трудов отечественных и зарубежных ученых-юристов, в которых нашли отражение вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также практики правозащитной и правоохранительной деятельности органов публичной власти, в том числе полиции, функционирования институтов гражданского общества, что подтверждается достаточно высоким уровнем теоретического освещения соответствующих проблем, использованием методологии проведенного исследования и аудированием его результатов наукой и практикой.

Вместе с тем некоторые положения диссертации Е.В. Киричека являются спорными, а отдельные выводы и предложения автора требуют дополнительной аргументации и конкретизации, являясь при этом хорошей научной основой для конструктивной научной дискуссии.

1. Представляется, что в диссертационном исследовании недостаточно внимания уделено особенностям правового регулирования организации и деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод отдельных категорий населения — несовершеннолетних, иностранных граждан, беженцев, вынужденных переселенцев и т.д.

2. С учетом мировой и российской практики, общего предназначения и выполняемых функций считаем нецелесообразным предложение, сформулированное в положении 8, выносимом на защиту, о наделении Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации полномочиями по осуществлению стратегического планирования в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина посредством внесения изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

3. Для формирования эффективного организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина вряд ли

необходимо легальное закрепление таких понятий, как: «конституционные права и свободы человека и гражданина», «обеспечение прав и свобод», «реализация (осуществление) прав и свобод», «охрана прав и свобод», «защита прав и свобод», «признание прав и свобод», «соблюдение прав и свобод» (положение 12, выносимое на защиту).

4. Необходимым элементом гражданского общества является развитая система его институтов, с помощью которых составляющие их индивиды могут совместно решать возникшие проблемы, удовлетворять свои потребности и интересы во всех сферах жизнедеятельности общества, а также защищать свои права и свободы. Это независимые от государства объединения, способные оказывать влияние на государственные институты, предупреждая их безосновательное вмешательство в общественную жизнь. Вместе с тем много споров среди ученых и практиков вызывает вопрос о соотношении местного самоуправления и гражданского общества, политических партий и гражданского общества, что требует дополнительной аргументации автора на публичной защите.

5. В диссертации обосновывается авторский вывод о том, что герменевтика организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, являясь частью юридической герменевтики, заключается в его понимании, объяснении его смысла (сущности), заложенного либо за-

конодателем в текст нормативного правового акта, либо учеными-юристами в текст юридической литературы, а также его применении. Вместе с тем представляется методологически оправданным использовать устоявшееся понятие — «толкование».

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую высокую оценку подготовленной диссертации. Диссертация написана юридически грамотным языком, с соблюдением требований по оформлению текста, списка использованных источников и литературы, в работе отсутствуют неясности при изложении научно-теоретического материала.

Положения, выносимые автором на защиту, отражают новизну работы, обоснованны с научной и практической точки зрения.

Диссертационное исследование на тему «Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а автор — Киричек Евгений Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальностям: 12.00.11 — судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.